www.swolkov.narod.ru
Сайт историка Сергея Владимировича Волкова

С.В.ВОЛКОВ

СЛУЖИЛЫЕ СЛОИ НА ТРАДИЦИОННОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Организация государственного аппарата 14
1. Высшее управление 15
2. Центральный общегражданский аппарат 19
3. Дворцовое управление 31
4. Провинциальное управление 34
5. Армия 48
Глава II. Государственная служба 72
1. Чиновно-должностная система 72
2. Комплектование 81
3. Подготовка чиновников 104
4. Прохождение службы 110
5. Система оплаты 124
Глава III. Чиновничество как профессиональный слой 133
1. Внутренняя структура. Социально-профессиональные группы ... 133
2. Численность чиновничества 146
3. Правовая оформленность 149
4. Происхождение и проблема самовоспроизводства 155
Глава IV. Место служилых слоев в сословной структуре 167
1. Сословное деление дальневосточных обществ 167
2. Чиновничество как социальный слой 175
3. Чиновничество и аристократия 185
Заключение 203
Таблицы 209
Примечания 260
Библиография 292

Научное издание

Волков *Сергей Владимирович*

СЛУЖИЛЫЕ СЛОИ
НА ТРАДИЦИОННОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Утверждено к печати
редколлегией серии «Исследования по Корее»

Редактор *Н.Г.Михайлова*. Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*. Корректор *Н.Б.Осягина*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 30.12.99
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 19,8
Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 1000 экз. Изд. № 7842. Заказ № 11

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ООО «Пандора-1», 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

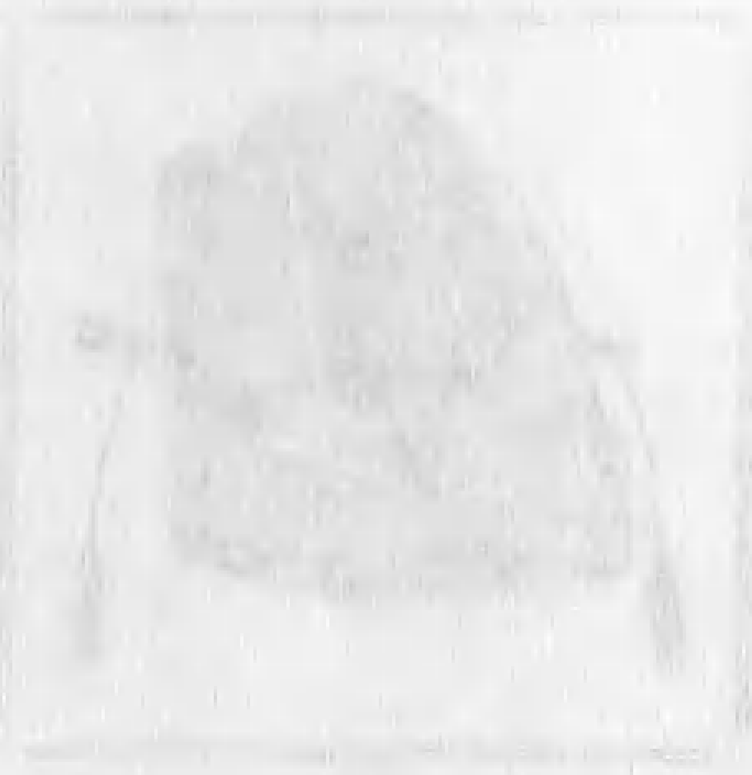
ISBN 5-02-018092-0

УДК 94/99 (100-87)
ББК 63.3(55)
В67

Приложение к серии «Исследования по Корее»

Книга издана при финансовой поддержке
Корейского фонда международного обмена
(Korea Foundation, Республика Корея)

Редактор издательства
Н.Г.МИХАЙЛОВА



Волков С.В.

В67 Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 312 с.

ISBN 5-02-018092-0

Традиционные общества Дальнего Востока обладают целым рядом сходных черт, обусловленных принадлежностью этих стран в той или иной степени к ареалу распространения китайской политической культуры. В книге рассматривается положение служилых слоев в традиционных обществах Дальнего Востока, особенности их статуса и внутренней организации по сравнению с обществами иного типа (европейскими, ближневосточными), делается попытка обобщить опыт организации государственного аппарата и государственной службы традиционной дальневосточной системы от древности до нового времени.

ББК 63.3(55)

© С.В.Волков, 1999
© Международный центр
кореееведения МГУ, 1999

ISBN 5-02-018092-0

**"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru**

ВВЕДЕНИЕ

Всякая государственность начинается с выделения субъекта власти, имеющего возможность осуществлять свою волю в отношении других членов общества независимо от мнения последних. Поскольку же в основе возникновения феномена власти лежит престиж (будь то сакральное начало или личные качества лидера — в любом случае носитель власти должен был обладать «лучшими», качественно отличающими его от других соплеменников свойствами), она аристократична по самой своей природе и происхождению. В первых государственных образованиях власть реализовывалась не на пути увеличения личного богатства, а на пути распоряжения богатством общественным — государственным. Общественная структура, выходящая из состояния первобытности, не знала иного принципа, кроме «богат тот, кто знатен». Соответственно устремления «пассионарных» индивидов были направлены в первую очередь не на накопление имущества, а на продвижение к высшим ступеням социальной иерархии[1]. Естественно, что первым разделением общества на страты было разделение по признаку отношения к власти — на причастный к власти слой управляющих и содержащих этот слой производителей. Именно неравенство статуса (выражаемое в праве на внешние проявления этого неравенства — виды украшений, одежды и т.д.) было первичным по отношению ко всякому другому. Последующая стратификация была производной от этого первичного деления на управляющих и управляемых и, по сути, представляла собой его детализацию.

Все традиционные общества (особенно средневековые), как правило, четко стратифицированы. Общественная стратификация обусловлена естественным неравенством людей по способности к выполнению тех или иных профессиональных функций, но формы ее зависят от того, каким образом и исходя из каких принципов данное общество распределяет своих членов по необходимым функциям. В индустриальном («массовом») обществе, где такое распределение совершается в сфере частных соглашений граждан при относительно небольшой роли государства, формальная стратификация обычно отсутствует (как потому, что формализация стратификации есть обычно прерогатива государства или власти в широком смысле этого слова, так и потому, что в ней нет особой необходимости). Общество делится на социальные слои в зависимости от реального экономического веса индивидуума или того места, которое он сумел занять в административно-политической структуре. В основе

1* "Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

выделения этих слоев обычно заложен размер получаемого дохода. Причем профессиональная или социальная принадлежность бывает более значимым фактором при оценке политического поведения индивидуума, особенно при нестандартных ситуациях, но в обычных условиях, как правило, наиболее весомым показателем для социального самоопределения человека и его престижа в обществе становится уровень его достатка.

Но этот тип общественного устройства появился сравнительно недавно и представляет собой в известном роде аномалию по отношению к положению, известному на протяжении нескольких тысячелетий человеческой истории. В обществах традиционных (существование которых и охватывает эти тысячелетия), где выполнение тех или иных социальных функций основано на определенных морально-этических представлениях и забота об их соблюдении ложится на плечи государства, выступающего гарантом данной культуры, стратификация носит регламентированный, формальный характер, так как в зависимости от понятий этой культуры определяются, во-первых, иерархия самих социально-профессиональных групп, а во-вторых, требования, предъявляемые к членам каждой из них. Причем под требованиями не обязательно подразумевают практическую профессиональную пригодность — самоценным в таких обществах признаются происхождение или иные не зависящие от индивидуума данные.

Устройство государственного организма определяет и форму организации элиты[2]; можно выделить по меньшей мере шесть основных типов ее организации: европейский, мусульманский, дальневосточный, индийский (кастовый), примитивный и этнический. Для дальневосточной цивилизации характерна нерасчлененность элиты. Если, например, европейские элиты в развитом виде расчленены, более или менее четко фиксированы и могут быть сравнительно мало связаны между собой, а мусульманские хотя и уравнены перед лицом власти, но внутренне также расчленены, то элита дальневосточного типа воплощена в фигуре чиновника (военные — лишь его разновидность), соединяющего в своем лице и власть, и духовно-жреческие функции, и образованность, и материальную обеспеченность.

Как уже говорилось выше, в основе возникновения самого феномена власти лежит аристократическое начало, но с развитием государственности в основу общественного устройства (и соответственно социальной иерархии) бывает обычно положен один из двух общих принципов, условно могущих быть названными аристократическим и бюрократическим. Первый из них при определении социального статуса человека предполагает выдвижение на первый план «природных», изначально присущих человеку качеств, прежде всего происхождение, второй — положение данного лица в государственной служебной иерархии, достигаемое независимо от ка-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ких бы то ни было иных факторов. Существует вообще-то и третий принцип — условно говоря, плутократический (когда на положение человека в системе общества и власти влияют прежде всего имущественные факторы), но он практически никогда не превалировал в традиционных обществах и выходит на первый план только с их деформацией[3].

Наиболее типичной формой социальной стратификации в традиционных обществах являются сословия. Сословное деление — один из основных атрибутов традиционного общества: эти общества всегда делятся на группы, обладающие некоторой совокупностью закрепленных законом прав и обязанностей. Поскольку существование сословий связано с признанием их государственной властью, статус каждого сословия обычно зависит от близости к источнику власти и от оценки ею значимости данного сословия. Поэтому закономерно, что высшим сословием в любом государстве почти всегда является служилое сословие. Чисто теократических обществ (где высшее сословие, естественно, жреческое) немного. В обществах, где сильно влияние иерархически организованной церкви, если формально первым и считается духовное сословие, то это носит, как правило, уважительно-декларативный характер и не сказывается на его реальной значимости. Характерным примером тому может служить Франция, где духовенство, официально считаясь «первым сословием», пополнялось, как правило, младшими сыновьями из дворянских семей. Обратим внимание и на то обстоятельство, что в данном случае первенствующий статус духовного сословия был возможен только потому, что оно в принципе не могло, как другие сословия, самовоспроизводиться (по причине целибата католического духовенства) и ведущую роль в его иерархии играли представители того же дворянства. В противном случае, как свидетельствует практика православных и протестантских стран, на первом месте всегда стоит служилое сословие. В ряде случаев еще более высоким статусом, чем служилое сословие, могут обладать такие специфические группы, как родственники правящего дома или ограниченный круг высшей наследственной аристократии, но они, как правило, во-первых, относительно малочисленны, а во-вторых (что очень характерно и показательно), обычно оформлены как верхний слой служилого сословия.

Наличие в обществе лиц, профессионально занятых государственной службой, имеет не только важнейшее значение для функционирования общества, но и оказывает существенное влияние на их положение в обществе. Основные аспекты характеристики этих служилых слоев следующие: 1) место в социально-статусной иерархии общества (составляют высшее сословие, группы внутри сословия, занимают второе или еще более скромное место в иерархии); 2) внутренняя организация (составляют единое сословие, разбиты на несколько сословий, являются профессиональными группами

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

вне основных сословий, социально оформлена только их часть и т.д.); 3) формальные признаки (чиновно-ранговая система, форма и т.д.); 4) принципы комплектования (наследственные, ненаследственные, смешанные); 5) сравнительное положение военного и гражданского элементов (приоритет одного из них, одинаковый статус, нерасчлененность); 6) связь с землевладением и вообще собственностью (обязательна, возможна, исключена).

В настоящей книге рассматривается положение служилых слоев в традиционных обществах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, особенности их статуса и внутренней организации по сравнению с обществами иного типа, делается попытка обобщить опыт организации государственного аппарата и государственной службы традиционной дальневосточной системы. Традиционные общества Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии обладают рядом сходных черт, обусловленных принадлежностью этих стран в той или иной степени к ареалу распространения китайской политической культуры. Наиболее характерные черты этой общности состоят именно в способах организации государственной службы и положении чиновничества в социальной системе общества. Сходство в этой области является как бы индикатором, показывающим, насколько полно данное общество приобщено к китайской политической культуре; отличие же свидетельствует о том, что это общество либо развивалось по другому пути, вне китайского влияния (или испытывало таковое в слабой степени), либо имело еще примитивную организацию. Проблематика книги имеет, таким образом, как бы два аспекта: 1) вычленение черт, характеризующих систему государственной организации, свойственных дальневосточной цивилизации и отличающих ее в целом от других, и 2) определение степени близости к ее идеальному варианту конкретных режимов стран региона.

По степени близости к китайским образцам страны региона можно очень условно разделить на несколько групп. В первую группу входят страны, модель государственного управления которых прямо ориентировалась на китайский стандарт, эволюционировала к нему или непосредственно принадлежала к сфере китайской политической культуры: Корея, Япония VII–VIII вв., Вьетнам, тангутское государство Си Ся, киданьское государство Ляо, чжурчжэньское государство Цзинь, а также Бохай и Наньчжао.

Ко второй группе следует отнести государства Индокитая, подверженные китайскому влиянию в меньшей степени или имевшие собственные относительно развитые чиновные системы, но с несколько иным соотношением между различными группами служилых слоев. Это прежде всего Сиам (он наиболее близок к странам традиционной дальневосточной системы), заимствовавшие сиамскую систему Лансанг (конец XIV — конец XVII в.) и постангкорское королевство Камбоджа, а также государство Конбаунов (с 1752 г.) в Бирме. К третьей группе относятся государства патриархального

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

характера со слаборазвитой и примитивной чиновной структурой: яванские государства, Паган и Ангкорская империя. Все страны Индокитая второй и третьей групп характеризовались преобладающей ролью государства в формировании социальной структуры, и основу социальной иерархии там составляла иерархия должностная[4], но уровень организации государственной власти в этих странах существенно различался.

Малайские государства выпадают из этой классификации, цивилизационно относясь к мусульманскому миру и более походя на общества Ближнего и Среднего Востока[5]. Совершенно самостоятельным типом государственности является государственность кочевого типа, распространенная на севере дальневосточного региона; в ряде случаев (китайские государства периода Южных и Северных династий, Ляо, Цзинь) государственность китайского типа возникла на первоначальной базе именно этого типа государственности[6].

Цивилизационно к дальневосточному типу относятся страны первой группы, хотя все они различны по историческим судьбам, культуре и характеру отношений с китайскими империями. Империи Ляо и Цзинь занимали значительную часть собственно Китая и были по отношению к нему наступающей стороной, а не жертвой его экспансии, и в данном случае победители добровольно перенимали обычаи побежденных. Вьетнам, с одной стороны, целое тысячелетие находился под непосредственным господством китайских империй, но с другой — после достижения независимости отношения с ними были, как правило, враждебными. Корея, напротив, никогда (со времени образования непрерывной государственности) не входила в состав китайских империй, но с середины VII в. и до начала XX в. находилась в состоянии добровольного вассалитета и не только никогда не воевала с Китаем, но ее правящая и культурная элита всегда руководствовалась принципом «садэчжуи» (служение старшему). Япония же развивалась вообще вне прямого контакта с Китаем (опосредованно такой контакт осуществлялся через корейские государства), и заимствование здесь китайской политической культуры никак не зависело от воли и влияния китайских империй (почему не в последнюю очередь и оказалось недолговечным). Тем более интересно, что в культурах Вьетнама, Кореи и Японии (при практически полном отсутствии контактов вьетнамцев с корейцами и японцами) прослеживается ряд сходных черт, не связанных с китайским влиянием (вопрос о чем был недавно поставлен Д.В.Деопиком, который предположил, что именно древнее базовое сходство этих культур обусловило сходный набор заимствований из китайской[7]).

Следует уточнить, какая конкретно государственность сопредельных с Китаем стран попадает в поле зрения при рассмотрении комплекса государственного устройства и положения служилых

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

слоев традиционной дальневосточной системы. В принципе резкой черты между примитивными формами государственности и ее развитым этапом провести нельзя, геополитически всякая государственность существует с того времени, когда появляется определенный властный субъект, независимо от других себе подобных контролирующий определенную населенную территорию (в зарубежной историографии для обозначения ранних форм государственности распространен термин «чифдом», который у нас особенно активно отстаивается Л.С.Васильевым[8]). Однако говорить о сходствах и различиях строения государственного аппарата и положения служилых слоев имеет смысл только тогда, когда все это достаточно развито и обрело сколько-нибудь устоявшиеся формы (и, разумеется, тогда, когда о нем имеются достоверные сведения).

Что касается Кореи, то ее непрерывная государственность прослеживается с рубежа нашей эры, когда на Корейском полуострове появляются три государства: Силла (57 г. до н.э.), Когурё (37 г. до н.э.) и Пэкче (18 г. до н.э.). Но о существовании в них детализированной государственной иерархии можно говорить, видимо, не ранее III в. Из трех государств Когурё было традиционно враждебно Китаю, ведя с ним частые войны, Пэкче имело наиболее тесные связи с Японией, а Силла ориентировалось на Китай. В 661–668 гг., после нескольких столетий борьбы за гегемонию на полуострове, Силла с помощью китайцев разгромило Пэкче и Когурё и объединило полуостров под своей властью. После войны 670–676 гг. Силла заставило китайцев признать за собой территорию Пэкче и часть территории Когурё, и с этого времени объединенная Корея всегда поддерживала дружественные отношения с китайскими империями, признавая вассальную от них зависимость. В самом конце IX в. (892 г.) от Объединенного Силла откололось государство Хубэкче, а в 901 г. — Маджин (позднее — Тхэбон). Последнее с 918 г. именовалось Корё и в 935–936 гг. вновь объединило полуостров. В 1392 г. к власти пришла династия Ли, которая правила в Корее до японской аннексии 1910 г. Но традиционная социальная и государственная система Кореи была сломана несколько раньше — в ходе реформ 1894–1895 гг., проведенных под руководством японцев во время успешной для них японо-китайской войны. Это и есть рубеж принадлежности Кореи к традиционной дальневосточной системе.

О государственном аппарате Когурё почти ничего конкретного не известно, хотя о социальной структуре, чиновной иерархии и военной организации судить можно. Соответствующие реалии Пэкче известны хорошо, хотя и без особой детализации. Государственный аппарат этого государства сложился к IV в. (известен уже по «Бэй ши»). В Силла отраслевая система центрального аппарата государственного управления активно формировалась с начала VI в. (военная и территориальная — несколько раньше) и окончательно сложилась в середине VII в. с объединением полуострова. Устройство

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

государственного аппарата Силла известно не хуже, чем большинства китайских династий (его описание занимает 3 цзюаня). То же самое можно сказать о периодах Корё и династии Ли.

Вьетнам со II в. до н.э. до 939 г. находился под властью китайских династий. Поэтому говорить о его государственном устройстве в интересующем нас плане можно только после этого времени. В отличие от Кореи, знавшей на протяжении двух тысячелетий непрерывной истории своей государственности (Силла — Корё — династия Ли) только 3 династии, для Вьетнама характерна относительно частая их смена. До 1009 г. правили династии Нго, Динь и Ранняя Ле, затем до 1225 г. — династия Ли, в 1225–1400 гг. — династия Чан. После недолгого правления династии Хо Вьетнам в 1407–1427 гг. вновь находился под властью минского Китая. Затем установилась вторая относительно длительная династия — Ле (1428–1789), причем с 1527 г. она существовала лишь номинально, а в стране правили династии Маков (затем Чиней) на севере и Нгуенов на юге. После недолгого правления Тэйшонов в 1802 г. установилась власть последней династии — Нгуенов (формально правила до 1945 г.), при которой Вьетнам был захвачен Францией, что и знаменовало конец его традиционной истории. Интересующие нас сведения по первым династиям скудны и отрывочны. В деталях устройство государственного аппарата известно лишь с XV в., когда он в наибольшей степени соответствовал китайскому. В дальнейшем он формально не претерпел существенных изменений. Хотя в XVI–XVIII вв. реальная власть в стране находилась в руках правителей *тюа*, опиравшихся на военные круги, военные правители демонстрировали курс на сохранение и восстановление административных форм «доброго старого времени», и образцом для подражания оставалась система второй половины XV в. (при подчиненной роли гражданской администрации и не было практической необходимости вносить принципиальные изменения в ее систему), так что в системах как военной, так и гражданской администрации новое содержание маскировалось прежней должностной структурой и терминологией[9].

В Японии государственность того типа, о котором идет речь, существовала сравнительно непродолжительное время. Она была создана в ходе реформ Тайка (645–646) и просуществовала до конца VIII — начала IX в. (все интересующие нас ее аспекты подробно изложены в своде законов «Тайхорё», 702 г.). В дальнейшем Япония, как известно, существенно отличалась от других стран дальневосточного ареала как по государственному устройству, так и по социальной структуре, хотя отдельные элементы, свойственные традиционной дальневосточной системе, сохранились там вплоть до второй половины XIX в., когда страна претерпела общую модернизацию в европейском духе.

Киданьская империя Ляо (созданная в 916 г. и павшая под ударами чжурчжэней в 1125 г.) и чжурчжэньская империя Цзинь (1115–

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

1234), завоевавшие значительную часть Китая, применяли первое время дуалистическую систему управления: для киданей и чжурчжэней — одну, для китайцев — другую (китайского образца), но затем ее сменила (в Цзинь в 1133–1138 гг.) единая система государственного управления китайского образца. В тангутском государстве Си Ся (созданном в конце X в. и уничтоженном монголами в 1227 г.) государственный аппарат китайского типа был создан в 1033–1039 гг. Сравнительно менее китаизированными были существовавшее в 698–926 гг. в Маньчжурии и Приморье государство Бохай (с населением из тунгусоязычных племен мохэ, но во главе с правителями когурёского происхождения) и существовавшее в 653–902 гг. на территории современной провинции Юньнань государство Наньчжао, однако их государственная система (в Бохае создана в 737 г., в Наньчжао, очевидно, в середине VIII в.) также имела ряд общих для традиционной дальневосточной системы черт.

Признаки, характеризующие ту или иную систему организации служилых слоев в странах Дальнего Востока, разделяются на две группы: 1) то, что могло прямо и неизбежно заимствоваться вне конкретной традиции и местных условий (организация государственного аппарата, территориального управления и армии, ранговая система, способ комплектования государственного аппарата, правила прохождения службы, формы материального обеспечения чиновников); и 2) то, что при всем желании в принципе не могло заимствоваться, ибо целиком определялось местными условиями (социальная структура общества и набор социальных групп, численность и доля в населении, происхождение, статус, политическая роль, проблема самовоспроизводства, сравнительное положение военных и гражданских чиновников). Что же касается масштабов сходства с китайской моделью государственных систем сопредельных стран, то тут можно выделить три степени приближения: 1) копирование полное или с небольшими и непринципиальными отступлениями; 2) неполное копирование с различным количественным набором учреждений китайского типа; 3) существование лишь функциональных аналогов китайских учреждений (менее половины прямого сходства).

Китайская система организации государственной службы зародилась в глубокой древности и, сохраняя свои основные черты, видоизменялась на протяжении более чем двух тысячелетий. Одни ее элементы со временем усиливались, другие отмирали, наконец, появлялись совершенно новые. Наряду с существованием по меньшей мере шести основных конкретных собственно китайских образцов (ханьский, танский, сунский, юаньский, минский и цинский) в сопредельных странах были созданы свои системы государственной службы, как правило, в русле китайской традиции и по образцу современной им китайской династии, но обладавшие рядом национальных особенностей, со временем развивавшихся и видоизме-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

нявшихся. При этом существовавшие одновременно системы государственной службы Китая и какой-либо соседней страны чаще более походили друг на друга, чем каждая из них на систему государственной службы собственной страны в прошлом или будущем.

Сопредельные с Китаем страны, входившие в ареал распространения китайской политической культуры, внесли, таким образом, свой вклад в эту культуру. Поэтому культура, о которой идет речь, может быть охарактеризована не как культура, существовавшая только в Китае, а как китайская по происхождению региональная культура — явление того же порядка, что, скажем, мусульманско-ближневосточная или европейско-христианская культуры. Следовательно, различные образцы социальной организации служилых слоев и государственной службы, существовавшие в свое время в Китае и странах ареала распространения китайской политической культуры, с точки зрения ее основных закономерностей и выделения наиболее типичных черт — явления однопорядковые.

Классическим (т.е. наиболее полно выражающим присущие ей черты) образцом китайско-дальневосточной модели организации государственного аппарата можно считать танско-сунский. Не только потому, что именно в это время были разработаны теоретические модели государственной службы, не только потому, что семь столетий его существования — период более продолжительный, чем время существования любой другой, в той или иной мере отличной от него системы, но и в силу того центрального места, которое он занимает в истории существования традиционной государственности в Китае. Это время наивысшего развития государственного аппарата, так как в древности его система была нерасчлененной и слабо проработанной, а танское общество, выросшее из Троецарствия и противостояния Север—Юг, дало тщательно разработанный блестящий образец государственного аппарата великой мировой державы, частично усовершенствованный и доведенный до предела торжества бюрократического принципа в сунское время. Последующие же формы были несколько изменены под влиянием чуждых культур, а по инерции сохранились в Мин и Цин.

В странах дальневосточной цивилизации письменной фиксации исторических событий и реалий придавалось огромное значение, благодаря чему массив фактических сведений по их истории количественно обычно значительно превышает таковой для стран других регионов. Жанр «династийных историй» (составлявшихся при каждой династии об истории предшествующей) предполагал наличие в них специальных тематических описаний, в числе которых фигурировало и описание административной структуры. Исторические сочинения этого жанра составлялись не только в самом Китае, но и в сопредельных странах. Поэтому в распоряжении историка находится весьма значительный объем информации на эту тему, к тому же отчасти систематизированной, что позволяет составить доста-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

точно полное представление о предмете. Что касается собственно Китая, то описания административной структуры имеются в историях всех основных династий начиная с VI в. и некоторых более ранних. Таковые содержатся в «Хоу Хань шу» (5 цзюаней), «Цзинь шу» (1 цзюань), «Сун шу» (2 цзюаня), «Нань Ци шу» (1 цзюань), «Суй шу» (3 цзюаня), «Тан шу» (3 цзюаня), «Синь Тан шу» (5 цзюаней), «Сун ши» (12 цзюаней), «Юань ши» (5 цзюаней), «Мин ши» (5 цзюаней) и «Цин ши гао» (6 цзюаней). Династийные истории были составлены также для киданьской империи Ляо («Ляо ши») и чжурчжэньской Цзинь («Цзинь ши»). Такие же описания содержатся в корейских династийных историях «Самгук саги» (3 цзюаня) и «Корё са» (2 цзюаня), охватывающих историю страны с древности до конца XIV в. (административная система последующей династии — Ли, правившей до начала XX в., хорошо известна по энциклопедиям и общеисторическим трудам той эпохи). Соответствующие сведения по Японии (периода, когда она входила в число стран, принадлежащих к сфере распространения китайской политической культуры) сосредоточены в своде законов «Тайхорё». Кроме того, сведения по структуре государственного аппарата и положению служилых слоев содержатся и в других, кроме тематических описаний, частях династийных историй, а также в исторических сочинениях иного жанра как Китая, так и сопредельных стран.

Типологического изучения положения служилых слоев традиционного Дальнего Востока в сопоставлении с аналогичными слоями иных цивилизаций, насколько мне известно, не предпринималось. Во всяком случае, сколько-нибудь подробных исследований, ставящих именно такую задачу, никогда не проводилось. По-видимому, это связано с тем, что специалисты, занимающиеся такими специфическими вопросами, как организация государственного аппарата и чиновничества, обычно не выходят за пределы истории конкретной страны и слабо представляют себе соответствующие реалии других стран (тем более принадлежащих к иной культурной традиции), а авторы, склонные к обобщающим и сравнительным исследованиям на уровне цивилизационного подхода, вообще плохо владеют конкретным материалом, тем более в областях исторического знания, считающихся «узкими» и не очень популярными.

Работы по проблемам, связанным с организацией государственной службы, структурой государственного аппарата и положением чиновничества в странах Дальнего Востока, можно разделить на четыре группы: обобщающие работы, специальные монографические исследования, охватывающие отдельные периоды истории Китая и некоторых сопредельных стран, главы или разделы в монографиях, посвященных описанию дальневосточных государств, статьи по тем или иным частным вопросам этой тематики. Следует заметить, что исследователи самих стран дальневосточного региона внесли огромный вклад в публикацию источников, однако наибо-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лее ценные и интересные работы аналитического характера принадлежат западным и японским ученым. Из числа значительных трудов по отдельным странам и эпохам можно выделить работы С.Аоямы, Е.Балаша, Г.Биленстайна, Ван Яньаня, К.Виттфогеля, Д.Джонсона, Е.Кавакацу, Е.Кракке, М.Лёве, Р.Марша, А.Масперо, Т.Миками, Р.Миллера, Т.Номуры, С.Оти, Се Паочао, Д.Твитчетта, С.Уэды, Фэй Сяотуна, Д.Фэйрбэнка и Тен Цзую, С.Фукуи, Ч.Хакера, С.Хаякавы, Хо Пинти, Чжан Чжунли, Чжу Тунцзу, Чхве Ёнхо, В.Эберхарда, Т.Яно, Янь Гэнвана.

В отечественной науке советского периода изучение элитных (служилых) слоев общества по идеологическим причинам занимало весьма скромное место. Достаточно сказать, что до настоящего времени было опубликовано всего две книги, специально посвященные высшим сословиям стран дальневосточного региона. Соответственно и круг авторов, занимающихся этими проблемами, весьма узок, а их труды представлены почти исключительно разделами в общих трудах по истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и отдельными статьями. Вопросы, связанные с организацией государственной службы, структурой государственного аппарата и положением чиновничества в Китае, затрагивали А.А.Бокщанин[10], Л.А.Боровкова, К.В.Васильев, Л.С.Васильев, Е.И.Кычанов, З.Г.Лапина, В.В.Малявин, В.М.Рыбаков, Н.И.Тяпкина, в Корее — С.В.Волков, в Японии — М.В.Грачев и М.В.Воробьев, во Вьетнаме — В.И.Антощенко, Д.В.Деопик, А.Л.Рябинин и А.Л.Федорин, однако из этих исследователей только для В.И.Антощенко, С.В.Волкова, М.В.Грачева и В.М.Рыбакова тема изучения служилых слоев является основной.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ГЛАВА I

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Всякое чиновничество формируется на основе государственного аппарата. Именно структура государственного аппарата определяет численность чиновничества и во многом также его положение в обществе. Принципы организации государственного аппарата служат также надежным показателем близости государственных систем разных стран. Заимствование этих принципов у соседей — вещь обычная и чрезвычайно распространенная. В тех же случаях, когда имеется, с одной стороны, государственность складывающаяся или стоящая перед необходимостью коренных реформ, а с другой — государственность не только развитая, но и безусловно лидирующая в регионе по своему политическому и культурному влиянию, такое заимствование почти всегда неизбежно и обязательно, ибо никто не станет «изобретать велосипед», имея перед глазами готовый (и весьма впечатляющий) образец, эффективность которого к тому же прошла проверку временем. Таким образцом для всех стран дальневосточного региона в раннее средневековье (к VI–VII вв.) был, естественно, китайский. История складывания государственного аппарата в Китае в общем хорошо известна. Его «нормативная» модель (выделяемая по вычленению основных «классических» черт), характеризующая дальневосточную цивилизацию как некоторое единство, отличное в этом плане от других, достаточно устойчива. Наиболее полно она представлена в самом Китае в танско-сунский период и, что особенно существенно, именно в это время (V–XIII вв.) и в этом виде заимствовалась сопредельными странами — абсолютно всеми странами региона, которые здесь выделяются как принадлежащие к традиционной дальневосточной системе. Однако полного тождества между государственными системами этого типа никогда не существовало, поэтому далее, стремясь по возможности более компактно описать структуру дальневосточного государственного аппарата[11], я считаю необходимым оговаривать как собственно китайские вариации более раннего или позднего по сравнению с классическим времени, так и особенности государственного аппарата других стран дальневосточного региона[12].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

1. Высшее управление

Верховное управление в традиционной дальневосточной системе осуществлялось непосредственно императором при помощи его ближайших помощников либо особых (часто коллегиальных) органов. Высшие органы, стоящие над центральным аппаратом, были в наибольшей степени подвержены изменениям в самом Китае и демонстрируют наибольшую же степень оригинальности в сопредельных с ним странах.

Традиционно высшими должностями считались учрежденные еще в Цинь **Три Князя и Три Наставника** (типичные наименования должностей Трех Князей — *тайвэй*, *сыту*, *сыкун*, Трех Наставников — *тайши, тайбао, тайфу*), однако в классический период они не несли определенных административных функций и часто оставались вакантными. В период Южных и Северных династий набор наименований их должностей сильно различался, в Северном Вэй были даже Восемь Князей. Хотя они редко исполняли реальные функции, обычно в период Южных и Северных династий они имели большие аппараты, делившиеся на отделы *цао*. Эти должности существовали и в Ляо, и в Цзинь.

В древности (Цинь—Хань), однако, Три Князя, т.е. Главный канцлер *чэнсян* (в Цинь были Левый и Правый канцлеры; в 1 г. до н.э. — 52 г. н.э. он назывался Великий министр образования *дасыту*, потом Министр образования *сыту*) — глава администрации, Главный защитник *тайвэй* (119 г. до н.э. — 51 г. н.э. — Главнокомандующий *дасыма*), ведавший военными делами, и Главный цензор *юйши дафу* (8 г. до н.э. — 51 г. н.э. — Великий министр работ *дасыкун*, потом Министр работ *сыкун*) — главный помощник Главного канцлера и обычно его наследник[13], играли (особенно Главный канцлер) действительно главную роль. С 8 г. до н.э. они стали Верховными Советниками (*сянами* или *цзайсянами*), причем главным из них становится Главнокомандующий. В еще более ранний период — Чжоу верховное управление осуществлялось императором при помощи совета старейшин *чжанлао*, состоящего из Трех Князей (Главный наставник *тайши*, Главный воспитатель *тайфу* и Главный страж *тайбао*) и Трех Отшельников (Младший наставник *шаоши*, Младший воспитатель *шаофу* и Младший страж *шаобао*).

В Юань Три Наставника были представлены должностями по образцу Чжоу (Главные наставник, воспитатель и страж), кроме того, были Главный защитник *тайвэй*, Великий министр образования *дасыту* и Министр образования *сыту*. Эти посты часто оставались вакантны и не всегда имели свои конторы *фу*. В Мин и Цин Три Князя и Три Отшельника полностью соответствовали чжоускому образцу, но были номинальными. В Ляо помимо Трех Князей и Трех Наставников в китайской («южной») администрации, в администрации ки-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

даньской («северной») существовали должности (полупочетные) Великого советника *даююэ* и Советника, а также еще 2 Великих советников *цзайсянов*, 2 Великих принцев *даванов* и 2 комиссаров дворцовых церемоний *сюаньхуйши*. «Северная» администрация включала также Великого члена клана *датхиинь*, племенного судью *илиби*, ритуалиста *тилемату* и других лиц. В Цзинь должности Трех Князей и Трех Наставников соответствовали классическому образцу.

В Японии в 645 г. также были созданы должности трех министров (*дайдзин*), а в 671 г. впервые упоминаются три советника (*нагон* или *гёсю*), которые, вместе взятые, не позже 686 г. образовали Государственный Совет (*Дадзёкан*)[14]. В Корее должности Трех Князей и Трех Наставников (*тхэви, садо, сагон; тхэса, тхэбу, тхэбо*), полностью аналогичные китайским, существовали в период Корё до 1275 г. и в 1356–1361 гг. Во Вьетнаме они с XV в. именовались по минскому образцу *тхайши, тхайфо, тхайбао* (ранг 1а) и *тхиеуши, тхиеуфо, тхиеубао* (ранг 2а), а в начале XVI в. к первым трем были добавлены *тхайте* (перед *тхайши*) и *тхайуе* (сразу после него).

Несмотря на частую эфемерность этих высших должностей, наличие их представляет собой одну из характернейших черт государственного аппарата традиционной дальневосточной системы и служит индикатором приверженности ее принципам.

Реальные функции высшего управления в традиционной дальневосточной системе принадлежали особым органам, названия, структура и даже сущность которых сильно различались в разное время в разных странах. Во-первых, такой высший орган управления мог представлять собой учреждение сущностно разного рода, во-вторых, таких органов могло быть несколько и они существовали независимо друг от друга. В одних случаях это был совет высших чиновников (как имеющий собственные штаты, так и без таковых), в классической модели известный как Верховный Совет, в других — регулярный орган типа «суперминистерства» — Государственный Совет, в третьих — его функции переходили к одной из высших палат (см. ниже) центрального аппарата.

Верховный Совет (с танского времени) был высшим совещательным коллегиальным органом, в который по должности или по назначению входил ряд высших чиновников. В Тан по должности Верховными Советниками — членами Верховного Совета *цзайсянами* были директора и их заместители трех высших палат (см.ниже). Они ежедневно собирались на императорские совещания. Место совещания — Административная палата (*Чжэншитан*) была сначала частью палаты Мэнься, но вскоре перешла в юрисдикцию палаты Чжуншу, а в начале VIII в. палаты Мэнься и Чжуншу слились и Административная палата стала делиться на 5 отделов *фан*: чинов, контроля, военный, налоговый и юстиции и церемоний. В работе Верховного Совета принимали участие также Три Князя и Три Наставника, а также некоторые другие высшие чиновники. В Сун, как пра-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

вило, было 2 *цзайсяна* и несколько вице- или младших *цзайсянов* (*фусян* или *шаосян*), всего 5–9 чел. — обычно, как и в Тан, носивших звания директоров и заместителей 3 высших палат. Обеспечение деятельности Верховного Совета возлагалось на ряд контор и специалистов *чжичжигао* (которые числились в палате Чжуншу и были известны как «внешние» — *вэйши*) или членов Академии Ханьлинь, прикомандированных академиков («внутренние» — *нэйши*). Верховный Совет, подобный сунскому, существовал и в Си Ся и также возглавлялся *цзайсяном* или *госяном* (известным уже в XI в.). В Ляо и Цзинь существование его сомнительно (хотя соответствующие должности имелись, а в Цзинь в 1125–1130 гг. существовал Верховный военный совет). В Юань, Мин и Цин Верховного Совета не существовало.

В древности (Цинь–Хань) высшим органом было Управление Главного канцлера *Чэнсянфу*, насчитывавшее до 300 назначаемых им чиновников *юань, ши, шу*: в т.ч. 2 помощника канцлера (*чжанши* или *мишучжан*) и 5 секретарей (*шичжун* или *мишу*) во главе с *пуе*.

В Юань высшим органом стала палата Чжуншу (см. ниже), а в Мин в первой трети XV в. вместо нее создан *Нэйгэ* — Верховный Секретариат или Внутридворцовая канцелярия (обычно 3–4 Верховных секретаря *дасюэши*, т.е. главный помощник *шоуфу*, второй помощник *цыфу* и помощники *цюнфу*), но официально этого органа не было до конца XVI в. и его члены именовались по своим формальным постам (Главный воспитатель, министр церемоний и т.д.). Это был чисто вспомогательный орган (не руководивший министерствами), гораздо менее влиятельный, чем Верховный Совет классического периода, его члены воспринимались не столько как верхушка регулярного чиновничества, сколько как подобие евнухов (такой же орган — *Нойкак* в это время существовал во Вьетнаме, постоянного штата у него не было, а право заседать там имели лица со званием советника *нойкак фута*, в т.ч. евнухи[15]). Кроме того, так называемые «Девять *цинов*» (так в Мин именовались главы 6 министерств, цензората, Управления судебного надзора и Бюро передач) регулярно созывались на совет *хуйи*. В Цин среди *дасюэши* было 2 маньчжура и 2 китайца, каждый из которых одновременно возглавлял и одно из министерств. Верховный Секретариат Цин (положение и вес которого близко к подобному органу в Мин) имел большой штат: 2 помощника *сябань дасюэши*, некоторое число ученых *сюэши, шиту* и архивистов *дяньцзи* и более 100 секретарей *чжуншу* (всего до 320 чел.[16]). В 1730 г. над ним был создан Государственный Совет (Военное присутствие) *Цзюньцзичу*, возглавлявшийся принцем; члены его *дачэнь* в XIX в. стали стандартной группой из 5 Верховных Министров Государства (в т.ч. 2 китайца), занимавших должности обычно в министерствах, но ежедневно совещавшихся с императором (как в классический период). Совет обслуживали 60[17] секретарей *чжанцзин*, разделенных на 2 маньчжурские и 2 китайские части *бань*.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Японии Государственный Совет *Дадзёкан* был первоначально, судя по всему, аналогом Верховного Совета в Китае, состоя из трех министров и трех советников, но по кодексу «Тайхорё» (702 г.) он уже представляет собой верховный орган со штатом 230 человек, непосредственно управляющий отраслевыми министерствами и выполняющий функции палаты Шаншу (см. ниже). Наряду с ним равным по рангу высшим органом был существовавший с 644 г. Совет по делам религии (синтоизма) *Дзингикан*[18]. В Корее периода Трех государств органа, аналогичного Верховному Совету в Китае, не было (хотя совещательные органы при ванах имелись, но они были скорее советами родовой аристократии). Высший орган государственного управления в Силла — *Чипсасон* (до 651 г. — *Пхумджу* или *Чоджу*, а до 829 г. — *Чипсабу*) напоминал палату Мэнься. Чем-то подобным было, видимо, и главное государственное ведомство *Чоннэбу* в государстве Пэкче. В период Корё при корейском ване существовал совещательный орган, аналогичный Верховному Совету, — *Топхёныйсаса* (*Тобёнмаса*), а в период династии Ли высшим органом государственного управления стал Государственный Совет *Ыйджонбу*, непосредственно руководивший работой 6 министерств (существовала также личная канцелярия вана — *Сынджонвон*). Во Вьетнаме при императоре имелся совещательный орган из высших сановников с весьма неопределенными функциями, подобный же орган (из «четырех колонн» — высших чиновников) имелся в XVII–XVIII вв. и на Юге, во владениях Нгуенов. При Нгуенах (с 1802 г.) при императоре в дополнение к *Нойкак* имелся созданный в 1834 г. Тайный совет *Комат*[19].

Другие органы. В Сун наряду с Верховным Советом к высшим органам управления относились также независимые от него Государственная финансовая комиссия *Саньсы*, возникшая в период Пяти династий вместо комиссара по государственным доходам *цзуюнши* и контролировавшая в то время деятельность трех важнейших доходных ведомств (Подворного и Налогового департаментов Министерства налогов и Комиссии по перевозке соли *Яньтечжуаньюньшисы*), и Военное Бюро *Шумиюань* (бывший Дворцовый Секретариат или Тайная коллегия), в Тан укомплектованное евнухами и руководившее столичными войсками, но в период Пяти династий очищенное от евнухов и ставшее Военным Бюро под началом комиссара по военным делам *цзайчжаншумиши*.

Финансовая комиссия (существовавшая до 1076 г.) включала 3 департамента *сы*: Соляной и железной монополии *Яньтесы*, Налоговый *Душисы* и Подворный *Хубусы*; впоследствии — Подворный, Доставки налогов *Чжуаньюньсы* и Стабилизационных запасов *Чжаньпиньсы*. Каждый департамент имел от 5 до 8 специализированных бюро *ань*. Комиссией управляли комиссар *ши* и 3 заместителя (начальники департаментов), которые также были *цзайсянами*. *Саньсы* существовала и в Си Ся, но стояла в ряду прочих управле-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ний. Некоторое время она существовала и в Цзинь. В Корее это учреждение (*Самса*) появляется в начале X в. в государстве Тхэбон под названием *Човибу* и продолжает существовать (с перерывами) весь период Корё.

Военное Бюро *Шумиюань*, также подчиняясь непосредственно императору, ведало вооруженными силами и возглавлялось комиссаром *ши* — обычно гражданским чиновником. Военное Бюро и Верховный Совет именовались «двумя властями» (т.е. символизировали власть военную и гражданскую). В Си Ся *Шумиюань* выполняло те же функции, что и в Сун (возглавляло исполнительную военную власть), но стояло ниже Верховного Совета, наравне с палатой Чжуншу (возглавлявшей там исполнительную гражданскую власть). В Ляо Военных Бюро было даже три: два в «северной», киданьской администрации (одно, «северное», ведало военными, другое, «южное», — гражданскими делами) и еще одно в «южной», китайской. В Цзинь *Шумиюань* создано по образцу Ляо в 1123 г., а в зрелом периоде оно возглавлялось комиссаром *ши* и занималось только военными делами. В Юань это бюро, возглавляемое несколькими (до 6) управляющими *чжиюань*, ведало всеми войсками столичного региона, а также другими военными органами. В Мин функции бюро выполняло Военное управление *Дудуфу*, которое в 1380 г. было заменено «5 управлениями» *цзюньдудуфу* (Центральное, Левое, Правое, Переднее и Заднее). В Корее Военное Бюро было создано в 991 г. и существовало весь период Корё под наименованиями *Чунчхувон* (991–1010, 1011–1095), *Чундэсон* (1010–1011), *Чхумильвон* (1095–1275, 1356–1361), *Кванджонвон* (некоторое время после 1298 г.) и *Мильчикса* (1275–1298, до 1356 г. и после 1361 г.). В период династии Ли его функции выполняло *Тоджонбу*. Во Вьетнаме с XV в. существовал созданный по минскому образцу штаб 5 армий военных округов, но в XVI в. с возникновением режима правления *тюа*, напоминающего систему сёгуната в Японии, на базе его возник Придворный Военный Совет *Нгуфуфулиеу*[20].

2. Центральный общегражданский аппарат

Центральный аппарат традиционной дальневосточной системы (помимо дворцового и военного) состоял из нескольких основных элементов: 3 высших общераспорядительных палат, 6 отраслевых министерств, 9 управлений, 5 инспекций, цензората и отдельно существовавших научных учреждений.

Высшие палаты в классический период (период Южных и Северных династий — Сун), а также в Ляо и Цзинь были представлены палатой Шаншу, палатой Чжуншу и палатой Мэнься.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Палата Шаншу *Шаншушэн* возникла еще в Поздней Хань в качестве противовеса канцлерам как *Шаншутай*[21]. В Ранней Хань она появилась как Императорский секретариат — формально незначительная контора в подчинении Управления Императорских доходов (одного из дворцовых управлений), комплектовавшаяся при У-ди евнухами, именуемыми дворцовыми секретарями *чжуншу*, а обычные чиновники стали назначаться с 29 г. до н.э. В Поздней Хань палата Шаншу стала главным исполнительным органом. Там служили начальник *лин*, заместитель *пуе*, 4, потом 5 и, наконец, 6 императорских секретарей *шаншу* (отсюда название палаты — Шаншу), каждый из которых возглавлял отраслевой отдел *цао*. В классический период она непосредственно возглавляла гражданский аппарат, руководя деятельностью 6 отраслевых министерств (в период Южных и Северных династий вместо них она еще некоторое время делилась на отделы *цао*, которых было от 12 до более 30). Во главе палаты стояли начальник *лин* и два его заместителя *пуе*; в Суй *лин, пуе* и 6 министров именовались «8 исполнителей».

Палата Чжуншу *Чжуншушэн* (дворцовых секретарей) возникла в III в. и занималась разного рода секретными делами, подготовкой императорских указов, рассмотрением поступавших докладов и жалоб. В ней имелись 2 начальника *лин*, 2 заместителя *шилан* и 6 специалистов *шэжэнь*. В период Южных и Северных династий она управлялась *лином* и инспектором *шэнь* и одним или более *шиланом*, там было также несколько *шэжэнь* и секретарей в приемной *тунши шэжэнь*.

Палата Мэньсяшэн *Мэньсяшэн* возникла в конце III в. в Восточной Цзинь и занималась разработкой политических планов. В ней имелись 2 начальника *шичжун*, 2 заместителя *шилан* и 4 секретаря *цзишичжун*. Чиновники двух последних палат имели право вето на императорские указы, и формально ни одно решение не могло приниматься без их утверждения.

В период Южных и Северных династий и Тан имелись также палаты Мишу (тайных секретарей), ведавшая хранением документов, Цзишу (секретарей-организаторов), ведавшая подготовкой совещаний, и Чжунши (в Тан *Дяньчжуншэн*), ведавшая организацией внутридворцового быта и делившаяся на 6 бюро *цзюй.* В Суй палат было 5 — двумя другими (помимо Шаншу, Чжуншу и Мэньсяшэн) были Дворцовая библиотека *Мишушэн* и Дворцовая администрация *Тяньнэйшэн*, которая до 604–618 гг. была подчиненной конторой палаты Мэньсяшэн и заменила в верхнем эшелоне ранее существовавшую палату Нэйши *Нэйшишэн* — евнухов, которая была понижена до Инспекции дворцовой службы *Чжанчжиушэнь*. В Сун палаты имели меньшее значение, их функции стали плохо различимы, фактически они слились в один орган. В Юань палата Мэньсяшэн вскоре была упразднена, а палата Шаншу с перерывами продолжала существовать до начала XIV в., после чего палата Чжуншу осталась единственным

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

органом этого ряда, которой и подчинялись отраслевые министерства. Более того, она стала по существу высшим органом управления, ее руководители назывались *чэнсянами* и *цзайсянами* (в нее входили 2 помощника ее номинального главы *лина*[22], 4 управляющих *пинчжанчжэнши* и 4 их помощника *фусяна*). Два ее управления (Левое и Правое) возглавлялись каждое двумя *ланчжунами*. Левое делилось на 6 отделов *фан*, каждый из которых, в свою очередь, имел от 2 до 9 секторов *кэ*, а Правое — на 3 отдела с 17 секторами. В Мин, Цин и современных им Корее периода династии Ли и во Вьетнаме палат не существовало.

В Си Ся из трех главных палат первоначально существовала только Чжуншу, а палата Шаншу была создана в 1039 г., в Цзинь — все три (палата Шаншу, как и в Китае, руководила деятельностью 6 министерств), но в 1156 г. палаты Чжуншу и Мэньсяшэн были упразднены. В Японии, как уже говорилось, функции палаты Шаншу (других не существовало) нес, по существу, Государственный Совет *Дадзёкан*. Любопытно, что аналог палаты Шаншу с ее функциями управления 6 министерствами существовал даже в слабо китаизированном государстве Бохай (698–926) — в виде двух «суперминистерств» (Левое состояло из отделов Преданности, Человеколюбия и Справедливости, Правое — Мудрости, Этикета и Верности)[23]. В Корее наибольшее значение традиционно имела палата Мэньсяшэн. Именно на нее более всего походил высший орган государственного управления в Силла (до X в.) — *Чипсасон* (см. выше). В последующий же период Корё палата Мэньсяшэн существовала под названиями *Нэыйсон* (до 982 г.) и *Нэса Мунхасон* (982—1061; *Мунхасон* соответствует кит. *Мэньсяшэн*). В 1061 г. был создан объединенный орган, выполняющий функции палат Чжуншу и Мэньсяшэн, — *Чунсо Мунхасон*, в 1361 г. переименованный в *Точхомыйбу* (в 1275 г. в *Чунсо Мунхасон* была влита и палата Шаншу; новый орган получил название *Чхомыйбу*, с 1295 г. — *Точхомыйсаса* и просуществовал до 1356 г.), а с 1368 г. и до конца Корё палата Мэньсяшэн существовала как *Мунхабу* и после упразднения в 1361 г. палаты Шаншу осталась единственной из высших палат, сосредоточив управление всем гражданским аппаратом. Что касается палаты Шаншу, то она существовала еще в предшествовавшем Корё государстве Тхэбон, а в Корё фигурировала как *Сансодосон* (до 982 г. — *Кванпхёнсон*, до 995 г. — *Осадосон*, в 1356—1361 гг. — *Сансосон*).

Отраслевые министерства. Основную тяжесть исполнительной власти в традиционной дальневосточной системе несли 6 отраслевых министерств (существовавших с периода Южных и Северных династий, где они в конце VI в. выросли из отделов *цао* палаты Шаншу), причем с Мин, в отсутствие вышестоящих органов, их значение резко возросло. В Суй, Тан, Сун, Ляо, Цзинь, Юань, Мин, Цин, Корее периода династии Ли и Вьетнаме это были:

Министерство чинов *Либу;*

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Министерство налогов, или подворное *Миньбу, Хубу*;
Министерство церемоний *Либу*;
Военное министерство *Бинбу;*
Министерство юстиции *Синбу*;
Министерство общественных работ *Гунбу*.

Первые три именовались «восточными», остальные — «западными»; кроме того, министерства чинов и военное считались «передними», церемоний и юстиции — «средними», налогов и общественных работ — «задними» (в последнее столетие Сун министерства юстиции и общественных работ были слиты). Каждое министерство возглавлялось министром *шаншу*; эти министры «выросли» из императорских секретарей, в период Южных и Северных династий возглавлявших отделы *цао* (в Мин имелось также по 1 заместителю министра *шилан,* а в Цин было 2 министра, один из которых маньчжур).

Министерство представляло собой довольно крупное учреждение[24] и делилось на 4 (в Сун 3, в Мин и Цин министерства чинов, церемоний, военное и общественных работ имели по 4, а остальные два — по 13 в Мин или 14 и 18 в Цин по названиям провинций и равных им территориальных единиц) департамента *сы* (в Мин и Цин *цинлисы*) во главе с директором *ланчжун* и заместителем *юаньвайлан*; в Суй департаменты сначала назывались *цао*, в Юань министерства не имели внутреннего деления.

В глубокой древности (Чжоу) отраслевые министерства *гуан* также существовали. Это были министерства: Государственное («Неба») *Тяньгуан* во главе с *чжунцаем* (премьер-министр), Образования («Земли») *Дигуан* во главе с *сыту*, ведавшее гражданской администрацией и социальным обеспечением, Церемоний («Весны») *Чуньгуан* во главе с *цзуньбо*, Военное («Лета») *Сягуан* во главе с *сыма*, Юстиции («Осени») *Цюгуан* во главе с *сыкоу* и Работ («Зимы») *Дунгуан* во главе с *сыкуном*. Но в Цинь и Хань функции отраслевых министерств несли отделы *цао* (8–13), на которые делилось Управление Главного канцлера.

В Японии 6 отраслевых министерств (*бусё* — первый иероглиф соответствовал китайскому обозначению министерств, второй — высших палат) были созданы в 649 г., но среди них не было министерства общественных работ, зато было министерство финансов. С начала VIII в. к ним добавились министерство центральных (императорских) дел и министерство двора. В состав министерств входили департаменты и управления, по значимости разделявшиеся на три типа (*сики, рё* и *си*). В раннесредневековой Корее (до X в.) отраслевые министерства были еще более многочисленны. В государстве Пэкче (существовавшем до 661 г.) их известно 20 (все именовались как китайские — *бу*), однако ими и исчерпывается список всех известных учреждений этого государства. В Силла насчитывалось 12 министерств *бу* (при общем числе учреждений

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

свыше 150), однако только 3 из них (военное, государственных запасов и церемоний) именовались как в Китае, остальные имели в составе стандартного названия другой иероглиф для *бу*. В числе министерств были все «нормативные», но равный с ними статус имели такие, например, как корабельное, сухопутных перевозок и т.д. В период Корё отраслевых министерств (*сансо...бу*) до конца X в. насчитывалось 14, а «классическая» шестерка министерств (*бу, чо*), в точности подобная китайской, сложилась после многочисленных преобразований только к 1356 г. Во Вьетнаме в 1718 г. (и до конца XVIII в.) в рамках администрации *тюа* было образовано 6 *фиенов* единой структуры, взявших на себя функции 6 министерств *бо* (при формальном сохранении последних) и 6 специальных налоговых ведомств, монополизировавших сбор налогов. На Юге (Дангчаунг), практически независимом, существовали свои министерства *ти*, к 1747 г. преобразованные в *бо*, как на Севере[25]. В Бохае в число 6 отраслевых министерств входили министерства чинов, складов и продовольствия («левые»), финансов, военное и водное («правые»)[26]. В Наньчжао также имелись 6 министерств *цао*, к которым в 779–808 гг. были добавлены еще 3 (торговли, внешних сношений и финансов)[27]. В тангутском государстве Си Ся отраслевые министерства не выделялись из общего ряда учреждений, которые все именовались одинаково — управлениями *сы* (см. ниже).

Управления, или «9 управ» (*сы*), представляли собой специализированные учреждения. Они вели свое происхождение (и унасле-
довали в большинстве названия) от дворцовых управлений циньско-ханьского времени, возглавлявшихся 9 чиновниками *цинами* (которые уже в период Южных и Северных династий имели меньшее значение), но теперь исполняли общегосударственные функции. Каждое из них по-прежнему возглавлялось начальником *цин* и двумя (в Сун — 1–3) заместителями *шаоцин* (в Цинь — *чжэн*) и руководило несколькими специализированными конторами *шу*. В Цинь, Хань, в период Южных и Северных династий, Суй, Тан и Сун (а также Ляо и Цзинь с некоторыми модификациями) это были следующие управления:

Императорских жертвоприношений (церемоний) *Тайчансы* (в Цинь, при Ван Мане — также *Шицзунсы*, в период Южных и Северных династий — иногда *Фэнчансы*);

Императорских приемов (увеселений, продовольственного обеспечения дворца) *Гуанлусы* (в Цинь и в период Южных и Северных династий оно называлось управлением Обслуживающих — *Ланчжунлинсы, Гуанлусюньсы*, в Хань помимо этих названий бытовало также *Нэйцинсы*);

Императорской охраны (регалий; дворцовый арсенал) *Вэйвэйсы*;

Императорского клана *Цзунчжэнсы* (в период Южных и Северных династий не было, в Сун, в Хань — также *Чжэнбосы*, при Ван Мане было слито с *Шицзунсы*);

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Императорских конюшен *Тайпусы*;

Судебного надзора *Далисы* (в Хань и иногда в период Южных и Северных династий — *Тинвэйсы*);

Государственного церемониала (вассалов) *Хунлусы* (в Цинь — *Тяньгосы*, в Хань и в период Южных и Северных династий — *Дахунлусы*);

Государственных зернохранилищ *Сынунсы* (в Цинь и Хань — Государственных сокровищ *Чжисунэйши*, с У-ди — *Дасынунсы*);

Императорских сокровищ (доходов) *Тайфусы* (в Цинь, Хань и иногда в период Южных и Северных династий — *Шаофусы*).

В период Южных и Северных династий управления иногда назывались *фу* и число их колебалось от 8 до 12 (в Лян); были еще управления:

Дворцового строительства *Цзянцзодацзянсы* (в начале Сун только иногда);

Дворцового казначея *Дафусы* — начиная с Лян;

Водных путей *Дачжоусы* — начиная с Лян.

В древности (Цинь—Хань) существовали еще два дворцовых управления *цина* вне системы «9 *цинов*»: Столичное *Нэйшисы* (в Хань оно называлось Императорского достоинства *Чжунвэй* или *Чжицзиньюй* и ведало как полицией столицы, так и одной из двух больших армий в ее окрестностях) и Дворцового строительства *Цзянцзошаофу* (в Хань — также *Цзянцзодацзянь*, которое в Поздней Хань было подчинено *Гуанлусюньсы*).

В Южном Сун большинство управлений были слиты с министерствами. В Юань функции некоторых из этих управлений выполняли другие учреждения (вместо *Тайфусы* была *Тайфуцзянь*), но системы «9 управ» не существовало. В Мин, Цин и Корее периода династии Ли управления существовали, но были подчинены министерствам. Из названных выше существовали 5 управлений: Императорских жертвоприношений, Императорских приемов, Государственного церемониала (подчинены министерству церемоний), Императорских конюшен с несколькими региональными отделениями (подчинено военному министерству), отдельно существовало управление Судебного надзора (разделенное на Левое и Правое), бывшее одним из «Трех юридических ведомств» *саньфасы*. В Корее учреждения этого типа появляются еще в период Корё, и система их окончательно складывается к началу XIV в. Они появлялись и исчезали с X по конец XIV в.; в разное время их насчитывалось от 1 до 20, но никогда их не было ровно 9. В Бохае в число управлений *сы* входили ведомства императорских жертвоприношений, императорского клана, складов, сельского хозяйства и внутридворцовое.

Инспекции, или «5 надзоров», возглавлялись инспектором *цзянь* и двумя (в Сун одним или более) заместителями *шаоцзянь* и руководили, как и управления, специализированными конторами *шу* и другими учреждениями. В Суй, Тан и Сун (а также Ляо и Цзинь с некоторыми модификациями) были следующие инспекции:

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Императорских мануфактур *Шаофуцзянь*, ведала казенным ремеслом; в Суй первоначально была конторой, подчиненной управлению Императорских сокровищ с фискальными функциями, сначала ее возглавлял *цзянь*, потом *лин*. В Юань ее функции выполняла *Цзянцзоюань*.

Дворцового строительства *Цзянцзоцзянь*; в Суй сначала имела ранг управления *сы*, возглавлялась *лином* и включала две подчиненные конторы *шу*.

Военного снаряжения *Цзюньцицзянь*; в Суй не было. В Юань эти функции выполняло Управление вооружений *Убэйсы* с 29 подчиненными конторами по производству оружия.

Водных сообщений *Душуйцзянь*; во главе ее вместо инспектора стояли 2 комиссара *шишэ*; в Суй сначала возглавлялась *цзянем*, потом *лином*; в Сун не было этой инспекции, но была Инспекция астрономии *Сытяньцзянь*, в Юань она существовала как Инспекция орошения.

Образования *Гоцзыцзянь*, возглавляемая канцлером *цзицзю* и двумя (в Сун и Мин — одним) «директорами учеб» *сые*; в Суй первоначально была конторой, подчиненной управлению Императорских жертвоприношений, но вскоре стала независимой. В ее ведении находилось 7 столичных учебных заведений (см. гл. II).

В древности (Хань) инспекции как таковые отсутствовали, орган по дворцовому строительству относился к категории дворцовых управлений, а Государственный университет при У-ди подчинялся Управлению церемоний. В Юань осталось только 4 учреждения *цзянь*, и они не образовывали целостной системы, два из них ведали астрономией, одно пастбищами, одно относилось к дворцовым (о них см. ниже). В Мин было 3 инспекции, в Цин — 2: помимо Инспекции астрономии *Циньтяньцзянь* в Мин имелась еще Инспекция Императорских парков *Шанлиньюаньцзянь*, а Инспекция образования в Мин и Цин не только была методическим центром всех школ, но сама была образовательным учреждением (см. гл. II).

В ряде сопредельных стран учреждений типа «9 управ» и «5 надзоров», полностью аналогичных китайским, не существовало. Органы, соответствующие им функционально, входили в число многочисленных управлений разного рода. В Японии насчитывалось 48 управлений (2 типа *сики*, 16 — *рё*, остальные — *си*), подчиненных министерствам, и 9 отдельных (2 типа *сики*, 4 — *рё* и 3 — *си*), а также дворцовый арсенал *Найхёко*. В Си Ся существовало более 20 управлений *сы* и около 10 управлений *юань* (а также *Гуйцзюе* — ведомство по изгнанию демонов), делившихся на пять групп по значимости и сходству сфер деятельности. В раннесредневековой Корее (Силла) эти типы учреждений тоже не были известны; часть их функций выполняли стоящие в центральном аппарате ниже министерств 20 учреждений разных типов (6 типа *со*, 2 — *кван*, остальные — *чон*).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Цензорат и родственные учреждения. Цензорат *Юйшитай* (в Хань — также *Юйшифу*), существовавший со времен империи Цинь (а также практически во всех сопредельных странах — в Корее, Японии, Вьетнаме, Бохае, Си Ся, Ляо, Цзинь), был органом надзора и всегда находился на особом положении, подчиняясь непосредственно императору. Он возглавлялся одним из Трех Князей, Главным цензором *юйши дафу* и двумя его заместителями *юйши чжунчэн* и делился на 3 управления *юань*: штабное (центральное), дворцовое и расследований, цензоры *юйши* в каждом из которых имели особые наименования. В Сун с 1080 г. управление расследований было разделено на 6 следственных отделов *чаань* — по специализации 6 министерств. Штат цензоров, как правило, не превышал 12. Главный цензор почти никогда не назначался (иногда не было и заместителей). В 1045 г. в цензорате было создано специальное бюро опротестовывающих цензоров (эти функции ранее выполняли чиновники палат Чжуншу и Мэнься — см. выше), выросшее в самостоятельный орган — Бюро протеста *Цзюньюань*. Такое же бюро было в Цзинь и в 1380–1382 гг. в Мин. В Суй наряду с цензоратом («Три надзорных агентства» *саньтай*) отдельно существовали Отдел приемов *Ечжэтай* и Отдел инспекторов *Сылитай*, оба во главе с *дафу*. В Хань с 8 г. до н.э. цензорат разделялся на 5–6, а в период Южных и Северных династий — иногда и на 15 отделов *цао* и реально управлялся *чжунчжэнем* (в Цинь—Хань он именовался «дворцовым помощником» Главного цензора).

В Юань цензорат приобрел большее значение, чем когда-либо (цензоры впервые получили право самостоятельно применять меры против виновных). Руководили им 2 Главных цензора с 2 заместителями; в «штаб» входили также 2 *ши юйши* и 2 *чжишу юйши*. Цензорат делился на 2 управления *юань* — дворцовое *Дяньюань* (с 2 *дяньчжун ши юйши*) и расследований *Чаюань* (с 32 *чжэньча юйши*). В Мин и Цин цензорат назывался также *Дучаюань*, имел 2 Главных цензоров *дуюйши*, 2 заместителей *фудуюйши* и 4 помощников *цзяньдуюйши*. 110 следователей *цзяньча юйши* служили в 13 отделах *дао* по названиям провинций, формально не входивших в цензорат. Другой группой цензоров были наблюдающие секретари *цзишичжун* (1 старший *ду*, «левый», «правый» и 4–8 рядовых) из 6 контрольных секторов *кэ*, чьи названия соответствовали обслуживаемым ими 6 министерствам и которые до 1723 г. не входили ни в цензорат, ни в министерства. После 1723 г. в цензорате было 2 «левых» *дуюйши*, 4 «левых» *фудуюйши* («правыми» назывались провинциальные), 24 *цзишичжуна* в 6 секторах и 56 *цзяньча юйши* в 15 отделах.

В Японии цензорат *Дандзётай* состоял из начальника, его помощника, 1 старшего и 2 младших и 10 разъездных цензоров. В Силла функции цензората выполняло одно из учреждений ранга отраслевого министерства — *Саджонбу* (в 757–776 гг. именовавшееся по китайскому образцу *Сукчондэ*) со штатом из 22 ранговых

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

чиновников. В Корё цензорат *Осадэ* (кит. *Юйшитай*; до 995 г., 1015–1023 гг. — *Сахондэ*, в 1275–1298 гг., некоторое время после 1298 г. и до 1311 г., 1361–1368 гг. — *Камчхальса*, некоторое время после 1308 г. и с 1368 г. — *Сахонбу*) был крупнейшим учреждением государственного аппарата, занимая по численности персонала (107 чел.) второе место после Государственной канцелярии. Под названием *Сахонбу* он продолжал существовать и в период династии Ли. В это время наряду с ним существовал *Саганвон*, в задачу которого входила критика ошибок самого вана. Во Вьетнаме цензорат *Нгышыдай*, имевший 5 подчиненных специализированных отделов, делился, как в Мин и Цин, на 6 соответствующих профилю министерств контрольных комиссий *кхоа*, и так же, как и там, во Вьетнаме существовали 13 представительств цензората для каждой из провинций. В Бохае цензорат именовался *Чжунчжэнтай*.

Научные учреждения были представлены 6 основными «нормативными» для традиционной дальневосточной системы учреждениями: Академией Ханьлинь, институтами истории и литературы, императорской библиотекой, медицинской академией и астрономическим учреждением. Они существовали не столько как собственно научные, сколько как вспомогательные учреждения для обслуживания государственного управления (литература и история были связаны с ним теснейшим образом, потому что подготовка государственных документов не мыслилась вне опоры на традицию, средоточием которой являлись эти дисциплины). При китайском императорском дворе издавна имелось некоторое число *сюэши* — ученых и литераторов без определенных должностей, привлекаемых к выполнению отдельных поручений и к участию в работе высших палат. В 660-х годах они получили официальный статус *бэймэньсюэши* («академики Северных ворот»), в 738 г. они были объединены в особый орган *Сюэшиюань* при тогда же созданной Академии Ханьлинь *Ханьлиньюань* (в Сун именовалась *Ханьлинь сюэшиюань*). Члены этих учреждений привлекались к государственным делам; иногда их назначали членами Верховного Совета. Кроме того, палате Чжуншу были подчинены Академия Ученых Достоинств *Цзисяньдяньшуюань* — собрание литераторов, ведущих научную работу под покровительством императора, и Институт истории *Шигуань*, составляющий официальную историю, а палате Мэнься — Институт литературы *Хуньвэньгуань*, чьи сотрудники привлекались к подготовке императорских указов и наставляли избранных юношей из чиновной среды в литературном искусстве. В Сун в составе Библиотечного бюро *Чунвэньюань* находились «3 института»: дворцовая библиотека *Цзисяньдянь*, Институт истории *Шигуань* и Институт литературы *Чжаовэньгуань*. Отдельно существовали такие учреждения, как императорский архив *Бигэ*, Отдел императорской генеалогии *Юйдэсо* и Бюро записей *Цицзюйюань*.

В Юань существовали объединенная Академия Ханьлинь и историографии *Ханьлинь сюэшиюань цзяньгошиюань*, Монгольская Ака-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

демия Ханьлинь *Мэнгу ханьлиньюань* (занимавшаяся переводами), Академия Ученых Достоинств *Цзисяньюань* (3 *дасюэши* которой наблюдали за различными государственными школами и даоским духовенством), Академия литературы *Цюаньчжаньгосюэшиюань* (фактически императорская библиотека), а также инспекции астрономии *Сытяньцзянь* и мусульманской астрономии *Хуйхуйсытяньцзянь*, Императорская академия медицины *Тайиюань*. В Мин и Цин известны Академия Ханьлинь (в Цин включала Департамент учебы *Сычжангуань*, Институт записей *Цзичжучжугуань* и Бюро истории), Императорская академия медицины *Тайиюань*, инспекция астрономии *Циньтяньцзянь*.

В Ляо и Цзинь существовали Академия Ханьлинь *(Ханьлинь сюэшиюань)*, Институт истории *Гошиюань* и Институт дворцового церемониала *Сюаньхуйюань*, а также дирекция императорской библиотеки с астрономической обсерваторией при ней. В Си Ся — Институт истории *Шиюань* и Управление императорской генеалогии *Чжэнтунсы*. В Японии научные функции частично выполняли *Дзусёрё* — архивное управление, в котором имелась и библиотека, и *Онъёрё* — астрологическое управление, которое вело и астрономические наблюдения (оба входили в состав Министерства центральных дел). В Силла астрономическими наблюдениями занимался созданный в 718 г. *Нугакчон*. В период Корё в стране были созданы научные учреждения типа сунских: Академия Ханьлинь — *Ханнимвон* (в разное время именовалась также *Вонбонсон, Хаксавон, Мунханco, Саримвон* и в 1310–1356 и 1361–1389 гг. — *Емунгван*), Институт истории *Сагван* (в 1310–1356 и 1361–1389 гг. — *Чхунчхугван*), Институт литературы *Сумунджон* (до 1160 г. — *Мундокчон*, некоторое время после 1298 г. — *Сунмунгван*, после 1303–1356 гг., в 1361–1368 гг. и с 1371 г. — *Умунгван*) и дворцовая библиотека *Чинхёнджон* (до 1160 г. — *Ёнёнджон*, некоторое время после 1298 г. — *Хонмунгван*, после 1303–1356 гг., в 1361–1368 гг. и с 1371 г. — *Чинхёнгван*), а также архивное управление *Помунгак* (также *Чхонёнгак, Помунсо*). Эти учреждения были тесно связаны (Библиотечное бюро *Сунмунгван* в 995 г. было преобразовано в Институт литературы *Хонмунгван*) и иногда сливались (поскольку функции подготовки указов и сбора исторических документов были на Дальнем Востоке неразрывно связаны): с 1389 г. Академия Ханьлинь и Институт истории были слиты в *Емунчхунчхугван*, а в 1308–1311 гг. в то же учреждение входили библиотека и Институт литературы. *Хонмунгван, Емунгван* и *Чхунчхугван* продолжали существовать и в период династии Ли. Во Вьетнаме Институт истории, созданный при династии Чан в XIII в., назывался *Куокшивиен (Куокшикуан)*, тогда же была создана Императорская академия медицины *Тхайивиен* (с XVII в. — *Ивиен)*. С XV в. имелись также Академия Ханьлинь (*Ханламвиен*), инспекция астрономии *Тытхиензам*, придворное книгохранилище *Битхызам* (*Битхыкак*) и библиотека наследника *Тыкинькук*[28].

28

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Прочие учреждения. В Цинь–Хань имелся ряд должностных лиц, не входивших в общую систему, но приравненных по положению к «9 *цинам*», которые со своим аппаратом представляли прообраз отдельных учреждений. В классический период наиболее важные функции были сосредоточены в указанных выше основных группах учреждений, однако в позднее время появляется все больше важных, но стоящих особняком учреждений. К таковым в Сун и Юань относился ряд учреждений. В сфере подготовки документации это были *Дэнвэньцзяньюань, Дэнвэньгуюань, Лицзяньюань* и *Фэнбосы* (во Вьетнаме документацией двора ведали канцелярии *Хоангмонтинь, Ханлямвиен, Донгкак* и *Витхызям*). Бюро связи *Дуцзиньцзоуюань, Тунцзиньюань* и *Иньтайюань* и дворцовая почтовая контора *Гэмэн* (в Юань все эти функции выполняло *Тунчжэнъюань*) занимались приемом петиций и записок на имя императора и распространяли императорские прокламации по учреждениям империи, а *Тунчжэнъюань* в Юань было, очевидно, также штабом почтовых инспекторов *тотохосунь*, надзиравших за почтовыми станциями Военного министерства. В Мин и Цин это бюро называлось *Тунчжэншисы* (в Цин те же функции выполняло также *Цзоушичжу*). Во Вьетнаме существовали экспедиторский отдел *Тхонгтьиньти* и отдел распространителей указов *Тхыазукук*. Другими важными учреждениями были Бюро протокола *Лиюань*, Комиссия соблюдения ритуалов *Тайчжаньлиюань* (в Юань — *Тайчжаньлиюань*), Управление сельского хозяйства *Дасынунсы* (Юань), Инспекция монгольских пастбищ *Цзинчжэнцзянь* (Юань), Высшее управление юстиции *Дацзунчжэнсы* (в Юань — *Дацзунчжэнфу*, которое до 1312 г. руководило юстицией всего государства). Бюро иностранного обмена *Либиньюань*, а также *Мишэнши, Иньцзиньши* и *Сыфангуань* занимались различными аспектами сношений с заграницей. В Цин существовало Бюро колониальных дел *Лифаньюань*, выросшее из Монгольского агентства *Мэнгуямэнь*; до 1861 г. (когда было заменено МИДом европейского типа *Цзунлиямэнь*) оно осуществляло внешние сношения и по статусу было как бы седьмым министерством — так же возглавлялось *шаншу* и делилось на *цинлисы*.

Органы, связанные с контролем над религиями, никогда не составляли устойчивой системы, общей для стран региона, поскольку сами религии играли в каждой из этих стран в разные периоды их истории совершенно различную роль. В Юань, например, имелись Комиссия религиозной администрации *Дасицзунъиньюань*, Комиссия буддийских и тибетских дел *Сюаньчжэнъюань*, управлявшая Тибетом через 26 подчиненных контор, Управление поощрения религий *Цзунфусы*, ведавшее несторианами, манихеями и другими нетрадиционными религиями и имевшее 72 подчиненные конторы. Органы по делам буддизма, подобные китайским, существовали и в Японии (*Гэмбарё*), и в Корее (*Тэдосо*), и в Си Ся (*Хэшандэюнсы*). Статус их был сравнительно невысок, и они подчинялись обычно

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Министерству церемоний. В Японии, где государственный культ синто имел первостепенное значение, соответствующий орган стоял наравне с Государственным Советом (см. выше), в Силла 7 *сонджонов*, учреждений по делам крупнейших буддийских монастырей, стояли по статусу выше большинства министерств.

В классический период мелкие учреждения не были особенно многочисленны, но в Юань (почти все они прямо или косвенно подчинялись палате Чжуншу) их было несколько сот. Только Министерство общественных работ имело 52 подчиненные конторы, которым подчинялось еще 44. В Корее периода Корё также существовало довольно много мелких учреждений: около 30 канцелярий *со*, около 25 складов *чхан* и *ко*, а также до 110 временных учреждений (*тогамов*) различной степени значимости.

* * *

Применительно к организации центрального аппарата классической можно считать такую систему, которая включает полный набор следующих элементов: 1) ядром государственного аппарата являются 6 *бу* (обычно по 4 управления в каждом) — отраслевых министерств (в досуйский период они отсутствуют, но с минского времени являются высшими учреждениями за отсутствием иных стоящих над ними органов управления); 2) существование Верховного Совета — совещательного органа, где по совместительству присутствуют высшие чиновники — руководители ведомств, и трех палат (палаты Шаншу, Чжуншу и Мэнься). одной из которых (Шаншу) подчинены 6 *бу* (первоначально существовала только палата Шаншу, в классическом варианте — все три, затем — только палата Чжуншу, а позже упразднена и она); 3) наличие в качестве высших должностей Трех Наставников и Трех Князей, как правило имеющих более почетное, чем реальное, значение; 4) наличие «9 управ» (хотя в классическом варианте они представляют собой скорее рудимент, а позже их вообще нет или остается меньше); 5) наличие «5 надзоров» (число которых в «постклассическое» время также уменьшается: в Юань их было 4, в Мин — 3 и в Цин — 2); 6) существование цензората, всегда стоящего особняком и занимающего независимое положение в системе государственного аппарата; 7) наличие образовательных учреждений с конкретными нормативными названиями; 8) наличие 6 видов нормативных научных учреждений; 9) управление двором отделено от общегосударственного (на ранних этапах это еще не наблюдается).

В целом эволюция центрального аппарата государственного управления традиционной дальневосточной системы шла от древней (мало расчлененной, имеющей общими с классической только высшие должности Трех Князей и Трех Наставников и цензорат) к классической через переходную (период Север—Юг, когда,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

во-первых, еще не вычленены полностью 6 министерств и, во-вторых, нет надзоров). Переходной к позднему варианту является система Юань — когда 6 министерств подчинены палате Чжуншу, а управы и надзоры еще есть, но их мало и они не образуют системную группу. Для позднего варианта системы (Мин—Цин) характерно уменьшение как высших учреждений с 3 до 1, так и управ и надзоров: она становится предельно проста — в основном 6 министерств и цензорат. Подобную же эволюцию претерпевали системы государственного управления сопредельных государств, если они существовали достаточно долго.

3. Дворцовое управление

Дворцовое (обслуживающее непосредственно личные потребности императора и его семьи) управление долгое время не было вычленено из общегосударственного. Дворцовые управления, руководимые *цинами*, составляли важнейшую часть и общегосударственного аппарата, а впоследствии превратились в один из элементов центрального аппарата, известный как «9 управлений». Что касается собственно двора, то в Цинь и Хань уже имелся большой штат, включавший дворцовых женщин (второстепенные жены и наложницы императора, а также женская прислуга), евнухов, охрану, чиновников двора (различные секретари *ечжэ* и врачи *шии*, до 70 ученых *боши*), а также особый корпус придворных («дворцовых джентльменов») *ланов*, представлявших собой регулярных чиновников, ожидающих назначения. В Хань они (до 2000 чел.[29]) имели трех лидеров *цзян* и подчинялись одному из 9 дворцовых управлений, Управлению дворцовых доходов. Среди них выделялись 3 советника: *тайчжундафу, чжундафу* и *цзяньдафу* или *цзяньидафу*. Кроме того, в Хань император лично выбирал нескольких приближенных, как, например, *тайфу шангуна* — морального наставника, а некоторые чиновники центрального аппарата, особенно пригодные служить наперсниками императора, получали специальные дополнительные звания типа дворцовый помощник *шичжун* и т.д. (в Хань уже имеет место вражда между персоналом двора *чжунчжао* или *нэйчжао* и обычным аппаратом *вэйчжао*).

В традиционной дальневосточной системе дворцовое ведомство обычно представляло собой конгломерат многих десятков мелких учреждений, в абсолютном большинстве обслуживающих лично императора, — управлений, канцелярий, контор и пр., которые весьма условно можно разделить на следующие группы: 1) обслуживающие непосредственно особу императора, 2) выполняющие функции хранения (в том числе казны), 3) ведающие заготовками для двора, 4) придворные мастерские, 5) охрана. В ряде государств (в

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

частности, в Цзинь) для управления каждой из таких групп учреждений существовали особые управления, но сами группы не носили обычно устойчивого, четко специализированного характера. В Юань существовали Комиссия дворцового провианта *Сюаньхуйюань*, управлявшая 28 подчиненными конторами, заготавливающими пищу и питье для дворца, и Управление внутренней службы *Шичжэнфу* с 14 Главными помощниками *шичжэн*. В Си Ся общедворцовым управлением было *Кайфынфу* (существовал также Совет дворцовых дел *Сюаньвэйюань*), мастерскими ведало *Вэйсюань*, дворцовой прислугой — *Чжогуншисы*. В Бохае функции внутридворцового управления несло одно из управлений *сы*. В Японии учреждения хранения, заготовок, охраны и мастерские существовали при Министерстве двора, а также при дворах императрицы, прочих жен и наследника престола. Во Вьетнаме учреждения, обслуживавшие императорскую семью, назывались *ты* (их начальник имел ранг 4а).

Основные органы управления двором. В классический период единого органа по управлению всеми дворцовыми учреждениями обычно не существовало. Поскольку большинство дворцовых функций исполнялось в это время евнухами, таковым может считаться укомплектованная ими Палата внутренней службы *Нэйшишэн*, которая подразделялась на 6 отделений и множество контор со специальными функциями (в Си Ся аналогичным органом было, видимо, управление *Нэйсусы*, в Бохае — *Сянбоцзюй*, в Корее периода Корё — *Нэсибу*, во Вьетнаме с XV в. — 10 *замов*), но, с одной стороны, евнухи служили и в прочих учреждениях, с другой — имелись и иные учреждения двора. В Мин евнухи были изначально сосредоточены в единственном учреждении — Инспекции дворцовых помощников *Нэйшицзянь*, но с постепенным увеличением их числа в 1420-х годах они были реорганизованы и служили в 12 инспекциях *цзянь*, связанных с церемониалом, штатным надзором, посудой, ритуальными регалиями, передачей документов, конюшнями, пищевыми продуктами и печатями. 4 бюро *сы* ведали топливом, музыкой, бумагой и банями и 8 служб *цзюй* — оружием, работами с серебром, стиркой, работами с бронзой, изготовлением головных уборов, текстильными мануфактурами, винными заводами и садами. Кроме того, евнухи ведали рядом хранилищ и складов во дворце, именуемых вместе дворцовыми сокровищами *нэйфу*. Евнухи высоких рангов *тайцзянь* руководили дворцовыми инспекциями, главой дворцового штата был начальник Инспекции церемониала *Сылицзянь*. Особо важными считались два учреждения: «Восточный склад» *Дунчан*, основанный в 1420 г., и появившийся позже его аналог — «Западный склад» *Сичан*, расследовавшие измены. Под руководством *сылитайцзяня* и в сотрудничестве с Личной охраной они представляли собой тайную полицию. Ряд дворцовых учреждений был укомплектован служащими-женщинами (см. гл. III). Все эти учреждения были самостоятельными единицами.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Единый орган руководства двором появляется только в Цин. В Цин двор находился в ведении огромного Управления двора *Нэйуфу*, возглавлявшего конгломерат из более 50 мелких учреждений, многие из которых, в свою очередь, имели подчиненные им конторы. Не считая евнухов, духовных лиц, слуг и субчиновников, его штат составлял приблизительно 400 чел. в XVII в., а в XVIII в. превышал 1600 чел. Эти чиновники выходили обычно из рабов *паои* разных национальностей, которые были легально приобретены императором и выполняли многое из того, что в другие эпохи было функцией евнухов. Управление возглавлялось некоторым числом Главных надзирателей *цзунгуань*, обычно избираемых из принцев крови и других аристократов и видных лиц и именуемых Великими Министрами *дачэнь*. В тайпинском государстве двор каждого князя имел собственных чиновников, ранги и титулы которых соответствовали общегосударственным[30].

Во Вьетнаме в XV–XVIII вв. дворцовые учреждения были представлены примерно теми же типами учреждений, что и в минском Китае (вьет. *зам, ти, кук, кхо*), но поскольку их было меньше (26 против 54), то функции их не были столь дробными и названия отличались от китайских. Кроме того, самостоятельно существовали только 10 *замов*, а остальные учреждения подчинялись одному из них[31]. В Японии функции основного дворцового органа играло одно из 8 министерств — Министерство двора *Кунайсё*, имевшее 18 подчиненных ему управлений (1 типа *сики*, 4 — *рё*, остальные — *си*) и насчитывавшее в общей сложности 1223 чел., однако еще 8 управлений (1 типа *сики*, 4 — *рё* и 3 — *си*) находились в подчинении Министерства центральных дел *Тюмусё*, а дворцы жен императора, наследника престола и принцев представляли собой отдельные структуры. В Силла дворцовое ведомство *Нэсон* существовало на особом положении, вне министерских структур и имело в подчинении более 100 мелких контор. В период Корё основными дворцовыми учреждениями были *Экчонгук* (до 998 г. — *Экчонвон*, в 1308–1309 гг. — *Нэальса*, некоторое время после 1310 г. — *Ханджонгук*) и созданное в 1356 г. *Нэсибу*, а также *Ёнгёнгун* и (с 1313 г.) *Чегоса*.

Непременным атрибутом дворцового управления традиционной дальневосточной системы являлись **учреждения по обслуживанию лиц императорской семьи.** Среди таковых (каждое из них имело в подчинении сложный комплекс контор, в том числе налоговые службы и воинские части) традиционно были управления дворами императрицы, наследника и прочих принцев. Управление двором императрицы существовало уже в Цинь и руководилось *чжаньши*. В Юань оно называлось Бюро двора императрицы *Чжунчжэньюань*. В Японии Управление двора императрицы *Тюгусики* (441 чел. вместе с особой гвардией) входило в Министерство центральных дел *Тюмусё*. Прочие жены обслуживались администрацией так называемого «Женского дворца». В Корее периода Корё для

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

каждой из второстепенных жен вана создавались отдельные канцелярии (отделы) *бу* и *чоны*. Управление двором наследника (обычно именовалось Управлением «Восточного дворца») также существовало с Цинь и руководилось *чжаньши*. В Юань оно называлось *Цзючжэнъюань*. В Цин (где наследник заранее не определялся) его не существовало. В Японии двор наследника (с охраной 960 чел.) включал 10 учреждений. В Корее периода Корё он назывался *Тонгунгван* и насчитывал от 13 до 65 чиновников.

В период Троецарствия все принцы по достижении совершеннолетия высылались из столицы в предназначенные для них районы и за исключением сбора им запрещалось посещать столицу (поэтому их отдельных дворов не существовало). Но при Цзинь они часто занимали важные посты в центре. В Юань дела каждого из главных принцев (которых было всего 46) велись в Управлении принцев *Чаншифу*. В Мин в связи с раздачей уделов было создано Управление императорских родственников *Цзунжэньфу*, которое известно и в Цин, где было еще Управление по вопросам престолонаследия *Цзиншифу*. В Японии известны дворы принцев восьми различных рангов со штатом от 7 до 2 чел., в Корее периода Корё имелись конторы (по 2–4 чел.) по делам каждого из живших в данный момент принцев и других родственников вана. В Юань функционировали также учреждения по делам покойных императоров, поскольку по монгольским племенным законам в случае смерти императора его персональное окружение, включая вдову с ее помощниками, налоговыми конторами и охраной, продолжало существовать теоретически вечно. В итоге образовалось 6 специальных управлений *сы*, каждое во главе с 4–6 *цинами*.

4. Провинциальное управление

Для традиционной дальневосточной системы наиболее типична трехзвенная система управления (точнее — двухзвенная с надстройкой в виде крупных инспекторских округов), при которой различаются высший, средний и низший уровни государственной администрации, ниже последнего находятся только органы и лица деревенского общинного самоуправления. Эти уровни могут быть выражены привычными нам понятиями провинция — область (округ) — уезд. Каждая из этих единиц часто подразделялась на разряды (до 9 разных типов) в зависимости от размеров и численности населения. Однако в ряде случаев практиковалась двухзвенная система: в Суй в 586–605 гг. не было областей (уезды подчинялись прямо провинциям), затем — провинций (т.е. высшее звено убрано). Но трехзвенная система фактически сохранялась за счет особых военно-надстроечных единиц (как в Тан), в Юань она была

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

даже практически пятизвенной. Но главный принцип и цель состояли в том, чтобы не сосредоточивать власть в крупном регионе в руках одного лица, поэтому при более чем двухзвенной системе все звенья выше второго управляются, как правило, коллективно и независимо друг от друга чиновниками, каждый из которых имеет свою узкую специализацию, или вовсе «инспекторским» образом, когда не было ни собственного штата, ни местных управлений этого уровня. В ряде случаев практиковалась также дуалистичная система территориального управления, включающая наряду с общегосударственными единицами уделы — территории, находящиеся под управлением отдельных представителей знати и также могущие включать низшие общегосударственные единицы. Некоторые территории управлялись особым образом, вне общего деления[32].

Если размеры территории Ляо и Цзинь были сопоставимы с территориями, занимаемыми «основными» китайскими династиями и потому по звенности управления не отличались от них, то Корея и Япония по размерам территории сравнимы с одной большой китайской провинцией. Поэтому их территориальное деление хотя и использовало почти всю китайскую терминологию, но всегда оставалось двухзвенным. Причем высшее звено — то, что там принято называть провинциями, — на самом деле представляло собой аналог среднего звена в Китае, а единицы, терминологически соответствующие среднему звену в Китае (области и округа), представляли собой на самом деле низшее звено и находились на равных правах с традиционным уездом в смысле одинаковой их подчиненности провинции. Вьетнам придерживался в основном трехзвенной системы управления, но за счет чрезвычайно малого числа (2–3) единиц уездного уровня, входящих в единицу среднего уровня.

На самом низу территориальной администрации традиционной дальневосточной системы находилась **деревенская организация.** Она, строго говоря, не входила в систему органов государственного управления, поскольку возглавлялась лицами, не принадлежащими к категории государственных чиновников. Однако система организации деревенского населения на Дальнем Востоке также весьма специфична и довольно точно соотносится с устройством государственного аппарата соответствующих стран и династий. Обычно она включала 6–7 звеньев от семьи до волости, преимущественно по пятеричной системе (некоторые из звеньев, часто это было третье от семьи, могли состоять из 4 или 10 единиц). В Чжоу 5 семей составляли *би*, 5 *би* — *лю*, 4 *лю* — *цзу*, 5 *цзу* — *дан*, 5 *дан* — *чжоу*, 5 *чжоу* — *сян*; во владениях, выделенных в уделы князьям — *чжухоу*, они назывались соответственно: *линь, ли, цзань, би, сянь, суй*. Каждая единица возглавлялась избранным главой. Высший из них — *сяндафу (суйдафу)* возглавлял, таким образом, 12,5 тыс. семей. В Цинь и Хань уезд также делился на волости *сян*, во главе которых стояли назначаемые уездом *сэфу* (в больших — назначаемые обла-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

стью *ючжи*), отвечавшие за сбор налогов, выборные *санлао*, ведавшие воспитанием, и *юцзяо*, отвечавшие за поддержание порядка. *Сян* делился на *тин* (1000 семей) во главе с назначаемым *чжаном*, *тин* — на *ли* (100 семей) во главе с назначаемым *куем*, а *ли* — на десятидворки *ши* и пятидворки *у*. В период Южных и Северных династий были только *сян* и *ли*, однако в Северном Вэй каждые 5 семей возглавлялись *линьчжаном*, каждые 5 *ли* — *личжаном*, а каждые 5 *тан* — *танчжаном*.

В классический период, начиная с Суй, для городского и сельского населения существовало разное деление: в сельских районах были *ли* из 10 семей и *тан* из 5 *ли*, в городских 5 семей составляли *бао*, 5 *бао* — *лю*, 4 *лю* — *цзу*, 5 *цзу* — *сян* из 500 семей. Каждую из единиц (и в Суй, и в Тан) возглавлял назначенный из общинников *чжан* или *чжэн*. В Тан 5 семей составляли *линь*, 5 *линь* — *бао*, 4 *бао* — *ли* (из 100 семей), которые объединялись в сельские общины *цунь* и городские *фан*, а эти единицы — в волости *сян*. В Сун сельское население объединялось в *ли* и *сян*, городское — в *фан* и *сян*. *Сян* возглавлял *сяншушоу*, *фан* и *ли* — *чжэны*[33]. В Цзинь 5 дворов объединялись в *линь*, а 5 *линей* — в *бао*.

Для более поздних периодов характерно существование двух параллельных систем по функциональному признаку. В Юань система, предназначенная для сбора налогов и полицейских функций, была унаследована от Тан: 4 семьи составляли *линь*, 5 *линь* — *бао*, 5 *бао* (и сельских и городских) — *ли* (100 семей) во главе с *личжаном*. Другая, накладывающаяся на нее (для ирригации, учреждения школ, благотворительности, посадки деревьев), объединяла 50 семей в *шэ* во главе с *шэчжаном*. В Мин и Цин также действовали две накладывающиеся друг на друга системы (фискальная *лицзя* и полицейская *баоцзя*): с одной стороны, 100 семей образовывали *ли* (в городах *фан*) и главы 10 наиболее значимых семей по очереди на 10 лет становились *личжанами*. С другой стороны, 100 семей делились на 10 *цзя* во главе с *шоу*, представлявшим свою группу семей перед *личжаном*. В середине правления Мин часть *ли* была переименована в *бао*, но функционировала так же. В XVI в. некоторое время поземельный налог было поручено собирать не уездным чиновникам, а особым *лянчжанам*. В Цин вскоре упор был сделан на новые группы в 10 семей во главе с *цзячжаном*, отвечающим перед уездом за сбор налогов. Наряду с этим 10 семей составляли *пай* с назначенным главой *пайтоу*, 10 *пай* — *цзя* во главе с *цзячжаном*, 10 *цзя* — *бао* (1000 семей) во главе с *баочжаном* или *баочжэном*.

В Японии ниже уезда стояли село — пятидворка — двор. То же самое и в Корее: волость (сельская община) *мён* — пятидворка — двор. В Наньчжао 100 семей возглавлялись сотником *цзунцзо*, 1000 — уже чиновником *жэньгуаном*[34]. Во Вьетнаме ниже уезда стояли группа общин (волость) *тонг* и община *са* (в XV в. их насчитывалось 8006), руководители которых в XV в. (*сачыонги*, прежде

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

сакуаны) не входили в состав чиновничества (в зависимости от числа полноправных мужчин в общине — 10, 50 или 100 — их могло быть от 1 до 3), однако в дальнейшем они, подобно чиновникам, стали обладателями земельных держаний на условиях *локдиена*[35].

Низшее звено. Низшим звеном территориального деления (управлявшимся государственным чиновником) во всех странах дальневосточного ареала традиционно всегда был уезд *сянь* (чжоуские *сян* и *суй*). Первые уезды появились в царстве Чу в 688 г. до н.э., в Цзинь — в 627 г. до н.э. (в середине века всего было 49), в Цинь — в VII в. до н.э., а завершилось создание их системы в середине IV в. до н.э.[36]. Уезд был наиболее стабильной единицей, хотя в разные эпохи мог входить в состав самых различных вышестоящих единиц.

В Хань во 2 г. до н.э. уездов насчитывалось 1346, в Цзинь в 280 г. — 1232, в Раннем Янь в 370 г. — 1579, в Северном Чжоу в 580 г. — 1124, в Суй в 609 г. — 1255. В Тан (где уезды делились на 7 категорий: императорские *чи*, столичные *цзи*, почетные *ван*, важные *цзинь*, высшие *шан*, средние *чжун* и низшие *ся*) в 639 г. их было 1551, в начале VIII в. — 1573, в 740 г. — 1473, в Сун (где уезды делились на 7 разрядов по количеству дворов — от 4 тыс. и более до менее 500) в начале 1100-х годов (во время наивысшего расцвета) — около 1500, в Бохае в 737 г. — 125, в Цзинь (где уезды делились на 7 разрядов: столичные, «красные» — провинциальных и областных центров и по количеству дворов: свыше 25 тыс. дворов, 20, 10, 3 и менее 3 тыс.) — 632 в начале и 683 во второй половине XII в., в Юань (где уезды делились на *шан, чжун* и *ся*: от 2 до 6 тыс. дворов на Севере и от 10 до 30 на Юге) — 1127, в Мин (где уезды делились по валовому сбору налога на *шан, чжун* и *ся*) — 1144–1171, в Цин — 1554 (в том числе 85 *тин* и 152 *чжоу* на положении уездов; некоторые имели население до 1 млн.)[37].

В Цинь, Хань, в период Южных и Северных династий, Суй, Тан, в период Пяти династий, Сун, Бохае, Ляо, Цзинь во главе уезда стоял начальник *лин* (или *чжан* при населении меньше 10 тыс., в период Южных и Северных династий иногда *сян*), в Юань — *инь (чжисянь)*, в Мин и Цин — *чжисянь*; ему помогали в Цинь–Хань, Тан, Сун — помощник *чэн* (в Хань также *чжанши*), военачальник *вэй* и делопроизводитель *чжубу*, а аппарат делился на отраслевые отделы *цао* (в Тан — 6, по числу министерств), где служили младшие чиновники, вместе именуемые *чжанли*, а также канцеляристы *ли*. В Ляо единицами того же ранга, что и уезды, были города *чэн* и крепости *бао*. В Юань более половины уездов были прямо подчинены *лу*, минуя областной уровень, а 98 — *фу*, имеющим выход на *шэн*, минуя *лу*. Города-центры *лу* не были организованы в уезды и управлялись правлениями *лушисы* во главе с наблюдающим.

В Цин начальник уезда имел ранг 7а (столичного уезда — 6а, чжоу на правах уезда — 5б). Его аппарат состоял из чиновников 3 категорий *цзоцзя*. 1. «Помощники»: а) помощник *сянчэн* 8-го ранга

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(известный также как заместитель *эръинь, фэньсянь, цзотан*); б) регистратор *чжубу* 9-го ранга (известный также как 2-й заместитель *саньинь*). В *чжоу* — старший помощник *чжоутун* (или заместитель *чжоуэршоу*) ранга 6б и младший помощник *чжоупань* или *фэньчжоу* ранга 7б. 2. «Полицейские»: *тяньши (ютан, шаовэй, ляньбу)* без ранга; в *чжоу — лиму* ранга 9б. 3. «Прочие»: а) помощник начальника *сюньцзянь* (также известный как *фэньсы, шаоинь, сюньцзай*) ранга 9б; б) начальник почты *ичэн* без ранга; в) сборщик налогов *шуйкосыдаши* без ранга; г) смотритель хранилищ *цандаши* без ранга; д) смотритель шлюзов *чагуань* без ранга; е) сборщик рыбных сборов *хобосогуань* без ранга[38].

В Японии уезды, введенные в 646 г., разделялись на 4 класса в зависимости от числа дворов (от 150 до 2500), а с 702 г. — на 5 классов (с числом чиновников от 2 до 8). В Силла наряду с 293 уездами *хён* (кит. *сянь)* низшей единицей были и 117 округов *кун* (кит. *цзюнь)*; во главе обычного уезда стоял *рён* (кит. *лин)*, во главе крупного — *сосу*, во главе округа — *кунтхэсу*. Пэкче делилось на 50 округов *кун*. В конце X в. в Корее насчитывалось 580 единиц низшего звена — областей, округов и уездов, в начале XI в. — 516. При этом все эти единицы — населенные пункты (несоподчиненные друг с другом) делились на 9 типов по значимости: *тэдохобу, тэдодокпу, мок* (7 чиновников), *чундохобу* (4), *паноджин, чу, кун* (по 4–5), *хён* и *чин* (по 2). Во главе их стояли *са, рён* (в *хён*) или *чан* (в *чин*). По «Тонгук тэджон» (вторая половина XV в.) всего насчитывалось 329 (в XV–XVIII вв. до 350) подчиненных провинциям административных единиц (т.е. низшего уровня, в том числе городов разного ранга): 28 *бу, тэдохобу* и *мок*, 44 *тохобу*, 82 *кун* и 175 *хён*[39], которые имели аппарат, разделенный на 6 отделов по тематике отраслевых министерств. Во Вьетнаме уезды именовались *хюен* (в конце XI в. их было 172; возглавлялись *чихюеном*, ранг 7б), а также *тяу* (в конце XV в. их было 50); *тяу* существовали уже при династии Чан (1226–1400), а при династии Ли (1009–1225) существовали также *хыонги* и *зяпы*, а в отдаленных и горных районах — *тяу* и *чай*. В XVIII в. в уездах были введены специальные должности военных чиновников, отвечавших за поимку дезертиров и предотвращение восстаний[40].

Среднее звено. Административно-территориальные единицы этого уровня (области и округа) были, как правило, трех видов: *цзянь, чжоу* и *фу*. В Цинь, Хань, в период Южных и Северных династий, Суй вышестоящей по отношению к уезду единицей была область (округ) *цзюнь*. В Цинь их было сначала 36, затем более 40, в Хань — сначала 70–80, во 2 г. до н.э. — 103, в т.ч. 20 уделов (включали по 3–51, но обычно 6–12 уездов), в Цзинь в 280 г. — 172, в Раннем Янь в 370 г. — 157, в Северном Чжоу в 580 г. — 508, в Суй в 609 г. — 190. В Тан в 639 г. было 358 *чжоу*, в 740 г. — 328, в Сун в начале 1100-х годов (во время наивысшего расцвета) — свы-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ше 300 единиц (в т.ч. 253–255 *чжоу*, 8–13 *фу*, 44–46 *цзюнь* и 3–4 *цзянь*; по другим данным — 254–38–59–4 соответственно), в Бохае в 737 г. — 62, в Цзинь в начале XII в. — 156, во второй половине XII в. — 190 *чжоу, цзюнь* и *фу* различных типов, в Юань — до 400 (33 *фу*, более 359 *чжоу* и 4 *цзюнь*), в Мин в последние десятилетия — 159 *фу* и 234 (224) *чжоу*, в Цин — 185 *фу*, а также 41 независимый *тин* и 72 *чжоу* (или 184 *фу* и 239 *чжоу*). Во главе области стояли *шоу* (в Хань — также *тайшоу, цзюньшоу, цзюньчжан,* в период Южных и Северных династий, Суй — *тайшоу*), его помощник *чэн* и командующий войсками *вэй* (в Хань также *дувэй*). Аппарат области делился на отделы *цао*, соответствующие таковым же в управлении Главного канцлера, а затем отраслевым министерствам в столице. В Хань областной аппарат включал более 30 должностей (с канцеляристами в I–II вв. 500–900 и более)[41].

В Суй в 586–605 гг., Тан, в период Пяти династий, Сун, Бохае, Ляо, Цзинь, Юань роль среднего звена исполняли *чжоу* во главе с *цыши* и округа *фу*, которым непосредственно подчинялись уезды и аппарат которых делился на отраслевые отделы *цао*. В Тан области подразделялись на большие, средние и малые (более 40 тыс., 30–40 и менее 30 тыс. дворов), в среднем по 5 уездов; 3 особенно важные области назывались *фу* и возглавлялись *му*, обычно принцем крови, и помощником *инь* (в Ляо — одним *инь*). В Тан в пограничных и в важных в военном отношении районах *цыши* мог называться командующим *дуду цыши* или сама *чжоу* именоваться военным районом *дудуфу* под началом *дуду*. В Сун важные в военном отношении области назывались *цзюнь* (как и в Ляо), а в хозяйственном — *цзянь*, они включали только 1–2 уезда, тогда как *фу* — 10–12[42]. В Сун часто на посты глав областей и уездов вместо регулярных начальников назначались чиновники из центра в качестве временных «управляющих делами» *чжи...ши*, а в конце Сун главы областей даже стали называться *чжичжоу, чжифу, чжицзюнь, чжицзянь*, а уездов — *чжисянь*. Кроме того, для каждой области существовал куратор, так называемый *цзяньчжоу*, официально именовавшийся в центральном аппарате *тунпань* такой-то области, без подписи которого не могло выйти ни одно распоряжение. Штат области включал заместителя (в важных областях могло быть и два) *тунпаня*, помощников *мучжи*, в том числе инспектора штаба *паньгуаня*, секретаря *чжиши* или главного секретаря *чжаншуцзи* и судью *туйгуаня*, а также инспекторов: исполнительных *лушицаньцзюнь*, полицейских *сылицаньцзюнь*, юридических *сыфацаньцзюнь*, финансовых *сыхуцаньцзюнь*, образовательных *вэньсюэцаньцзюнь*, инструкторов *цзяошоу* или советников *чжуцзяо*, а также клерков и обслугу[43].

В Ляо имелось 5 категорий *чжоу* в зависимости от значимости их глав — комиссаров *цзедуши, гуаньчаши, туаньляньши, фанъюши* или обычного *цыши*; в каждой категории различались высшие, средние и низшие *чжоу*. В Цзинь наряду с обычными *чжоу* и *цзюнь* сущест-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

вовали особые: *цзючжэнь* — пограничные, *фанъюй* — сторожевые, *цыши* — самостоятельные (возглавлявшиеся комиссарами *цзедуши, гуаньчаши, фанъюши* и т.д.), а также *саньфу* — всего 6 типов единиц этого уровня, каждый из которых разделялся еще на три разряда по степени важности. В Си Ся известны: *фу* во главе с *дадуфу* и *чжоу* во главе с *чжоучжу* или *цыши* (командующие обороной округа именовались *фанъюйши*, а управляющие местными племенами — *фаньбу чжихуйши*). В Юань единицы этого уровня были трех типов: *фу* или *саньфу* (наиболее важные), *чжоу* и *цзюнь*. Во главе их стоял *инь*, иногда *чжифу* или *чжичжоу*. Некоторые *фу* и *чжоу* имели прямой выход на высшие единицы, минуя *лу*. *Чжоу* и *цзюнь* разделялись на высшие, средние и низшие (на Севере — от 15 до 6 тыс. дворов, но на Юге — от 50 до 30 тыс.). В Юань *чжоу* делились на 3 типа (более 50 тыс., 30–50 и менее 30 тыс. дворов)[44].

В Мин и Цин единицей среднего уровня стала *фу* (делились по разновидностям на *шан, чжун* и *ся*) во главе с *чжифу* (вокруг столиц — *фуинь*), а *чжоу* во главе с *чжичжоу* превратилась в промежуточное звено между ней и уездом. В Цин равнозначной единицей наряду с *чжоу* была также *тин* (ранее — часть *чжоу*) во главе с *тунчжи* или *тунпанем*, причем некоторые крупные *чжоу* и *тин* были подчинены непосредственно провинции (регионам *дао*), а некоторые уезды — *фу*. В Цин часть *чжоу* и *тин* не имела подчиненных уездов; *фу* и уезды, в которых находились центры провинций, назывались *шоуфу* и *шоусянь*. У *чжифу* были старшие *тунчжи* и младшие *тунпань* помощники, а также 17 видов других чиновников. Аппарат независимых *чжоу* и *тин* напоминал аппарат *фу*, а обычных — уездный (всего от нескольких до 30 чел.).

На крайнем Юге в Юань к низшим *чжоу* были приравнены специальные единицы для неассимилированных аборигенов во главе с племенными вождями: *сюаньфусы, чжаотаосы, цзунгуаньфу, ваньхуфу*. В Мин вожди племен были приравнены к главам областей и уездов, а наиболее важные именовались *сюаньвэйши, сюаньфуши, аньфуши* и т.п. В Цин аборигены Юга управлялись, как и в Мин, своими вождями через систему «туземных управлений» *тусы* и чиновников *тугуань*, которые именовались *тучжифу, тутунпань* и т.д., другие имели звания типа комиссаров по умиротворению *сюаньвэйши* и т.д. Тайпины (чье государство также делилось на провинции, округа *цзюнь* и уезды) учреждали в округах и уездах конторы во главе с *цзунчжи* (гражданские) и *цзянцзюнями* (военные), назначавшимися центром и контролировавшимися военными властями округов и уездов, а в 1853 г. создали систему *сянгуаней*, исполнявших те же функции, что уездные и окружные управления при Цинах[45].

В Японии выше уездов стояли 68 провинций (просуществовавших с 646 до 1871 г., когда они были заменены префектурами), делившихся по величине на 4 класса (с числом чиновников от 5 до

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

9): 13 больших, 35 крупных, 11 средних и 9 малых. В Силла низшие единицы подчинялись 9 областям *чу*, в Пэкче — 5 областям *пан*. В период Корё Корея в 983 г. была разделена на 12 областей *мок*, а в 995 г. — на 10 провинций *то*, в начале XI в. — на 6 *то* и 2 особых пограничных округа, в конце XII в. провинций было 13, в конце XIII в. — 6, с 1413 г. — 8 (глава провинции именовался *анчхальса, аннёмса, тобусо, камчханса* и др.). С XV в. губернатор *кванчхальса* с помощником *тоса* имели аппарат, разделенный на 6 отделов по тематике отраслевых министерств. Во Вьетнаме уезды (по 2–4, чаще по 3) еще при династии Ли (с XI в.) подчинялись областям *фу* во главе с *чифу* (ранга 6б), которых с XV в. насчитывалось 52[46].

Высшее звено. В Хань (со 106 г. до н.э.) впервые появляется звено, стоящее между областями и центром, — 13 провинций *бу*, позже *чжоу*, объединяющие по 5–10 областей или уделов. Первоначально провинции были не административными, а контрольными единицами. Для каждой назначался цензор из штата «дворцового помощника» Главного цензора — региональный инспектор *цыши*, 5 *цунциши* и еще 6 чиновников. В 188 г. *чжоу* превратились в полноценные административные единицы, а *цыши* были заменены губернаторами *чжоуму* (до 188 г. назначались параллельно с *цыши*). В период Южных и Северных династий провинции существовали везде, но сильно измельчали, включая по 2–3 подчиненные единицы. В Поздней Хань их было 12, во время Троецарствия — 16, в Восточном Цзинь — 20, в Северном Вэй — 26, в Лян — более 100, в Северном Чжоу в 580 г. — 211, в Лян — 170 (разделенных на 5 категорий по величине), в Северном Ци — 97 (9 категорий). В период Южных и Северных династий главами провинций по-прежнему были *чжоуму* или *цыши* (или оба вместе, известные как внешние цензоры *вайтай*), в Суй — *цыши*.

В Суй в 605 г. провинции *чжоу* были упразднены, и в Тан равного им звена формально не существовало, поскольку восстановленные там *чжоу* превратились в среднее звено; на практике же высшим звеном стали генерал-губернаторства *дао* — первоначально особые военно-надстроечные единицы, позже покрывшие всю страну и превратившиеся в общегосударственные единицы (см. ниже). В Сун высшей единицей были именно эти танские *дао*, с 997 г. именовавшиеся *лу*. Обычное *дао* совпадало с территорией, находящейся под юрисдикцией специализированных комиссаров: налогового и юстиции. Сначала *дао* было 10, в конце — 26, в Южном Сун — 16 (по другим данным — 15–26–17). Основатель Сун заменил всех глав *дао* — *цзедуши* верными гражданскими чиновниками — комиссарами *ши* со специализированными функциями — так, чтобы ни один из них не мог концентрировать всю власть в этих больших регионах.

В Юань высшими территориальными единицами были 12 (10–11) провинций *шэн*, выросшие из территорий, подведомственных отделениям палаты Чжуншу. Они (кроме столичной) управлялись отде-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лениями *син* палаты Чжуншу, организованными по образцу центральной, и возглавлялись двумя *пинчжанчжэнши*, а иногда одним *чэнсяном*, но не имели подчиненных подобий отраслевых министерств, а только специализированные учреждения, бывшие не во всех провинциях, а некоторые — лишь в одной: Управления конфуцианских школ (во всех провинциях), монгольских школ, чайной и соляной монополии и т.д. Органами, равнозначными отделениям палаты Чжуншу в военной сфере, были отделения *син* Военного Бюро во главе с 1–2 *чжиюань*, а в надзорной — два отделения *син* цензората во главе с главными цензорами и штатом, похожим на центральный (но без дворцовых цензоров) — по 28 и 20 цензоров. Ниже провинций *шэн* стояли примерно 60 (сначала 22) регионов *дао* с агентствами, связывающими *шэн* и нижестоящие единицы. Управления по умиротворению *сюаньвэйсы*, главные военные командования *дуюаньшуайфу* и т.п. относились к сфере ведения отделений Военного Бюро, а управления по надзору *тисинъаньчасы* (с 1291 г. *сучжэнляньфансы*; в момент наибольшего расширения Юань — всего 24) — к сфере цензората. *Лу* в Юань (185) были полноценными территориальными единицами, управлявшимися присутствиями *цзунгуаньфу* во главе с *цзунгуань*, которые через отделения палаты Чжуншу подчинялись 6 столичным министерствам, но одновременно были объектом надзора агентств регионов *дао*. *Лу* (около 100 тыс. дворов) разделялись на высшие и низшие по количеству населения. Их аппарат ведал налогами, доходами, школами и юстицией.

В Мин было 13 провинций *шэн* (в 1407–1428 гг. еще Аннам — оккупированный Вьетнам), каждая из которых управлялась тремя независимыми друг от друга комиссиями *саньсы* во главе с комиссарами. 1. Административная комиссия *бучжэншисы* (бывшая до 1376 г. отделением палаты Чжуншу), ведавшая всеми гражданскими делами, особенно налогами, возглавлялась 2 комиссарами *бучжэнши*, несколькими заместителями *цаньчжэн* и помощниками *цаньи* (в офисе комиссаров *фэньсы* служило 13 чиновников). Эти чиновники (известные как «окружные интенданты») инспектировали различного рода регионы *дао*: одни — все дела, но в ограниченном районе, другие — по всей провинции, но по узким вопросам. Общеадминистративных регионов *фэньшоудао* было 3–8 на провинцию, кроме того, каждая имела фискальный регион *дуляндао* и несколько других специальных. 2. Надзорная комиссия *аньчашисы* во главе с комиссаром *аньчаши*, заместителями *аньчафуши* и помощниками *аньчацяньши* была наследницей отделения цензората в Юань. Каждая провинция имела 3–9 надзорных регионов *фэньсюньдао*, 2–7 регионов проверки записей *шуачжуаньдао* и 1–12 военных регионов *бинбэйдао*, большинство имели также образовательный *тидусюэдао*, очищения войск *цинцзюньдао* и почтовый *ичуаньдао*. 3. Военная комиссия *дучжихуйшисы* (бывшая до 1376 г.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

отделением Военного Бюро, или Главного военного управления *синдудуфу*) возглавлялась *дучжихуйши*, который ведал всеми войсками провинции и подчинялся Военному Бюро (с 1380 г. — 5 управлениям) в столице. Кроме того, в провинции вне названных комиссий действовали отделения центральных ведомств, непосредственно подчиненные своему центральному аппарату: 1) 4 отделения Императорских конюшен и 4 пастбищных управления *юаньмасы* (Военного министерства); 2) 12 внутренних таможен *чаогуань* и много контор производственных сборов *чоуфэньцзюй*, ведавших продукцией лесных промыслов (Министерства налогов, с 1471 г. — Министерства общественных работ); 3) 6 соляных управлений (комиссий) *дучжуаньюньяньшисы* и 14 их отделений *фэньсы*; 4) 7 соляных управлений (надзоров) *янькотицзюйсы*; 5) 4 управления по закупке лошадей *чамасы* в западных пограничных районах; 6) 13 контор по плавке железа *теесо*; 7) 3 управления по надзору за морской торговлей *шиботицзюйсы*.

В Цин к 1850 г. было 18 провинций *шэн* (в том числе столичная), к 1885 г. — 23. Они возглавлялись губернатором *сюньфу* (ранг 2б); в отличие от Мин это был постоянный пост, а не временное назначение, но губернатор по-прежнему не имел своего управления, кроме личных секретарей *муфу* (хотя все провинциальные службы сносились с центром через него). Кроме трех, все губернаторы были подчинены генерал-губернаторам *цзунду* (ранг 2а), руководившим (также без штата) двумя (один — тремя) провинциями (в 1850 г. генерал-губернаторов было 9, причем двое управляли лишь одной провинцией, будучи также губернаторами), в одной из которых они занимали и пост губернатора. Генерал-губернаторы и губернаторы занимали также столичные должности и имели право сместить любого чиновника в провинции. Как и в Мин, в провинции были комиссии: Административная *чэнсюаньбучжэншисы* во главе с *бучжэнши*, занимавшаяся главным образом финансами, и Надзорная *тисинъаньчашисы* во главе с *аньчаши*, контролировавшая юстицию и выполнявшая цензорские функции. Финансовый (всего 19 чел., так как в Ганьсу было 2 чел.) и юридический (18 чел.) комиссары назначались на 3 года и имели право доклада императору. Комиссар по образованию *тидусюэчжэн* не был частью общей администрации, но пользовался влиянием в провинции (он имел постоянную должность в столице и на 3 года назначался в провинцию для надзора за школами и экзаменами, фактически совершая 2 инспекционных тура в год, причем учащиеся школ выпадали из подчинения областных и уездных начальников). Этим комиссарам подчинялись 190 чиновников сферы образования в *фу* (по 9–10, до 17 в провинции), 210 в *чжоу* и *тин* (по 10–30) и 1105 уездных (по 3–100) со 1512 помощниками (1–121 в провинции)[47]. Первоначально эти функции выполнял *аньчацяньши*, руководивший провинциальным образовательным округом *дусюэдао*. Как и в Мин, следующим

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

уровнем были регионы *дао* разных типов[48]. До 1735 г. это по-прежнему были *фэньшоудао, фэньсюньдао* и ряд более специальных, где заправляли *бучжэнцаньчжэны, бучжэнцаньи, аньчафуши* и *аньчацяньши*. В 1735 г. посты комиссаров преобразованы в постоянные для данной территории, и комиссары больше не являлись представителями провинциальных комиссий. Основными административными единицами были общеадминистративные *шоудао* и надзорные *сюньдао*, связанные с конкретной местностью, но существовали и специализированные: водных путей *ходао*, зерновых сборов *лянчудао* и соляного контроля *яньфадао*. Большинство провинций имели 3–6 регионов (всего в середине XVIII в. — 89, в конце XIX в. — 92).

Сопредельные страны, применявшие трехзвенную систему управления, обычно использовали и китайские названия, но в ряде случаев наименования территориальных единиц не вполне соответствовали китайским. В Бохае имелось 15 областей *фу* во главе с *дуду*, бывших высшей по отношению к округам инстанцией. Территория Наньчжао делилась на 6, затем 10 областей *цзянь*. Ляо делилось на 5 регионов *дао*, центром которых были столицы *цзин*: Верхняя, Восточная, Центральная, Южная и Западная (в Цзинь вместо Южной — Северная). Все они, кроме той, центром которой была Верхняя (главная) столица, возглавлялись регентами *люшоу* (он же по совместительству *инь* столичного *фу)*, членами императорского клана. Их окружение составляли 2 Великих советника *цзайсяна*, главнокомандующий *дуцзунгуань* и главный инспектор *дуюхоу*, а также несколько налоговых комиссаров: *хубуши* в Восточной, *дучжиши* в Центральной, *саньсыши* и *чжуаньюньши* в Южной и *цзисы* в Западной. Цзинь делилось на 19–20 провинций *лу* (5 из которых, как в Ляо, управлялось из малых столиц, а остальные — военными командованиями *цзунгуаньфу*) во главе с *люшоу*. Они делились по значимости на три разряда. В штат *лу* входили налоговый комиссар *чжуаньюньши*, юридический *тисинши* или по снабжению *аньчаши*, один их которых по совместительству мог быть военным *аньфуши* или сельскохозяйственным *цюаньнунши*. Вьетнам при династиях Ли (1009–1225) и Чан (1226–1400) делился на *ло*, с начала XV в. — также на *ло* и *чаны*. Впоследствии страна делилась (с XV в.) на 13 провинций *тхыатиен* или *сы* во главе с *тхыатиенши* (ранг 3б) и независимым от него судебным чиновником *хиеншатши* (6а), аппарат их включал три управления: *тхыа*, ведающее общеадминистративными вопросами, *до* — военными и *хиен* — контролем. Практически независимый Юг (Дангчаунг) в XVIII в. был разделен на 12 провинций *зиней*, управляемых каждая тремя чиновниками: *чантху, кайба* (сборщик налогов) и *килюком*. При Нгуенах (с 1802 г.) существовало 23, потом 29 провинций *тинь* (в 1820–1830 гг. были отменены крупные наместничества *бо*)[49].

Особые военно-надстроечные единицы (генерал-губернаторства). В период Южных и Северных династий губернаторы наи-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

более крупных провинций (военные лидеры) руководили несколькими провинциями и именовались региональными командующими *ду...цзюньши* или региональными главнокомандующими *дуду, цзунгуань*. Кроме того, каждый режим обычно учреждал в новоприсоединенных землях отделения *син* палаты Шаншу, что было прототипом провинциальной организации. В Раннем Суй также существовали *цзунгуань*, однако затем в новоприсоединенных землях обычно учреждались отделения *син* палаты Шаншу — *синтайшэн*. В Тан несколько *чжоу* или *дудуфу* могли составлять большой военный район *дадудуфу* во главе с главнокомандующим *дадуду* или регионы *дао* во главе с военным комиссаром *туаньляньгуаньчаши*; еще одной особой единицей был протекторат *духуфу* во главе с *духу*, создаваемый на землях за пределами традиционных границ. В VIII в. наиболее крупные военные руководители особых пограничных округов *чжэнь — цзедуши* приобрели и общегражданские функции, а в конце столетия появились и в центральных районах, и их владения *дао* (не путать с регионом) стали еще одним звеном над регионами *дао* и областями[50]. В Тан к военным губернаторам двор назначал евнуха в качестве инспектора армии *цзяньцзюнь*, военного заместителя *синцзюньсыма* и их помощников. Губернатор рекомендовал командующего *дучжибинмаши* и выбирал командиров гарнизонов и чинов *яцзюнь* (род губернской гвардии), число которых варьировалось, но всегда включало: ответственного администратора *дуяя*, командующего *янэйдуцзян*, нескольких офицеров *яцзян, ясяо* и административных чиновников *яя*. Для нужд общего управления двором назначались: помощник губернатора *фуши*, администратор *цзедупаньгуань*, инспектор *гуаньчапаньгуань*, секретарь *чжаншуцзи*, секретарь инспектора *гуаньчачжичжи*, юридический администратор *туйгуань*[51].

В Цин рудиментом военно-надстроечной системы было существование генерал-губернаторов (см. выше). В Японии существовало *Дадзайфу* — главное наместничество области Сайкайдо (частично заселенной неяпонскими племенами), которому подчинялись 11 провинций. В Корее периода Корё с начала XI в. 2 особых пограничных района Северный (позже Западный) и Восточный функционировали сначала на правах провинций, но в XII в. включали в себя первый — 2, а второй — 3 провинции и представляли собой наместничества во главе с генерал-губернаторами. Во Вьетнаме в начале XV в. также существовали некоторое время 5 крупных военных округов *дао* во главе с *ханькхиеном*, но потом они были раздроблены и превратились в следующее за областным звено — провинцию. В Наньчжао также было 6, затем 10 генерал-губернаторств *цзеду*.

Межрегиональное управление, характерное для классического периода, берет начало с посылки (в Тан) в провинцию некоторого числа высоких чиновников, обычно формально принадлежащих к штату цензората и именуемых комиссарами *ши*, с различиями в

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

зависимости от специфики их функций: по надзору *сюньчаши*, по умиротворению *аньфуши*, по помощи *цзуньфуши* и др. Оно тесно связано с существованием особых (военно-надстроечных) единиц. В 706 г. координация между территориальными единицами и центром была поставлена на регулярную основу. *Дао* (созданы в 627 г. числом 10) были подобием провинций, но не имели органов управления. Вместо этого в *дао* назначались надзорные комиссары *аньчаши* (со многими вариациями) для проверки входящих в него областей. При Сюань-цзуне число их и разнообразие (по доходам, сельскому хозяйству, борьбе с бандитизмом и т.д.) возросло. В 733 г. после реорганизации насчитывалось 15 *дао* с комиссарами по расследованию *цайфанши*, вскоре замененными комиссарами по надзору *гуаньчаши*. После мятежа Ань Лушаня территориями, находящимися под контролем властей, обычно управляли *гуаньчаши*, совмещавшие функции гражданского губернатора и военного комиссара. В Тан существовали также транспортные комиссары (по доставке налогов по Большому каналу и Хуанхэ в Лоян и Чанань: с 712 г. — *шуйлучжуаньюньши*, с 734 г. — *чжуаньюньдуши*, с 763 г. — *чжуаньюньши*) и соляные (по соблюдению соляной монополии: с 758 г. *цзюэяньтеши*), впоследствии объединенные как *яньтечжуаньюньши* и фактически ставшие вторыми министрами налогов.

В Сун 4 комиссии во главе с комиссарами в каждом *дао* (или позже — *лу*) вместе назывались *сыцзяньсы*:

1) военный *аньфуши* (и варианты) возглавлял военную комиссию *шуайсы*; в пограничных регионах он мог осуществлять и гражданскую власть и именоваться главнокомандующим *дуцзунгуань* (одновременно занимая пост главы военной области *цзюнь* и управляя с помощью ее штата);

2) налоговый *чжуаньюньши* возглавлял налоговую комиссию *цаосы*; он также иногда заправлял всеми гражданскими делами, иногда он назначался на два соседних *дао* и назывался *дучжуаньюньши*; ему помогали *чжуаньюньфуши* и *паньгуани*;

3) комиссар юстиции *тисинъаньчаши, титяньсинъюгунши* возглавлял комиссию юстиции *сяньсы* и надзирал за тюрьмами;

4) комиссар по снабжению *фаюньши, тицзюйчанпингунши* возглавлял комиссию снабжения *цансы* и ведал производством и развитием сельского хозяйства (ему также помогали *дуцзяни* и *паньгуани*), иногда их было несколько, иногда не было совсем, и его обязанности выполнял налоговый комиссар[52].

В Мин выше провинциальных агентств стояли так называемые великие координаторы *сюньфу*, назначаемые на длительный срок для руководства всеми тремя провинциальными комиссиями, а также верховные командующие *цзунду* — для руководства военными делами нескольких (до 5) провинций. И те и другие были высшими чиновниками центрального правительства (номинально числившимися заместителями министров первые или военными мини-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

страми — вторые), не имевшими своих штатов (а только личных секретарей *муфу*). В Мин существовало также множество мелких специализированных агентств, ассоциированных с местными территориальными единицами: полицейские управления *сюньцзяньсы*, почтовые станции *и*, транспортные конторы *тиюньсо*, управления торговых сборов *сюаньказсы* и др., конторы рыбных сборов *хопосо*, конторы по контролю за чаем и солью *пияньсо*, склады, зернохранилища, мануфактуры и школы. В Цин имелись также чиновники межпровинциального характера или существовавшие только в нескольких провинциях, в частности генерал-директор зерновых перевозок *цаоюньцзунду*, 3 генерал-директора Большого канала *ходао-цзунду* и 5 соляных комиссаров *дучжуаньюньяньши*.

Управление столицами и столичным регионом. В традиционной дальневосточной системе столицы и столичные регионы управлялись обычно особым образом. В Цинь столичный регион находился в ведении одного из дворцовых управлений во главе с *нэйши*. В Хань после 104 г. до н.э. он управлялся триумвиратом *саньфу* из столичного губернатора *цзинчжаоинь*, «левого» *цзопиньи* и «правого» *юфуфэн* стражей с большим штатом; стражи с 89 г. до н.э. перешли в ведение военачальника, подчиненного непосредственно императору, — *сылисяовэю* или позже *сыли*[53]. В период Южных и Северных династий столичный регион именовался *сыли* или *сычжоу*. В Си Ся столичным округом и столицей в отличие от прочих областей управлял *инь*.

В ряде стран региона помимо главной имелось несколько столиц — традиция, идущая от танского Китая с его пятью столицами. В Бохае, Ляо и Цзинь их было тоже 5: Верхняя, Восточная, Центральная, Южная и Западная (в Цзинь вместо Южной — Северная, потом столиц стало шесть) во главе с *люшоу*, особое положение среди которых занимал наместник главной — Центральной столицы, но в Ляо столицы являлись еще и центрами регионов, на которые делилась страна, а в Бохае — центрами областей, равных другим 10 областям. В Наньчжао имелось 2 столицы. В Юань, где было две столицы, Кайпин, или Верхняя столица *шанду*, управлялся регентством *люшоусы*, а Пекин, или Большая столица *даду*, — регентством под наблюдением двух высших учреждений: Главного командования *Дуцзунгуаньфу* и Главной военной комиссии *Бинмадучжихуйшисы* (Пекином ведали две полицейские комиссии *цзинсюньюань*, а Кайпином — одна). В Мин имелось 4 столицы. Во второй по значению — Нанкине (столица до 1420 г.) действовали органы, дублирующие пекинские, две другие управлялись специальными регентствами *люшоусы*. Пекин с округой именовался Северной столицей *Бэйцзин* или Северным столичным регионом *Бэйчжили*, а с 1421 г. — просто столичным регионом *цзинши, чжили*, а Нанкин с этого времени — Южной столицей *Наньцзин* или Южным столичным регионом *Наньчжили*. Инспектирование уровня *дао* этих двух столичных

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

регионов осуществлялось чиновниками соседних провинций, а эти регионы подчинялись непосредственно центру.

В Японии столица (делившаяся на две части) управлялась двумя («левым» и «правым») управлениями; провинция Сэцу, неоднократно избираемая в качестве императорской резиденции, до 793 г. имела не обычное провинциальное, а особое управление, равное столичной управе. В Силла для управления столичной префектурой существовало *Чонынсо* и некоторые другие учреждения. Но имелось еще 5 «малых столиц» *согёнов*, находящихся вне областного деления. В период Корё статус «малых столиц» имели 3 города (бывшие столицы Трех государств): Пхеньян с 918 г., Кёнджу с 982 г., Янджу с 1047 г., именовавшиеся соответственно Северной, Восточной и Южной; они управлялись специальными органами — *юсугванами*. При этом Согён, действительно игравший роль второй столицы страны, имел административный аппарат, дублировавший столичный, хотя и более скромного размера.

Уделы представляли собой особые административно-территориальные единицы, управлявшиеся родственниками императоров. В Чжоу территории вне ванского домена именовались *го* (государства); они находились во владении *чжухоу* и управлялись ими самостоятельно; представителем центральной власти был периодически наезжающий инспектор *дафуцзянь*. В Хань существовало более 130 уделов *го* двух типов (в зависимости от размеров): во главе с *ванами* и *хоу*, которые сначала управлялись по образцу общегосударственных единиц, а после 154 г. до н.э. перешли полностью под контроль центра и отличались от обычных единиц (уделы охватывали область или уезд) только по названию. Во главе удела стоял *госян*, назначаемый центром и подчиненный ему. Такие же уделы *вангo* и *хоуго* существовали в период Южных и Северных династий наряду с обычными областями и уездами. Они возглавлялись *нэйши*, *сянами*. В Мин основатель династии раздал уделы своим детям, которые получили военную и административную власть, хотя и нечетко определенную. После войны 1399–1402 гг. военно-политическая сила уделов была сломлена, но они продолжали существовать до конца династии[54].

5. Армия

Вооруженные силы в традиционной дальневосточной системе на протяжении столетий имели сходные базовые черты и принципы организации. Применительно к организации военного аппарата классической и нормативной формой можно считать такую, которая предусматривает наличие следующих черт и элементов.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

1. Военное управление сравнительно слабо отделено от общегосударственного.

2. Высшее военное управление зачастую либо отсутствует, находясь в непосредственном ведении императора, либо находится в руках гражданских лиц.

3. Войска делятся на столичные и провинциальные; первые располагаются в окрестностях столицы, вторые разбросаны гарнизонами по всей стране.

4. Столичные войска делятся на две части, одна из которых («северная») представляет собой собственно армию, а другая («южная») — Императорская гвардия — несет охранно-полицейские и парадные функции, включая в свой состав и личную охрану императора.

5. Основой провинциальных войск являются гарнизоны (где солдаты постоянно жили, обучались и откуда на временной основе направлялись на специальную службу), управляемые через систему военных округов или региональных командований.

6. Наличие особой территориальной военной организации на границах.

7. Система военных поселений, существующая либо в чистом виде (Хань), либо как вспомогательная для обеспечения войск продовольствием.

8. Отсутствие постоянной тактической организации; для каждой военной кампании специально создаются полевые армии из подразделений гарнизонных и столичных войск.

9. Прохождение службы связано с постоянной ротацией гарнизонных солдат, каждый из которых должен был некоторое время служить и в столице, и на границах.

10. Войска комплектуются преимущественно на основе рекрутского набора, связанного со всеобщей воинской повинностью, либо представляют собой сословие потомственных солдат. При этом «северная» часть столичных войск независимо от общих принципов всегда комплектуется только профессиональными солдатами и на постоянной основе.

Принципы комплектования. В традиционной дальневосточной системе практиковались в разные эпохи все известные способы комплектования армии: всеобщая воинская повинность, рекрутский набор, наем добровольцев и наследственная служба. Однако соотношением их она существенно отличается от других систем. Если не считать древности (в Чжоу армия состояла из знати, сражавшейся на колесницах, и пехоты, состоявшей из зависимых людей), то четко выделяются следующие принципы.

Всеобщая воинская повинность с древности отличала традиционную дальневосточную систему. Теоретически она существовала всегда как элемент общей повинности населения, всецело находившегося (в идеале) под полным государственным контролем. В периоды ее прямого действия реализация ее происходила сле-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дующим образом. Все мужчины определенного возраста (в Цинь старше 23 лет, в Хань по достижении 20 лет) заносились в служебные списки и в возрасте 23–57 лет могли быть призваны на службу (причем на действительную — с 24 лет). Ежегодно они призывались на месячные сборы в своем уезде, а раз в жизни каждый должен был прослужить 2 года на действительной службе, в Хань — 1 год. Находясь на действительной службе, он мог быть назначен в полевую армию, собираемую для военных действий.

Этот принцип был с древности характерен и для Кореи, где существовал всегда (для мужчин 16–60 лет), будучи на практике отчасти потесненным в период Корё и в XVII–XIX вв., и для Вьетнама начиная с династии Ли — 1009–1225 гг. (для мужчин 18–60 лет; он был ослаблен в XVI–XVII вв., но восстановлен в 1721 г.[55]), и для Японии до 792 г. (всеобщая воинская повинность была восстановлена затем только в 1872 г.), где с каждого двора из трех мужчин 20–60 лет брали одного, и для Наньчжао (брался один мужчина от 3 семей[56]), и для Си Ся (призывной возраст 15–60 лет)[57], и для Ляо (призывной возраст 15–50 лет)[58]. В Цзинь он действовал в отношении чжурчжэней (но для призванных служба фактически превращалась в кадровую, иногда пожизненную), а в военное время мобилизация распространялась на все население[59].

Рекрутская система (фубин) также была основана на всеобщей воинской повинности, но отличалась от ее прямой реализации тем, что на службу призывалась только часть сыновей, но зато пожизненно (хотя и не наследственно). Система предусматривала, что призванные на службу постоянно служили в одном из разбросанных по стране гарнизонов, где обучались, тренировались, проверялись, а периодически направлялись на службу в столицу, на границы или в создаваемые для военных действий полевые армии. Кроме того, они находились на самообеспечении, чередуя в своих гарнизонах военную службу с занятием сельским хозяйством. Система *фубин* сложилась в период Южных и Северных династий в Северных династиях и впервые была сформулирована в 564 г. в Северном Ци (там армия делилась на пехоту — «внутренние отделы» *нэйцзао* и кавалерию — «внешние отделы» *вайцзао*), где годными для службы считались все мужчины от 20 до 60 лет. В Восточном Вэй от каждой семьи с более чем двумя сыновьями брался пожизненно один рекрут. В Суй система *фубин* была введена в 583 г., а в 590 г. с упразднением различий между военным и гражданским двором все взрослые были занесены в единую цензовую категорию и стали объектом призыва. Обучение и тренировка призванных были возложены на квартальные общества *цзюньфан* в городах и на поселковые общества *сянтуан* в сельской местности под руководством *фанчжу* и *туанчжу* соответственно. Такие местные единицы образовывали гарнизон *фу* — административную единицу. В Тан, где эта система действовала наиболее эффективно, призывался 1 человек (в воз-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

расте 21–60 лет) на 6 семей; но в начале 70-х годов система *фубин* утратила эффективность.

Набор добровольцев за плату (мубин) также начал практиковаться в период Южных и Северных династий. Южные династии не имели стандартных систем призыва и чаще всего комплектовались добровольцами или насильно. В Суй, когда во время войн с Когурё *фубин* оказалось недостаточно, император Ян-ди, доводя армию до 1,1 млн. чел., постоянно должен был использовать наемников. В Тан в 723 г. перевод из гарнизонов в столицу был прекращен и вместо этого набрано большое число наемников. В Мин в поздний период (XVII в.) наследственная система комплектования также была дополнена наймом *мубин*. В Корее к XIX в. этот принцип, применяемый с XVII в., стал практически единственным, в результате чего при 1,2 млн. человек в рекрутских списках на постоянной службе к 80-м годам XIX в. армия насчитывала 3–10 тыс. чел. Для Сун характерна опора на профессиональных солдат, которыми были укомплектованы и столичные (Императорские армии), и провинциальные (Префектурные армии) войска, т.е. все, кроме местных милиционных формирований. Вербовка наемников производилась и в конце существования государства Цзинь[60].

Принцип *наследственного комплектования* также берет начало в период Южных и Северных династий. На Юге, поступив на службу, человек, как правило, становился профессиональным и даже наследственным солдатом, обычным было превращать в наследственных солдат не только его потомков, но и других родственников, в т.ч. и по линии жены. Северные режимы обычно использовали своих и родственных соплеменников как постоянных и наследственных солдат. Династия Вэй, в частности, выделила своих соплеменников в гарнизоны *фу*, разбросанные по домену, оставив китайцев только как податное население. Постепенно, однако, этническое различие сгладилось, и китайцы на Севере также начали призываться, причем военная служба часто привлекала их возможностью повышения социального статуса. Северное Ци пришло к объединенной полиэтничной армии.

Начиная с Юань применялся только этот принцип комплектования. В Юань все войска состояли из профессионалов — выходцев из наследственных военных семей, служивших от 15 до 70 лет. Главной силой была монгольская армия, дополнявшаяся вспомогательными войсками *таньмацзицзюнь*, состоящими в основном из трех элементов: 1) лица, служившие в войсках владетельной знати, и члены киданьских, чжурчжэньских и китайских семей, присоединившихся к монголам еще при Цзинь; 2) «китайская армия» *ханьцзюнь* (выходцы из семей цзиньских солдат, живших в Северном Китае); 3) «вновь покоренная армия» *синьфуцзюнь* (выходцы из семей южносунских солдат). Все эти элементы были перемешаны в войсках, однако в Императорских армиях, расположенных вокруг

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Пекина, и особенно в личной охране императора преобладали монголы и тюрки. В Мин все население было разбито на две категории: обычные гражданские семьи *миньху* и военные семьи *цзюньху*. Последние были освобождены от налогов и прочих повинностей за военную (теоретически вечную) службу и образовывали регулярные войска *гуаньбин*. До XVII в. большинство солдат составляли выходцы из наследственных военных семей[61]. В Цин членство в обеих составных частях вооруженных сил — в «знаменах» *ци* (из маньчжуров, монголов и рано присоединившихся китайцев) и в китайских «зеленых батальонах» *луин* (из минских солдат) — было наследственным. Однако по наследству передавалась только принадлежность к своему «знамени» без всякого ранга. В Корее этот принцип получил распространение в период Корё. Во Вьетнаме солдаты привилегированных войск вплоть до XVI в. были профессиональными воинами[62].

Принципы службы, ротация. Поскольку людскую основу всех вооруженных сил составляли внутренние, местные гарнизоны, прохождение службы осуществлялось путем постоянной ротации солдат из них в столичные войска (только «южной» части) и на границы. Еще в Цинь, где не было внутренней гарнизонной системы, действительная служба должна была протекать год в столице и год на границе, в Хань, где годовая служба протекала либо в армии своего региона, либо в «южной» в столице, каждый должен был отслужить 3 дня и на границе (хотя на практике большинство откупались, а остальные служили там весь год).

В Тан солдаты по специальному ротационному списку поочередно отправлялись на 1 месяц в столицу и на 3 года — на границы. В Японии (где внутренних гарнизонов не было) призванный направлялся в столицу на 1 год и на 3 года на границу. В Сун ротация происходила по качественному критерию: в столицу (Императорские армии) направлялись лучшие солдаты, а оттуда постаревших и неспособных переводили в провинциальные гарнизоны. Из Императорских армий группы солдат на 3 года назначались в пограничные гарнизоны. В Мин из гарнизонов солдат периодически направляли в тактические части, главным образом в специальные учебные подразделения в столице (тактическая подготовка всех войск осуществлялась в трех учебных дивизионах *ин* в Пекине; один из них обучал обращению с огнестрельным оружием; иногда их было больше, в том числе за счет объединенных дивизионов *туаньин* и других специальных частей), и охранные отряды на границы. Профессиональные и наследственные солдаты получали жалованье (в Цин особенно хорошо оплачивались «знаменные», которым было запрещено заниматься другой деятельностью).

Высшее управление. Верховное руководство вооруженными силами в традиционной дальневосточной системе было, как правило, слабо отделено от общегосударственного. Это объясняется как

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

традиционными идеологическими воззрениями (согласно которым армия рассматривалась не как равнопорядковый с гражданским аппаратом институт, а лишь как часть его, причем второстепенная), так и тем объективным обстоятельством, что ни одна китайская империя почти никогда (не считая событий, связанных с ее падением) не имела равноценного «регулярного» противника, с которым бы вела постоянные многолетние войны, и крайне редко вела войны всеми вооруженными силами. Подавляющее большинство военных операций составляли или завоевательные походы, или отражения набегов кочевых племен, требовавшие участия сравнительно небольшой части всех имевшихся сил. Поэтому потребности в едином военном командовании не было, более того, наличие такового, т.е. концентрация огромной силы в руках какого-либо лица или органа, нарушало основные принципы государственности китайского типа.

В древности (Цинь–Хань) военными делами ведал один из трех высших приближенных императора — Главный защитник *тайвэй* (а в 119 г. до н.э. — 51 г. н.э. — Главнокомандующий *дасыма*). В дальнейшем под единым руководством находились обычно лишь столичные войска. Таким органом в Тан был укомплектованный евнухами Дворцовый Секретариат *Шумиюань*, в период Пяти династий очищенный от евнухов и ставший Военным Бюро под началом комиссара по военным делам *цзайчжаншумиши*.

Военное Бюро на протяжении пяти столетий оставалось высшим военным органом, но было при этом укомплектовано, как правило, преимущественно гражданскими чиновниками. Повседневное руководство осуществлялось Военным министерством (хотя его роль со временем несколько снизилась). В Сун (где существовал строжайший контроль гражданской администрации и центра над армией) Военное Бюро, подчиняясь непосредственно императору, было одним из высших органов; оно ведало всеми вооруженными силами и возглавлялось комиссаром *ши* (обычно гражданским чиновником). Его аппарат состоял из 4 (к концу XI в. — 10, в Южном Сун — 12) отделов *фан*. Цензорат (и в Сун, и в Юань) расследовал злоупотребления в армии, наравне с гражданской сферой[63]. В Сун среди окружных инспекторов были и военные, но границы военных округов не совпадали с гражданскими, и число их было разным[64]. В Южном Сун Командование имперской обороны *Юинсы* (в 1130 г. превратившееся, как только позволила стабилизация обстановки, в обычное Военное Бюро) осуществляло общее руководство оставшимися регулярными войсками, называвшимися теперь «Пять Императорских армий» *Шэньууцзюнь*.

В Си Ся *Шумиюань* выполняло те же функции, что и в Сун. В Ляо Военных Бюро было даже три: два в «северной», киданьской администрации (одно, «северное», ведало военными, другое, «южное», гражданскими делами) и еще одно в «южной», китайской. В Цзинь *Шумиюань* создано в 1123 г. по образцу Ляо, а в зрелом периоде

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

возглавлялось комиссаром *ши* и занималось только военными делами. Там были должности маршалов *юаньшуай*, их заместителей *фу юаньшуай*, инспекторов армии *цзяньцзюнь* и др. При этом управление войсками принадлежало Главному военному командованию *Дуюаньшуайфу* во главе с Главнокомандующим *дуюаньшуай*, в 1206 г. Военное Бюро было преобразовано в Военное командование *Юаньшуайфу*, подчиненное Главному военному командованию, а в 1208 г. последнее стало именоваться Военным Бюро.

В Юань это бюро, возглавляемое управляющими (до 6 чел.) *чжиюань*, ведало всеми монгольскими войсками столичного региона, кроме подчиненных лично императору, а также другими военными органами, в т.ч. Управлением обеспечения императорских армий *Увэй циньцзюнь дучжихуйшисы* (возглавляемым *далухуаци* и 3 *дучжихуйши*), Управлением тактической обороны императорских армий *Лунчжэньвэй циньцзюнь дучжихуйшисы* (возглавляемым 3 *дучжихуйши* и отвечающим за оборону столичного района и проходов в Великой Стене), двумя сельскохозяйственными (для обеспечения продовольствием войск) бригадами *дуньтяньванхуфу* (возглавляемыми *далухуаци* и бригадиром *ванху*) и Главным военным управлением *Дадудуфу* (во главе с 3 Главнокомандующими *дадуду*), которому подчинялись 2 *вэй* кипчакской гвардии *Циньчавэй* (каждая во главе с *дучжихуйши*). В Мин функции бюро выполняло Военное управление *Дудуфу*, которое в 1380 г. было заменено «5 управлениями» *Цзюньдудуфу* (Центральное, Левое, Правое, Переднее и Заднее), каждое их которых руководило группой региональных военных комиссий провинциального уровня *дучжихуйшисы*, осуществлявшими руководство гарнизонами. В Цин единого управления не было даже над ядром армии — «знаменами» (часть которых относилась даже к провинциальным войскам).

В Корее периода Трех государств высшим военным органом было военное министерство, частично укомплектованное, в отличие от прочих, военными чиновниками. Военное Бюро было создано в 991 г. и существовало весь период Корё под наименованиями *Чунчхувон* (991–1010, 1011–1095), *Чундэсон* (1010–1011), *Чхумильвон* (1095–1275, 1356–1361), *Кванджонвон* (после 1298 г.) и *Мильчикса* (1275–1298 гг. и все остальное время). Наряду с ним существовал коллегиальный орган Чунбан, состоявший из *санджангунов* и *тэджангунов* — командиров основных воинских соединений столичных войск и их заместителей. Во Вьетнаме с XV в. существовал созданный по минскому образцу штаб 5 армий военных округов, который в XVI в. с возникновением режима правления *тюа* был преобразован в Придворный Военный Совет *Нгуфуфулиеу* (в его составе 7 лиц ранга 1а, 2 — ранга 1б и по одному — ранга 2а и 2б)[65]. В Японии, где в VII–VIII вв. не было постоянной армии, высшие военные органы отсутствовали.

Столичные войска, всегда бывшие основой вооруженных сил, традиционно состояли из двух частей: «южной» и «северной», обоз-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

начавшихся в разные эпохи разными терминами, но неизменно сохранявших такую дефиницию. В Хань они назывались армиями *цзюнь*. В классический период это были два командования (в период Южных и Северных династий — две части Столичной армии *Чжунцзюнь*, включавшей от 4 и более армий *цзюнь*, каждая из которых имела и особое название — Левая, Передняя, Центральная и т.д. и возглавлялась генералом *цзянцзюнь*; иногда, правда, столичные войска имели офицеров, но не имели солдат). После 760 г. контроль над столичными войсками сосредоточивается в руках евнухов, тогда как на местах усиливаются военные комиссары с их местными армиями *яцзюнь*. При Пяти династиях люди, близкие к трону, получали звание Комиссара армии и гвардии *паньлиуцзюнь-чжувэйши* и императоры со временем концентрировали лучших и верных им солдат в Дворцовой армии *Дяньцяньцзюнь* под своим персональным контролем как самую мощную силу в государстве. В Цзинь также существовала Генеральная дворцовая инспекция *Дяньцяньдудяньцзянь*, ведавшая дворцовыми и столичными войсками.

В Сун и Юань столичные войска именуются Императорскими армиями *цзиньцзюнь* (в Юань — *циньцзюнь*) в отличие от провинциальных. В Сун столичные войска также делились на два командования, каждое из которых возглавлялось Главнокомандующим *дучжихуйши* и несколькими командующими *чжихуйши*. В Си Ся столичных войск насчитывалось 100 тыс. чел. и еще 25 тыс. в двух главных городах страны[66]. В Цзинь к 1165 г. из 173 тыс. чел. в постоянных войсках столичные составляли 56,8 тыс.[67].

В Мин, Цин, Вьетнаме и Корее формального разделения на «южное» и «северное» командования не существовало, хотя функциональные различия между столичными войсками остались по сути такими же (см. ниже). В Мин столичные войска *цзинвэй* были представлены (после 1420 г.) 74 *вэй* в Пекине и 49 в Нанкине (в т.ч. 33 и 17 *вэй* соответственно составляли Императорскую гвардию). В Цин к столичным войскам относились подчиненные непосредственно императору «3 высших знамени» («настоящее» и «пограничное» Желтые и «настоящее» Белое) и отданные разным принцам остальные маньчжурские «5 низших». Столичные «знамена» разделялись на «внутренние» и «внешние».

В Когурё армия делилась на 5, в Бохае на 8 корпусов *ви*. В Пэкче организация столичных войск соответствовала делению столицы на 5 *пан* по 5 *бу* с 500 солдатами в каждой (всего 12,5 тыс.). В Силла из 23 типов воинских формирований постоянной армии большинство может быть отнесено к столичным. Роль гвардии играли соединения *Тэдан* и *Квидан*, во главе которых ставились обычно видные сановники, однако эти соединения всегда принимали участие в походах. В Корее в период Корё функции «северных» войск выполняли 6 *ви*, а «южных» — 2 *кун* (см. ниже), делившиеся на отряды *рён*

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

одинаковой организации по 1000 чел. в каждом во главе с *чангунами*. С 1392 г. все они были преобразованы в 10 (потом 12) *ви (виса)* по 5 *рён* (прежней численности) в каждом и распределены по 3 армиям. Затем вместо 12 было создано 5 новых *ви* («левый», «правый» и т.д.), делившихся на 5 *бу* (из 4 *тхон* каждое) во главе с *тэчанами*. В Японии, где не было постоянной армии, столичные войска были представлены только дворцовой охраной (см. ниже).

«Южное» командование выполняло охранно-полицейские функции и делилось на войска, охраняющие столицу, и Императорскую гвардию, непременной и важнейшей частью которой была личная охрана императора, представители которой могли выполнять и другие функции помимо основных обязанностей (уже в Цинь имелась Императорская гвардия *Цзиньбин*). «Южное» командование (в т.ч. и гвардия) комплектовалось путем ротации солдат из провинциальных гарнизонов (с 723 г. — набором наемников). В Хань оно ведало охраной дворца и включало два контингента: регулярных солдат, охранявших стены и ворота — под началом начальника Управления дворцового гарнизона и императорских телохранителей (роль которых выполняли тогда *ланы*) под началом начальника Управления Обслуживающих. В период Южных и Северных династий это командование возглавлялось столичным комендантом *чжунлинцзюнь*. В Суй в его составе была Дворцовая гвардия *Циньвэй*, включавшая личную охрану императора *Пэйшэньфу* и охрану дворцовых ворот *Цзяньмэньфу* — в общей сложности 12 *вэй* во главе со старшим генералом и 2 генералами (при Ян-ди каждый *вэй* был поставлен под начало 1 генерала). В Тан «южное» командование *Нанья* состояло из 24 подразделений[68]. Дворцовая гвардия называлась *Чжанцзунсувэй*, позже *Коцзи* и состояла из 12 *цзюнь* (состоявших, в свою очередь, из рот *туань*, делившихся на 5 отделений *хуо* по 10 чел.), а после 636 г. из 16 *вэй*, в каждом из которых имелись главный генерал *шанцзянцзюнь*, старший генерал *дацзянцзюнь* и 2 генерала *цзянцзюнь*. В Сун аналогом «южного» командования было Дворцовое командование *Дяньцяньшивэйсы*, непосредственно оборонявшее дворец и столицу. В его составе оставались номинально танские 16 *вэй* с их генералами и главными генералами, но эти должности превратились в почетные звания. В Юань в составе этих войск была Дворцовая гвардия *Сувэй* (включавшая, в свою очередь, личную охрану императора *Кесиг* или *Цесюэ* — около 10 тыс. наследственных воинов) и Императорская гвардия *Шивэй* или *Чжувэй*, делившаяся на 5 *вэй* (Правый, Левый, Центральный, Передний и Задний, во главе с 2–3 Главными военными комиссарами *дучжихуйши* каждый). В Мин функции «южного» командования выполняли 33 *вэй* (из 74 находящихся в Пекине), которые составляли Императорскую гвардию *Шанчживэй, Циньцзюньвэй* и охраняли дворец. В их число входила и личная охрана императора *Цзиньивэй*, офицеры которой осуществляли полицейские и юридические функции,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

располагая особой тюрьмой *Цзэньфусы* (*Чжаою*). Гвардия и еще 15 *вэй* подчинялись не «5 управлениям», а лично императору. В Цин эти функции выполняли «внутренние знамена» столичных войск, которые охраняли дворец; 3 высшие из них составляли личную охрану императора *Циньцзюньюн*, назывались «Императорскими стражами» и возглавлялись 6 *линшивэйнэйдачжэнями*, а остальные были сведены в несколько бригад *ин* со специальными функциями (в т.ч. бригада стражей *Хуцзюньин*, охранявшая окрестности дворца, авангардная *Цяньфэнъин*, огнестрельная *Хоциин* и разведывательная *Цзяньюйин*), возглавлявшихся командующими-генералами *тунлин*, *цзунтун*, часто принцами крови.

В Си Ся численность войск караульной службы дворца составляла 5 тыс. чел., со временем увеличившись до 70 тыс.[69]. В Силла кроме относительно небольшого собственно столичного гарнизона имелось 3 пеших отряда (180 военных чиновников), подчинявшихся *Сивибу* — управлению дворцовой охраны. В Корё эта часть столичных войск (гвардия) была представлена 2 *кун* (всего 3 отряда — 3 тыс. чел.). Во Вьетнаме при династии Ли (1009–1225) также существовала императорская гвардия (2 тыс. чел.), разделенная на отряды *куан* по 200 солдат[70], с XV в. она состояла из 66 *ти* по 100 чел. в каждом. Однако это были, по существу, офицерские отряды, набиравшиеся на родине императора. В XVII–XVIII вв. помимо императорской гвардии (12 подразделений, 472 чел.) существовали войска столичной комендатуры (31 подразделение, 1802 чел.)[71]. В XIX в. отдельно существовали личная гвардия императора и гвардия дворцовой охраны. В Наньчжао личная охрана именовалась *юйи* и разделялась на 8 отрядов во главе с *юйичжанами* (назначавшимися из числа сыновей и младших братьев высших сановников), а гвардия — *цецзюй*[72]. В Японии охрану дворцовой территории несли три вида частей (руководимых начальниками отрядов со своими штабами): императорская гвардия *Хёвэйфу* (2 отряда — «левый» и «правый» по 400 чел.), внутренняя охрана *Вэйсифу* (2 отряда по 600 чел.) и внешняя охрана *Вэймонфу*. Отдельно существовала подчиненная Министерству центральных дел личная охрана (*тонэри*; из сыновей чиновников) императора (2 отряда по 800 чел. и 90 телохранителей), императрицы (400 чел.) и наследника (600 чел.). Кроме того, телохранители полагались принцам (от 160 до 100 чел. каждому), дворцовым женщинам (вполовину меньше) и обладателям 1–5-го рангов (от 100 до 20 чел.), а также главному министру (300 чел.), двум его заместителям (по 200 чел.) и старшему государственному советнику (100 чел.). Таким образом, всего насчитывалось не менее 10 тыс. воинов.

«Северное» командование несло оборону столичного региона. Эти войска представляли собой основную военную силу государства, всегда концентрировали лучшие элементы армии (практически всегда были постоянными и, несмотря на общие принципы ком-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

плектования, применяемые в данный момент, состояли из профессиональных и почти всегда наследственных воинов). Это была единственная боеготовная часть вооруженных сил. Уже в Хань «Северная армия» комплектовалась особо, на неопределенный срок и со временем превратилась в профессиональную. В Хань она возглавлялась начальником дворцового Управления императорского достоинства (отвечавшим за порядок в столице), в период Южных и Северных династий — Столичным протектором *чжунхуцзюнь* и предназначалась для военных действий. В Тан «северное» командование *Бэйя* управляло 2–10 армиями *цзюнь*, стоявшими в районе Чанъани и возглавлявшимися своими *дацзянцзюнями* (это были элитные профессиональные и наследственные воины — дети и внуки тех, кто установил династию Тан). В Сун его аналогом было Столичное командование *Шивэйциньцзюньмабусы*, которое надзирало и за провинциальными армиями *сянбин*. В середине XI в. оно было разделено на Кавалерийское *Мацзюньсы* и Пехотное *Пуцзюньсы* (вместе с Дворцовым называвшиеся *саньвэй*). В Южном Сун оставшиеся регулярные войска назывались «Пять Императорских армий» *Шэньууцзюнь* и в 1131 г. были преобразованы в 4 полевые оборонные армии *Синин сы хуцзюнь*. Одна из них, Центральная *Хуцзюнь*, была присоединена к Дворцовому командованию. В Мин функции «северного» командования выполняли 41 *вэй* (из которых 15 подчинялись лично императору) в Пекине и 49 *вэй* (в т.ч. 17 Императорской гвардии) в Нанкине, подчиненные тамошнему отделению Главной военной комиссии. Реально ими руководили Главный комендант *шоубэй*, вице-комендант *сетун шоубэй* и главный адъютант *цаньцзаньцзиу* (по совместительству военный министр Нанкинского правительства). В Цин эти функции выполняли «внешние знамена» столичных войск, представлявшие в ранний период основные боевые силы страны; они были сведены в большую кавалерийскую бригаду *Сяоцзиин* во главе с ежегодно меняющимся главнокомандующим всеми «знаменами». В Корё эта часть столичных войск (собственно армия) была представлена 6 *ви* разного состава (всего 42 отряда — 42 тыс. чел.). Во Вьетнаме с XV в. она была представлена 4 «императорскими» *ве* во главе с принцами крови (всего 51 «малый» *ве* по 2,5 тыс. чел. в каждом); в XVII–XVIII вв. эту роль реально выполняла гвардия правителя *тюа* (125 подразделений, 12,8 тыс. чел.)[73], в XIX в. — столичные регулярные войска.

Провинциальные войска. В традиционной дальневосточной системе провинциальные войска представляли собой разбросанные по стране (особенно густо концентрирующиеся в столичных и пограничных, прежде всего северных и северо-западных, районах) отдельные гарнизоны, административно объединенные по территориальному принципу. В гарнизонах солдаты постоянно жили, обучались и оттуда на временной основе направлялись на специальную службу: они были источником комплектования части столичных

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

войск и пограничных гарнизонов и в случае войны — полевых армий. Они представляли собой второстепенный по человеческому контингенту элемент вооруженных сил, однако в периоды нестабильности часто являлись опорой центробежных сил.

В поздний период Хань региональные губернаторы превратились в полных хозяев территории и значение столичных войск упало. В период Южных и Северных династий правители пытались контролировать, ограничить и иногда даже упразднить регулярные части в провинции, в 280 г. Цзинь даже приказала демобилизовать их все, кроме располагавшихся в уделах принцев императорского клана. Но это редко удавалось, так как, опираясь на силу, генералы балансировали между центром и местными властями. Императоры Пяти династий пытались установить контроль над военными комиссарами, посылая своих агентов в провинцию как военных комиссаров-инспекторов *цзяньцзюньши* и военных инспекторов *сюньцзюньши.* Иногда при каждой возможности они свергали слабых военных комиссаров и замещали их своими родственниками и ставленниками.

Военные округа и территориальное управление. В основе территориального деления провинциальных войск в традиционной дальневосточной системе лежали военные округа или армии, что одно и то же, поскольку гарнизоны, находившиеся в данном округе, и составляли такую армию, которую возглавлял начальник округа *кайфу* со своим штабом. Выше них стояли либо объединения армий (как в классический период), либо вышестоящее территориальное командование (Юань, Мин). В Восточном Вэй, Западном Вэй, Северном Чжоу имелось 24 таких армии, каждые две из которых руководились старшим генералом *дацзянцзюнь*, а каждые два таких генерала подчинялись Опоре государства *чжуго*, один из которых был Главнокомандущим *дуду*. В Сун провинциальные армии *цзюнь* теоретически насчитывали 2500 чел. и возглавлялись главнокомандующими *дучжихуйши*. В Южном Сун в 1141–1148 гг. все иррегулярные части под общим названием Управление умиротворения *Сюаньвэйсы* были превращены в регулярные и поставлены под контроль Бюро военных дел. Они оставались в местах расположения, но им были даны названия «Дворцовая армия, назначенная в такую-то префектуру» *Чжучжа...чжоуюцяньцзюнь*. Их иррегулярные командующие смещены, и части твердо стали под контроль центра. Но они не входили в систему *саньвэй*. Сун впервые включила в военную организацию постоянный флот, каждый округ должен был держать флотилию. В Южном Сун были 2 флотилии на Янцзы и Хуанхэ и со временем каждой префектуре надлежало содержать флотилию. Си Ся с 1036 г. была разделена на 12 военных округов *цзяньцзюньсы* во главе с командующим *дутуньцзюнь*, его помощником и комиссаром-инспектором *цзяньцзюньши*[74]. В Цзинь, следуя танской системе, также было создано 27 армий *цзюнь* по 10 тыс. чел., или

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ваньху (формировалась из 10 тыс. дворов), делившихся на *мэньань* (из 1000 дворов) и *моукэ* (из 100 дворов)[75].

В Юань аналогом этих провинциальных армий были *ваньхуфу* (тумен в 10 000 чел.) во главе с *ваньху*, а в Мин — *вэй* (именовавшиеся по своим областям или округам и теоретически насчитывавшие 5600 солдат) во главе с *чжихуйши*. В Юань *ваньхуфу* были обычно расквартированы вблизи главных городов и центров военных округов, но часть их батальонов — иногда в подчиненных областях и даже уездах. Цепочка подотчетности шла от *ваньхуфу* на уровне военного округа *лу* через Военное командование *Юаньшуайфу*, Главное военное командование *Дуюаньшуайфу* или Комиссию Умиротворения *Сюаньвэйшисы* и потом через отделения Секретариата и отделение Бюро военных дел в это бюро в столице. В Мин связующим звеном между *вэй* и центром были региональные военные комиссии провинциального уровня *дучжихуйшисы*, имелись и отдельные батальоны *шоую*, подчиненные непосредственно региональным военным комиссиям. Некоторые роты и батальоны часто расквартировывались вне основного расположения своих *вэй*. В Цин в каждой провинции существовали военные командования *титу* (в составе которых имелось 2–7 региональных командиров *цзунбин* с подчиненными им *фуцзянами* и *цзаньцзянами*), которым подчинялись командиры расквартированных в ней «зеленых батальонов».

Собственно, такая организация существовала уже в Хань, где высшей единицей была армия *цзюнь* — по одной в каждом военном округе или уделе под началом «защитника» *вэй* или *дувэй*, а в Поздней Хань — самого генерал-губернатора *тайшоу*. Начиная с У-ди старшие военные чиновники именовались командирами *сяовэй*. Один из них — столичный *сыли сяовэй* вскоре превратился в разновидность вице-короля, управляя всем столичным регионом.

Во Вьетнаме при династии Ли (1009–1225) провинциальные войска (все, кроме гвардии) состояли из формирований, расположенных в каждой провинции *ло*, в XV в. отдельные подразделения создавались по географическому принципу, а их командный состав, как правило, состоял из местных уроженцев, часто находящихся в родстве друг с другом[76]. С XV в. набиралось 5 отдельных армий *куанфу* (каждая — в определенных провинциях): Центральная, Восточная, Западная, Южная и Северная, во главе с 2 *додоками* (ранг 1б) каждая, а в горных и отдаленных провинциях создавались гарнизоны *доти* (во главе с командиром ранга 3а). При Тэйшонах армия также состояла из 5 армий — Центральной, Левой, Правой, Передней и Задней. При Нгуенах деление на 5 армий сохранилось[77]. В Наньчжао провинциальные войска были сведены в 4 армии, различавшиеся по цвету знамени. В Бохае существовало 8 крупных соединений *вэй* во главе с *дацзянцзюнями*: Левый и Правый Свирепые, Гималайского (большого) и Бурого Медведей, Левый и Правый Южные, Левый и Правый Северные[78]. В Корее XIV–XIX вв. в каждой провинции суще-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ствовало от 1 до 3 окружных сухопутных и столько же флотских управлений (должность одного из них занимал по совместительству начальник провинции), в ведении которых находились провинциальные войска. Низшей единицей была сухопутная крепость *чин* или приморская *пхо*, начальником которой был по совместительству начальник соответствующего уезда. В Японии не существовало не только военных округов, но и постоянных внутренних гарнизонов, а были только пограничные.

Структура соединений. В древности (Чжоу) военная организация совпадала с административной организацией сельского населения: 5 чел. из соседских семей составляли отделение *у*, 5 отделений — взвод *лян*, 4 взвода — роту *цзу*, 5 рот — батальон *лю*, 5 батальонов — полк *ши* и 5 полков — армию *цзюнь* из 12 500 чел. под командой генерала *цзян*. Ван имел 6 армий, магнаты — 1–3 в зависимости от размеров владений. Основной административной единицей провинциальных войск были гарнизоны, которые в классический период именовались *фу* и возглавлялись комендантом *ланцзян* (период Южных и Северных династий, Суй с Ян-ди) или *дувэй* (Тан). В Восточном Вэй насчитывалось 100 гарнизонов, в Тан — 634 по 800–1200 чел., и они делились на полки *туань* по 200 чел., батальоны *лю* по 100, роты *туй* по 50 и отделения *хуо* по 10 чел. В Сун базовой единицей также была рота *туй* 25–50 чел.[79], а полки (*инь* в гарнизоне, *чжэнь* на войне) насчитывали по 500 чел. (объединяясь по 5 в армии). В Си Ся основная крупная единица насчитывала 3000 чел. и делилась на две части, каждая из которых — на сотни (по другим данным, существовала единица в 300 чел.)[80]. В Наньчжао 2500 солдат составляли лагерь *инь*, существовали также части *ми*, в каждую из которых входило 16 *мэй*; низовым подразделением была сотня во главе с *лоцзюйцзы*[81]. В Цзинь *ваньху* теоретически должна была насчитывать 10 тыс. чел. и включать 10 *мэньань*, а последняя — 10 *моукэ* (терминами *мэньань* и *моукэ* вообще-то назывались чжурчжэньские общины, комплектовавшие эти единицы), однако фактически были меньшей численности. *Моукэ* делилась на две части во главе с *пулиянем* или *пунянем*[82]. В Юань *ваньхуфу* состояла из 10 батальонов *цяньхусо* по 1000 чел. («тысяча») во главе с *цяньху*, батальон включал 10 рот *бохусо* по 100 чел. во главе с *боху*, и рота — 10 отделений *цзя* или *пай* по 10 чел. во главе с *цзячжан*, *пайтоу*. Гарнизоны округов (185) обычно составляли тумены, а гарнизоны уездов (1127) — «тысячи». Тумены и «тысячи» подразделялись в зависимости от реальной численности на высшие, средние и низшие: 7, 5 или 3 тыс. чел. и 700, 500 или 300 чел. Минский *вэй* делился на 5 батальонов *цяньхусо* по 1120 чел., состоявших из 10 рот.

В Цин существовала особая структура армии, состоящая из двух элементов — «знамен» и «зеленых батальонов». «Знамена» сложились на основе маньчжурских племенных групп. (Сначала их было 4:

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Желтое, Белое, Красное и Синее, затем к этим «настоящим» *чжэн* были добавлены еще 4 «пограничных» *сян* тех же цветов; в 1635 г. еще 8 было сформировано из монголов и 8 из китайцев — всего 24.) Каждое «знамя» (7500 чел.) возглавлялось *дутуном* и двумя *фудутунами* и включало 5 полков (монгольские — 2) *чжалань* (монг.) во главе с *цзаньлином* и *фуцзаньлином*. Полк делился на 5 рот *ниру* (монг.) по 300 (впоследствии до 100) чел. во главе с *цзолином* и одним или несколькими помощниками *сяо* (с различными добавлениями). В маньчжурских «знаменах» было по 70—80 ротных командиров, в китайских — 30–40. «Зеленые батальоны» *ин* по 500 чел. во главе с *юши* состояли из китайцев и делились на 5 рот *шао* по 100 чел. во главе с *цяньцзуном*. Провинциальные «знамена» и «зеленые батальоны» находились в ведении военного министерства, а непосредственно руководились своими военачальниками провинциального уровня *цзянцзюнями* или *фудутунами*. Низшие офицеры были представлены комендантами гарнизонов *чэншоувэями*, их помощниками *селинами*, комендантами постов *фаншоувэями* и взводными командирами *фанъю*. Однако «зеленые батальоны» в отличие от «знамен» подчинялись также гражданским губернаторам и генерал-губернаторам.

В Пэкче организация провинциальных войск соответствовала делению страны на 5 *пан* по 10 округов *кун* с 700—1100 солдатами во главе с 3 *чанами* в каждом округе (всего 35–55 тыс.). В Силла также имелись постоянные формирования, охранявшие крепости по всей стране, кроме того, к провинциальным войскам могут быть отнесены и некоторые типы воинских соединений, из числа именовавшихся по областям. В Японии территориальные отряды (собираемые только в случае войны) во главе с *тайки* и его помощником *сёки* (назначались из местных руководителей, имеющих ранги или государственные награды) подразделялись на большие (1000 чел.), средние (600 чел.) и малые (менее 500 чел.), которые, в свою очередь, делились на подразделения в 200, 100, 50 (во главе с *кови, рёсуй* и *тайсё* соответственно) и 5 человек.

Во Вьетнаме в конце X в. при династии Динь войска имели последовательно десятеричную организацию: они состояли из 10 соединений *дао, дао* — из 10 *куанов, куан* — из 10 *лы, лы* — из 10 *тот, тот* — из 10 *нгу, нгу* — из 10 солдат. Вьетнамские армии *кунфу* XV в. состояли из 6–8 малых *ве* по 2–2,5 тыс. чел. каждый, которые, в свою очередь, делились на 5–6 *шо* по 400 чел. Гарнизоны *доти* включали 1–5 больших *ве* (во главе с командиром ранга 3б) по 5–6 тыс. чел., делившихся на 5 *шо (шотиенхо*) по 1000 чел., а те — на 10 *шо (шобытьхо*) по 100 чел.; низшая единица *нгу* состояла из 5 солдат. Непосредственно гарнизонам *доти* подчинялись отдельные подразделения *шотхунгы* (во главе с командиром ранга 6а). Любопытно, что в XVI в., когда страна территориально была разделена и реально управлялась двумя группировками — Маков и

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Нгуенов—Чиней, эта организация формально сохранилась, причем Центральная армия и столичная гвардия контролировались Нгуенами—Чинями, а остальные 4 армии — Маками, но сложная система соподчиненности сменилась аморфным объединением частных дружин, не имеющих единой внутренней организации, а сохранившиеся без изменения старые должности стали обозначать лишь относительное место в иерархии. Формирования XVII–XVIII вв. разделялись на типы *дой*, *ко*, *зинь*, *тхюиен* и др. (см. табл. 1[83]). Кроме того, имеются данные, что в 1742 г. 11 465 чел., набранные в 5 областях, располагались там же и были разделены на 20 *ве* по 400 солдат. При Нгуенах (с 1802 г.) традиционные 5 армий делились на *зоань* (5 тыс. чел.), в *зоань* входило 10 *ве*, в *ве* — 10 *дой* (по 50 чел.)[84].

Численность армии. Численность вооруженных сил в Китае составляла сотни тысяч человек, а в военное время могла превышать 1 млн. (как в Суй при Ян-ди), в Тан она составляла в мирное время не менее 700 тыс., в Сун общая численность Императорских и провинциальных армий достигала 1 млн. чел. в середине XI в. и примерно столько же в Южном Сун, хотя боеготовных была половина (по другим данным, в середине XI в. армия насчитывала 4,5 млн. чел.). Армия Си Ся насчитывала в конце X — начале XI в. 10–20 тыс., но вскоре возросла до 100–150 тыс., а в середине XI в. достигала 500 тыс. чел.[85] В Цзинь в начале XII в. максимальная численность армии не превышала 100 тыс., но во второй половине XII — начале XIII в. доходила до 1–1,2 млн. Постоянные войска насчитывали в 1165 г. 173 тыс., в 1174—1189 гг. — 240 тыс. чел.[86]. В Мин в 1392 г. в регулярных войсках *гуаньбин* насчитывалось 1 198 442 чел. и в дальнейшем их число росло, в 1642 г. численность армии составляла 1 238 524 чел.[87]. По другим данным, при дополнении в XVII в. армии наемниками ее численность достигла свыше 4 млн. чел.[88]. В Цин в период наибольшего могущества в XVIII в. служило 200 тыс. «знаменных» и 660 тыс. солдат «зеленых батальонов». Часть маньчжурских офицеров находилась на службе вне военного ведомства (см. табл. 2[89]). В XIX в. солдаты «зеленых батальонов» были разделены на 127 подразделений, из которых 1 насчитывало более 10 тыс., 4 — 9–10 тыс., 1 — 8–9 тыс., 4 — 7–8 тыс., 7 — 6–7 тыс., 6 — 5–6 тыс., 20 — 3–4 тыс., 25 — 2–3 тыс., 29 — 1–2 тыс. и 6 — менее 1 тыс. чел. и т.д. В XIX в. в войсках, подчиненных непосредственно императору, было 8646 офицеров (треть от офицеров «знаменных» и «зеленых батальонов»)[90].

В Пэкче в войсках насчитывалось не менее 50 тыс. чел., в Силла — еще больше (одних военных чиновников было примерно 3,8 тыс.), в Корё только столичные войска составляли свыше 52 тыс. чел. и около 4 тыс. военных чиновников, примерно столько же или чуть больше было в столичных войсках в XV–XVII вв. В провинциальных войсках в это время насчитывалось около 100 тыс., и 50 тыс. служили во флоте — всего до 200 тыс. и 400 тыс. военно-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

обязанных резервистов[91]. Вьетнамская армия в конце X в. (при династии Динь) насчитывала 100 тыс. чел., в 1428–1433 гг. — также 100 тыс., во второй половине XV в. — 160 тыс. (без гвардии войска мирного времени составляли 70 тыс. чел., в военное время, например, в 1467 г. к ним были добавлены еще около 100 тыс.), в XVII–XVIII вв. — всего 69 857 чел. В начале XIX в. армия насчитывала 110 тыс. сухопутных войск и 20 тыс. моряков, к середине XIX в. численность только сухопутных войск мирного времени возросла до 200 тыс. чел. При Тэйшонах армия насчитывала 100 тыс. чел., в 1820 г. при численности собственно армии 160 тыс. чел. всего солдат и военных чиновников было 204 220 чел.[92].

Пограничные округа. Для традиционной дальневосточной системы характерно также наличие на границах особых военно-территориальных образований. Северные режимы периода Южных и Северных династий обычно держали значительные силы вдоль Великой Стены, зоны расположения которых назывались оборонительными округами *чжэнь*. В Суй они (во главе с командующим *цзян*) обычно накладывались на основные военные округа, районы и гарнизоны. В Тан на границах существовали военные районы *дудуфу*, большие военные районы *дадудуфу*, после 711 г. на севере создано 8 крупных округов *чжэнь* (во главе с военными комиссарами *цзедуши* или *цзинлюе*), по большей части перекрывающих военные районы. (Сюань-цзун доверил охранять границу крупным профессиональным армиям. Первое время ими командовали столичные чиновники, потом среди них появились профессиональные военачальники[93].) В Сун пограничные гарнизоны были подчинены военным комиссарам *аньфуши* военных округов. В Мин также существовала система постоянных тактических группировок на границах под началом специально и на постоянной основе назначенных военных чиновников — региональных командующих. Руководители наиболее крупных из них именовались *цзунбингуань* или *чжэньшоу* (иногда одновременно со званием генерала), остальные — *фуцзунбингуань* и *цзаньцзян*. В Цин существовало 9 оборонительных округов *чжэнь* (или пограничных *бянь*), которые располагалась вдоль северной границы (иногда частично перекрывая провинции) и возглавлялись, как и внутренние, региональными командующими, но здесь эти командующие имели особо важное значение. Во Вьетнаме в пограничных и стратегически важных районах назначался особый комиссар обороны.

Местные формирования появляются с переходом армии к полностью профессиональному принципу и представляют собой местную милицию, предназначенную для борьбы с небольшими разбойничьими шайками. В Сун она называлась *сянбин* и включала как платных рекрутов, так и бесплатных солдат — местных жителей, половину времени оторванных от своего труда. В Мин также всегда существовала милиция *миньбин*, организуемая местными граждан-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

скими начальниками. В Цин отряд милиции *сяньюн* в 50 чел. имелся при каждом начальнике уезда, пока в середине XIX в. с ростом мятежей и началом столкновения с европейцами местным властям не было разрешено создать новые армии в пределах милицейской структуры.

Военные поселения — самообеспечивающиеся военные поселения *туньтянь* — впервые стали практиковаться в Хань, где и получили наибольшее распространение. Создание их было вызвано необходимостью, с одной стороны, иметь на угрожаемых направлениях постоянно боеготовные части, с другой — минимизировать затраты и хлопоты по их снабжению. Они создавались на северной и северо-западной границах и в Средней Азии под началом Главного протектора *туху*. Южные династии (периода Южных и Северных династий) помимо них практиковали такие же гражданские колонии *миньтунь* для прикрепления бродяг и мигрантов. Позже, когда войска комплектовались на основе *фубин* и гарнизоны представляли по сути те же поселения, *туньтянь* не было, но с переходом к профессиональным потомственным войскам они появились снова, но в Юань, Мин и Цин представляли собой чисто вспомогательные (для обеспечения войск зерном), хозяйственные единицы. В Юань они входили в состав специальных бригад *туньтянь ваньхуфу* или таких же батальонов *туньтянь цяньхусо*. Там работало больше гражданских лиц, чем солдат (хотя в XIV в. правительство пыталось усилить сельскохозяйственную активность войск). Всего имелось более 120 таких бригад, в том числе 23 в столичном регионе (из столичных 13 управлялись Бюро военных дел, по 3 — Секретариатом и Управлением сельского хозяйства и 4 — Комиссией дворцового провианта; провинциальные — отделениями Секретариата). Кроме того, на 15 пастбищах на севере (управляемых потомственными скотоводами под началом Управления императорских конюшен) содержалось для нужд армии более 100 табунов лошадей (иногда лошади также реквизировались у населения). В Мин войска теоретически самообеспечивались, половину времени работая в *туньтянь*. В Цин, несмотря на получаемое жалованье, солдаты «зеленых батальонов» в некоторой степени сами обеспечивали себя продуктами, а их семьи половину времени работали в *туньтянь*. В Цзинь военные поселения *юнтунцзюнь* создавались на границах из старослужащих солдат, обеспеченных землей и жалованьем (чжурчжэни, члены *мэнъань* и *моукэ*, также были военными поселенцами, но не считались состоящими на действительной службе)[94]. Во Вьетнаме военные поселения были созданы в первой половине XV в. для содержания армии (лишь $^1/_5$ ее находилась в строю, а $^4/_5$ — в поселениях) и первоначально представляли собой привилегированные общины с ослабленной внутренней структурой во главе с военными чиновниками, но постепенно превратились в обычные общины[95].

Тактическая организация. Характерным принципом традиционной дальневосточной системы было отсутствие постоянной так-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

тической организации и боеготовных полевых войск мирного времени. Войска для войны всегда формировались специально из столичных и гарнизонных. Поэтому административная организация отличалась от тактической, вводимой в соединениях, формируемых для военных действий. В Хань для военных действий в создаваемые полевые соединения на временной основе назначались солдаты всех армий. Военным чиновникам давалось наименование генерал *цзянцзюнь* или при больших кампаниях — старший генерал *дацзянцзюнь*. Полевая армия *инь*, созданная для кампании, обычно делилась на несколько дивизий *пу*, состоящих из нескольких полков *цзю*, делившихся на роты *тун*. В ранний период армию иногда возглавлял Главный канцлер. В Суй для войны против Когурё в 612 г. было организовано 24 армии во главе с главным генералом *дацзян* и вице-генералом *яцзян* каждая. Армии состояли из 4 дивизий *туань* по 4000 кавалеристов в 40 ротах *туй*, 4 дивизий по 8000 пехотинцев в 80 ротах и 4 дивизии иррегулярных войск *саньбин* для обеспечения передвижения и снабжения армий. Дивизиями командовали командиры *пяньцзян*.

В классический период (Тан) для военных действий составлялись армии из войск, направляемых из округов, «северного» и «южного» столичных командований и расположенных вблизи военных действий гарнизонов. Этим армиям давались конкретные названия в зависимости от поставленных задач и районов операций, а их военные чиновники назывались обычно комиссарами по ликвидации бандитов *чжаотаоши*, усмирению *сюаньвэйши*, наблюдению *чучжиши* и т.д. (в Сун это были великие маршалы *даюаньшуай*, которые часто назывались и комиссарами по усмирению *сюаньфуши*). Для руководителей крупных кампаний применялись иные названия: маршал *юаньшуай* (только для принцев крови), вице-маршал *фуюаньшуай*, командующий кампанией *дутун* и главнокомандующий *дацзунгуань*. Тангутская армия на войне, по некоторым данным, делилась на 4 части.

В Мин не было регулярных боевых войск отдельно от гарнизонных, но для всей страны имелась наряду с административной параллельная тактическая организация. Высшие чины, числящиеся Главными военными комиссарами, посылались возглавлять полевые войска в качестве старших генералов или генералов, а после окончания войны возвращались в прежнее состояние. В каждой провинции был обычно командир мобильного корпуса *юцзицзянцзюнь* (местные тактические командиры имели разные названия). В зрелом виде система предусматривала наличие почти в каждой провинции регионального командующего и много других тактических командиров. После появления в XV в. Главных координаторов и Верховных командующих все они перешли под начало этих высших гражданских чиновников. В Цин в военное время «зелеными батальонами» руководили присылаемые из центра *цзинлюе дачэнь*

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

и их помощники *цзаньи дачэнь*. В Японии во время войны для каждой отдельной армии в 10 тыс. чел. предусматривались 1 командующий *сёгун*, 2 заместителя *фукусёгуна* и 10 других должностных лиц, для армии в 5 тыс. — на одного заместителя и еще 3 чиновников меньше, для армии в 3 тыс. — еще на 2 чиновника меньше. На каждые три сводные армии назначался главнокомандующий *дайсёгун*.

Нетипичные черты. Военная организация периода смут и привнесенная кочевыми завоевателями дает, естественно, ряд отличий, нехарактерных в целом для традиционной дальневосточной системы. В период Южных и Северных династий получили широкое распространение частные армии местных магнатов *пуцзю*, иногда становившиеся частями регулярной армии. В конце этого периода на Юге Китая под угрозой с Севера добровольческие части были частью реорганизованы в «патриотических солдат» *ибин* для помощи давно выродившейся регулярной армии. В течение почти столетия после основания Корё и в дальнейшем в периоды нестабильности там продолжали существовать частные армии ряда сановников, а также личные войска могущественных временщиков, фактических правителей страны. Еще большее развитие получило это явление во Вьетнаме, где при династии Чан (1226–1400) аристократия (члены правящего рода) официально имела право на создание своих вооруженных отрядов из принадлежащей им челяди. При следующей династии Ле содержание частных отрядов было запрещено, однако с XVI в., когда ее власть стала номинальной, а страна раздельно управлялась «династиями» правителей Чиней и Нгуенов, опиравшихся на военную силу, вооруженные силы и в целом приобрели кланово-земляческий характер, и существовали личные войска ведущих представителей рода. Лишь в 1721–1725 гг. личные и привилегированные войска были ликвидированы[96].

В Ляо племена делились на субплемена во главе с вождями, которые для военных нужд были организованы в армии *темань* (формально 10 000) с различными генералами (например, *сянвэн* от кит. *цзянцзюнь*). Племенные армии *буцзуцзюнь* территориально были организованы в направления (военные округа) *лу* с начальником, чье название китайцы передавали как Комиссар кампании *чжаотаоши*, Комиссар армии *тунцзюньши*, глава племени *дубушусы* и др. Иногда общий контроль над племенными армиями осуществлял, по-видимому, Первый маршал империи *тяньсябинмадуюаньшуай*. В Цзинь чжурчжэни были организованы в племенные единицы из 100 семей во главе с наследственным главой *моукэ*, которого китайцы соотносили с командиром роты *боху*. 10 таких единиц (1000 семей) возглавлял наследственный глава *мэньань*, которого соотносили с командиром батальона *цяньху*. Эти группы стояли гарнизонами по стране вне юрисдикции местных властей. Более значительные группы войск были доверены наследственным ари-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

стократам под общим названием *бочжили*, но в 1134 г. при создании аппарата китайского типа весь слой *бочжили* был упразднен.

* * *

Характерно, что при заимствовании китайской модели государственного аппарата в странах, ранее с ней незнакомых, ее, как правило, не перенимали полностью, а максимально приспосабливали к местным реалиям. Заимствовались прежде всего общие принципы, термины для наименований типов основных структурных единиц и должностей, но очень редко — полная номенклатура и наименования учреждений. Даже основа структуры государственного аппарата — система 6 отраслевых министерств не полностью копировалась (в Японии министерств было 8, и они включали в себя практически все другие более мелкие учреждения, в Корее периода Силла — еще больше). Зато в дальнейшем копирование носило уже систематический и предельно конкретный характер. В частности, государственные системы тангутского государства Си Ся, киданьского Ляо и чжурчжэньского Цзинь копировали китайскую периода Сун. Государственный аппарат Кореи периода Корё (с X в.) копировал сунский, с конца XIII в. — юаньский; в период династии Ли корейцы копировали минский аппарат (с XV в.), а затем — цинский. Во Вьетнаме после достижения независимости от Китая (с X в.) также последовательно брались за основу сунский, юаньский, минский и цинский образцы. Разумеется, копирование никогда не носило тотального характера — с точным соблюдением всех деталей. Это было и в принципе невозможно уже хотя бы потому, что размеры государственного аппарата находятся в тесной связи с размерами подконтрольной территории и численностью населения, а сопредельные с Китаем страны были несопоставимы с ним по этим показателям.

Система государственного аппарата традиционной дальневосточной системы весьма специфична, можно сказать, даже уникальна среди всего разнообразия систем государственного управления традиционных обществ. Столь разветвленного бюрократического аппарата не знала, пожалуй, ни одна другая цивилизация. Причем в дальневосточном регионе бюрократический аппарат складывается очень рано. В средневековой Европе центральный аппарат государственного управления долгое время вообще практически не существует или, во всяком случае, не отделяется от двора монарха, а его функции выполняют отдельные доверенные лица последнего (обычно только налоговые и судебные функции имеют для своего исполнения некоторое подобие системы специальных органов). Сколько-нибудь разветвленный аппарат в основных европейских странах от Франции до России появляется только в XVI–XVII вв., т.е. к тому времени, когда дальневосточный насчитывает

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

почти двухтысячелетнюю историю. Уже одно это обстоятельство предполагает совершенно иной характер государственного управления и соотношение между бюрократическим и аристократическим началами. Территориальная администрация, которая (в силу самого своего характера и функций) обычно является наиболее схожим из всех элементов административной структуры, также весьма сильно отличает традиционную дальневосточную систему от прочих. В Европе нечто подобное появляется весьма поздно, для средневековых же государств правилом является то, что на Дальнем Востоке выступает как исключение (уделы).

В равной мере это относится и к организации вооруженных сил. Ни один из видов воинских формирований, господствовавших в средневековой Европе до XV в. — ни рыцарское ополчение, ни городская милиция самообороны не имели аналогов в традиционной дальневосточной системе. Даже при переходе в XIV–XV вв. к применению наемных пеших войск они в Европе (помимо того, что набирались только на время войны) формировались практически на основе частной инициативы. Известному военачальнику выдавался патент на право набора войск установленной численности и определенная сумма денег. Тот, в свою очередь, приглашал известных ему специалистов в качестве полковников, которые сами подбирали себе капитанов, формировавших роты также по собственному усмотрению. Власть абсолютно не интересовала ни личность воинских начальников, ни внутренние вопросы службы, она лишь желала иметь в своем распоряжении определенное количество боеспособных войск. Такая практика, естественно, не имеет ничего общего даже с практикой использования наемных солдат в дальневосточных государствах китайского типа, где эти солдаты набирались в постоянные формирования на строго установленной основе, а военачальники всех рангов были государственными чиновниками, проходящими службу по установленным правилам и под строжайшим контролем государства. Формирование постоянных (не распускаемых в мирное время) армий в Европе началось приблизительно с середины XV в., во Франции, в частности, лишь после ордонансов 1445 г. набор солдат превратился в государственную монополию, а офицеров мог набирать только король (тогда же было сформировано 15 так называемых ордонансовых рот, состоявших из рыцарских «копий» единой организации, подчиняющихся строгой дисциплине, имеющих регламентированное жалованье, снабжение и т.д.), в других странах — еще позже (в России постоянные стрелецкие полки появляются с конца XVI в.).

Дело здесь не в природе так называемого «восточного деспотизма» (не менее деспотические мусульманские и иные азиатские режимы демонстрируют в этом отношении картину, весьма близкую к европейской или непохожую ни на нее, ни на дальневосточную), а именно в специфике, свойственной ареалу китайской политической

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

культуры высокоразвитой бюрократической традиции. Если мы посмотрим на окружавшие Китай кочевые государства или другие (помимо Вьетнама) страны Юго-Восточной Азии, почти не затронутые китайским влиянием, то увидим совсем иную картину устройства государственного аппарата.

Для кочевых государств Центральной и Восточной Азии было характерно деление на: 1) центр, восточную (левую) и западную (правую) части; 2) на север и юг; 3) на внутреннюю и внешнюю части. Большое значение в управлении имел съезд знати при правителе (который его нередко и выбирал), а также постоянно окружавшие его высшие сановники без определенных функций. Исключительную роль там играла личная гвардия, бывшая одновременно и кузницей государственных кадров — из ее состава нередко и выбирались сановники. Административная система там была неотделима от военной и имела, как правило, десятеричный характер: население объединялось в десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, и характернейшей чертой было то, что в основу административного деления там была положена не территория, а люди — население[97], и основные территориальные единицы (значение которых не вполне ясно; в китайских источниках они в основном именуются *бу*) представляли собой, возможно, не столько территориальные, сколько племенные образования.

В странах Юго-Восточной Азии государственный аппарат, за некоторыми исключениями, был достаточно примитивен и не имел почти ничего общего с аппаратом традиционной дальневосточной системы. Наибольшего развития он достиг в Сиаме, где все население делилось на две части: «правую», военную и «левую», гражданскую. Последняя делилась на 5 ведомств *кромов* (они делились на *конги*, а те — на *му*), к которым к XVII в. добавился еще ряд управлений и департаментов. Все мужчины 18—60 лет (кроме монахов и рабов) были обязаны работать в *кроме* как чиновники или ремесленники и крестьяне. Сходный аппарат имелся в Лангсанге (конец XIV — конец XVII в.; но там отношения местной администрации с центром скорее напоминали Яву, чем Сиам) и в постангкорской Камбодже (где существовало деление на 4 «дома» и в XVII–XVIII вв. имело место прямое заимствование сиамской системы)[98]. В Пагане центральную администрацию составляли 4–5 министров, входившие в совет при короле (главнокомандующий, верховный судья, главный регистратор, министр финансов), причем между министрами не было четкого разграничения сфер деятельности[99]. Примерно такая же картина наблюдалась в Ангкорской Камбодже, где слабо расчлененный центральный аппарат, представленный рядом высших чиновников, соединялся с провинцией главным образом налоговым аппаратом, тесно связанным с общинной верхушкой[100]. Даже в поздней Бирме при Конбаунах (с 1752 г.), когда централизация усилилась, территориальный государственный аппарат

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

состоял из *мьотуджи*, которые осуществляли административную, налоговую, судебную, военную власть практически без вмешательства центра[101]. В Раннем Матараме каждый полноправный был приписан к какой-либо общине, которая и была основной административной единицей. Администрация была представлена тремя высшими чиновниками, занимающимися сбором налогов, и их помощниками, а также низшими чиновниками *раманта* из членов общин, ведающими делами общины и осуществляющими ее связь с центральной властью[102]. Даже в Маджапахите (1293–1527) центральный аппарат представлен лишь несколькими высшими чиновниками (три высших министра, главный советник, управляющий царской резиденцией, два руководителя полицейского аппарата) и тремя ведомствами — общественных работ, налогов и военным, территориальный — постами губернаторов 5 провинций и наместниками (и их советниками) 12 вассальных областей и руководителями соответствующих центральным ведомств провинциального звена (провинции и области делились на районы, районы — на группы общин двух типов, а они — на общины во главе с сельским старостой); судебный аппарат находился в ведении духовенства[103].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

1. Чиновно-должностная система

Отличительной чертой традиционной дальневосточной системы было наличие у каждого чиновника не одного-двух, как обычно, а одновременно большего числа формальных показателей его положения в государственной служебной иерархии, причем зачастую не совпадающих друг с другом по высоте. Основным показателем положения чиновника всегда был цифровой ранг (по рангам были распределены и все должности в государственном аппарате), который, однако же, никогда не указывался в его титулатуре. Ранг имел важнейшее структурообразующее значение, поскольку именно к нему были привязаны должности, каждая из которых соответствовала определенному рангу и классу. Следовательно, значимость любой должности определялась присвоенным ей рангом и была, таким образом, совершенно очевидна. Не менее заметной чертой системы было полное отсутствие собственно чинов, т.е. словесного обозначения, названия соответствующих рангов военного и гражданского чиновничества (например, в европейской системе капитан — это военный чин 9-го ранга, статский советник — гражданский чин 5-го ранга и т.д.). Вместо этого традиционная дальневосточная система характеризуется совокупностью ряда показателей социально-служебного положения человека, обязательной почти для всех стран региона распространения китайской политической культуры.

Ранги регулярных чиновников. Основой традиционной дальневосточной чиновно-ранговой системы всегда была иерархия девяти рангов, причем каждые три из них соответствовали делению на высшее, среднее и младшее чиновничество. Девятичленная система известна с эпохи Чжоу (1122–256 гг. до н.э.), когда высшая знать — *чжухоу* и *цин* — занимала высшую треть иерархии, средняя приходилась на *дафу*, а младшая на *ши* (*дафу* и *ши* подразделялись на высших *шан*, средних *чжун* и низших *ся*)[104]. В империи Цинь, впрочем, существовало 20 рангов (20-й высший), а в эпоху Хань показателем иерархического положения чиновника служил размер получаемого им содержания в данях зерна — разряд *чжи* (от 10 000 до 100). К высшим чиновникам относились Три Князя, Три Настав-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ника и генералы — 10 000 даней, а 9 *цинов*, начальники областей и другие им равные оценивались в 2000 даней[105] (с 32 г. до н.э. существовало 16 разрядов, а после 206 г. — 20[106]), в 220 г. были введены 9 рангов — *пинь* или *бань*.

Эта система и стала классической (она существовала с 220 до 1905 г.): 9 рангов делились каждый на два класса *дэн* (старший *чжэн* и младший *цзун*). В Тан (все Пять династий 906–960 гг. приняли танскую систему без существенных изменений) и Северном Сун для 4–9-го рангов каждый класс делился еще и на две степени (высшая *шан* и низшая *ся*), всего, таким образом, было 30 градаций *цзе*. Это точно соответствовало системе Тоба, принятой в 500 г. (до того существовало 54 градации)[107]. Точно такая же система существовала в Японии. В Юань, Мин и Цин, Корее периодов Корё и династии Ли, Вьетнаме (по меньшей мере с династии Ли — XI–XIII вв.) существовала та же система, но без степеней: 9 рангов делились на два класса каждый, и всего, следовательно, имелось 18 градаций (в Корее XV–XIX вв. только старший 3-й ранг делился на две степени, между которыми и проходила грань, отделяющая высшее чиновничество). В Цзинь (с 1137 г.) 9 рангов также делились на два класса каждый.

В Бохае 9 рангов именовались не *пинь*, а *чжи*, причем чиновники 1–3-го рангов носили одежду фиолетового цвета и дощечки из слоновой кости (у прочих они были деревянными) и золотую верительную бирку в виде рыбки, 4–5-го — малинового (и серебряную рыбку), 6–7-го — светло-красного, 8–9-го — зеленого цвета[108]. В Японии определение соответствия между должностью и рангом начинает просматриваться в середине VII в.[109] и в 702 г. закрепляется в «Тайхорё»: 1–3-й ранги предусматривали для каждого своего класса не более одной должности (или вовсе ее не предусматривали), 4-й — 6–9, старший 5-й — 22, но остальные, начиная с неполного 5-го, предусматривали по 40–60 должностей на каждый класс[110]. В Силла для должностей предусматривался не определенный чин (ранг), а интервал в чинах, причем часто довольно широкий, например от 17-го до 8-го, от 9-го до 3-го, от 5-го до 1-го и т.д.[111]. Во Вьетнаме внутри каждого класса существовала строгая последовательность должностей в зависимости от важности учреждения и других факторов (например, руководители министерств, все чиновники ранга 2б, могли отличаться друг от друга на 5 пунктов)[112]. В Си Ся рангов, подобных китайским, не существовало, хотя все титулы делились на 7 классов[113].

Почетные звания *саньгуань* (*сань*). По-видимому, они появились при Южных династиях в VI в. для обеспечения статуса и дохода престарелым чиновникам и инвалидам и практиковались в Суй (где также бытовали почетные звания *цзягуань*, большое число которых жаловалось чиновникам, находившимся не у дел). Таким образом, эти чиновники, не имея должности, как действительные чиновники

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

чжигуань, все равно, подобно им, имели градацию *цзе*, в соответствии с которой выдавалось жалованье. *Саньгуань* поэтому иногда именуют в литературе почетными или фиктивными должностями. В Тан было 29 таких званий (главным образом *дафу* и *лан* с различными эпитетами) для гражданских чиновников и 42 (на основе терминов «генерал» — *цзянцзюнь* и «командир» — *вэй* с эпитетами) для военных, которые были распределены в соответствии с основными рангами, классами и степенями чиновников; они различались также в зависимости от способа поступления данного лица на службу и менялись на более высокие с продвижением по службе. Эти звания имели абсолютно все — как действующие, так и отставные чиновники, и с ними было связано получение содержания (минимального) даже для отставников. В Сун они сохранились без изменения, но в 1080 г. они были заменены понятием *шилугуань* («должность по жалованью»), а число градаций сокращено до 24, в Южном Сун их увеличили до 40, и именно от них зависел оклад жалованья.

В Цзинь имелось 42 градации *цзе* для гражданских и столько же для военных чиновников, а также градации для других специалистов. В Юань, которая базировалась в этом отношении на цзиньской системе, бытовали *саньгуань* примерно тех же наименований, что в Тан и Сун, и они использовались для дополнительного поощрения чиновников без повышения их основного ранга. (Столичные чиновники каждые 30 месяцев, а провинциальные — 36 получали оценку, и если она была удовлетворительной, то *саньгуань* повышалось на одну ступень.) Всего имелось 42 градации для гражданских чиновников (всех, кроме 9-го ранга), 34 для военных, 14 для гвардии, 14 для астрономов, 15 для медиков и 15 для музыкантов и прочих придворных служителей. В Мин *сань* имели все чиновники: 42 градации (на базе *дафу* и *лан*) для гражданских и 30 (на базе «генерал» и «командир») для военных. То же было в Цин, только гражданских и военных градаций (той же терминологии) было по 18.

В Корее *сань* появляются в период Корё. Сначала их было 8–9, затем 4 (без разделения на гражданские и военные). В 995 г. их по китайскому образцу было введено 29: по два на каждый класс рангов с 4 по 9-й и по одному на младший 1-й и оба класса 2–3-го рангов (старший 1-й ранг *сань* не имел). Как и в Китае, для гражданских это были различные вариации *тэбу* (кит. *дафу*), с 6-го ранга и ниже — *ран* (кит. *лан*), а для военных — *чангун* с эпитетами для 1–5-го рангов, *ви* — для прочих. В 1298 г. названия гражданских *сань* были изменены (с сохранением окончаний *тэбу* и *ран*; этот принцип никогда не отменялся), но число и структура остались прежними. В XIV в. их число сократилось и несколько раз менялось[114]. Имелось также 16 провинциальных званий — по два на каждый ранг (для 5-го и 8-го по одному)[115]. В период династии Ли существовало 31 звание: три для старшего класса 1-го ранга, по два для каждого класса

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

рангов по 6-й включительно и по одному для каждого класса 7–9-го рангов. Военных званий 1–2-го рангов не существовало (их было поэтому 22). Кроме того, имелись особые *сань* для младших гражданских и военных чиновников 6–9-го рангов — по 10 (по два для каждого класса 6-го ранга и по одному для остальных рангов) и для провинциальных военных и гражданских чиновников 5–9-го рангов, назначаемых местными властями, — по 10 (по два для каждого класса ранга). Наконец, особые *сань* (всего 21) имели жены чиновников всех рангов — по два на каждый класс 1-го ранга (а также на старший класс 3-го ранга, который делился на 2 степени) и по одному — на каждый класс остальных рангов[116]. Почетные звания известны и во Вьетнаме (*тангуан*), и в Японии (*санви*). Однако в Японии они не являлись принадлежностью всех чиновников, как в Китае, а были альтернативны должностям действительной службы, выполняя функции фиктивных должностей, на которые «назначались» чиновники, имеющие ранг, но не имеющие реальной должности. В том же качестве они использовались во Вьетнаме, где, в частности, были объектом продажи. Во Вьетнаме эти звания (*дайфу* и *ланг* с эпитетами у гражданских, *лень* и *тьинь* у евнухов) имели разный водораздел для различных категорий чиновников: у гражданских и евнухов он проходил между званиями рангов 5б и 6а, у военных — между рангами 3б и 4а[117].

Понятие *сань* из всех статусных показателей наиболее близко к понятию чина. Не случайно в Корё они первоначально имели названия силласких и тхэбонских чинов или близки к ним. Это были звания *тэсобальхан, собальхан, ичхан, сопхан, пхаджинчхан, ханчхан, альчхан, ильгильчхан, кыпчхан* (силлаские), *тэджесан, чунбу, тхэсахун, почвасан, чосурён, кванноксын, понджинви, чваджинса* (тхэбонские), затем вместо них появились *тэгван, чонгван, тэсын* (для военных *чвасын*), *тэсан*. В период династии Ли в условиях гипертрофированного роста янбанского сословия *сангван* использовались в качестве фиктивных должностей, «компенсации» при невозможности дать человеку реальную должность (их обладатели так же повышались в рангах, но более медленно, чем на действительной службе).

Звания за заслуги — *сюнь* также широко известны во всех дальневосточных странах. В Суй они жаловались в качестве награды отличившимся субчиновникам и даже простолюдинам (делалось, однако, различие между теми, кто имел официальный статус — *люнэй*, кто «еще не имел» его — *вэйжулю* и кто был вне его — *ювэй*). В Тан они присваивались за военные заслуги и делились на 12 (12-й — высший) рангов *чжуань*, причем каждому рангу соответствовало свое звание (высший *шанчжуго* — Столп государства, младшие — обычно *вэй* с различными эпитетами). Обладатели *сюнь* имели право носить одежду определенного цвета. Получившие эти звания неслужащие лица именовались *сюньгуань*, но получали ли они

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

жалованье — не ясно. В Сун эти звания сохранились, но присваивались автоматически по достижении определенного основного чиновного ранга. В отличие от Тан они не давались за военные заслуги. Не вполне ясно, распространялись ли они на неслуживших. В Юань *сюнь* давались автоматически всем высшим чиновникам начиная с 5-го ранга (в основном на базе термина «командир» — *вэй*) — таким образом, их было 10. В Мин для гражданских чиновников действовала та же система (но терминология основывалась на терминах «министр» — *цин* и «губернатор» — *инь* с эпитетами). Однако при этом *сюнь* получали все (с 1-го по 9-й ранг) военные чиновники (для которых было 12 градаций *сюнь*)[118]. В Корее *сюнь* существовали в период Корё (упразднены после 1275 г.): *санджугук* (танский *шанчжуго*) и *чугук* (старшего и младшего классов 2-го ранга соответственно). Во Вьетнаме *хуанкап* для гражданских чиновников имели основу *кхань* («сановник») — для рангов 2а–3б, и *зоан* («начальник») — для рангов 4а–5б, для военных — *хокуан* («офицер гвардии») для 2-го ранга и *уи* («младший офицер») для рангов 3а–5б (чиновникам 6–9-го рангов звания не присваивались). Военным и гражданским чинам 1-го ранга и обладателям титулов знатности присуждалось звание *чукуок* (Столп государства)[119].

Титулы знатности — *цзюэ* возникли в Хань, где их было 20 и они опосредованно сочетались с разрядами *чжи*. В период Южных и Северных династий они включали как титул *вана* и 5 типичных для Китая титулов (*гун, хоу, бо, цзу* и *нань*), так иногда и другие — более низкие, причем получило широкое распространение посмертное их присвоение. 5 типичных титулов ведут происхождение со времен Чжоу, когда их обладатели *чжухоу* действительно были владетельными магнатами. *Гуны* и *хоу* существовали и в Хань, где за каждым закреплялось от 500–600 до нескольких тысяч крестьянских дворов. В Суй дяди, братья, дети императора имели титул *цинвана*, а для остальных чиновников существовало 9 титулов, но при императоре Ян-ди было оставлено лишь три: *ван, гун* и *хоу*. В Тан их обладатели (пяти указанных выше титулов) наделялись рентой, положенной от 10 000 до 300 крестьянских дворов. Старший сын обычно наследовал статус отца, но с понижением в уровне оплаты. В Сун было 12 градаций *цзюэ*, автоматически присваивавшихся членам императорской фамилии и особо заслуженным сановникам. С титулами знатности были связаны выплаты и привилегии, но они не давали сами по себе реальной власти. В Юань их было 8: 1) *ван* или *вэйся* (принц), в том числе *циньван* или *ювэйся* (принц императорской крови), 2) *цзюньван*, 3) *гогун*, 4) *цзюньгун*, 5) *цзюньхоу*, 6) *цзюньбо*, 7) *сяньцзу*, 8) *сяньнань*. В Мин и Цин существовали и *циньваны*, и более низкие титулы, в основном для членов императорской фамилии и некоторых заслуженных чиновников (в Мин только военных)[120]. В Тайпинском государстве руководящее ядро состояло из 65 человек. До 1856 г. среди них было 7 «князей»

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(обладатели титула *хоу*), потом — 16 (тогда же между *ваном* и *хоу* появилось 6 новых титулов). К концу существования государства насчитывалось до 2700 *ванов*, но это были просто офицеры[121].

В Корее 5 обычных титулов известны с периода Корё. В середине XI в. они были соотнесены с общегосударственными рангами: *куккон* имел старший, *кунгон* — младший 2-й, *хёнху, хёнбэк* и *кэгукча* — старший, а *хённам* — младший 5-й. Кроме того, их обладателям полагался кормовой надел сигып (3000, 2000, 1000, 700, 500 и 300 дворов соответственно). После 1275 г. титулы были упразднены (лишь на короткое время восстанавливались в 1356–1362 и 1369–1372 гг. с равным для всех старшим 1-м рангом). Родственникам вана давались титулы *вонгун* и *тэгун*, с середины XI в. — также обычные *кон, ху* или более низкие *вонъюн* и *чонъюн* (в 1298 г. для *вонгуна* и *тэгуна* был установлен полный, для прочих *кунов* — младший 1-й ранг, *вонъюна* — старший и *чонъюна* — младший 2-й; последние два в начале XIV в. были понижены на один класс). В 1356 г. всем им дали титулы *кон, ху* или *пэк*, но в 1362 г. восстановлена старая система (причем *пувонгун* получил старший, а остальные *куны* — младший 1-й ранг). При династии Ли вне рангов существовали титулы *тэгун* и *ванджагун*, а прочие *куны* 1–2-го рангов носили звания *сань*, сходные со званиями других высших чиновников[122].

Во Вьетнаме подобные же титулы — *выонг, конг, хау, ба, ты, нам* — имели более важное значение: первые четыре ставили их обладателя выше любого чиновника, не имеющего титула (титулы *выонг* и *конг* были прерогативой принцев крови и за заслуги не присваивались), обладатели двух последних приравнивались к высшим чиновникам. Титул давал право на земельные владения. Причем титулы *хау* и *ба* получали в основном гражданские чиновники и евнухи, *куангконг* — все, *куокконг* — только военные, а *ты* и *нам* — только гражданские (см. табл. 3[123]). Наследственных титулов знатности (тех же наименований плюс *тхайты, тханвыонг, тытханвыонг*) удостаивались четыре категории родственников императоров: 1) прямые мужские потомки по мужской линии до 9-го поколения (12 ступеней); 2) прямые женские потомки по мужской линии (9 ступеней); 3) прямые мужские потомки по женской линии, т.е. сыновья принцесс с 3-го по 6-е поколение (9 ступеней); 4) супруги принцесс 2–4-го поколений (2 ступени). Наследственные титулы отличались тем, что перед ними стояла пара «прекрасно-эпитетных» иероглифов, а перед ненаследственными титулами *куокконг, куанконг, хау* и *ба* — географические названия (округа, уезда и для двух последних — общины); в наследственных же титулах географические названия фигурировали только у *тханвыонга* — название округа и *тытханвыонга* — уезда. В XVI–XVIII вв. с отстранением императоров Ле от реальной власти титулы *выонга* и *конга* начинают присваиваться и родственникам правителей *тюа*, а также и за заслу-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ги[124]. К этому времени диапазон должностей, с которыми мог сочетаться титул знатности, охватывает практически всю сферу государственного аппарата и становится как бы «гибким рангом», с помощью которого регулировалась реальная степень оценки того или иного поста, что было связано с превалированием в это время военного чиновничества, для которого титульная иерархия имела более важное значение (характерно, что с 30-х годов XVI в., а тем более позже практически не встречаются военные с титулами ниже *хау* и гражданские с титулами выше *куанконг* — см. табл. 3)[125].

Что касается характера и порядка титулования, то помимо названных выше показателей чиновник в традиционной дальневосточной системе мог еще именоваться по основной и дополнительным должностям и выполняемым обязанностям. В танское время он мог одновременно называться: 1) по *саньгуань*; 2) по основной должности (соответствующего основного ранга); 3) по *цзянь* — совмещаемой должности; 4) по *чацянь* (полномочия или реально исполняемые обязанности по персональному назначению); 5) по *цзячжи* — дополнительным обязанностям; 6) по *сюнь*; 7) по *цзюэ*; кроме того, он мог быть ответственным *ши* за обязанности, не связанные с его основной должностью. В Сун (особенно Северном) чиновник сначала назывался по *сюнь*, потом по *саньгуань* и потом по *гуань* (официальному титульному посту), наконец, он мог иметь *чжи* (должность) — на самом деле в большинстве случаев номинальную, как, например, «студент Академии Ханьлинь». Но независимо от того, имел ли он «должность», каждый имел полномочия *чацянь*, и они определяли его реальные обязанности, хотя не были формально рангированы. Это позволяло использовать низкого рангом, но талантливого чиновника на высоком посту и наоборот, причем обходить положенный трехлетний срок пребывания в должности. В Сун с чиновниками обращались наиболее свободно и никогда их реальное положение и обязанности не были порой так далеки от ранга, официальной должности и уровня оплаты[126]. При несоответствии ранга и должности чиновники, чей ранг был выше занимаемой ими должности, именовались *син*, а обладатели ранга более низкого, чем предусмотренный для данной должности, — *шоу*.

Во Вьетнаме иерархия рангов, титулов и званий дополнялась системой *тхонгты* — унифицированной общественной оценки социоморального достоинства члена служилого слоя по количеству *ты* (от 1 до 24), например, при наличии почетного звания у одного из чиновников одинакового ранга его значимость повышалась на 1 *ты*. Высшая категория охватывала лиц с *ты* от 24 до 17: ближайшие родственники императора, чиновники 1-го ранга; средняя — с *ты* от 16 до 9: дальние родственники императора (потомки предшествующих императоров до 9-го поколения), военные и гражданские чиновники 2–5-го рангов, евнухи 3–5-го рангов; низшая — с *ты* от 8 до 1: чиновники 6–9-го рангов и обладатели купленных рангов[127].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Чиновно-ранговая структура традиционной дальневосточной системы как нельзя лучше характеризует сущность бюрократического начала. Отсутствие собственно чинов (т.е. самостоятельных названий служебных градаций) весьма показательно. В этой, казалось бы незначительной, детали проявляется разница между дальневосточной — «бюрократической» и европейской — «аристократической» системами. Дело в том, что чин — это персональное звание, с которым связано понятие личного достоинства его носителя («надворный советник» или «полковник» в соединении с именем человека звучит совсем иначе, чем «гражданский чиновник 7-го ранга» или «военный чиновник 6-го ранга»). «Бюрократическая» же система стремится к предельной формализации, подчеркивая «несамоценность» каждого члена, указывая лишь на его принадлежность к определенному месту (должность) и положение этого места в иерархии (ранг)[128]. Чин, понятие сопоставимое с титулом, званием, происходит (в функциональном, а не этимологическом смысле) именно от них и характерен для систем, в основе которых лежит «аристократическое» начало. Такими первыми «чинами» в допетровской России были восемь основных званий служилых людей, составлявших в совокупности дворянское сословие: боярин — окольничий — думный дворянин — стольник — стряпчий — дворянин — жилец — сын боярский[129]. В чиновных системах, складывающихся на аристократической основе (не только в Европе), чины обычно присутствуют. В некоторых же случаях социально-статусные термины и этимологически восходят к понятиям, связанным с происхождением. Например, в раннесредневековом яванском обществе в качестве наименований должностей административной иерархии и титулов знатных лиц употреблялись слова, бывшие одновременно терминами родства[130].

Поэтому неудивительно, что во многих странах дальневосточного региона к моменту проникновения китайского влияния уже существовали системы именно чинов, с которыми и пришлось столкнуться и некоторое время сосуществовать заимствованной китайской ранговой системе. Такая встреча подразумевала некоторую конфликтную ситуацию, которая разрешалась везде по-разному, в зависимости от силы местной аристократической традиции: в одних случаях старые чины быстро отменялись, в других — сосуществовали, приспособившись и включившись в систему 9 рангов, а в третьих — продолжали существовать взамен китайской системы рангов еще несколько столетий.

В Японии служебные ранги (12; с названиями по конфуцианским добродетелям, т.е. и чины) были введены впервые в 603 г. в качестве определенного противовеса клановым званиям и титулам и встретили сопротивление части аристократии. В силу мощной аристократической традиции они так и остались сильно привязанными к двору и именовались «придворными рангами», а перед ними пе-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

речислялись 4 класса членов императорской семьи, как бы образуя с ними единую систему. До того как сложилась классическая система 9 рангов с подразделениями (702 г.), в 603 г. была введена система из 12 рангов, в 647 г. — из 13, в 649 г. — из 19, в 664 г. — из 26, в 685 г. — из 48 (частные уточнения делались в 671, 682 и 689 гг.[131]). Впрочем, то, что было введено в 603 г., рангами, строго говоря, назвать нельзя — это был набор названий стандартных китайских «добродетелей», разделенных на два класса каждая и, по-видимому, не связанных строгой иерархией. При этом собственно рангов всегда оставалось 6, а число градаций увеличивалось за счет степеней внутри каждого из них. Причем это были не только ранги, а чины — каждый имел свое название (см. табл. 4[132]). Для провинциального чиновничества существовала отдельная система *гайи* из 5 рангов (20 ступеней)[133]. Весьма характерно, что другие элементы китайской системы (звания за заслуги и титулы) не вводились: мощная система местных клановых титулов не оставляла им места.

В трех корейских государствах раннего средневековья также существовали именно чины. В Когурё они бытовали уже во II–III вв., а в более позднее время, несмотря на разночтения в источниках, определенно известно о существовании системы 12 рангов (см. табл. 5). Чиновная система Пэкче имела 16 рангов: *чвапхён*[134], *тальсоль*[135], *ынсоль*, *токсоль*, *хансоль*, *насоль*, *чандок*, *сидок*, *кодок*, *кедок*, *тэдок*, *мундок*, *мудок*, *чвагун*, *чинму*, *кыгу*. Чиновники носили одежду темно-малинового цвета. Шесть высших рангов в качестве знаков отличия имели серебряные цветы на шляпе, а остальные различались по цвету пояса: 7-й ранг — темно-красный, 8-й — черный, 9-й — красный, 10-й — зеленый, 11–12-й — желтый, 13–16-й ранги — белый (в Когурё чиновники носили шляпы черного и темно-красного цвета с птичьими перьями и украшениями из золота и серебра). В Силла существовали 17 рангов (а также Особый и Исключительный), учреждение которых отнесено к 32 г. н.э.[136]. Чины эти имели многочисленные варианты, кроме того, до 674 г. существовали и особые провинциальные чины (см. табл. 6). Установление для всех чиновников форменной одежды красного и лилового цвета относится к 520 г.[137].

В Цзинь в 1113–1134 гг. существовала система чинов *боцзиле* из 10 рангов (которые, однако, могли и не существовать одновременно, и их порядок спорен): главный вождь (*ду боцзиле*), большой вождь (*аньбань боцзиле*), затем «благородные вожди» (*голунь... боцзиле*) — предводитель, «левый», «правый», 1, 2, 3, 4-й (*хулу, цзо, иши, амай, цзэ, илай, дэ*) и последний — младший вождь — *ашэ боцзиле*. Это были, несомненно, чины, но их носители принадлежали не столько к бюрократии, сколько к титулованной племенной знати и военачальникам[138]. В Си Ся существовала система титулов (включающая, видимо, и должности), возглавлявшаяся импера-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ром и наследником, за которыми следовало 7 классов титулов, сла-бо разграниченных по существу и не имеющих аналогов в Китае. Высший из них, например, включал как титулы великих князей, так и почетные титулы за выдающиеся достижения в литературе, военном деле, юриспруденции и сыновней почтительности, следующие шесть — за меньшие заслуги в этих сферах деятельности (в т.ч. и посмертные)[139].

Чиновно-ранговая система китайского типа не менее специфична, чем соответствующий ей государственный аппарат. Если мы посмотрим на подобные системы стран Юго-Восточной Азии, не входящих в ареал китайской политической культуры, то не найдем там близких аналогов даже в Сиаме, имевшем также многослойную систему идентификации чиновника. Статус чиновника определялся там четырьмя взаимно коррелируемыми показателями: 1) *сактина* — социальный ранг в виде условного количества земельной площади, охватывающий все население страны[140], 2) *яса* (по-видимому, нечто подобное почетным званиям *сань* в Китае[141]) — их было 8, 3) *тамнен* (по-видимому, просто название должности[142]), 4) *рачатиннама* — так называемое «королевское наименование»[143]. В Бирме периода Конбаунов существовало 12 ненаследственных титулов для родственников правителя и 11 для чиновников[144]. В других странах Юго-Восточной Азии, особенно относящихся к государственно-патриархальному типу, системы титулов довольно примитивны.

2. Комплектование

Комплектование чиновничества в традиционной дальневосточной системе исходило из общего принципа «подбора талантов» и осуществлялось путем сочетания нескольких способов поступления на службу, которые иногда переплетались. Основными тремя были экзамены, рекомендация и наследование, меньшее значение имели окончание учебного заведения, выслуга из субчиновников, военные заслуги, покупка. Эти способы выступали и в «чистом» виде, и в сочетании с другими, например, от рекомендованного или поступающего на службу по праву рождения могла требоваться сдача экзамена или окончание учебного заведения (для поступления в которое и давалась в этом случае рекомендация), или, наоборот, к сдаче экзамена допускались лица по рекомендации или окончившие учебные заведения и т.д. Наиболее характерным и специфическим элементом комплектования была, конечно, экзаменационная система. Она никогда не была ни единственным, ни даже главным по значению (имея в виду общую массу поступавших на государственную службу) компонентом набора, но зато служит «визитной карточкой» традиционной дальневосточной системы, поскольку в

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

совокупности своих элементов не имеет сколько-нибудь близкого подобия ни в одном обществе.

Экзаменационная система включала как регулярные, так и специальные (иррегулярные) экзамены. Сама идея государственных экзаменов возникла еще в эпоху Хань. С 165 г. до н.э. кандидаты, выдвинутые по иррегулярной (а позже и по регулярной) системе рекомендаций, держали письменный экзамен при Министерстве церемоний (в Поздней Хань при Императорском секретариате), иногда в присутствии самого императора; после 132 г. н.э. экзамен стал обязателен для всех выдвинутых[145]. В эпоху Южных и Северных династий и Суй экзамены продолжали использоваться в том же качестве, причем с 587 г. именно сами экзамены стали играть все большее значение, а Ян Гуан-ди учредил экзамены на степень *цзиньши*, ставшие потом главными. Эта степень в то время давала право на низший 9-й ранг (другая — *сюцай* — на 8-й, но с середины эпохи Тан она утратила значение)[146].

Система регулярных экзаменов с присвоением ученых степеней *кэцзюй* в своем классическом виде (с Сун) представляла триаду последовательно проводимых раз в 3 года провинциальных, столичных и дворцовых экзаменов. Первой ступенью были квалификационные экзамены в префектуре или равные им школьные (к которым допускались в Сун, похоже, не все желающие). Столичные экзамены *шэнши* проводились Министерством церемоний (некоторое время до 1080 г. этим занималось специально созданное Бюро личного состава *Чжигунчжу*[147]) и разделялись на несколько типов, самый престижный из которых давал звание *цзиньши*, а остальные — степени «другого экзамена». Третьей ступенью были введенные в 975 г. дворцовые экзамены, проводимые иногда в присутствии самого императора. Их лауреаты зачислялись в высшую категорию *цзя*. Ключевым звеном были столичные экзамены с получением степени *цзиньши*, без которой уже с конца Тан и после первых десятилетий династии Сун никто не занимал обычно сколько-нибудь важное положение в иерархии государственной службы[148].

Практически та же система существовала уже в Тан с 622 г., но экзамены там проводились ежегодно[149]. Большую часть кандидатов столичных экзаменов составляли тогда *сянгуны* — лица, выдвинутые префектами в соответствии с квотами и которые должны были по идее отбираться на предварительных экзаменах. Другие были выпускниками государственных школ, решившими увеличить шансы на карьеру. Кроме того, в экзаменах могли участвовать и действующие чиновники (в т.ч. почетные и без должностей), ранее не сдававшие экзамена. Известно почти 20 видов экзаменов, но стандартный набор состоял из 5 видов. Экзамены проводились письменно, иногда с устной частью. Прохождение двух наиболее престижных, основанных на знании конфуцианских сочинений и классической литературы и умении проявить литературные дарования, позволяло получить

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

степени *минцзин* (обычно получали 10–20% участников) и *цзиньши* (1–2%), тремя менее престижными были экзамены по каллиграфии, математике и праву. До 736 г. экзамены проводились Министерством чинов, потом — Министерством церемоний, что подчеркивало их превращение из элемента административной рутины в один из основных элементов культурной традиции. Часть кандидатов посылалась из провинции в качестве «подношения» двору и в отличие от выпускников столичных школ, экзаменовавшихся Министерством чинов, экзаменовалась Министерством церемоний[150]. Конкурс на префектурных экзаменах был очень велик, в 1066 г. их сдали от 1 до 10% участников, столичные экзамены в 992 г. из 97 000 кандидатов сдали свыше 1000, обычно их успешно проходили 10% кандидатов[151].

В последующие эпохи — Юань, Мин и Цин — система экзаменов практически не изменилась по сравнению с классической, сунской: экзамены по-прежнему проводились раз в 3 года по трехступенчатой схеме.

1. Провинциальные *сянши*. Для участия в них надо было еще пройти квалификационные экзамены (в Юань их проводили местные чиновники раз в 3 года, в Мин и Цин — приезжие комиссары по образованию; в Мин и Цин прошедшие такой экзамен именовались *сюцаями*), быть студентами Государственного Университета или выпускниками местных государственных и частных (*шуюань*) школ (со временем последних становилось все больше). В Цин (где квалификационный экзамен проводился ежегодно) ему подлежали и учащиеся местных государственных и частных школ. В Мин для содействия *шэнъюаням* (учащимся государственных школ) в сдаче провинциальных экзаменов существовала общинная помощь[152], чтобы быть допущенными к ним, надо было пройти испытания на уездном, областном и провинциальном уровне; в Цин уездные состояли из 5 различных испытаний, областные — из 2, провинциальные — из 5. Провинциальные экзамены проводились в Юань руководителями отделений Государственного Секретариата (в столичной области — провинциальными губернаторами), в Цин — под наблюдением чиновников из столицы. Лауреаты их именовались (в Мин и Цин) *цзюйжэнями*. Этот статус в Цин освобождал от некоторых платежей и повинностей и позволял занимать низшие должности. Общая квота для *цзюйжэней* впервые была установлена в 1370 г. — 470 чел., в 1450-х годах общая квота составляла 1100, в 1570-х — 1200, в Цин — 1200–1800 чел.[153]. В позднем Цин помимо квоты 1810 чел. еще 254 степени давались «знаменным», а из самой квоты 182 степени выделялись для покупки (временная стоила 100 тыс. таэлей, постоянная — 1 млн.), 107 — «представленным студентам» *гуншэнам*, а значительный процент резервировался для детей чиновников, пользующихся правом «тени». При наличии 573 тыс. претендентов (см. ниже) конкурс был 1:300[154]. И для кан-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дидатов, и для лауреатов квоту имела каждая провинция — по числу населения: от 40 лауреатов для Гуйчжоу до 230 для столичной Чжили; конкурс был огромен: в 1844 г. в Гуанчжоу при квоте 72 чел. было более 7,5 тыс. претендентов, в 1846 — более 8 тыс.[155].

2. Столичные *хуйши*, проводившиеся Министерством церемоний и дающие лауреатам степень *цзиньши*. В Юань каждая провинция имела квоту (от численности населения), и на столичные экзамены допускалось всего 300 кандидатов (по 75 от монголов, мусульман, северных и южных китайцев), причем лауреатов не могло быть более 1 из 3, т.е. не более 100, равно распределенных между национальными группами (на всех этапах экзаменов монголы и мусульмане имели более легкие условия, чем китайцы, и получали лучшие назначения). В Мин не прошедшие столичные экзамены иногда сразу назначались на низшие должности, а иногда поступали в Государственный Университет, после чего были годны для назначения на том же основании, что *гуншэны* (за исключением первых лет Мин ни *цзюйжэни*, ни *гуншэны* не могли рассчитывать на быструю или успешную карьеру). В Цин на столичных экзаменах, как и на провинциальных, было 3 однодневных тура в течение недели. Вопросы готовились и задавались высшими чинами — большими секретарями, академиками Ханьлинь, цензорами. Роль отдельных провинций в комплектовании корпуса *цзиньши* была далеко не одинаковой (см. табл. 7–8[156]). Хотя каждые 3 года имелось только 2064 провинциальных лауреата, в столичных экзаменах редко участвовало менее 4 тыс. чел., и шансы были 1:10[157].

3. Дворцовые *дяньши*, номинально проводимые императором и иногда в его присутствии, на которых лауреаты делились по успехам на 3 группы *цзя*. В Цин высшая группа сразу назначалась на должности в Академию Ханьлинь, где училась, готовясь к занятию высших должностей.

Специальные экзамены *шицзюй* проводились императором для выявления особых талантов. Они были распространены в первой половине правления династии Тан и особенно в VIII в. при Сюаньцзуне. Кандидаты выдвигались столичными чиновниками высоких рангов и префектами, обычно их было немного, и лауреатов бывало не более дюжины (через эти экзамены прошли многие наиболее видные чиновники этого времени). В конце периода Тан специальные экзамены почти не практиковались. В Сун кандидаты для этих экзаменов по-прежнему выдвигались провинциальными властями. В некоторых из них могли участвовать лауреаты регулярных экзаменов (карьера которых в этом случае шла еще успешнее). В Цин такие экзамены *шикэ* назначались для выявления людей, которые могли быть просмотрены и пропущены обычной системой. Они были в основном двух типов: один проводился для определения эрудиции и литературного таланта (в таких экзаменах участвовали и некоторые *цзиньши*, надеясь улучшить карьеру). Другой практико-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

вался почти каждым императором и фактически сводился к требованию, чтобы местные чиновники давали рекомендацию *баоцзюй* лицам, которые хотя и не были достаточно эрудированы для участия в обычных экзаменах, но подходили для назначения на низшие должности как «честные и прямые» и т.д. Оба типа регулярно давали сотни новых чиновников. Военные экзамены *укэ*, проводимые военным министерством, состояли в проверке искусства выездки, стрельбы из лука и знания классических сочинений по военному искусству.

По конкретной практике проведения экзаменов и количеству лауреатов имеется много данных, поскольку имена лауреатов гражданских столичных экзаменов были окружены почетом и фиксировались для истории (в большинстве случаев обладатели степени *цзиньши* известны поименно). В Тан в регулярных экзаменах ежегодно участвовало до 2000 кандидатов, но в целом экзамены сдавали не более 15–20% чиновников, в Сун за один тур присуждалось более 600 высших степеней (в среднем свыше 200 за год) — более чем когда бы то ни было в прошлом и будущем, т.е. экзамены прошла почти половина (или около трети) всех сунских чиновников. Первое столетие Сун экзамены проводились нерегулярно, иногда — каждый год, причем в некоторых случаях лишь для определенного района страны, с 1065 г. — раз в 3 года. Число степеней сильно варьировалось, например, в 1005 г. было 817, а наибольшее, 1548, — отмечено в 1000 г.[158]. За первые 15 лет династии *цзиньши* стали всего 293 чел., или в среднем менее 20 в год, при втором императоре их стало больше, а в 976–1019 гг. степень получили не менее 9323 чел. (около 212 в год), в 1020–1057 гг. — 8509 (около 224 в год), или в среднем по 851 на каждом из 10 экзаменов, в 1106–1124 гг. степень получали в среднем по 239 чел. в год, но затем число это снизилось. В середине XI в. ежегодная потребность в чиновниках составляла около 480 чел. при среднегодовом числе новых *цзиньши* 254[159]. Во второй четверти XII в. за один тур степень *цзиньши* получали 300–400 чел. (максимально — 538 в 1128 г.), да и ранее их число редко поднималось выше 600 (максимальное число за весь сунский период — 805 в 1124 г.)[160]. В целом же в Сун экзамены проходило в несколько раз больше лиц, чем в Тан; только столичные экзамены в некоторые годы выдерживало свыше 1000 чел., причем одно место оспаривали около 100 кандидатов[161]. В Сун для проведения экзаменов была создана специальная экзаменационная комиссия *Чжигуаньчжу*, а оценка для назначений всех чиновников (кроме высших) доверена Бюро оценки личного состава *Шэньгуаньюань* (такое же существовало в Цзинь). Эти органы упразднили в 1080-х годах. Существовало также экзаменационное бюро *Гунъюань* и Бюро экзаменационных копиистов *Тэнлуюань*[162].

В Юань Елюй Чуцай в 1237 г. провел первый экзамен для северных китайцев, получив 4030 новых чиновников, но это осталось то-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

гда единичным фактом, вопрос вновь был поднят в 1267 г., но не имел практических последствий[163]. Регулярное проведение экзаменов было установлено в 1313 г. и началось с 1314–1315 гг.; за исключением 1335–1340 гг., трехгодичный цикл выдерживался до самого конца. Экзамены были проведены в общей сложности 16 раз и дали 1139 *цзиньши* (в среднем 71 за тур, наибольшее число — 180). Максимальное среднегодовое число — 33[164]. Квота при первом туре экзаменов 1314 г. была определена по 75 чел. для каждой из национальных групп (монголов, сэму, северных и южных китайцев), при втором — 25. При этом для монголов и сэму экзамены были не трех-, а двухступенчатыми и с более легкой программой, при сдаче же ими экзамена по китайской программе они получали ранг на ступень выше китайца. В 1342 г. *цзиньши* стали 18 из 78 чел., в т.ч. 6 монголов, 6 сэму и 6 китайцев, причем монголы получили ранг 6б, сэму — 7а, китайцы — 7б[165].

В Мин первые экзамены прошли в 1371 г. (дали 119 *цзиньши*), вторые — в 1385 г. (472 *цзиньши*) и затем проводились регулярно. Всего 90 экзаменов дали 24 874 *цзиньши* (в среднем 276 за тур, или 90 в год; наименьшее число — 32, наибольшее — 472). Экзамены прошла примерно треть всех чиновников. Среднегодовое число росло от 50 до 140[166]. В Цин экзамены проводились всего 112 раз (1647–1904) и дали 26 747 *цзиньши*[167] (см. также табл. 9–10[168]). В первой половине XIX в. из 125 тыс. чиновников и приравненных к ним насчитывалось 18 тыс. *цзюйжэней* и около 4 тыс. *цзиньши*, причем не все *цзюйжэни* занимали должности[169].

В Ляо экзамены на степень *цзиньши* были, по-видимому, введены еще в 938 г. в 16 китайских префектурах, а первые, утвержденные императором как общегосударственный институт, проведены в 988 г. и с тех пор проводились более или менее регулярно — сначала ежегодно, а потом раз в 2, 3, 4 и даже в 5 лет. Экзамены проводились последовательно в уезде, области и столице; лица, выдержавшие столичные экзамены, назывались *цзиди*. Но кандидатов и лауреатов было мало: в первое десятилетие после 988 г. — в среднем 2–3 *цзиньши* на экзамене, в 1-й четверти XI в. — в среднем по 13 чел. в год (в 1006 г. — 23, 1014 г. — 31, 1019 г. — 37, 1021 г. — 45, 1022 г. — 47), во 2-й четверти — по 20 в год и от 22 до 72 (в 1025 г.) на экзамене, во 2-й половине XI в. — в среднем по 19 в год (после 1055 г. часто свыше 100, например, в 1070 — 138 чел. на экзамене), в 1100–1120 гг. — в среднем по 27 в год. К тому же далеко не все назначались на должность, по некоторым данным — 2–3 из 10 *цзиньши*. В XI в. ежегодно в аппарат брали от 3 до 7 *цзиньши*, в X и XII вв. — несколько меньше. Если даже назначались не 25%, а 35–40%, то это всего 4–10 чел. Малочисленность *цзиньши* находит подтверждение и в биографиях деятелей Ляо[170].

В Цзинь экзамены проводились в 1123 и 1124 гг., а с 1129 г. стали регулярными (раз в 3 года) — последовательно в уезде, области

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

и столице, в 1150 г. были добавлены дворцовые. До 1135 г. отборочные экзамены проводились отдельно по «северному набору» — на бывших ляоских землях и по ляоской программе, и по «южному набору» — на сунских землях по сунской программе. В 1135 г. экзамены были разделены на высшие и низшие, а с 1138 г. они проводились последовательно в округе, области и провинции. В 1188 г. восстановлены упраздненные экзамены на высшую ученую степень, а в 1189 г. — на низшую, в 1190–1196 гг. введены новые экзамены, а экзамены в округах отменены. Образованные по-китайски чжурчжэни (очевидно, включая наследственных аристократов) участвовали в них наравне с китайцами (хотя первоначально система экзаменов распространялась только на китайцев, лишь в 1156 г. были организованы экзамены для чжурчжэней — выпускников школ в столицах). Нужда в чиновниках была столь велика, что уровень экзаменов резко упал: не было необычным, когда проходил 1 из 3 и даже 1 из 2 кандидатов. Степени *цзиньши* давались весьма щедро — до 925 за один цикл экзаменов, в среднем около 200 в год — почти как в Сун, которая управляла гораздо большей территорией. Хотя китайцы легко становились чиновниками, существовала региональная квота: северяне (чжурчжэни) держали более легкий экзамен. В 1171 г. введена степень *цзиньши* для чжурчжэней, а в 1173 г. была учреждена специальная экзаменационная система на чжурчжэньском языке. На этих экзаменах было мало как кандидатов, так и степеней, но те, кто стал лауреатом столичного «чжурчжэньского» экзамена, продемонстрировав уровень чуть выше обычной чжурчжэньской грамотности, продвигался лучше всех[171].

В Силла экзамены впервые были введены весной 788 г. (вместо испытаний по стрельбе из лука). В зависимости от знания китайской классики вводились 3 ученые степени. При этом полное предпочтение вне степеней отдавалось тем, кто усвоил все 5 основных сочинений («Ицзин», «Шуцзин», «Шицзин», «Лицзи» и «Чуньцю») и 3 истории («Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу»), а также знал другие китайские сочинения. Высшей степени удостаивались лица, усвоившие «Цзоши чжуань», «Чуньцю», «Лицзи» и «Вэньсюань» и хорошо разбирающиеся в «Луньюй» и «Сяоцзин», средней — знающие «Цюйли», «Луньюй» и «Сяоцзин», низшей — только «Цюйли» и «Сяоцзин»[172]. В Корё экзамены были восстановлены уже в 958 г. (проводились по танско-сунскому образцу) и играли наибольшую роль в формировании чиновничества во второй половине XI в. (см. табл. 11).

В период династии Ли экзамены приобретают вид системы, подобной минской, однако вследствие совершенно иных размеров страны и количества постов государственного аппарата их проведение в Корее не могло полностью копировать китайскую практику. Поэтому и привычные китайские термины несколько отличались по своему значению. Экзамены, проводившиеся раз в 3 года, разделя-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лись на два вида: «малые» *согва*, они также назывались *сама*, и «большие» *тэгва*, или собственно гражданские экзамены (*мунгва*). Фактически первые были экзаменами на степень, вторые — на должность, т.е. в Корее эти две цели экзаменов были разделены. *Согва* не давали права поступления на службу, а только право зачисления в Государственный Университет. В XVI–XVII вв. в среднем четверть лауреатов затем сдавали *тэгва* (см. табл. 12[173]), в последующие столетия доля таких постоянно уменьшалась (см. табл. 13[174]); обычно между сдачей экзаменов *согва* и *тэгва* проходило 9 с небольшим лет[175]. До 1603 г. им предшествовали отборочные экзамены в провинциях, каждая из которых имела определенную квоту соискателей: 700 на каждый вид степеней (Сеул поставлял 200, Кёнсан — 100, Чхунчхон и Чолла — по 90, Кёнги — 60, Канвон и Пхёнан — по 45, Хванхэ и Хамгён — по 35). Они состояли из двух независимых друг от друга экзаменов (их можно было сдавать по выбору или оба сразу), на одном из которых требовалось сочинить два стихотворных произведения, на втором — написать два сочинения на темы конфуцианских канонов. Сдавшие экзамен первого вида получали степень *чинса* (*цзиньши*), второго — *сэнвон* (*шэнъюань*). Обе эти степени были равны, тогда как в Китае разница между *цзиньши* и *шэнъюань* была огромной (см. выше). До 1603 г. квота лауреатов этих степеней составляла по 100 чел. каждой, позже — по 130. Всего было проведено 230 (в т.ч. 67 дополнительных) экзаменов *согва*, давших 47 997 лауреатов (24 221 *сэнвона* и 23 776 *чинса*). Данные о распределении их по периодам правления ванов, возрасту, социальному положению и месту происхождения см. в табл. 14–19[176]. Средний возраст экзаменующихся постепенно увеличивался, но в целом составлял 33–35 лет, подавляющее большинство составляли *юхаки* (неслужилые конфуцианцы). Обращает на себя внимание гипертрофированная роль столицы (значительно большая, чем в Китае и тем более во Вьетнаме) — на столицу и столичную провинцию приходится до 50% лауреатов.

Тэгва представляли собой полное подобие китайским экзаменам. На первом (провинциальном) этапе из участников отбиралось 240 чел. (50 выпускников Государственного Университета, 40 чел. из столицы и 150 из провинций по квотам), на втором (столичном) — 33, которые и принимались непосредственно на службу, на третьем (дворцовом) этапе они делились на 3 разряда (на гражданских экзаменах выделялся еще и особо отличившийся лауреат), в соответствии с которыми и присваивался первый ранг или производилось повышение, если человек уже был чиновником (не выше низшей степени младшего класса 3-го ранга). В целом из сдавших экзамены *мунгва* за весь период династии Ли около 35% составляли *сэнвоны* и *чинса*, примерно столько же *юхаки* (неслужилые конфуцианцы) и 30% уже служившие чиновники (см. табл. 20[177]). Точно так же были организованы и военные экзамены *мугва* (см. табл. 21).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Кроме регулярных *синнёнси*, проводились дополнительные экзамены *чынгванси* (одновременно как *согва*, так и *тэгва*) — по случаям различных торжеств, а также несколько разновидностей особых (все они — без провинциального этапа): *пёльси* (3 раунда; с 1416 г.), *чонси* (2 раунда во дворце), *альсонси* (для студентов Государственного Университета; с 1414 г.), *чундандэси* (с 1572 г.), *эбан пёльгва* (в отдельных местностях; с 1461 г.) и *чикпу* (позволяющие студентам Государственного Университета миновать 2-й этап *тэгва*). Всего с 1392 по 1660 г. состоялось 104 экзамена с присвоением степеней 18,6 тыс. чел. и 314 экзаменов уровня *мунгва*, давших 6113 лауреатов (см. табл. 22[178]). Конкурс иногда мог быть очень велик, например, в 1477 г. на экзамене *альсонси* на 1400 чел. пришлось 4 лауреата, на *пёльси* в 1536 г. на более 2000 чел. — 7, в 1572 г. на около 4000 чел. — 20, в 1574 г. на около 5000 чел. — 15 лауреатов[179].

Во Вьетнаме конкурсы были введены при династии Ли в 1075 г. (программа их была, видимо, полностью или в основном буддийской, а не китайским литературным конкурсом) и дали 10 лауреатов, причем занявший первое место был назначен первым министром. В 1169 г. были введены экзамены по «трем религиям» (буддизм, конфуцианство, даосизм). При династии Чан первые конкурсные экзамены на высшую ученую степень — *тхайхокшинь*, впоследствии *тьенши (цзиньши)*, прошли в 1232 г., после чего проводились регулярно. С 1246 г. стали особо определять наиболее выдающихся 1, 2 и 3-го лауреатов столичных экзаменов. Установление династии Поздних Ле ознаменовалось грандиозным конкурсом-проверкой для всех чиновников ниже 4-го ранга (для гражданских — сочинение по летописи, для военных — по тактике), который был как способом «чистки», так и основанием для получения рангов лицами, ранее экзамены не сдававшими. Затем экзамены унифицировались: раз в 5 лет — провинциальные *хыонгтхи*, раз в 3 года — столичные *хойтхи*. Регулярные экзамены существовали и для военных чиновников (восстановлены в XVIII в.). С 1442 по 1502 г. столичные экзамены выдержали 706 чел. (в среднем по 39 чел. на конкурс, или 12 в год)[180]. В XVI в., в период фактического разделения страны, экзамены на степень проводились обеими военными группировками (при этом степени перебежчиков признавались), хотя и с разной интенсивностью: Чини в 1554–1592 гг. провели 7 экзаменов, получив 45 лауреатов (в среднем по 6 чел. на экзамен и чуть более 1 чел. в год), а Маки в 1553–1592 гг. — 14, получив 239 лауреатов (по 17 на экзамен и 6 в год)[181]. Обращает на себя внимание весьма скромное число лауреатов во Вьетнаме по сравнению с Китаем, Кореей и Цзинь. До XV в. экзамены проходили крайне редко и только с XV в. приняли обычный для традиционной дальневосточной системы характер. В общей сложности они дали 2898 лауреатов, различавшихся по трем (при Нгуенах — четырем) степеням. Только

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

столетие расцвета династии Ле, время наибольшего соответствия китайской традиции, дало картину, схожую с китайской и корейской: оно дало свыше трети всех лауреатов, т.е. 1008 (32,5 на конкурс и 9,9 в год), — см. табл. 23. Во Вьетнаме XVI–XVIII вв. на должности назначались лауреаты 4 туров провинциальных экзаменов. Лауреат 3 туров провинциальных экзаменов назывался *шиньдо*. Он освобождался от налогов и повинностей до следующих экзаменов, мог на льготных условиях участвовать в них и носить чиновничью одежду, а при наличии вакансий мог быть даже зачислен на службу, не дожидаясь сдачи полных 4 туров по программе провинциальных экзаменов. Каждая провинция имела квоту как на полных лауреатов *хыонгконгов*, так и на *шиньдо* (например, для Шоннама в XVII в. 100 и 1000 чел.). При этом в XVII–XVIII вв. из-за ухудшения качества подготовки лауреатов им устраивали переэкзаменовки[182]. Кроме того, для лауреатов провинциальных экзаменов устраивались дополнительные столичные конкурсы по упрощенной программе (*шивонг, хоаньты, китуан, туиенкы*), давшие до 500 лауреатов[183]. В период династии Нгуенов (с 1802 г.) все без исключения чиновники получали ранг и должность только после сдачи экзаменов[184]. В XVII–XVIII вв. по сравнению с концом XV в. резко сокращается количество лауреатов на всех уровнях — в 2–5 раз на провинциальном (за исключением двух провинций) и в 3–10 раз на столичном, по уездам квоты претендентов составляли лишь 30–40% прежних. Снизился и уровень ученых степеней. Правители Чинь создали систему альтернативных императорским экзаменов — гражданские по упрощенной двухтуровой программе и военные (существовали в XVIII в. в течение 60 лет, их лауреаты *таоши* достигли по престижу гражданских)[185]. После введения в 1724 г. двухэтапного столичного военного экзамена все военные чиновники, кроме окончивших военную школу, поступали на службу через них. На Юге, во владении Нгуенов в XVII–XVIII вв. также проводились конкурсы двух видов (*тиньдо* и *хоаван*), а также специфического *тиньфаунг*. Сдавшие *тиньдо* (основной предмет) назначались по преимуществу уездными начальниками, их заместителями и чиновниками по обрядам на местах, сдавшие *хоаван* (китайская литература) в основном шли в центральный аппарат[186]. В начале династии Нгуенов, столичные экзамены на степень *тьенши* не проводились, а на службу принимались лауреаты провинциальных конкурсов[187]. Первый общевьетнамский конкурс прошел в 1813 г. (на Севере дал 64 лауреата), второй — в 1819 г. (на Севере дал 83 лауреата), после чего прежняя система экзаменов была восстановлена[188]. Для Вьетнама характерно, во-первых, сравнительно малое число лауреатов столичных экзаменов (особенно по сравнению с Кореей), во-вторых, большая роль деревни в их комплектовании, в-третьих, разная степень социальной активности лауреатов разных районов (на южные провинции приходится 22,7% лауреатов при 38,4% всех известных писателей; в XVI–XVIII вв. писа-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

тели все больше концентрируются в столичной провинции Шоннам — 45% и в южной провинции Нгеан — 20%, а в 80-х годах XVIII в. — 45,5 и 36,4% соответственно[189]), в-четвертых, высокая доля общин, чьи выходцы становились лауреатами (см. табл. 24[190]).

В Си Ся экзамены (ими ведало управление *Июаньмокэньсы*) проводились только для выпускников школ, открытых в 1039 г.[191]. В Японии экзамены на должность также проводились (Министерством церемоний) только для выпускников школ (как провинциальных, так и Государственного университета), они были четырех видов: литературно-политический, по китайской классике (оценивались по 9 баллам), государственному управлению и праву (оценивались по 3 разрядам) и не были связаны с получением ученой степени. По результатам их давался ранг (до старшей степени ранга 8а)[192].

Рекомендация на службу была наиболее распространенным и самым универсальным принципом традиционной дальневосточной системы. Задача выбора достойных кандидатов возлагалась в этом случае на высокопоставленных чиновников, т.е. лиц, уже проверенных службой и потому способных оценить наличие необходимых для нее качеств в молодых людях.

В «классическом» варианте традиционной дальневосточной системы рекомендация в чистом виде утратила, впрочем, характер основы комплектования: для занятия сколько-нибудь видных должностей было необходимо сдать экзамен. Однако в целом для всей массы чиновничества она оставалась одним из наиболее распространенных способов поступления на службу. В Тан большинство средних и младших чиновников стали ими по рекомендации или были произведены из канцеляристов. В Сун чиновники иногда вступали в службу прямо по рекомендации местных властей (хотя без окончания в дальнейшем учебного заведения или сдачи экзаменов они, за исключением самых первых лет этой династии, не могли рассчитывать на успешную карьеру). Кроме того, местным властям было предписано рекомендовать людей выдающихся способностей, по каким-либо причинам не могущих сдать экзамены, каковые посылались в столицу, экзаменовались там (см. о специальных экзаменах ниже) и получали должности (в 1059 г. интенданты выбирали по 2–3 человека на округ, в 1060 г. было назначено 23 рекомендованных)[193].

Однако в более ранних вариантах рекомендация имела гораздо большее, в большинстве случаев даже решающее значение. В Цинь она была главным и, по-видимому, единственным каналом комплектования. В Хань рекомендации также были основой, причем отбор возлагался на высших чинов местной администрации: губернаторам и начальникам округов вменялось в обязанность систематически выискивать и рекомендовать на службу наиболее способных молодых людей. При этом существовали регулярная (обычная) и иррегулярная (в особом порядке) системы рекомендаций. С императора

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

У-ди каждая провинция и удел ежегодно должны были выдвигать 1–2 чел. В начале Поздней Хань в 29 г. н.э. были установлены квоты в зависимости от численности населения — ежегодно 1 чел. от единиц с населением 200 тыс. чел. (менее этого числа — раз в 2 года, менее 100 тыс. — раз в 3 года), и таким образом ежегодно в столицу направлялись 200 и более кандидатов (существовало 3 категории рекомендуемых: на 2-ю рекомендовали одного из 200 тыс. в год, на 1-ю — одного из 7 млн., или по одному из провинции в год[194]).

В эпоху Южных и Северных династий практика регулярных и иррегулярных рекомендаций с последующими экзаменами была продолжена, хотя в этот период решающую роль играло происхождение (см. ниже об исходном статусе). Важнейшее отличие от Хань заключалось в том, что теперь человека оценивали не высокопоставленные чиновники столичной администрации, а лица, избранные из местной знати. Суй унаследовала эту систему, но вскоре отказалась от нее, чтобы расширить социальную базу чиновничества. С 587 г. каждая провинция выдвигала 3 талантливых человек (*сюцаев*) для экзамена в столице, а с 599 г. все столичные чиновники 5-го ранга и выше и широкий круг провинциальных должны были отбирать людей для обсуждения по нескольким категориям. В 607 г. было установлено 10 категорий талантливости, по которым оценивались кандидаты в чиновники. Одна из них вела к статусу *цзиньши* (что послужило основанием считать этот год датой учреждения системы экзаменов).

В более поздних, тем более «варваризированных» вариантах традиционной дальневосточной системы рекомендация сохранила свое значение. В частности, в Юань было широко распространено назначение китайцев по рекомендации высших монгольских чиновников. В Мин при Тай-цзуне требовалось, чтобы чиновники рекомендовали способных людей, исходя из уровня их подготовки, и они сразу назначались на должность и могли продвигаться до высоких постов. В Цин для рекомендации надо было отвечать следующим условиям: 1) иметь не менее года стажа в той службе, на которую рекомендуется, 2) иметь не менее 3 лет общего стажа на гражданской службе, 3) не быть ранее смещенным с должности, 4) не иметь каких-либо неблагоприятных отзывов, 5) не иметь понижений при ежегодной аттестации, 6) для маньчжуров — уметь читать и писать на родном языке и стрелять из лука[195]. В Ляо образованных людей принимали на службу на основе официальной рекомендации (во 2-й половине XI в. после простого экзамена, не связанного с получением ученой степени)[196]; формой рекомендации можно считать получение места клиентами влиятельных киданьских аристократов. В Цзинь также практиковалось назначение китайцев по рекомендации (не говоря уже о том, что чжурчжэни первоначально назначались на должности прямо по императорскому указу или приказу

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

высших сановников). В Си Ся прямое назначение было основным способом комплектования чиновничества.

В Японии рекомендации представлялись начальниками управлений в определенные сроки по установленной письменной форме[197]. В Корее периода династии Ли все чиновники 1–3-го рангов раз в три года были обязаны рекомендовать на службу 3 кандидатов *юиль* (за которых потом несли ответственность). Кандидаты держали экзамен на выбор по одной из 9 книг китайской классики. Кроме того, время от времени начальники уездов рекомендовали своих людей провинциальному начальству, которое после экзаменовки и отбора представляло достойных Министерству чинов. Последнее, собрав претендентов, подвергало их письменному экзамену и выдержавших его назначало на должности. (В частности, губернаторам было приказано представить кандидатуры в 1507 г., правила эти были подтверждены и в 1632 г., а в 1662 г. трем южным провинциям было приказано представить по 3, а прочим по 2 кандидата[198].) Во Вьетнаме в XVII–XVIII вв. зачисление на службу стало возможно и без прохождения столичных экзаменов — либо по дополнительной экзаменовке для провалившихся, либо путем занесения в список выдвиженцев *тьенчиеу*, причем способ поступления на службу не влиял на карьеру[199]. Тэйшоны, сохранив принцип комплектования через экзамены, широко применяли назначения по личной рекомендации и назначения как «благоволение» со стороны властей[200]. При Нгуенах практиковалось выдвижение на должности тех, кто «затерялся в народе», но «многоучен и обладает прекрасными качествами» (реально это был круг лиц, не прошедших последнего тура провинциальных экзаменов). Выдвижением занимались высшие чиновники центральных ведомств[201].

Наследование чиновного статуса было характернейшей и обязательной чертой традиционной дальневосточной системы, однако же в ее классическом варианте имело ограниченное распространение, ибо находилось в противоречии, во-первых, с принципиальной идеологической установкой на отбор по личным заслугам, а во-вторых — с принципом зависимости положения индивида на социальной лестнице всецело от государственной власти. В этом варианте оно сводилось к выработанному в эпоху Тан понятию «тени» (*инь*; термин этот появился в Северном Чжоу), автоматически сообщающему чиновный статус (но не должность) детям, внукам и правнукам высших чиновников в зависимости от их ранга (старший сын и старший внук имели строго охраняемое право первенства в получении ранга по *инь*). С 650 г. чиновники 1–3-го рангов могли давать по «тени» 7-й, а 4–5-го рангов — 8-й ранг (см. табл. 25) (тогда как *цзиньши* мог просить только высшую или низшую степень ранга 9б)[202].

В Сун сначала количество протежируемых в 963 г. было ограничено, в 996 г. они поставлены вровень с прошедшими экзамены, с

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

1009 г. должны были не менее 2 лет учиться в государственных школах и сдавать экзамены[203]. Но потом, после 1040 г., *инь* была расширена до того, что такие чиновники могли дать чиновный статус даже большему числу лиц — родственникам по боковой линии, друзьям и даже личным слугам. К середине XI в., когда эта привилегия использовалась наиболее широко, за 20 лет службы чиновник мог рекомендовать 20 родственников[204]. При Гао-цзуне, во второй четверти XII в., только за «жертвенное поведение» предков было выдано право «тени» 4 тыс. человек. В 1182 г. дарование прав «тени» было ограничено, но даже после этого за «жертвенное поведение» его получили 300–400 чел., а первый министр мог принять по «тени» на службу 10 человек. Среди военных передача статуса по наследству даже доминировала (среди этой категории чиновников наследование было во все времена более распространено, чем среди гражданских). В Юань наследование чиновничьего статуса было особенно распространено. Все высшие чиновники могли ввести в службу по праву «тени» одного и более сыновей. При этом военные чиновники всех категорий (особенно монголы) прямо передавали свои должности сыновьям, и такое прямое наследование было известно даже в гражданской службе. До введения регулярных экзаменов это было основным путем комплектования. «Тень» распространялась на всех чиновников, кроме двух низших рангов, и была ограничена одним человеком — сыном, внуком (или при их отсутствии другим родственником), но зато ранг, дававшийся при поступлении по *инь*, был поднят с 7-го до 5-го. Кроме того, если поступающий по «тени» имел степень *цзиньши*, он поступал на службу с рангом на один выше, чем у других[205].

В Мин право «тени» именовалось *иньцзы* или *жэньцзы* и широко использовалось лишь в ранний период, когда чиновник даже 7-го ранга мог протежировать одному сыну, автоматически сообщая ему чиновный статус. В дальнейшем же (с 1467 г.) эта привилегия была оставлена только за чиновниками не ниже 3-го ранга и должности, на которые такие протеже могли назначаться, стали менее важными — *инь* давала теперь право только на низшие должности в центральном аппарате или начальника уезда (префекта). В некоторых случаях назначение было немедленным, но многие проходили специальный экзамен, после чего зачислялись в Государственный Университет в качестве *гуаньшэнов*, а позже поступали на службу. Дети чиновников, имевших выдающиеся заслуги (в частности, погибших на службе), принимались в Государственный Университет со специальным статусом *эньшэнов* («по милости») и в дальнейшем получали право поступить на службу. В Цин поступившие по *инь* могли в лучшем случае рассчитывать на младшие должности в столице или стать помощниками начальников областей и уездов, но не ими самими[206]. Право «тени» (также только для чиновников 3-го ранга и выше) распространялось лишь на одного сына, и число

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

поступивших на службу таким путем было незначительно (см. табл. 26 и 27[207]). Более того, такие дети не становились автоматически кандидатами на должность, а получали только статус «студента Государственного Университета по наследству» (*иньцзянь*), дававший им всего лишь право участия в провинциальных экзаменах без всяких других условий. Однако наряду с традиционной «тенью» тогда существовали специальные наследственные привилегии для маньчжурской знати. Наследственные ранги и должности могли даваться неслужащим детям, внукам, младшим братьям, племянникам и младшим двоюродным братьям (но только одному лицу) выдающихся чиновников: столичных не ниже 4-го, провинциальных — 3-го и военных — 2-го ранга. Даваемый ранг зависел от ранга дающего — с разницей обычно в четыре полных ранга (но не выше 5-го), хотя в случае смерти чиновника на службе ранг мог быть выше. Ранг иногда сообщался также отцу и деду, но в этом случае — только равный или выше, чем у дающего чиновника (лица 7–4-го рангов могли дать 2-й, 3–2-го — 1-й), жена имела ранг мужа[208].

Что же касается более ранних периодов, то наследование не сводилось к праву «тени», а было одним из основных способов поступления на службу. В Хань высшие чиновники после 3 лет службы могли рекомендовать на службу сына, младшего брата или племянника[209], имело место прямое наследование как статуса, так и должности, продолженное в эпоху Южных и Северных династий (в Северном Вэй, в частности, должности и титулы передавались по наследству как правило) и Суй (хотя в Суй наследовался только чиновный статус, а не должность). В эпоху Пяти династий также прослеживается тенденция применения наследственной системы. В Позднем Тан, в частности, в 928 г. было установлено, что ранг передается по наследству. Важнейшие военные губернаторы и высшие дворцовые чиновники могли пригласить на службу 3 человека в год, рядовые губернаторы — одного, бездетный чиновник мог пригласить племянника. Когда в 924 г. обнаружилось, что некоторые лица низкого происхождения стали чиновниками, купив фамилии знатных семейств, тщательное расследование этого явления привело к смещению 70–80% низших чиновников[210].

В сопредельных с Китаем странах наследование чиновничьего статуса имело по понятным причинам более широкое распространение, чем в Китае. В Си Ся наследование должностей являлось одним из основных способов комплектования аппарата и его правила (права различных степеней родства по мужской и женской линиям) были детально разработаны в законодательстве, однако оно допускалось только для представителей знатных семей. Наряду с этим существовала практика назначения на должности «за заслуги предков» — аналог права «тени»[211]. Право «тени», хотя и в меньших масштабах (по причине приниженности китайцев), сохранялось и в Ляо, что позволяло чиновникам действительной службы поднимать

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

до чиновного статуса одного или более сыновей. Во всяком случае, из указа 1086 г. следует, что назначенные на службу выбирались часто, если не преимущественно, из сыновей и братьев чиновников, что не очень отличалось от права «тени», и шансы для выходца из китайской чиновной семьи были, видимо, очень высоки. Однако привилегию *инь* следует отличать от другой бытовавшей в Ляо наследственной привилегии *шисюань* — типичного института «племенного» государства, дающей право выходцам из определенных семей на определенную специфическую службу[212]. Среди киданей, занимавших все важные посты и в киданьской, и в китайской администрации, похоже, наблюдалось продвижение по личным заслугам, но множество их просто наследовало должности. В Цзинь чжурчжэни занимали высшие должности обычно по наследству (некоторые, впрочем, сдавали еще и экзамен), наследование чиновного статуса практиковалось и для китайцев. Тем более распространенным был этот принцип для должностей глав общин, что было официально узаконено в 1177 г. (тогда же дети по достижении 25 лет могли наследовать несение «особой службы» в *мэньань* и *моукэ*)[213]. В 1165 г. было установлено, что потомки как сунских, так и ляоских чиновников, пользовавшихся правом «тени», могут ею пользоваться и в Цзинь. После 1202 г. чиновник 1-го ранга имел право взять на службу по *инь* 6 человек (в том числе и родственников по боковой линии)[214].

В Японии право «тени» в силу глубоко аристократического характера общества использовалось особенно широко и получаемые ранги были выше, чем в Китае, хотя и не распространялись на правнуков (см. табл. 28[215]). Однако оно не распространялось на действительную службу, а только на ранг (хотя родство с высшими чиновниками давало при поступлении на службу через экзамены право на одну лишнюю степень (четверть) ранга, добавляя ее к имевшемуся рангу по знатности или полученному по результатам экзаменов[216]) и формировало пограничную с чиновничеством категорию *санви* (см. гл. IV). Впрочем, само получение ранга любым путем (в т.ч. и по знатности) означало принципиальную возможность назначения на должность, соответствующую этому рангу[217].

В Корее право «тени» практиковалось начиная с периода Корё (см. табл. 11). В период династии Ли эта привилегия распространялась на заслуженных сановников и чиновников 1–2-го рангов (они могли выдвигать своих детей, внуков, младших братьев и племянников), чиновников 3-го ранга (выдвигали детей и внуков), а также чиновников Министерства чинов, цензората, Военного министерства и некоторые категории старших военных чиновников (выдвигали только детей). Выдвигаемые (не моложе 20 лет), как и в Мин, подвергались экзамену по китайской классике и в случае успеха назначались на низшие должности. Поступившие по праву «тени» практически никогда не назначались в цензорат, личную канцелярию вана

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

и в научные учреждения и весьма редко достигали высоких постов вообще. Во Вьетнаме право наследования военных должностей не признавалось государством, но из-за кланового характера армии закрепление права определенных семей на места в армии к концу XV в. приобрело массовый характер[218].

Окончание учебного заведения никогда не было обязательным условием поступления на службу в странах традиционной дальневосточной системы. Как канал непосредственного пополнения чиновничества оно имело только вспомогательный характер, однако этот канал существовал практически всегда, и классический вариант не выделяется по этому показателю на общем фоне.

В Хань учебным заведением, через которое после письменных выпускных экзаменов непосредственно пополнялось чиновничество, был *Тайсюэ* — Государственный Университет (или Школа Сынов Государства). Некоторые выпускники становились *ланами*, другие распределялись в управления провинций и уездными начальниками с надеждой на повышение через рекомендации и последующие экзамены. Та же практика, видимо, продолжала существовать и в период Южных и Северных династий, каждая из которых имела *Тайсюэ* или его аналог. В Суй кандидатов в чиновники готовили столичные школы. В Тан выдержавшие выпускные экзамены учащиеся столичных государственных школ рассматривались как годные для непосредственного назначения на должность. В Сун выпускники технических школ ведомства директората образования обычно сразу назначались на низшие посты в качестве техников. Выпускники старшего курса Государственного Университета (*шаншэ*) разбивались на 3 категории: лучшие направлялись в центральную администрацию для немедленного назначения на должность, следующие по успехам получали тот же статус, что лауреаты столичных экзаменов, и прочие лишь допускались к этим зкзаменам на общих основаниях. В Си Ся окончание школы означало допуск к экзаменам, которые проводились только для выпускников школ.

В Юань чиновничество пополнялось через школы со времен Хубилая. До 1315 г. выпускники открытой в 1271 (или 1269) г. Школы Сынов Государства сразу назначались на должность, причем по правилу 1287 г. монголы получали 6-й (а или б) ранг, мусульмане — 7а , а северные китайцы — 7б. Чиновников выпускали такая же монгольская школа и филиал основной в Шанду. С учреждением регулярных экзаменов в 1314 г. выпускники школ перестали получать должности, а включались в поток кандидатов на уровне провинциальных экзаменов.

В последующие периоды (с поздней Мин) школы использовались не столько для прямого рекрутирования, сколько для подготовки к сдаче провинциальных экзаменов и вступительных экзаменов в Государственный Университет. Их выпускники, избранные по квоте со статусом *гуншэна*, после обучения в Государственном Универси-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

тете (со статусом *цзяньшэна*) назначались на должности. Наряду с рекомендованными эти *гуншэны* часто достигали высоких постов, но в середине XV в. их престиж серьезно упал. Они продолжали поступать на службу, но были почти полностью отодвинуты в тень лауреатами конкурсных экзаменов. Таким образом, право выпуска непосредственно на службу было оставлено только за Государственным Университетом. Желание стать студентом Государственного Университета (*цзяньшэнами*) было так велико, что были попытки увеличить их численность. По государственным праздникам (как, например, вступление на престол нового императора) дозволялось увеличить число студентов, и такие сверхнормативные студенты именовались *эньгуншэнами* («по милости»). Показавшие успехи на специальных экзаменах могли быть добавлены к квоте как *югуншэны* («по преимуществу»). Возможно также, что раз в 12 лет проводились особые экзамены, чтобы выбрать сверх квоты одного-двух студентов на школу в качестве *багуншэнов* («по превосходству»). После ранних лет эпохи Цин статус студента Государственного Университета не означал, что человек действительно был его студентом (таковыми были сравнительно немногие). Этот статус означал, что человек имел право держать провинциальные экзамены или — в случае *югуншэнов* и *багуншэнов* — что он годен для немедленного назначения на низшие должности.

В Силла непосредственное назначение на должность лиц, обучавшихся в Китае, было распространено и после введения экзаменов. Посылка молодых людей на обучение в Китай практиковалась еще в Когурё и Пэкче, а в Силла эта практика получила распространение с 640 г. (известны соответствующие сообщения от 728, 825, 840, 869 гг.), причем единовременная численность обучающихся в IX в. могла составлять свыше 100 чел.[219]. Во Вьетнаме в XVII–XVIII вв. непосредственно на службу (военную) принимались лица, окончившие военную школу (куда принимались преимущественно дети знати)[220].

Выслуга из субчиновников всегда была обычным способом пополнения рангового чиновничества, особенно в классическом варианте традиционной дальневосточной системы. В Тан через этот канал (наряду с рекомендациями) обрело свой социальный статус большинство средних и младших чиновников. То же широко практиковалось и в Сун[221], где различные центральные учреждения устанавливали некоторую квоту для отличившихся канцеляристов, которым предлагался простой экзамен по каллиграфии и юриспруденции. Кроме того, после сравнительно простого экзамена в полноправные чиновники переводились чиновники «нерегулярного статуса»[222]. В Цзинь после 10 лет беспорочной службы субчиновнику могла быть дана должность не выше начальника низшего уезда[223]. В Цин после 5 лет службы канцелярист имел право держать экзамен, проводимый губернатором каждую осень. Он состоял в напи-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

сании одной официальной записки и одного рапорта вышестоящему начальнику. Дела сдавших экзамен (обычно не более 50% кандидатов) направлялись в Министерство чинов для назначения на должности низшего ранга 9б[224]. В Японии критерии для назначения на должности впервые устанавливаются в 673 г., и согласно им человек должен был некоторое время прослужить в качестве *тонэри* (охрана дворца и исполнение второстепенных поручений), а затем в зависимости от проявленных способностей он назначался на ранговую должность[225]. Это было фактически формой выслуги из субчиновников. В дальнейшем канцеляристы могли получить младшие ранги (до неполного 8-го включительно) по результатам 8 испытаний[226].

Близко к этому способу стоит и обретение чиновного статуса **за военные заслуги.** В Тан лица, получившие *сюнь* за военные заслуги, рассматривались как годные для назначения на должность[227]. В Силла чины присваивались простолюдинам как за военные заслуги (солдатам), так и за прочие, например поднесение вану редких предметов. Причем могли жаловаться сразу довольно высокие чины (8–9-го рангов из 17)[228]. В Корее во время Имджинской войны 1597–1598 гг. чиновные ранги присваивались в качестве поощрения за определенное число убитых врагов.

Покупка чиновного статуса, хотя и встречается периодически во все периоды существования традиционной дальневосточной системы, никогда не рассматривалась в качестве достойного пути на службу. Для классического варианта системы она вообще не характерна и встречается в виде исключения или в замаскированной форме. В ранние времена это явление, впрочем, было более распространено. Покупка статуса или должности имела место уже в эпоху Хань, когда в 115 г. до н.э. был издан указ, что все, кто «спасал жизни путем выдачи зерна» (помогал во время голода), должны быть представлены императору для назначения на службу. 100 лет спустя было установлено, что сдача 1 млн. и более мер зерна давала право на титул знатности, на должность начальника уезда или ему равную, 300 тыс. — право на средний ранг или положение мелкого чиновника, 100 тыс. освобождали от трех, а 10 тыс. — от одной ежегодной платы налога. После Хань официально эта практика была запрещена вплоть до Цин, за исключением случаев особой нужды, но это всегда было временной мерой и никогда не практиковалось в нормальных условиях[229]. Неофициально практика продажи статуса была продолжена в эпоху Южных и Северных династий. В Тан также существовало несколько путей покупки чиновного статуса. В Позднем Тан (эпохи Пяти династий) можно было стать чиновником за 10 тыс. связок монет, но в 937 г. продажа должностей подверглась резкой критике[230]. В Ляо покупка права поступления на службу была официально разрешена в 1088 г.[231]. В Мин эта практика началась в 1450 г., но почти не влияла на состав чиновничества действительной службы, а являлась способом

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дать почетный статус и освобождение от некоторых повинностей лицам, вносившим крупные суммы в государственную казну в периоды финансовых кризисов. Это основание (понимаемое как заслуга перед государством) было единственным естественным оправданием с точки зрения принципов традиционной дальневосточной системы.

В период Цин, впрочем, регулярное разрешение покупать статус студента Государственного Университета (такой именовался *лицзяньшэном*) было одной из крайне отрицательных черт комплектования чиновничества и свидетельствовало о деградации традиционной дальневосточной системы. Продажа этого статуса была введена на некоторое время в XVII в. с целью периодического получения правительством дополнительного дохода и снова возобновилась в XIX в. Этот статус, во-первых, освобождал человека от некоторых податей и повинностей, во-вторых, давал право носить соответствующую одежду и головной убор (что было весьма ценно в плане социального престижа), в-третьих, давал право участия в провинциальных экзаменах. В 1821–1850 гг. официально продано свыше 355 тыс. документов на звание *цзяньшэна* по цене 100–125 таэлей[232]. В XIX в. (поскольку квалифицированному человеку было нелегко получить реальную должность, а правительство периодически испытывало нужду в деньгах) порочная практика продажи маньчжурами титулов и должностей распространилась особенно сильно. Студентам Государственного Университета независимо от того, купили ли они свой статус, приходилось делать взнос государству даже за пустой титул и, очевидно, более значительный за реальное назначение. Распространилось даже убеждение, что единственным практическим путем к повышению является покупка более высокой должности. Купить ранг и должность можно было для отца. Продавались ранги вплоть до 1б (чиновникам 3-го ранга). В 1654 г. продвижение на две полных градации стоило 1000 ши зерна и 1000 таэлей серебра, за две «заслуги» платили соответственно 500 и 500, в 1757 г. 50 таэлей платили за служебную оценку и 200 за «заслугу» (см. также табл. 29–33[233]). Принципиальным отличием эпохи Цин была возможность покупки не только реальных должностей, но и довольно высоких рангов (включая 4-й) непосредственно простолюдинами. В 1654 г. 9-й ранг обходился простолюдину в 100 ши риса и 100 таэлей серебра, в 1755 г. 8-й ранг стоил ему 300 ши и 300 таэлей (см. также табл. 29–31[234]). Хотя покупка должностей была возможна и при некоторых других династиях, практика эта никогда не имела такого размаха, как в конце периода Цин. Во второй половине XIX в. система совершенно деградировала и свыше половины местных чиновников обретало свой статус таким образом (см. табл. 26 и 34[235]). В целом в Цин около трети всех чиновников в государственном аппарате приобрели свое положение подобным образом[236].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Японии получение ранга и продвижение по службе за предоставление государству немалых сумм денег было разрешено в 711 г. При этом лица, не имеющие ранга и самого низшего ранга 9б2, повышались на одну степень за 5000 мон деньгами, но для перехода в «полноправный» 8-й ранг чиновнику ранга 9а1 требовалось уплатить 10 000 мон[237]. В Корее практика продажи чиновного статуса была впервые введена в период Корё в 1275 г. (взнос серебром), но заметного распространения не получила. При династии Ли она была вновь предложена в 1480 г. в связи с напряженностью на границе, но подверглась резкой критике («продажа должностей может иметь место только в разложившемся обществе») и была практически неизвестна вплоть до конца XVI в. — до Имджинской войны, когда чрезвычайная ситуация заставила пойти на эту меру — давать ранги лицам, поставившим зерно для армии или вносившим вклад серебром (ранг 3а стоил 100 сок зерна, 3б — 90, 7б — 30, 8б — 25 сок). Однако это в большинстве случаев не влекло за собой назначение на реальные должности в аппарате. Что касается ученых степеней, получаемых на экзаменах, то они (в отличие от военных) никогда в Корее не были предметом продажи[238].

Во Вьетнаме продажа должностей за рис отмечена еще в период династии Ли (1009–1400), когда за первый взнос человек назначался нерангированным канцеляристом, за второй — получал низший ранг, но на повышение мог рассчитывать только после определенного срока безупречной службы. В 1362 г. во время голода к подобной мере прибегли правители династии Чан. При династии Поздних Ле соответствующие указы принимались вследствие засухи в 1460, 1499 гг. Однако во всех трех последних случаях речь шла о продаже не реальных должностей, а *тангуан* (кит. *саньгуань*) — почетных званий или фиктивных должностей: за сдачу более 200, 150, 100 и т.д. хоков риса давались звания рангов до 7а (т.е. максимально возможного для чиновника, не прошедшего через экзамены). К концу XV в. такие лица составляли 15% всего чиновничества[239]. В 1517 г. солдатам, доставившим рис в столицу и голодающие районы, давались *тангуан* 8-го ранга. В XVI–XVII вв. продавались так называемые неофициальные должности, возникшие на местах в условиях дефункциализации нормативных должностей (единственный указ об этом появляется в 1658 г.), но в ряде случаев и реальные должности младших рангов. В 1730 г. было разрешено за 3 куана покупать статус *шиньдо* — лауреата 3 туров провинциальных экзаменов. Вообще в XVIII в. указы о продаже должностей и даровании их (как фиктивных, так и реальных 8–9-го рангов) за различные услуги государству (набор солдат, сдача материалов для изготовления пороха, перевозка риса, подъем пустошей) весьма часты: в 1703, 1713, 1721, 1727, 1736–1786 гг. их известно 27 (в т.ч. 12 в 1740-х годах), и эти меры из чрезвычайных превратились в целенаправленную государственную политику[240].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Соотношение путей поступления на службу. В разное время соотношение между различными путями поступления на службу было неодинаковым, даже в классический период. Характерно было лишь сочетание их. Разнились эти показатели и в зависимости от высоты служебного положения чиновников. В частности, в танское время среди высших чиновников по экзамену поступило 77,5%, а в среднем — 27,4%, по праву «тени» — 6,3 и 11,8% соответственно, прочими путями 16,2 и 60,8% (см. табл. 35[241]). В первые десятилетия Тан из 1400 чел., ежегодно впервые назначавшихся на должности, получали их после экзаменов не более 100, остальные получали ранг по праву «тени»[242]. В сунское время со степенью *цзиньши* и по праву «тени» поступало примерно равное число[243], а в целом до половины сунских чиновников попадало на службу без экзаменов. В Юань основная масса чиновников набиралась без экзаменов из семей *цесе* — воинов личной гвардии императоров, так что, по эмоциональному выражению современника, из 10 тыс. чиновников разве что только один получал должность после экзаменов[244]. В Цин в 1880-х годах из находившихся на действительной службе чиновников 36% купили свой статус и 64% получили различные степени на экзаменах[245].

В Корее периода Корё среди 750 высших чиновников (чьи биографии помещены в летописи) в общей сложности экзамены сдали 38,4% (в т.ч. и начавших службу канцеляристами), не смогли сдать 0,8%, поступили по праву «тени» 4,0% (в т.ч. и затем сдавшие экзамены) и другими путями (без экзаменов) поступили на службу 56,8%, причем наибольшая доля сдавших экзамены приходится на вторую половину XI в. (68,6%) и первую половину XII в. (62,1%), в остальные периоды она меньше половины (см. табл. 11[246]). Из 183 чел., бывших в 1392–1649 гг. членами Государственного Совета, только 19 (9,6%), причем все — в первое столетие новой династии, поступили на службу по праву «тени», остальные сдавали экзамены (в т.ч. 5 — военные). В XVIII в., по некоторым оценкам (Ли Ик), из общего числа примерно 800 ранговых чиновников (которым в принципе полагалось сдать экзамены) более 500 сдавали либо основные экзамены *мунгва* на должность, либо экзамены на ученую степень, а около 300 либо были военными чиновниками (многие из которых сдавали военные экзамены), либо поступили по праву «тени» или рекомендации. Это означает, что, например, в XVIII в. в каждом поколении примерно на 500 постов в аппарате претендовали 2330 лауреатов *мунгва*. Однако на самом деле подходящих для них постов по штатному расписанию тогда было около 700, и в XV–XVII вв. число лауреатов вполне соответствовало числу вакансий (см. табл. 22)[247].

Важнейшим вопросом комплектования чиновничества является вопрос об **исходном социальном статусе** поступающего на службу. В традиционной дальневосточной системе поступать на службу

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

имели право все полноправные члены общества, свободные земледельцы. В классическом варианте (начиная с Суй и Тан) существовало ограничение для двух низших категорий традиционного деления китайского общества — ремесленников и торговцев (могли вступать в службу только лица, внесенные в подворные реестры). Во всех случаях не допускались на службу представители социальных групп, стоявших ниже этих категорий. Даже в эпоху Цин ни деньги, ни протекция не могли открыть двери на службу детям наследственных слуг, проституток, актеров и солдат частных охранных отрядов. Монахи назначались в государственные храмы, врачи — в госпиталь, но их никогда не переводили на другую службу и не повышали в ранге[248]. В Ляо законодательство (указ 1050 г.) не упоминало об ограничениях для торговцев (кроме коробейников) и ремесленников, но, безусловно, запрещало допуск к экзаменам (и, очевидно, вообще на службу) детей мясников, знахарей, прорицателей, рабов, преступников, незаконнорожденных и т.д. Во всяком случае, никто из чиновников-китайцев не принадлежал к этим категориям[249].

Однако в ряде режимов раннего средневековья, строившихся на аристократических принципах, исходный статус поступающего в огромной степени определял его дальнейшую карьеру. После падения Хань, в эпоху Южных и Северных династий, в вопросе поступления на службу доминировало происхождение. Все фамилии, принадлежащие к элитному классу *ши,* были внесены в списки и классифицированы по рангам *пинь*, теоретически отражающим их заслуги. Этой классификацией сопровождалось тогда же установленное деление всех должностей на ранги *пинь* или *бань*. В Вэй, Восточном Цзинь и даже в цзеском Позднем Чжао кандидатам в зависимости от их достоинств и личных качеств присваивалась одна из 9 так называемых *сянпинь* («деревенских категорий»), становившаяся как бы личным «знаком качества» данного лица (будучи однажды присвоенной, она сохранялась за ним навсегда, не изменяясь, обычно она была на 3–4 ступени выше, чем тот ранг, который получал чиновник при поступлении на службу и первом назначении). Присвоением *сянпинь* с 220 г. в каждой административной единице до уезда включительно занимались специально назначенные лица *чжунчжэн* (обычно из числа отставных чиновников; иногда разделяемые на старших *да* и младших *сяо*) и *чжоуду* на региональном уровне. Наличие этой категории было обязательным условием поступления на службу. Эта система и преобладала в этот период, превращая чиновничество в наследственную элиту. Система *сянпинь* была отменена только в Суй при Вэнь-ди.

Отсюда же берет начало разделение чиновников в период Северных и Южных династий в зависимости от происхождения на «высокоблагородных» *цинван*, «чистых» *цин* и «нечистых», причем «чистые» служили на «чистых» постах, выводящих их на верхушку, а «нечистые» до смерти оставались в менее престижных должностях.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Это разделение практиковалось также в Суй, что облегчало карьеру родовитым. В Южных династиях III–VI вв. обладание 2-й категорией давало право аристократам занимать «чистые» должности (главным образом высшие посты в столичной администрации) и заступать на них еще в юном возрасте, тогда как «холодные» *ши* могли поступать на службу только с 30 лет и только после сдачи экзаменов. На Севере III–VI вв. для некитайских династий был характерен курс на отбор чиновников «по талантам», аристократия здесь в большей мере зависела от двора и играла меньшую роль. В Сун отголоском этого деления на «чистых» и «нечистых» было разделение чиновников на «дворцовых» — *чаогуань*, «столичных» — *цзингуань* и прочих — *сюаньжэнь*, что не означало места их службы в столице или при дворе, а только указывало на качественную разницу в престиже. В Юань о «нечистых» напоминала, похоже, такая категория, как *шоулингуань* — обычно чиновники низких рангов[250].

Система комплектования чиновничества на традиционном Дальнем Востоке специфична не только присутствием в ее составе такого уникального элемента, как экзамены на ученые степени, но и совокупностью путей поступления на службу. Некоторые из них обычны и для комплектования чиновничества в других странах, но в таком сочетании больше нигде не встречаются. Для мусульманских ближневосточных и европейских традиционных обществ до создания регулярного государственного аппарата (когда принимаются специальные законы о государственной службе, предусматривающие четкий порядок поступления на нее с ориентацией на получение определенного уровня образования или практической подготовки) чаще всего характерно вообще отсутствие каких-либо общих правил и прием производится по непосредственному усмотрению монарха или его доверенных лиц. В странах Юго-Восточной Азии вхождение в состав чиновничества чаще всего непосредственно определялось происхождением и родственными связями (экзаменов не существовало даже в наиболее развитом в бюрократическом смысле Сиаме). Во всех них широкое распространение имело наследование не только принадлежности к чиновничеству, но и конкретных должностей, занимаемых предками и родственниками[251]. Часто для чиновника первичным было его положение как местного владетеля[252]. Кроме того, низший слой чиновничества пополнялся там за счет общинной верхушки[253].

3. Подготовка чиновников

Теоретическое образование чиновника (практическое он получал на службе) состояло в подготовке к сдаче экзамена, которая была его частным делом даже после того, как экзамены стали существенной частью системы рекрутирования чиновничества; государст-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

во интересовал только конечный результат — способность соответствовать экзаменационным требованиям. Тем не менее образовательные учреждения были непременным атрибутом традиционной дальневосточной системы и демонстрируют везде весьма близкое сходство.

Система образования (в традиционной дальневосточной системе у нее не было иной цели, кроме подготовки кадров для государственной службы) возглавлялась Государственным Университетом, именовавшимся в разных государствах и в разные эпохи по-разному (как правило — «Школа Сынов Государства»), но имевшим абсолютно одинаковую сущность (в классический период это были два отдельных учебных заведения, различавшиеся только составом студентов). Следующим регулярным звеном были государственные школы в административных единицах разных уровней. Существовали и специальные государственные школы. Наконец, практически не отличались от государственных школ общего характера школы частные (поскольку имели абсолютно ту же цель и ориентировались на тот же уровень знаний), которых со временем становилось все больше.

Государственный Университет и столичные школы. Долгое время единственным учебным заведением был Государственный Университет, являвшийся абсолютно обязательным элементом структуры государственного аппарата во всех государствах традиционной дальневосточной системы. В Хань *Тайсюэ* — Государственный Университет был основан в 124 г. до н.э. При У-ди он подчинялся Министерству церемоний. Туда принимали ежегодно по рекомендации губернаторов (первый набор 50 чел.), причем в конце Ранней Хань прием возрос до 3000, а в Поздней Хань — до 30 000 чел. Срок обучения составлял один год, предусматривались письменные выпускные экзамены. В период Южных и Северных династий каждый режим также имел *Тайсюэ* или нечто подобное, а некоторые пытались создать государственные школы на провинциальном уровне.

В Суй, Тан и Сун в ведении Инспекции образования находилось 7 столичных учебных заведений (все они имели небольшие отделения в Лояне), штат которых составляли преподаватели *боши* и инструкторы *шу чжао*:

Школа Сынов Государства *Гоцзысюэ* — на 300 детей высших чиновников; в Суй — первоначально 140, потом без квоты;

Государственный Университет *Тайсюэ* — на 500 детей средних чиновников;

Институт развития литературного искусства (*Гуанвэньгуань*) ежегодно принимал 60 лучших учащихся школ Инспекции для подготовки их к государственным экзаменам; в Суй его не было;

Школа Четырех Ворот *Сымэньсюэ* — на 300 детей чиновников 6–7-го рангов и наиболее талантливых простолюдинов; в Суй — 360;

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Школа юриспруденции *Люйсюэ* — на 20 детей младших чиновников и простолюдинов; в Суй не было;

Школа каллиграфии *Шусюэ* — на 30 (позже 10) детей той же категории; в Суй — 40;

Школа математики *Сюаньсюэ* — на 10 детей той же категории; в Суй — 80.

В Сун Школа Сынов Государства и Государственный Университет практически слились и число студентов возросло до 4000, распределенных по 80 группам. Ван Аньши создал объединенную школу из 3 ступеней *шэ*: «внешняя» ступень посылала около 20% выпускников «внутренней», менее половины выпускников которой переводилось в «верхнюю». В Тан во всех столичных учебных заведениях к середине VII в. обучалось около 8 тыс. В Сун к столичным добавились военная *Усюэ* и художественная *Хуасюэ* школы. В Сун наибольший прием составлял 3800 чел., а после падения в 1126 г. Северного Сун снизился до 1700[254]. В Южном Сун Государственный Университет насчитывал до 1000 студентов. В Цзинь в 1151 г. помимо обычного Государственного Университета был открыт также чжурчжэньский университет. При Юань в 1271 (или 1269) г. в столице открылась Школа Сынов Государства с 2–3-летним сроком обучения для детей дворцовых чиновников и гвардии. Она была рассчитана на 100 студентов (50 монголов и 50 сэму и северных китайцев), кроме того, 20 особо талантливых детей из нечиновных семей принимались с пониженным статусом в качестве *паньду*. В 1287 г. число основных студентов возросло до 200, в 1300 г. — до 300, в 1315 г. — до 400 (без увеличения числа *паньду*). После 1287 г. школа была разделена на учебные группы по образцу Сун. Была также чисто монгольская (по культуре) Школа Сынов Государства в столице, небольшая по штату (в т.ч. несколько дюжин немонголов), и небольшой филиал основной Школы Сынов Государства в северной столице Шанду. В Мин и Цин Инспекция образования *Гоцзыцзянь* сама была образовательным учреждением, делившимся на 6 факультетов *тан* и включавшим (поглотившим?) Школу Сынов Государства и Государственный Университет. В Цин математическая школа также слилась с *Гоцзыцзянь*.

В Японии Государственный Университет был создан в 670 г.: Управление высшей школы *Дайгакурё* входило в состав Министерства церемоний и насчитывало 6 чел. административного персонала (не считая 20 служителей и 2 охранников), 9 ученых-преподавателей и 430 студентов (в т.ч. 30 математиков). Кроме того, в столице имелось еще 318 учащихся: 30 — при астрологическом, 10 — при аптекарском, 226 — при музыкальном управлениях и 52 — при аптекарском управлении Министерства двора. В Силла Государственная Школа *Кукхак* существовала с 682 г. и также входила в состав Министерства церемоний (в 759–776 гг. именовалась инспекцией Государственного Университета — *Тэхаккам*). Там было 7 чел.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

административного персонала и неопределенное число преподавателей; студенты (в возрасте от 15 до 30 лет) обучались 9 лет (имелось и отделение математики). В период Корё в 982 г. была создана *Кукчагам* — точная копия китайской Инспекции образования *Гоцзыцзянь*, совмещавшая и функции Государственного Университета; в 1275–1298 гг. она именовалась *Кукхак*, в 1298–1308 гг. — *Сонгюнгам*, а в 1308–1356 гг. и с 1361 г. — *Сонгюнгван*. Как *Сонгюнгван* Государственный Университет продолжал существовать и при династии Ли. Он был рассчитан на 200 студентов (принимались обладатели ученых степеней, избранные ученики столичных школ, лица, прошедшие провинциальные экзамены). Кроме того, в столице еще с периода Корё существовали 4 государственные школы *сахак* на 100 чел. каждая. Их учащиеся при династии Ли именовались *хаксэн*. В Си Ся существовало *Фаньхань дасюэюань* — Управление тангутским и китайским Государственным Университетом. В Бохае аналогом *Гоцзыцзянь* был *Вэйцзыцзянь*. Во Вьетнаме высшее учебное заведение (только для детей знати и чиновников) было создано в конце XI в., но было, по всей видимости, буддийским, хотя и с преподаванием на вэньяне. Как Государственный Университет *Куокхоквиен*, так и военная школа существовали со времен династии Чан (1226–1400), при Поздних Ле Государственный Университет в 1428 г. был реорганизован в *Куоктызам* (кит. *Гоцзыцзянь)*[255].

Государственные школы в провинции. В Хань первая школа открылась в 156–141 гг. до н.э., впоследствии школы с одним преподавателем были открыты в областях, уездах, волостях и даже в более мелких административных единицах (они назывались соответственно *сюэ, сяо, сян* и *сюй*). В период Южных и Северных династий в некоторых из этих государств также делались попытки создать государственные школы на провинциальном уровне. В Тан в областных и окружных школах обучалось по 20–60 чел. Первая государственная школа в Сун была открыта в 1022 г. по инициативе одного из местных начальников, но только в 1044 г. эта инициатива получила общегосударственное распространение (было установлено, что школы в принципе должны быть открыты в каждой области и провинции). В 1078 г. учителя школ (их тогда насчитывалось 53) были охвачены общегосударственными рангами. В Сун почти все, кто готовился к экзаменам, проходили обучение в одной из школ. В Си Ся государственные школы открылись в 1039 г. В Юань в 1261 г. по приказу императора Хубилая были открыты или восстановлены школы в провинциях, а в 1269 г. все области получили приказ учредить государственные школы. Они предназначались в основном для детей и братьев чиновников, но с квотой и для молодежи из неслужилых семей. В провинциях были открыты также монгольские школы.

В Мин с самого начала развитию системы школ было уделено пристальное внимание, и она была расширена до небывалых пре-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

делов. Указ о повсеместном учреждении школ (с назначенными государством учителями и постоянной финансовой поддержкой) появился уже в 1369 г. Государственные конфуцианские школы (*жусюэ*) были созданы в центре каждой префектуры, супрефектуры и уезда; до 1398 г. их возникло около 1200, а к середине XV в. (за счет создания их при гарнизонных штабах и с увеличением территории) их стало около 1300 (в среднем по 25 учащихся в каждой). В окружной школе полагалось 4, а в уездной — 2 заместителя директора. Существовали также сельские школы *шэсюэ* для простонародья. В Цин, унаследовавшей минскую систему, школы *жусюэ* имели по 70–120 учащихся, из которых 20–40 получали стипендию. Число государственных школ с 1812 по 1886 г. увеличилось с 1741 до 1810. В каждом из «знамен» была военная школа[256].

В школы зачислялись лица, прошедшие серию местных экзаменов, и статус их учащихся «правительственный студент» (*шэнъюань*) сам по себе свидетельствовал о принадлежности к сертифицированному государством образованному слою. Они получали стипендию зерном 0,6 ши (в 1382 г. — 1 ши) и освобождались от барщины (вместе с еще двумя членами семьи мужского пола). Этот статус был пропуском на провинциальные экзамены, причем для *шэнъюаней* были установлены квоты: 60 для центра округа, 40 для остальных городов, 30 для округа и 20 для уезда (в 1385 г. был учрежден статус *цзэнгуань шэнъюаней* или *цзэншэнов* — «добавочных *шэнъюаней*» без квоты и стипендий, которые после сдачи местных экзаменов получали права *шэнъюаней*). Всего к середине XV в. насчитывалось 30–32,5 тыс. *шэнъюаней*. В 1575 г. квота *шэнъюаней* была уменьшена до 20 на областную школу, 15 на окружную и 4–5 на уездную. Этот статус (в Цин), однако, мог быть потерян в случае провала на регулярных испытаниях, проводимых провинциальным комиссаром по образованию. В 1661 г. квоты *шэнъюаней* были установлены на уровне 1575 г., а в 1886 г. общегосударственная квота, составлявшая в 1812 г. чуть более 25 тыс. чел., была увеличена и достигла более 30 тыс. Общее их число за вторую половину XIX в. составило около 600 тыс. человек (принимая среднее время карьеры за 30 лет, в течение которых было 20 экзаменов) — на 20% больше, чем в период до 1850 г., но не больше, чем в позднеминский период[257].

В Цин ежегодно поступали в уездные школы около 50 тыс. чел., получавших от провинциальных властей стипендию деньгами или рисом (от 695 до 9,6 тыс. таэлей или от 2 до 12 ши зерна), это была высшая категория «студентов» — *линьшэны*. Сверх того имелось около 50 тыс. добавочных *цзэншэнов* и 80 тыс. экстраординарных *фушэнов*, а также 4650 купивших этот статус. Кроме стипендии они имели равные права с *линьшэнами*. В каждом из двух туров, проводимых раз в 3 года комиссарами по образованию, участвовало около 286,5 тыс. чел., т.е. 573 тыс. за 3 года (более 27 тыс. в каждой из

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

21 провинции). Помимо провинциальных стипендий и уездных субсидий им полагалось освобождение от налогов, и они получали доступ к дальнейшим экзаменам в уезде, области и провинции. Принятые в уездную школу становились членами образованного слоя — их приглашали к обсуждению всех местных дел, они не падали ниц перед уездными и областными начальниками, к ним не применялись обычные наказания и т.п.[258]. Следующей ступенью был статус *гуншэна* — уже постоянный статус, избавляющий от дальнейших испытаний и дававший право поступления в Государственный Университет. Школы регулярно выпускали *гуншэнов*, которые экзаменовались в Академии Ханьлинь в столице и затем зачислялись на учебу в Государственный Университет *Тайсюэ* (пока не признавались негодными, за это наказывались соответствующие школьные чиновники). Квота *гуншэнов* была впервые установлена в 1383 г. — по 1 чел. от области, округа и уезда, с 1441 г. (эта квота сохранилась до 1905 г.) разрешалось направлять в столицу 1 чел. ежегодно из префектурной школы, 2 чел. каждые 3 года из окружной и 1 чел. каждые 2 года из уездной. С конца XVI в. *шэнъюань* — государственный стипендиат мог купить статус *гуншэна*, а в Цин после 1850 г. стала обычной и практика покупки этого статуса остальными *шэнъюанями*. Общее число *гуншэнов* всех категорий (см. выше) в Цин (в т.ч. и тех, что стали *цзюйжэнями*, *цзиньши* и чиновниками) достигало 32–40 тыс. чел.[259].

В Японии государственные школы были созданы в 701 г. в каждой провинции: в больших провинциях — на 50 учеников (в т.ч. и медиков), в крупной — на 40, средней — на 30 и малой — на 20 (всего 2560 чел.)[260]. В Корее сеть провинциальных школ существовала с периода Корё, но при династии Ли была существенно расширена. Школы *хянгё* с численностью учащихся 90, 70, 50 и 30 чел. — в зависимости от ранга административной единицы — имелись в каждой из них вплоть до уезда. Их учащиеся назывались *кёсэн*. Всего в них (со столичными) насчитывалось 15 550 учащихся, в том числе 200 в Государственном Университете (см. табл. 36[261]). Во Вьетнаме государственные школы в уездах и областях появились еще при династии Чан (1226–1400) и были восстановлены в 1428 г., причем в них на равных учились дети крестьян и чиновников[262].

Частные (общинные) школы *шуюань* существовали еще в Сун и Юань (где частные училища были во всех местностях, особенно на Юге, и их студенты постоянно были в числе поступающих на службу по рекомендации). В Мин их разрешили впервые открывать в 1375 г. В Шанхае в 1472–1521 гг. было открыто 96 школ (не считая 49 созданных ранее), насчитывавших 50 учителей и 1224 учащихся[263]. В Цин до трети от общего числа вновь созданных школ составляли частные (см. табл. 37[264]). В Корее сеть частных местных школ (*содан, совон, сое*) для детей 8–16 лет (обычно с одним учителем) появляется при династии Ли. К началу XX в. их насчитыва-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лось до 24 тыс.[265]. Во Вьетнаме частные школы в деревнях стали появляться при династии Чан (1226–1400)[266].

Система ученых степеней. В поздние периоды, когда вполне устоялась система ученых степеней, она включала следующие степени.

1. *Цзиньши* — высшая степень, присваиваемая лауреатам столичных экзаменов. Давала безусловное право назначения на любые должности.

2. *Цзюйжэнь* — лауреат провинциальных экзаменов. Степень давала право участия в столичных экзаменах или назначения на низшие должности.

3. *Цзяньшэн* («студент Государственного Университета») — степень для действительных учащихся Государственного Университета и лиц, получивших этот статус по императорской милости, праву наследования или путем покупки (*лицзяньшэн*). Давала право участия в провинциальных экзаменах или (до 1700 г.) назначения на низшие должности.

4. *Гуншэн* — степень для выпускников государственной школы, избранных по квоте. Могла также дароваться императорской милостью (*эньгуншэн*), быть полученной на особых экзаменах сверх квоты школы (*багуншэн*), на специальных экзаменах (*югуншэн*) и быть куплена. Давала право поступления в Государственный Университет, а *югуншэнам* и *багуншэнам* — и назначения на низшие должности.

5. *Шэнъюань* («правительственный студент»), или *сюцай*, — степень для лиц, выдержавших местные экзамены, и учащихся государственных школ; могла быть куплена. Давала право участия в провинциальных экзаменах или выпуска в качестве *гуншэна*.

6. *Иньцзянь* («правительственный студент по наследству») — степень для лиц (в Цин), поступающих на службу по праву «тени». Давала право участия в провинциальных экзаменах.

7. *Туншэн* («младший студент»).

В результате развития системы образования и связанного с ним значительного превышения численности обладателей ученых степеней над числом вакансий на государственной службе постепенно и в Китае, и в сопредельных странах сложился пограничный с чиновничеством слой неслужащих обладателей степеней (см. гл. IV).

4. Прохождение службы

Предотвращение злоупотреблений. В раннем Тан уложения, касавшиеся организации чиновничества, достигли не превзойденной впоследствии полноты и отточенности[267]. Одним из главных принципов прохождения службы в традиционной дальневосточной системе всегда был *хуйбин* — система предотвращения злоупот-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

реблений на родственной или местнической почве. Вследствие чего чиновникам обычно запрещалось служить в местностях, откуда они или их жены были родом, равно запрещалась и служба родственников в одном учреждении. В Хань со II в. чиновник не только не мог быть назначен региональным инспектором в родную местность, но не мог служить и в родной местности самого регионального инспектора или его жены. В Суй император Вэнь-ди запретил всем чиновникам территориальной администрации брать с собой родителей и взрослых детей[268]. В Мин выходцев из данной провинции служило в ней обычно не более 3–4%, чаще 1–2%, иногда — ни одного[269]. В Цин особо строго относились к провинциальным чиновникам; уроженцы провинции, однофамильцы и земляки губернаторов не могли служить в ней. Для генерал-губернатора ограничение распространялось на провинцию под его прямым управлением, для финансового и юридического комиссара и других, чья юрисдикция распространялась на всю провинцию, — на данную провинцию и соседние, если они входили в то же генерал-губернаторство, для регионального интенданта, начальника области — на провинцию[270]. В Корее со времен Силла принцип запрещения службы в родных местах всегда оставался одним из основных. В Японии запрещено было служить в одном управлении трем поколениям родственников чиновника от секретаря данного управления и выше[271].

Порядок назначения чиновников базировался на основном принципе традиционной дальневосточной системы — подконтрольности всей исполнительной вертикали непосредственно центральной власти. Поэтому все чиновники, являющиеся прямыми руководителями любого уровня — вплоть до начальников уездов, назначались исключительно из столицы. Сами эти чиновники обычно имели право набирать себе помощников по собственному усмотрению, однако в полной мере это право распространялось только на канцелярско-делопроизводственный персонал соответствующего органа управления. В периоды наиболее последовательного соблюдения принципов системы на назначение заместителей, начальников структурных подразделений и иных ответственных исполнителей требовалось разрешение центра или вышестоящего начальства. Более того, в отдельные периоды существовали даже ограничения для ближайшего окружения, касавшиеся родственников данного чиновника.

Этот принцип прослеживается с глубокой древности. В Цинь все чиновники вплоть до уездного уровня назначались Главным канцлером и утверждались императором, но многие мелкие чиновники назначались главами соответствующих учреждений. В Хань все исполнительные чиновники до районного уровня также назначались центральной властью, но они, как и главы самостоятельных ведомств, могли сами назначать себе подчиненных. Такая практика продолжалась еще 3–4 столетия после падения Хань. В Суй сначала

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

правители областей сами набирали своих помощников, однако в более поздний период каждый кандидат утверждался двором; со времен императора Вэнь-ди все чиновники до уездного начальника назначались департаментом Государственных дел и были объектом его оценочных процедур. Не изменился этот принцип и в поздний период существования традиционной дальневосточной системы. Это, наряду с запретом служить в родной провинции, привело в Мин и Цин к появлению института личных секретарей[272].

В Цин непосредственно императором назначались государственные секретари, консулы, министры и их заместители, главные цензоры и их помощники, начальники и их помощники «Пяти надзоров» и другие высшие столичные чиновники, а также вице-губернаторы, губернаторы, финансовые, юридические и образовательные комиссары, а из военных — генералы. Секретари департаментов, руководящие чиновники меньших по значимости организаций и прочие столичные чиновники 4–7-го рангов, а также региональные комиссары и начальники округов и уездов выбирались императором из кандидатов, предложенных Министерством чинов (на некоторые должности преподавателей Государственного Университета ранга 6а и астрономов — ранга 5а рекомендовали за заслуги), армейские бригадиры — военным министерством. Чиновники на должности 7-го ранга и ниже назначались руководителями департаментов по выбору или экзамену. Некоторым высшим чиновникам было разрешено назначать чиновников на низшие посты в их ведомствах на правах испытательного срока. Низшие провинциальные чиновники назначались местными властями, причем помощники начальника уезда — провинциальными, и начальник не мог их сместить[273].

В Японии императорским указом присваивались ранги с 5-го и выше и назначались руководители Государственного совета, главы министерств, цензората, начальники отрядов дворцовой охраны и наместник области Сайкайдо; присвоение 6–8-го рангов, назначение других высших чиновников производилось им же по докладу Государственного совета. Решением самого Государственного совета присваивался 8-й ранг провинциальным чиновникам и 9-й ранг, а также назначались старшие инспектора и счетоводы провинциальных и уездных управлений и домоправители принцев; мелкие чиновники назначались решением Министерства церемоний или военным. В соответствии с четырьмя способами назначения существовали особые наименования этих категорий чиновников: *тёкунинкан, сонинкан, ханнинкан* и *хонинкан*[274]. При назначении ранее не служивших, но имеющих ранг (это была категория *санви* — дети аристократов, лиц не ниже 5-го ранга) они назначались в качестве нерегулярных чиновников 6-го и ниже рангов, при переходе же в состав регулярного чиновничества они подвергались 7–8 испытаниям. Самый первый ранг мог быть присвоен лицам, достигшим 25 лет (для знати 21 года)[275]. В Силла провинциальные чиновники

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

назначались из столицы, где они постоянно и проживали. Гипертрофия роли столицы подразумевала, что все чиновники должны быть в принципе сосредоточены там и как бы командироваться для управления остальной территорией страны (в 538 г. специальным указом им было разрешено брать к месту службы свои семьи)[276]. В дальнейшем принципы назначения чиновников в этих странах вполне соответствовали китайской практике.

Процедура назначения была разнообразной, и даже в отношении классических образцов системы можно говорить только об основных разновидностях этой процедуры. (Выше, при описании порядка комплектования чиновничества, уже частично затрагивался вопрос о характере первого назначения на должность при вступлении в службу.) В одних случаях назначение производилось сразу, в других — после ожидания, иногда довольно длительного. Характерен обычай предварительного назначения в штат важнейших центральных ведомств или в научные учреждения без определенной должности — для исполнения разовых поручений или помощи действующим чиновникам. Это была своеобразная форма предварительного «обучения службой» чиновника, уже получившего ранг, но состоявшего при дворе вне штата.

В Хань лауреаты экзаменов назначались иногда сразу на должность, но чаще — *ланами* без определенных функций и в этом качестве помогали при необходимости штатным чиновникам. В Тан лица, прошедшие столичные экзамены (*цзиди*), обращались в Министерство чинов за получением *саньгуань*, затем все неназначенные и почетные чиновники обращались туда же для держания должностного экзамена *каоши*, определявшего пригодность к исполнению бюрократических обязанностей (по результатам которого *саньгуань* могло быть повышено или снижено), после чего чиновник назначался на конкретную должность (с середины VII в. установилась практика, когда до назначения могло пройти довольно много времени). После специальных экзаменов лауреаты назначались сразу или пребывали некоторое время без определенной должности. В Сун, в отличие от танской практики, вступившим в службу должность давалась почти немедленно и период ожидания был недолог (хотя в результате этого часто образовывался переизбыток чиновников, и значительная их часть состояла из лиц чисто номинальных функций). При этом если *саньгуань* (*шилугуань* — «должность по жалованью») и должность назначаемого не совпадали в ранге, то к названию добавлялся иероглиф «*син*» (если должность была выше) и «*шоу*» или «*ши*» (если ниже). Значительность первого назначения зависела от способа поступления на службу. *Цзиньши*, разумеется, получали лучшие должности и быстрее двигались по службе. Весьма распространенной (еще с ханьского времени) была практика испытательного срока. В Сун, в частности, испытательный срок *цюань* в течение короткого периода был предусмотрен при назначении

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

на большинство должностей. В начале Сун низшие посты в местной администрации занимали обычно люди случайные, без перспектив на продвижение, высшие же были заняты людьми из центральной администрации. Но со временем положение начало меняться. С 964 г. даже *цзиньши* и лучшие лауреаты специальных экзаменов должны были начинать карьеру с одного из низших постов в области; с 993 г. лица, не имевшие опыта службы на низших должностях, не могли быть начальниками областей и их заместителями, а так как эти посты открывали путь в столицу, все чиновники должны были начинать службу с должностей, связанных с непосредственным общением с населением[277].

В Мин перед назначением на постоянную должность студенты Государственного Университета часто направлялись в разные ведомства как *лиши, паньши* — обычно на 1 год. *Цзиньши* в таких случаях иногда именовались «наблюдателями» *гуаньшэн*. Много постов всех рангов были местом испытательной службы *лишэн* на период до года перед действительным назначением *шишоу*. В период Цин досье на всех лиц, годных для назначений, хранились в Министерстве чинов. Категория должности, на которую человек получал первое в жизни назначение, зависела от того, каким образом он был допущен к экзаменам и как их сдал, и это в большой степени определяло и его дальнейшую карьеру. С первых лет этого периода, однако, некоторым лицам, признанным годными к назначению на любую должность и к дальнейшему продвижению (и даже получившие особо высокую оценку начальства или с высокими рекомендациями), приходилось ждать реального назначения по многу лет.

Назначения могли быть немедленными (по экзамену и по праву «тени»), в качестве кандидата на продвижение внутри ранга, из одной службы в другую, на повышение, на перемещение. В Министерстве чинов составлялся «лист ожидания» из имен 10 типов претендентов на должности: отдельно для получивших право по покупке, для возвращающихся из отставки по случаю болезни родителей, по окончании специального поручения, перемещаемых из других департаментов или провинции и т.д., внутри каждой из этих категорий — по должностям, на которые претендовали чиновники. В определенные числа месяца производились назначения на маньчжурские, монгольские и т.п. должности. В дни назначения Министерством чинов готовились следующие листы: 1) «немедленных назначений» — для прибывающих из отставки, других ведомств и т.п.; 2) «регулярный» — для квалифицировавших себя для службы различными путями (экзамены, «тень» и т.д.); 3) «сборный» — для низших должностей; 4) «комбинированный» — для переводимых в столицу провинциальных чиновников; 5) «заменный» — для лиц того же ранга, что в «регулярном», если последний будет исчерпан; 6) «предпочтительный» — для новых столичных лауреатов. Одно из бюро министерства собирало сведения о кандидатах по 7 парамет-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

рам: 1) место рождения, 2) занятие отца и деда, 3) вердикт департамента (не был ли дисквалифицирован), 4) обстоятельства нахождения вне службы (перевод, отставка, смещение), 5) продолжительность службы в данном ведомстве и общей, 6) записи об испытании (стажировке) или обучении, 7) наличие близких родственников в данном ведомстве. На возраст до 100 лет внимания не обращалось[278].

Срок пребывания в должности, как правило, составлял не менее 3 лет, но строго не регламентировался даже в классический танско-сунский период. В Хань назначенный чиновник после пребывания в течение года на своей должности с испытательным статусом в дальнейшем занимал эту должность неограниченное время. В период Южных и Северных династий срок пребывания в должности также был неопределенным. В Суй региональные инспектора и начальники уездов должны были сменяться раз в 3 года, а их подчиненные — раз в 4 года. В Тан общего правила, лимитирующего срок пребывания в должности, не было, но обычно младшие чиновники назначались на 3 года или более. По завершении срока такой чиновник часто долго ждал следующего назначения. Старшие чиновники время от времени аттестовывались специально назначенными лицами (как правило, цензорами) и обычно служили без определения срока — по усмотрению императора. В Сун срок пребывания в должности не оговаривался, минимальный срок для продвижения тоже варьировался в зависимости от учреждения и исторического периода. Обычно от вступления на службу до перехода в состав столичных и дворцовых чиновников проходило 6–10 лет. Вообще правила о назначениях и продвижениях чиновников постоянно изменялись. В решении этих вопросов решающую роль играли рекомендации; 80–90% всех чиновников, независимо от ранга, когда-либо были рекомендованы, и практически все, имевшие право рекомендовать, когда-либо им воспользовались[279].

В Мин с середины XV в. максимальный срок пребывания в должности составлял 9 лет, в зависимости от должности и исторического периода он мог варьироваться от 1 до 7–8 лет. При этом практически во все периоды прослеживается следующая закономерность: наиболее продолжительным было пребывание в должности низших чиновников, затем — начальников округов и уездов, затем — областей, затем — чиновников центрального аппарата, и наименьший срок был у чиновников провинциального звена, которые даже в конце XIV в. занимали свои посты в среднем 5,5 лет, а с середины XV в. — обычно менее трех лет (см. табл. 38[280]). В Цин все назначения делались обычно на 3 года.

Вообще формула смены высших чиновников через 3 года стала с раннего средневековья образцом для всех стран региона, даже наименее китаизированных. В Си Ся по закону главы управлений и других учреждений обязаны были сменяться раз в 3 года[281]. Высшие чиновники сменялись раз в 3 года и в Пэкче, и даже в Когурё (где

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

эта норма относилась к чинам первых четырех рангов), хотя в данном случае в летописи сказано буквально следующее: «Через три года сменяются, но если хорошо служат, то не сменяются. Вообще, если в день смены не подчиняются, то нападают друг на друга. Ван оберегается, запершись во дворце, и соглашается с тем, кто победил»[282]. Примечательно, однако, что даже в стране, явно не отличавшейся сильной централизованной властью, считалось нужным хотя бы формально придерживаться китайских нормативов.

Аттестация и продвижение по службе. Поощрения и наказания. Одной из наиболее характерных и устойчивых черт государственной службы в традиционной дальневосточной системе была практика постоянных тщательных и разноплановых проверок и оценок чиновников. Основной и наиболее распространенной и типичной их формой были периодические плановые аттестации *као*, которые в классический танско-сунский период (а в Суй со времен императора Вэнь-ди) были ежегодными, а в более ранние (Хань) и более поздние (Юань, Мин и Цин) периоды проводились раз в 3 года. По результатам *као* чиновника могло ожидать повышение, понижение, смещение с должности или даже исключение из службы. В Вэй и Цзинь последующие ранги присваивались при регулярной переаттестации («чистые установления»).

В Хань аттестация проводилась вышестоящим начальником, в период Южных и Северных династий и Тан к ней добавилась также аттестация, проводимая нерегулярно наезжающими инспекторами центрального правительства; досье с результатами этих оценок рассматривалось в Министерстве чинов на предмет нового назначения. В Сун *као* находилась в ведении Бюро персональной оценки, а с 1080 г. — Министерства чинов и вместе с иррегулярными проверками, проводимыми другими должностными лицами, принималась в расчет при выставляемой обычно в конце трехлетнего срока «оценки для переназначения» *мокань*.

Регулярные аттестации *као* дополнялись в разные периоды другими формами проверок и аттестаций. В первое столетие Сун важное значение для карьеры имело наличие в досье чиновника «гарантий» от равных — рекомендаций, которые чиновники часто (регулярно или нерегулярно) давали своим знакомым; от поведения протеже зависела собственная карьера рекомендующих. В середине XI в. система эта стала очень сложной, с подробными правилами — сколько и каких рекомендаций может давать тот или иной чиновник (благодаря действию такой системы высшие чиновники этого периода считаются самыми честными в китайской истории). После 1080 г. система приобрела более бюрократический характер и базировалась преимущественно на способе вступления в службу, старшинстве и регулярных аттестациях. «Гарантийные» рекомендации не применялись систематически, но использовались в особых обстоятельствах.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Мин *као* дополнялись аттестацией начальников уездов и округов, которые в ежемесячных рапортах своим префектам оценивали компетентность подчиненных. Начальники областей составляли по таким специальным оценкам ежегодный сводный рапорт провинциальным властям. Затем каждые 3 года сводные рапорты на эту тему направлялись центральным властям и использовались для проведения «внешней аттестации», для которой все органы местной администрации присылали представителей на большую аудиенцию в столице. Для столичных чиновников соответствующая «столичная аттестация» производилась каждые 6 лет. Столичные чиновники 4-го ранга и выше были освобождены от обычных оценочных процедур, от них ожидалось признание случаев их собственной вины при самооценке. В результате этих больших аттестаций многих понижали, отправляли в отставку или исключали со службы. Кроме рутинной системы оценок и аттестаций чиновники подвергались также нерегулярной оценке цензорами или специально присланными чиновниками. Наконец, за особо серьезные ошибки чиновники в любое время могли быть обвинены своими начальниками, цензорами или просто коллегами и даже наказаны и исключены со службы без предъявления обвинения.

В Цин на всеобщей «столичной аттестации» раз в 3 года чиновники 3 высших рангов и все члены Академии Ханьлинь и цензората оценивались лично императором, 4–5-го ранга — специально назначенной комиссией из принцев и министров, более низких рангов — ответственными чиновниками их ведомства. Дела чиновников 4–5-го ранга представлялись императору с замечаниями Министерства чинов, и они могли быть вызваны для аудиенции. С делами чиновников ниже 5-го ранга сначала знакомился заместитель министра или помощник директора ведомства, а затем они отправлялись в комиссию, назначаемую императором из государственных секретарей, министров или главных цензоров, которая просматривала дела (и иногда вызывала человека для аудиенции), а потом представляла их императору (обычно рекомендации директоров комиссией утверждались и редко менялись императором). Провинциальные чиновники раз в 3 года подлежали оценке *дацзи*, проводимой между столичными аттестациями. Губернаторы и генерал-губернаторы оценивались императором персонально. Дела финансовых и юридических комиссаров посылались губернаторами в Министерство чинов (так как их утверждение зависело от императора), окружные интенданты, начальники областей и начальники уездов оценивались непосредственно губернаторами и генерал-губернаторами, и их дела также посылались в Министерство чинов для последующего представления императору (рекомендации губернаторов обычно оставались в силе), а чиновники двух низших рангов оценивались их непосредственными начальниками с представлением вывода губернаторам и генерал-губернаторам (которые обычно оставляли его в силе).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Аттестация должна была оценить 4 параметра: личное поведение, исполнительские способности, послужной список и возраст. Отрицательными факторами считались: 1) предосудительное поведение, 2) бездеятельность, 3) легкомыслие, 4) отсутствие талантов, 5) старость и 6) болезнь. Два первых были чреваты безусловным смещением, третий — понижением на три ранга, четвертый — на два ранга, последние — принудительной отставкой. Еще строже расценивались алчность и жестокость. Понижение могло касаться только ранга, а могло сопровождаться и понижением в должности. Смещение иногда грозило лишением и ранга и должности, но фактически могло быть лучше понижения, ибо допускало восстановление в том же статусе через 4 года (если специально не оговаривалась невозможность нового назначения). Базой наказания всегда служила должность, а не ранг. Поощрением было: 1) запись «заслуги» (3 «заслуги» = 1 «градации»), 2) запись «градации» (3 «градации» = 0,5 ранга, т.е. 1 степень), 3) немедленное повышение по службе — высшее поощрение (обычно в гражданской службе — на 0,5 ранга, а в военной — на 1 ранг). «Градации» были двух типов: универсальная, подходящая для любого ранга или учреждения, и для конкретных случаев (в армии — только универсальные); прибавление «градации» могло выражаться и как повышение в ранге, и как прибавка жалованья. Принцип системы поощрения заключался в том, чтобы делать вместо больших скачков много маленьких с максимальной частотой. В Тан продвижение в младших и средних рангах обычно составляло 3 «градации», но в высших — только 1. Главы 6 министерств и 9 управлений и некоторые равные им продвигались только после окончания срока их назначения, но обычно не продвигались. Евнухи, особенно служащие в личном секретариате императора и гареме, продвигались только внутри этих ведомств[283].

В Японии первые опыты аттестации относятся к 690 г., когда чиновничество было разделено на 9 категорий по сроку службы, причем ранговые были обязаны пройти проверку через 6 лет, субчиновники — через 7[284]. По «Тайхорё», аттестация проводилась ежегодно начальником управления до середины 8-го месяца и до начала 10-го (для провинций 11-го) месяца документы должны были быть поданы в Государственный Совет. Результаты выражались в отнесении к одному из 9 разрядов в зависимости от полученных *сай* (отличная оценка) и *дзэн* (достоинство, добродетель; их можно было получить до 4). Не получившие ни *сай*, ни одного *дзэн* считались «удовлетворительными» (6-й разряд). 7-й разряд означал служебные ошибки, 8-й — нерадивость, 9-й — лесть, обман и алчность; последние два служили основанием к увольнению. Нерегулярные чиновники оценивались по 3 разрядам. Административные взыскания исчислялись в *фу* (мелкое взыскание), 10 *фу* составляли *дэн* (крупное взыскание), служившее основанием для понижения при аттестации. Производство в следующие ранги осуществлялось по

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

результатам аттестации в зависимости от полученной по 9-балльной системе оценки: 9 баллов — на 13 степеней (т.е. 3,25 ранга), 8 — на 7 степеней, 7 — на 4 степени (один ранг), 6 — на 3 степени, 5 — на 1 степень (повышение на целый ранг осуществлялось после доклада императору). Выдающиеся люди выдвигались вне правил. Получение 5-го ранга (что означало причисление к знати) было возможно только с санкции императора[285]. Повышение в ранге осуществлялось после 6 «испытаний» (т.е. ежегодных аттестаций), следовательно — через 6 лет; в 706 г. был установлен срок 4 года, в 757 г. — 6 лет, в 764 г. — снова 4 года. При сроке в 4 года (хотя в этом случае на каждый балл приходилось меньшее число степеней повышения, например, при 9 баллах — 9 степеней, при 8 и 7 баллах — 5, при 6 баллах — 3, при 5 баллах — 1) появлялась возможность более быстрого продвижения: за 12 лет при 9 баллах можно было продвинуться на 27 степеней вместо 26, при 8 — на 15 вместо 14, при 7 (что бывало реально чаще) — на 15 вместо 8, при 6 — на 9 вместо 6 и при 5 — на 3 вместо 2. В среднем за год (по результатам одной аттестации) чиновник мог в этом случае продвинуться на 2,25–0,25 степени против 2,17–0,17 при 6-летнем сроке. При этом на практике для преодоления всех степеней 5-го ранга требовалось в среднем вдвое меньше времени, чем для преодоления всех степеней 4-го. В большинстве случаев чиновники достигали 5-го ранга в возрасте от 21 до 43 лет[286].

В Силла продвижение по служебной лестнице не регламентировалось, видимо, единым положением, и срока выслуги в определенных чинах не существовало, и чин давался либо по должности, либо за заслуги. Однако широкое распространение получила практика одновременного повышения в ранге всех чиновников или значительной их части по случаю какого-либо события, праздника, восшествия на престол нового вана и т.д., т.е. эта акция стояла в одном ряду с амнистией, раздачей подарков и т.д. Повышение в чине по случаю восшествия на престол нового вана впервые зафиксировано в 357 г., когда «лица, отличающиеся сыновней почтительностью и благонравием», были повышены на одну степень, а затем подобные случаи в отношении всех гражданских и военных чиновников известны в 479, 540, 702, 785 и 897 гг.[287]. Наиболее типичными поощрениями были производство в следующий чин, выдача зерна, тканей или иного имущества (в т.ч. и посмертные — семье) и в порядке исключения — земельных участков, причем размер наград определялся не столько заслугами, сколько чином награждаемого. В качестве наказания применялась смертная казнь (за поражение в бою или за нерадение; в отдельных случаях казни подлежали и семьи[288]), ссылка, понижение в чине, смещение с должности, битье палками. В период династии Ли минимальный срок для повышения на один класс (полранга) при условии беспорочной службы составлял теоретически 450 дней для младших чиновников (7–9-го рангов)

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

и 900 для старших, однако на практике часто нарушался. Выдвижение осуществлялось на основе рассмотрения личного дела *инса* в Министерстве чинов. При появлении вакансии вану представлялся список из трех кандидатов, из которых он и выбирал. Для чиновников 6-го ранга и выше документы уже утвержденного ваном кандидата вместе с подробной родословной его и жены направлялись в контрольные органы, где назначение утверждалось при отсутствии сомнений в родовитости чиновника[289].

К чиновникам помимо понижения в ранге, лишения должности и увольнения со службы применялись везде обычные меры наказания: порка (кнутом, розгами или «легкими» палками), битье палками (так называемыми «тяжелыми» палками), ссылка, каторга и смертная казнь (удушение или обезглавливание). Наиболее распространенное наказание за служебную провинность состояло в битье палками, получившее особенно большое распространение в Си Ся и Цзинь. Чиновники, совершившие одно из «10 зол», замешанные в мятеже, виновные в воровстве, разврате, взяточничестве, совершенных на службе или с использованием служебного положения, помимо наказания по суду исключались из состава чиновничества и заносились в списки простонародья, даже если получали прощение по суду. В иных случаях после отбытия наказания и увольнения чиновнику разрешалось вновь поступать на службу, но с более низким рангом: чиновник ранга 4а получал 7б2, ранга 4б — 8а1, ранга 5а — 8а2, ранга 5б — 8б1, 6-го и 7-го рангов — 9б1(в Японии — 9а1), 8-го и 9-го рангов — 9б2[290].

Разжалование *чумин* было дополнительным наказанием чиновников при совершении ими общегражданских преступлений. В обязательном порядке оно применялось к лицам, осужденным за «10 зол», преднамеренное убийство, кражу, прелюбодеяние с женщиной, находившейся в сфере его административной ответственности, фальшивомонетничество, похищение людей, «взятку с нарушением закона», осужденным на основании общесемейной ответственности, приговоренным к смертной казни, «5 ссылкам». Оно состояло в лишении всех атрибутов чиновничьего статуса (ранга, званий и т.д.) и возвращении в податное состояние (с соответствующим смягчением при наличии «тени»). Разжалованный мог поступить на службу через 6 лет. Менее суровым наказанием было лишение только должности *мяньгуань*, бывшее самостоятельным дополнительным наказанием за прелюбодеяние, кражу, похищение, взятку и присвоение имущества и самостоятельным основным наказанием для более мелких преступлений типа нарушения траура, сыновней непочтительности и т.п. Наказанный чиновник мог вернуться на службу через 3 года с понижением в ранге на 2 степени. Еще более легкое наказание — снятие с должности *мянь соцзюй гуань*, применявшееся за те же преступления, что и *мяньгуань*, в случае амнистии; восстановиться на службе можно было через год с понижени-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ем на одну степень[291]. В Цзинь на взяточников не распространялась и амнистия. За совершение неслужебных преступлений чиновники 1–5-го рангов получали 2 года каторги, а остальные — 1 год (за серьезное преступление — 3 и 2 года соответственно), наказание за легкие проступки разрешалось заменять штрафом[292].

В Хань для ареста чиновника, оценивавшегося начиная с 600 даней, а также *ланчунов* (300 даней) требовалось утверждение императора, в Поздней Хань — и для ряда чиновников ниже 600 даней — глав мелких округов и глав уделов (300–400 даней). Они не могли наказываться без разрешения императора[293]. В Тан порка подчиненных их непосредственными начальниками была обычным явлением (как, видимо, и в Японии, где начальник управления имел право наказывать подчиненных, письменно известив об этом министерство[294]), в Сун — менее обычным, но очень распространенным в Цзинь и особенно в Юань. В Мин и Цин начальникам административных единиц это было запрещено. По минским законам начальник в любом учреждении не был волен выносить приговор подчиненному (за исключением субчиновников) даже в случае явно установленной вины — дисциплинарные меры должны были приниматься только специальными юридическими властями. В отношении же прочего населения чиновники имели более широкие права. В Хань начальники областей и уездов могли сами наказывать преступников, в Суй и Тан это право было ограничено, а в Сун встречалось как исключение. В Мин и Цин они могли только пороть их (50 ударов разрешалось начальнику уезда, 80 — малого округа, 100 — большого округа)[295]. В Цин губернаторы имели права смещения любого чиновника в провинции[296].

Последующие назначения чиновников определялись результатами проверок и регулярных аттестаций. Однако существовали и некоторые специфические способы продвижения. Особенностью сунской системы была, например, возможность «самовыдвижения». Считающий себя достойным повышения чиновник мог потребовать *мокань*. Те, кто хотел избежать активной деятельности, требовали назначения на «храмовое жалованье» *цзулу* — синекуру (например, государственный надзор над даосским храмом или монастырем), старшие столичные чиновники преклонных лет имели право выдвигать себя в начальники спокойных префектур. В Мин чиновник, проведя 9 лет на одном посту и получив три *као*, мог подавать рапорт в Министерство чинов о пересмотре его статуса. Некоторые данные о предшествующей службе высших чиновников центрального аппарата см. в табл. 39[297].

Продолжительность службы была в среднем достаточно велика. В Сун средний возраст получателя степени *цзиньши* составлял 35–36 лет (от 18–19 до 70) и служебная карьера длилась приблизительно 27 лет (при возрасте отставки 70 лет)[298]. Из выдающихся людей этого времени, чей возраст смерти известен, 493 служили до

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

62 лет[299]. В Цин $^2/_3$ чиновников служили не менее 20 лет (см. табл. 40–42[300]). Предельный возраст пребывания на службе установлен только во второй половине XVIII в.: по закону 1757 г. он составлял 55 лет, в 1768 г. был продлен до 65 и в 1892 г. — до 75 лет. Но даже младшие чиновники обычно продолжали служить по его достижении. Кандидатам 80–100 лет от роду давались номинальные почетные должности до ранга 6а[301]. В Японии возможен был выход в отставку по следующим причинам: достижение 70 лет, истечение срока пребывания в должности, сокращение штатов, ликвидация учреждения, достижение родителями возраста 80 лет или их болезнь, траур по родителям, отсутствие на службе по болезни свыше 120 дней[302]. В Силла известен указ 758 г., по которому подлежали увольнению все чиновники, находившиеся в отпуске свыше 60 дней[303].

Значение ученых степеней для успешной карьеры, как правило, было велико, но не всегда находилось на одном и том же уровне. Из лиц, сдававших экзамены и известных по «Синь Удай ши» (19 не сдали экзаменов, в т.ч. 2 из служилых семей и 17 неизвестного происхождения), на высокие посты было назначено 39 (33 из 64 представителей служилых семей, 1 из 2 неслужилых и 5 из 45 неизвестного происхождения), но тогда же на эти посты назначалось и много необразованных людей — бывших слуг, рабов, провалившихся на экзаменах, и др.[304]. В Цзинь наличие степени *цзиньши* играло очень важную роль для карьеры[305]. В период Мин значение ученых степеней для успешной карьеры постоянно росло. С самого начала не менее 60%, а в позднее время почти 100% чиновников провинциального звена имели степень *цзиньши*, для начальников областей этот показатель составлял от более 50% в первые годы до 70–84% в дальнейшем, для начальников округов и уездов — в среднем 20–30% (см. табл. 43[306]). Среди 25 начальников одного из районов с 1390 по 1516 г. 2 были *цзиньши*, 1 — из категории «специально рекомендованных» *жэньцай* (талант), 11 *цзюйжэней* и 11 *цзяньшэнов*[307]. В третьей четверти XVI в. среди приблизительно 2 тыс. начальников округов и уездов насчитывалось менее 200 *цзиньши* (причем в некоторых окраинных провинциях по 1–2). Из 108 таких же должностей в Хэнани (14 были вакантны) 4 занимали *цзиньши*, 62 — *цзюйжэни* и 28 — *цзяньшэны*. Таким образом, большинство из *цзиньши* оставались в столице[308].

В цинское время значение степени *цзиньши* для карьеры уменьшилось — если в конце XVI в. до четверти ее обладателей достигали высших рангов, то в конце XIX в. — менее 10% (см. табл. 42[309]). В военной службе новые назначения осуществлялись обычно в порядке продвижения по службе — по рекомендации старших офицеров и за заслуги. Все назначения ниже полковника (ранг 3а) производились только по выбору начальства[310]. Во Вьетнаме в XVII–XVIII вв. в силу малочисленности лауреатов столичных конкурсов

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

путь поступления на службу практически не влиял на карьеру, за исключением того, что лица, не прошедшие через экзамены, не назначались в состав дипломатических миссий в Китай[311].

Особенности карьеры в зависимости от исходного статуса. При правлении некитайских династий обычными были этнические предпочтения. В Цзинь чжурчжэни, составляя 6,2 млн. из 48,5 млн. населения, были представлены в чиновничестве пропорционально в 5 раз больше (среди них 1 чиновник приходился на 1309 чел., среди китайцев — на 6225), составляя 43% всех чиновников (в 1193 г. 4705 из 11 499). В Государственном Совете они составляли в разное время в среднем 57% (кидани и бохайцы — 11%, китайцы — 32%), в министерствах — 37 (13 и 50), в цензорате — 63 (13 и 24), в высшем территориальном управлении — 88%[312]. В Юань монголы доверяли важные посты только себе и ближайшим союзникам — среднеазиатским мусульманам (сэму), а южным китайцам не доверяли вообще, и те могли служить только в местных конторах в районах своего проживания. Однако при завоевании Китая монголы порой оставляли покорившихся им чиновников из Цзинь, а потом и Сун на своих постах под надзором монгольских наблюдателей, назначаемых на каждую должность до уездного начальника включительно. В течение всего периода Юань все исполнительные должности, за исключением высших, имели «дублера» — монгола, без утверждения которого ни один документ не мог быть принят. В идеале на уездном уровне наблюдатель должен был быть монголом, начальник — китайцем, а заместитель — среднеазиатом. В отличие от обычных чиновников наблюдатели часто получали свой пост по наследству и имели отчасти независимый статус как члены монгольской элиты. В Цзинь чжурчжэни быстрее продвигались по службе. Некоторым китайцам также удавалось получать высокие посты, но в целом чжурчжэни всегда держали под контролем все аспекты управления, а китайские чиновники подвергались дискриминации и иногда даже физическим оскорблениям.

В Цин все должности относительно высокого уровня (а в цензорате — все) поровну делились между маньчжурами и китайцами. Несмотря на развитую систему аттестаций, не удавалось выдерживать объективный подход из-за явного предпочтения, оказываемого маньчжурам и их монгольским союзникам. Все должности делились на 7 групп для: 1) для членов императорского клана; 2) маньчжуров; 3) монголов; 4) китайцев «знаменных войск»; 5) потомственных слуг Министерства двора; 6) аборигенов, тибетцев и т.п.; 7) китайцев; причем каждая группа могла занимать высшие должности более низкой группы[313]. Характерно, что пути поступления на службу маньчжуров и китайцев существенно различались. Если выходцы из китайской чиновной среды в 80% случаев прошли через экзамены и 67% их имели степень *цзиньши* (китайские простолюдины — 72 и 60% соответственно), то среди маньчжуров экзамены прошли 24%

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

и имели степень *цзиньши* 14%[314]. Кроме того, вследствие распространения практики поступления на службу путем покупки статуса проводилась дискриминация и по этому показателю (тем более что это касалось почти исключительно китайцев: маньчжурам не было необходимости покупать чиновный статус). «Регулярным путем» считалась только сдача экзаменов, окончание школы и наследование. Поступивший «иррегулярным путем» (за деньги) мог обычно делать карьеру только при особом покровительстве высокопоставленных лиц, но даже если покровителям удавалось трансформировать его статус в «регулярный», ему все равно было запрещено занимать некоторые политически значимые должности, должности в Академии Ханьлинь и цензорате и, как правило, такой человек имел мало надежд получить высокую должность любого сорта.

5. Система оплаты

Основой материального обеспечения чиновничества в традиционной дальневосточной системе всегда было регулярное жалованье, выдаваемое в зерне или деньгах, но исчисляемое чаще всего в зерне. Другие формы, в том числе земельные, играли обычно подчиненную роль.

Принцип назначения жалованья. Размер жалованья в традиционной дальневосточной системе зависел либо от должности (точнее, от ранга этой должности — *пинь*), либо от звания *саньгуань*. В Хань сам символический размер выплат в зерне и являлся рангом. В Тан жалованье (равно как цвет и покрой костюма) определялось основным рангом, но также и *саньгуань*, поскольку их имели как действующие, так и отставные чиновники, и для последних это был единственный критерий получения содержания. В Южном Сун официальная должность более соответствовала реальным обязанностям чиновника, чем раньше (Северное Сун), но основное жалованье базировалось (с 1080 г.) целиком и полностью на *саньгуань (шилугуань)*, а не на ранге титульной (основной) должности, как ранее. Базовая плата дополнялась платой за обязанности, которая составляла 60 000–16 000 монет в месяц (или эквивалент) и соответствовала степени важности выполняемых функций независимо от того, носило ли назначение испытательный характер и был ли его базовый ранг ниже или выше той должности, обязанности по которой он был назначен исполнять. В Юань жалованье зависело от ранга, *саньгуань* и должности. В Мин и Цин — от ранга *пинь*[315]. В Японии жалованье определялось рангом и должностью, при их несоответствии — должностью[316]. Могли быть и иные критерии, например, во Вьетнаме XVII–XVIII вв. размеры земельного жалованья военачальника устанавливались строго по количеству подчиненных солдат[317].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Способ выплаты жалованья. Классический вариант выплаты содержания, практиковавшийся в Тан и Сун (а также в Цзинь и некоторых других странах), предусматривал параллельную выплату зерном, деньгами и натурой (одежда, топливо, письменные принадлежности и т.д.). Наиболее важным было базовое зерновое содержание в зависимости от ранга, исчисляемое в данях (1 дань = 103,5 л) в месяц. В Сун до 1080 г. жалованье выплачивалось на треть деньгами и на $^{2}/_{3}$ другими эквивалентами, потом — номинально все в монетах, но в Южном Сун деньги были бумажными и потеряли ценность вследствие инфляции. В более поздние периоды принцип оплаты, сочетавший денежное жалованье (частично выдаваемое эквивалентами) с ежемесячными выдачами зерном (для столичных чиновников), в основном сохранился.

В Юань до Хубилая жалованье вообще не выплачивалось (чиновники жили на поборы с населения), с 1260–1261 гг. оно выплачивалось серебром, причем единицей служил слиток весом в 50 *лян* (= 1 таэль). Позже серебро было заменено традиционными китайскими монетами, считавшимися связками по 100 штук, и иногда бумажными деньгами эквивалентной стоимости. В 1285 г. была установлена шкала жалованья по рангу в динах и гуанях, а также дополнительное жалованье за должность. С 1308 г. имели место и ежемесячные выдачи зерном по рангу. В Мин все жалованье номинально исчислялось в данях зерна в год. Часть его, однако, выплачивалась серебром, бумажными деньгами или другими вещами, эквивалентными ценности зерна. При Мин чиновники получали наиболее скромное по сравнению с другими династиями содержание, причем военные чиновники обычно жили лучше гражданских — главным образом потому, что им довольно легко давался титул знатности *цзюэ*, который мог увеличить их доход до 5000 даней в год.

В Цин выплаты членам императорской фамилии не были определены и производились по усмотрению императора. Для остальной знати (в основном «знаменных» войск, но и некоторых гражданских чиновников) практиковались выдачи зерном и деньгами (исчисляемые соответственно в данях и таэлях в год). Все гражданские чиновники получали денежное жалованье (в таэлях в год), а столичным полагалось также зерно (в данях в год), впоследствии замененное дополнительным денежным жалованьем. Столичные чиновники получали также особые «милостивые» *энь* выплаты (в таэлях в год по рангу). Провинциальные чиновники не получали ни зернового содержания, ни *энь*. Зато их жалованье дополнялось специальными выдачами для предотвращения коррупции («выдачи для укрепления честности»), которые зависели не только от ранга, но и от места службы и тяжести обязанностей чиновника; величина их точно не была определена, и размер выдачи генерал-губернатору превосходил выдачу начальнику уезда в 50 раз (см. табл. 44–45[318]). Существовали также добавки на административные и прочие

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

расходы, так что иногда общий доход почти в 20 раз превосходил официальное жалованье. По некоторым подсчетам, официальное жалованье составляло только 1% всех доходов чиновника, выплаты «за честность» — 5%, на административные расходы — 1%, а остальные 93% складывались из нелегальных доходов[319]. Выплаты на административные расходы достигали в столице 111 тыс. таэлей (в т.ч. не более 50 тыс. китайцам), в провинции их получал 1701 ключевой чиновник (большинство по 100 таэлей в год). Однако экстраординарные доходы чиновников намного превосходили все виды жалованья: для 23 тыс. чиновников они составляли в среднем 5 тыс. таэлей (см. также табл. 46–48[320]).

В Японии жалованье было не ежемесячным, а сезонным (весенне-летнее и осенне-зимнее, выдававшееся во второй декаде 2-го и 8-го месяцев) и выплачивалось предметами, поступавшими в казну в виде налогов: шелком, ватой, холстом и мотыгами (или железными слитками). Чины 4–5-го рангов получали еще и дополнительное жалованье шелком, ватой и холстом (превышающее основное) как бы в компенсацию за кормовые наделы, которые полагались только лицам 1–3-го рангов[321]. В Корее чиновники получали жалованье зерном в эпоху расцвета Силла с 689 по 757 г. В период Корё оно было введено в 1076 г. дополнительно к служебным наделам (некоторое время в XI–XII вв. жалованье выдавалось и железными монетами, но они не прижились). В период династии Ли оно также выдавалось (4 раза в год) зерном и тканями наряду с наделами, а с 1556 г. жалованье зерном стало единственным средством оплаты. Во Вьетнаме часть высших чиновников (столичные судьи) уже в середине XI в. пытались перевести на зарплату (верховным судьям ежемесячно полагалось 50 куанов (по 600 монет) денег, 200 снопов риса и немного соли и рыбы, обычным — 20 и 100 соответственно), с XV в. чиновники получали в добавление к земельному наделу некоторое количество денег, а при династии Нгуенов в 1818 г. все чиновники получали только ежемесячное денежное и продовольственное содержание, хотя его размеры, как и в XVII–XVIII вв., были невелики, а с 1839 г. — только денежное. Обладатели титулов знатности до *ба* включительно с XV в. имели также *аоты* — право получения дохода (60–30 куанов) с рыбных прудов и *хамзиемхо* — право сбора налогов (60–40 куанов) с семей, занимающихся солеварением и рыбным промыслом, а также могли иметь от 120 до 70 слуг[322].

В древности же преобладал принцип не жалованья, а кормления: с IX–VIII вв. до н.э. и до Цинь чиновники существовали обычно за счет кормлений, т.е. сбора в свою пользу налога (или его части) с определенных общин и территорий. В Хань правом на кормление (по 200 медных монет с каждого из закрепленных за ними двора ежегодно) пользовались *гуны* и *хоу*, причем для этой цели было отдано около трети территории страны. Но чиновникам в Хань уже

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

выплачивалось жалованье (частью зерном, частью монетами; например, в 106 г. н.э. 1000-й чиновник в месяц получал 4000 монет и 12 даней зерна), продержавшееся до конца III в., когда было заменено земельными наделами. В Северном Вэй местные правители могли брать себе любую часть налога, но по реформе 484 г. все налоги сдавались в казну, а чиновникам стали выплачивать жалованье[323]. В Тайпинском государстве местные чиновники *сянгуани* также кормились дополнительными сборами с населения, в частности за счет пожертвований на казенные расходы[324]. Кроме того, чиновники получали регулярные подарки от казны. Еще в Хань император жаловал им золото, лошадей, земли или рабов; почти все чиновники вкладывали деньги в землю[325].

Земельные пожалования в классический период (Суй, Тан, Сун), а также в Цзинь были представлены так называемыми служебными землями — «должностными полями» *чжитянь* (прежние «общественные поля») и имели чисто символический или вспомогательный характер. В Тан доход с них являл собой государственную ренту в виде годового дохода с сельскохозяйственных угодий, специально выделенных для этой цели — от 12 цин (1 цин = ок. 6 га) до 2,5 цин для столичных чиновников. Но фактически доход платился в фиксированной ставке зерном в му (1 цин = 100 му) 2 раза в год — осенью и зимой[326]. В Сун доход с земель теоретически платился в зерне по ежегодному списку. В Сун и Юань доход с *чжитянь* (установлен в 1266 г. для провинциальных чиновников) служил компенсацией провинциальным чиновникам вместо дополнительной платы за обязанности (Сун) или ежемесячных выплат зерном (Юань), получаемых столичными чиновниками. В Юань размеры *чжитянь* составляли 1–16 цин на Севере и 1–8 на Юге, число дворов арендаторов на них колебалось от 20–50 до 500–700[327]. Уже в Сун значение земельных пожалований упало, минский Тай-цзу пытался возродить систему служебных земель, но вскоре отказался от своего намерения[328].

Зато в ранние периоды служебные земли имели иногда первостепенное, если не главное значение. С конца III в. жалованье было заменено земельными участками; они обрабатывались арендаторами, арендная плата с которых и компенсировала жалованье. Эти земли освобождались от налогов и повинностей. Участки составляли от 50 (1-й ранг) до 10 (9-й ранг) цин, и на них можно было содержать от 53 до 2 дворов освобожденных от налогообложения работников. В Северном Вэй и Северном Ци чиновникам выделялись для этой цели «общественные поля». В Северном Вэй, в частности, каждому рангу (как и наследственному титулу знатности) соответствовал размер надела и определенное число слуг. «Общественные поля» отбирались при освобождении от должности, и их запрещалось продавать[329]. Система «земельного» жалованья была отменена в середине VIII в. вместе с надельной системой[330].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Однако земельные пожалования и в классический период не ограничивались служебными землями. Уже в Северном Ци и Суй титулованная знать и чиновники имели помимо служебных «поля вечного занятия». В Тан эти поля (площадью 60–5 цин) закреплялись за чиновниками 1–5-го рангов, причем передавались по наследству и могли быть отобраны только в случае «потери имени». Если служебные земли обрабатывались общинниками, то эти земли — лично зависимыми (в Северном Ци они давались по числу рабов). В Западном Цзинь вопрос с наследственными землями титулованной знати не вполне ясен, но у чиновников имелись и те и другие. В Сун в XI в. семьям служилых людей (не платящим налоги) принадлежало более половины всех пахотных земель[331].

В Японии кормовые наделы (налогооблагаемые крестьянские дворы) для высших чиновников были введены в 646 г.[332]. В дальнейшем наделы полагались только принцам (800–600–400–300 дворов), высшим сановникам (3000–2000–800; при уходе в отставку половина отбиралась) и другим лицам 1–3-го рангов (300–260–200–170–130–100). Кроме того, лица 1–5-го рангов могли получить такие наделы за заслуги, причем при «великих» заслугах половина наследовалась потомками трех поколений, при «больших» — треть потомками двух поколений, при «средних» — четверть старшим сыном, при «малых» заслугах надел не наследовался[333]. В Силла служебные наделы *ногып* были впервые введены в 687 г., в 689 г. заменены зерновым жалованьем и восстановлены в 757 г.[334]. В период Корё служебные наделы *ёкпунджон* были введены в 940 г., но не получили широкого распространения. В 976 г. они были учреждены под названием *чонсиква* и первоначально раздавались по весьма сложной системе, включающей 79 категорий, а затем — в соответствии с системой 9 рангов (18 степеней). Такой надел предоставлялся пожизненно, он сохранялся и после отставки (лица, имеющие титул знатности, получали также кормовые округа *сигып* — см. выше). Существовали также наградные земли для высших чиновников *конымджонси* (20–50 кёль), передаваемые по наследству. В 1391 г. по новому закону служебные наделы получили наименование *кваджон*; они, как и в Корё, предоставлялись в пределах столичной провинции, и право на них получили все проживающие в столице чиновники, в т.ч. отставники (разрешалось также оставлять наделы вдовам и детям чиновников). В 1466 г. *кваджон* были заменены наделами *чикчон*, полагавшимися только чиновникам действительной службы, причем с 1470 г. налог с них собирался непосредственно государством с последующей передачей собранного зерна владельцу, а в 1556 г. служебные наделы были отменены и никогда более не возрождались.

Во Вьетнаме при династии Ли и ранее земельные наделы были единственной формой жалованья чиновников, но имелось в виду право сбора налогов с определенного количества дворов в управ-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ляемом районе; лишь немногие высшие чиновники и обладатели титулов знатности имели собственно землю. При династии Чан чиновники по-прежнему получали служебные наделы *бонглок* — участки низкооблагаемых земель на полях какой-нибудь общины. Так что до начала XV в. основной формой землевладения были безусловные частные земли титулованной знати *чангдиены* и условные наделы *локдиены*, дающие право сбора налога с этих земель вне непосредственной юрисдикции их владельца. В начале XV в. большинство *чангдиенов* отошло государству, которое перераспределило их частью в *тыдиены* (наследственные владения крупных военачальников), а частью в *кундиены* (условные владения средних военных чиновников), отличавшиеся от *локдиенов* тем, что владельцам предоставлялось не право сбора налогов, а реальная земля и к тому же в пределах общин, к которым принадлежали и сами владельцы. Со второй половины XV в. *локдиены* (*тыдиены*) стали особой привилегией: с 1477 г. на них имели право только члены правящего рода и чиновники 1–4-го рангов. Некоторая часть их отдавалась навечно, а не возвращалась спустя 3 года после смерти владельца (например, принц крови имел право сохранить 610 мау из 2090, чиновник 1-го ранга — 18 из 218). Существовали следующие виды земельных пожалований: *тхенгиендиены* — наследственные владения обладателей титулов знатности до *ба* включительно, *тыдиены* — служебные наделы чиновникам до 4-го ранга включительно (при отставке надел уменьшался вдвое, а через 3 года возвращался в казну), *тхочать* — участки в столице под жилье всем чиновникам (при отставке возвращались), *ао* — приусадебные (сад и пруд) участки в столице обладателей всех титулов знатности, *тедиены* — поминальные пожалования на отправление культа по умершим чиновникам до 4-го ранга включительно (поступали в распоряжение главы рода), *конгбан* — общинные земли, с которых чиновники до 2-го ранга включительно имели право сбора налога, а чиновники 3–9-го рангов — определенное количество земельных паев. В XVII–XVIII вв. самым распространенным видом служебных держаний стали *тьелок* военных чиновников. При Нгуенах земельные держания чиновников были исключены, даже вопрос о небольших участках под дома, если чиновник не имел частной земли, становился предметом обсуждения[335].

Земельные пожалования чиновникам в принципе находятся в противоречии с идеологией бюрократической системы, поскольку превращают или, во всяком случае, создают возможность для превращения чиновника в собственника и утери полной его зависимости от государства. Поэтому они являются нормой для того слоя, за которым и без того как бы признаются особые права на некоторую независимость, — для членов правящего клана (вплоть до выделения им уделов) и обладателей титулов знатности, но для оплаты массы обычных чиновников могут использоваться в этой системе

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лишь в отсутствие возможности (по разным причинам, например, неразвитости денежного обращения) оплаты денежно-натуральной. Поэтому для классического варианта традиционной дальневосточной системы они не характерны, а значительная роль земельных пожалований в структуре оплаты чиновников свидетельствует либо о неразвитости системы, либо о ее деградации, либо о крайне неблагоприятном положении государства (периоды смут, анархии и т.д.). В аристократических же обществах наделение землей служилого сословия всегда было правилом, а исключением является отсутствие таких пожалований или перенос тяжести на денежные выплаты (во всяком случае, последнее характерно лишь для сравнительно позднего времени — XVIII–XIX вв.). Земельные пожалования и владение чиновников землей характерны и для более примитивных оседлых обществ Юго-Восточной Азии. Но из них только в Сиаме практика земельных пожалований напоминала дальневосточную. Единственной формой частного землевладения там было землевладение наследственной аристократии — принцев крови, а основной формой были служебные пожалования чиновникам с правом сбора налога[336]. Чиновники получали наделы с крестьянами (которые несли в их пользу те же повинности, что несли бы в пользу государства) по 1 хозяйству на каждые из 25 своих *сактина*. После отставки чиновника крестьяне снова становились государственными. В постангкорском королевстве Камбоджа чиновники получали, как в Сиаме, должностные наделы или жалованье из казны[337]. В Пагане частные владения помимо правящего рода имели некоторые влиятельные роды и даже купцы, а чиновники стремились превратить в них свои кормления, что в смутные периоды иногда удавалось[338]. В государстве Конбаунов чиновники, помимо владения землей, имели право на часть налогов и различных сборов, собираемых в управляемых ими регионах[339]. Земля могла жаловаться чиновникам и в Маджапахите: получивший «симу» получал освобождение от налогов и право на почетный титул[340].

Разница между высшим и низшим окладом обычно в классический период была очень велика — высший превосходил низший в 100 раз и более, однако такой разрыв достигался за счет исключительно больших окладов нескольких самых высших чиновников (подобно тому как в Хань Три Князя (1-й ранг) получали 10 000, а остальные — от 2000 до 100 (20-й ранг) даней зерна в год). Реально же получаемое жалованье составляло от 4200 до 192 даней в год, субчиновники получали 1,2 даня в день (годовой доход крестьянина со 100 му составлял 150 даней)[341]. В первое десятилетие Тан столичные чиновники получали 700—10 даней зерна в год, в 736 г. денежное содержание составляло 31 000 — 1900 монет в месяц. В Сун денежное жалованье составляло 400 000 (после 1080 г. — 300 000) — 300 монет в месяц, а зерновое содержание — от 200 до 1 даня в месяц. В Цзинь чиновники получали в месяц 300-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

10 связок монет, канцеляристы — 17–3, императрица — 20 000, наложница — 5000, придворные дамы — 800–250. Оплата натурой чиновника 1-го ранга превосходила оплату чиновника 9-го ранга в 100 и более раз (400–2 штук шелка, 1000–10 лянов ваты)[342].

В более поздние эпохи разрыв обычно был не более чем 20-кратный, и даже менее чем 10-кратный. В Юань денежное жалованье составляло 300–35 лян серебра, или 166–10 связок монет в месяц, а зерновые выдачи — 15–1 доу в месяц; получавшие свыше 25 лян получали 1 шэн риса на каждый лян жалованья, 10–25 лян — 1 ши, менее 10 лян — 1 доу. С 1285 г. по шкале жалованья в динах разрыв был 17-кратный (см. табл. 49[343]). В Мин жалованье составляло 1044–60 даней в год. В Цин представители знати получали 700–45 таэлей и 350–22,5 даня зерна в год, гражданские чиновники — 180–31 таэль в год, зерновые выплаты столичным чиновникам составляли 90–15,75 даней (или 90–15 таэлей) в год (см. также табл. 44–48), а выплаты *энь* — 540–46 таэлей в год, общая сумма реальных доходов — 810–92 таэля[344]. В Японии разница в окладах составляла: по шелку и вате — 30–1, по холсту — 100–2 куска, по мотыгам — 140–5 штук (см. табл. 50[345]). В Корее разница в натуральном жалованье составляла в периоды Корё и Ли от 460 до 8–10 сок зерна в год, в XII в. — от 600 до 4, с середины XV в. — от 97 до 12 сок зерна и от 21 до 2 пхиль тканей. Размеры служебных наделов колебались от 110 кёль пашни и столько же леса до 21 и 10 соответственно, с 1076 г. — от 100 кёль пашни и 50 леса до 17 кёль пашни (лесные участки для чинов 6–9-го рангов были отменены), с 1391 г. — от 150 до 10 кёль, с 1394 г. — от 150 до 5, с 1470 г. — от 110 до 10 (см. табл. 51[346]). Во Вьетнаме со 2-й половины XV в. высший оклад превосходил низший менее чем в 10 раз: оклад ранговых чиновников составлял от 82 до 14 куанов денег (см. табл. 52; неранжированные канцеляристы 4 категорий получали 12, 10, 8 и 6 куанов[347]); при Нгуенах с 1818 г. — превосходил примерно в 35 раз: от 600 куанов денег, 600 фыонгов риса и 70 куанов на одежду до 16, 16 и 4 соответственно[348].

Доходы вне службы. Помимо жалованья всех видов и иных доходов от службы чиновники (особенно в поздние эпохи) могли получать доходы как частные лица. В Цин, где чиновное сословие, с одной стороны, было сильнейшим образом размыто за счет широкой продажи степеней и должностей и образовался социальный слой неслужилых *шэньши*, а с другой стороны, сфера занятий, требующих образования, в XIX в. весьма расширилась, эта практика получила особенно широкое распространение. Доходы от различных видов внегосударственной профессиональной службы составляли 111 млн. таэлей в год (о масштабах этой деятельности см. табл. 53[349]). Одной из разновидностей частной службы была служба в качестве личных секретарей видных чиновников. Некоторые получали 300–400 таэлей в год, секретари губернаторов — до 1000–

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

1500. 1743 руководящих чиновника имели от 2–3 до 10 и более таких секретарей общим числом 12 200, получающих в среднем 250 таэлей, 192 высших провинциальных чиновника — от 14 до нескольких десятков секретарей — всего 4000 со средним доходом 1500 таэлей. Частным преподаванием занималось 577 560 чел. (40% *шэньши*) — примерно по 400 на каждый из 1500 уездов. Они имели в среднем по 3–4 ученика и зарабатывали по 100 таэлей, т.е. всего 61 575 000. Учитель частной школы получал 350 таэлей и около 100 таэлей от ученика. Стипендии 37 тыс. студентам составляли 120 тыс. таэлей, около 200 тыс. учащимся частных школ — 2 362 500 таэлей, занятия медициной и другими профессиями приносили до 1 млн. таэлей, доходы от земельной ренты — 220 млн., от торговли и предпринимательства — 113,6 млн. Таким образом, с учетом доходов от всех видов службы (311 625 тыс. таэлей, в т.ч. от государственной 121 млн.) *шэньши* получали 645 225 тыс. таэлей. Ежегодный их доход составлял 24% валового национального продукта (в т.ч. 13% — в сельском хозяйстве, 38 — в предпринимательстве, 18 — в домовладении, 74 — в правительственной службе, 79% —в профессиональных занятиях). Доходы их составляли в среднем 90 таэлей на душу против 5,7 на простолюдина-общинника. Доля валового национального продукта, находящаяся в распоряжении последних, составляла 4,5 таэля на душу против 79,7 для *шэньши*[350]. Во Вьетнаме уже в XVII–XVIII вв. основным источником доходов чиновников было не жалованье, а частные земельные владения рода, которые на период службы освобождались от налогов. Кроме того, значительную часть дохода составляли взятки, сбор штрафов, вымогательства и судебные пошлины с жалобщиков и ответчиков, которые открыто признавались государством: размеры пенсионного кормления в несколько раз превосходили служебные[351].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ГЛАВА III

ЧИНОВНИЧЕСТВО КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЛОЙ

1. Внутренняя структура. Социально-профессиональные группы

В соответствии со структурой государственного аппарата чиновничество традиционной дальневосточной системы делилось на ряд категорий, или больших групп, как «по горизонтали», так и по «вертикали». Под первым делением имеются в виду основные функциональные отряды чиновничества, каковых всегда насчитывалось три: 1) столичное гражданское (персонал центрального аппарата государственного управления), включая придворное (поскольку общегосударственное и собственно дворцовое управление в ряде случаев не были четко разграничены; в любом случае их персонал, за исключением таких специфических групп, как евнухи и женщины, статусно не отличался друг от друга); 2) военное; 3) провинциальное гражданское.

Столичное чиновничество в традиционной дальневосточной системе всегда представляло собой основную, наиболее важную, квалифицированную и престижную часть чиновничества. Для дальневосточной системы с ее исключительной и сакрализованной ролью монарха и доведенным до крайних пределов культом централизма было характерно представление о стране как о гипертрофированной столице, а о столице — как гипертрофированном дворе правителя. (Двор по отношению к столице и столица по отношению к остальной территории рассматривались и именовались как «внутреннее» и «внешнее».) Поэтому все лучшее, что обнаруживалось в чиновной среде, рано или поздно находило себе применение в основных столичных ведомствах. Военное чиновничество обладало своей спецификой, связанной как с характером службы, так и с несколько приниженным статусом (см. ниже). Комплектование его, хотя и основывалось в общем на тех же принципах и шло теми же путями, могло существенно отличаться от комплектования гражданского аппарата по соотношению лиц, поступивших на службу тем или иным из этих путей (прежде всего, существенно меньшей ролью экзаменационного). Провинциальное чиновничество, отличаясь, естественно, от столичного и структурно и функционально, пред-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ставляло собой в некотором роде и статусно иную категорию, низшую по сравнению со столичным (хотя в том, что касается рангового чиновничества, никакой принципиальной грани между ними не было, поскольку все исполнительные чиновники до начальника уезда включительно назначались непосредственно из столицы, а обратившие на себя внимание провинциальные чиновники переводились в столицу).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в китайских государствах численное соотношение между столичным (в т.ч. дворцовым) и провинциальным чиновничеством (без учета военного) совершенно иное по сравнению с Кореей, Вьетнамом и Японией. В Китае провинциальное чиновничество в несколько раз превосходит столичное (например, в Юань — в 7,7 раза, в Цин — в 5 раз), а в этих странах, напротив, большую часть чиновничества составляет обычно столичное чиновничество (в Японии столичное по численности в 1,2 раза больше провинциального, во Вьетнаме — в 1,1 раза, в Корее: в Силла — в 2,3 раза, в Корё — в 1,3 раза, и только в период династии Ли их примерно поровну). Это было закономерным следствием того, что территориальная администрация была в этих странах в силу много меньшей территории гораздо меньше, тогда как численность центрального и придворного аппарата, копировавшегося с китайского, была вполне сопоставимой с последним, как правило, лишь незначительно уступая ему.

«По вертикали» чиновничество (ранговое) также четко делилось на три группы: высшее, среднее и низшее, обладавшие разным статусом и правами. При обычной для традиционной дальневосточной системы 9-ранговой структуре принципиальными границами этих групп были каждые три ранга. Высшее чиновничество включало лиц 1–3-го рангов, среднее — 4–6-го и низшее — 7–9-го рангов. Лица 1–3-го рангов занимали особое положение: аттестовывались лично императором, обладали правом «тени» и т.д. (в Юань доля чиновников высших 1–3-го рангов была необычно высока за счет существования огромного числа мелких учреждений в столице[352]). Группа обладателей 4–6-го рангов составляла основной костяк чиновничества (иногда это и численно была наиболее крупная группа рангового чиновничества), на котором держалось дело государственного управления; она включала, в частности, почти всех руководителей территориальной администрации (начальник уезда низшей категории имел обычно 6-й ранг). Однако в ряде аспектов правовая грань пролегала между чиновниками 1–5-го рангов и всеми остальными (см. гл. IV). Кроме того, в правовом отношении чиновники в Китае делились также на 4 категории: 1) начальники *чжангуань*, 2) заместители *тунбаньгуань*, 3) исполнители *баньгуань* и 4) клерки *чжудянь*. Принадлежность к той или иной категории играла главную роль в вопросах привлечения к ответственности, поскольку кодексы указывали меру наказания именно в соответствии с ними[353].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В сопредельных странах, однако, границы между группами чиновничества могли несколько отличаться. В частности, в Силла и Японии — странах с неизжитой аристократической традицией, первые 5 рангов особо выделялись потому, что там обладание ими было связано с принадлежностью к аристократическому слою (в одном случае лица, не принадлежащие к аристократии, и не могли их получить, во втором — их получение вводило человека в эту обособленную группу). В Силла 5 высших рангов противопоставлялись остальным 12, в Японии (где бытовала классическая 9-ранговая система) правовые границы трех групп проходили между 1–5, 6–8 и 9-м (он именовался «начальным») рангами. При этом чиновники 1–3-го рангов именовались *ки* («благородные») и отличались особыми правами, 4–5-го рангов — *цуки* («достигшие благородства»), 6–8-го — *хицуки* («не принадлежащие к благородным»), а чиновники 9-го ранга рассматривались как не вполне полноценные ранговые чиновники (это было связано с традиционной для Японии восьмеричной системой: императорская восьмерка, 8 кабанэ и т.д.)[354]. В Силла по высоте ранга (точнее, среднего ранга, предусмотренного для данной должности) все должности распадаются на 7 групп: 1) со средним рангом выше 5-го; 2) 7,5–8,5; 3) 9–11,5; 4) 12; 5) 12,5; 6) 14,5; 7) неранговые. Эти группы, в свою очередь, по функциональному признаку составляют 5 категорий (которые можно вычленить и для периода Корё): I (1-я группа) — высший руководящий состав, начальники крупных ведомств; II (2-я и 3-я группы) — средний руководящий состав, начальники средних учреждений и подразделений крупных ведомств; III (4-я и 5-я группы) — младший руководящий состав, начальники мелких учреждений и средний персонал крупных ведомств; IV (6-я группа) — исполнительско-делопроизводственный персонал и V — младший обслуживающий персонал (см. табл. 54 и 55). В период династии Ли граница высшего чиновничества (*тансангван*) проходила между высшей и низшей степенями старшего класса 3-го ранга (3-й ранг был поэтому единственным, старший класс которого делился еще и на две степени). Среднее чиновничество (по 6-й ранг включительно) делилось еще на две группы: обладатели 3-го (кроме высшей степени старшего класса) и 4-го рангов именовались *танхагван*, а 5-го и 6-го — *чхамсангван*. Низшее чиновничество 7–9-го рангов именовалось *чхамхагван*.

В государствах, не принадлежащих к традиционной дальневосточной системе, иерархия чиновников была гораздо более примитивной. В частности, в Маджапахите высшая группа чиновничества охватывалась лицами, носившими должностной титул *ракриан* (3 высших министра, 5 старших министров — главный советник, управляющий царской резиденции и 3 главы центральных ведомств, 12 советников наместников вассальных областей, 5 губернаторов провинций и 2 главы полицейского аппарата). Остальные чиновники

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

имели должностной титул *ария*, а судебные чиновники были представлены индуистскими и буддийскими священниками (2 высших плюс 5–7 помощников)[355].

В Японии существовало различие между регулярными чиновниками (обычными, ежедневно посещающими службу) и нерегулярными *бумбан* (нерегулярно посещающими ее). К последним относились внутридворцовые стражи, писцы, канцеляристы, кандидаты на должность, сдавшие экзамены, но еще не назначенные на должность[356]. Ниже рангового чиновничества в традиционной дальневосточной системе стоял слой субчиновников-канцеляристов (*ли* или *сюйли*), который существовал по крайней мере со времен Суй и наличие которого было характернейшей чертой этой системы. Причем ранговое чиновничество практически всегда составляло лишь сравнительно небольшую часть всего чиновничества.

Канцеляристы образовывали специфический слой субчиновников. Это была категория людей, выполнявших простейшие функции обслуживания делопроизводства, а также вспомогательные исполнительские (младший обслуживающий персонал). Они не имели общегосударственных рангов, но занимали штатные должности в центральных и местных учреждениях и могли при определенных обстоятельствах переходить в состав рангового чиновничества. Такая категория государственных служащих является непременной принадлежностью всякого сколько-нибудь развитого государственного аппарата и хорошо известна в Европе XVIII–XIX вв. В России, в частности, среди них существовала внутренняя иерархия (копиист, подканцелярист, канцелярист) и все поступавшие на службу обязаны были начинать ее именно с этих должностей, пребывая в качестве канцеляристов в зависимости от образования и происхождения от 1 до 12 лет[357]. Так и на Дальнем Востоке канцеляристы рассматривались как кандидаты в чиновники. В силу этих обстоятельств штатные канцеляристы принципиально отличались от так называемых «личных слуг», во множестве обретавшихся при местных начальниках и не имевших никаких прав.

Первоначально, в Хань, писцы, счетоводы и прочие мелкие чиновники-канцеляристы не выделялись в отдельную группу, но в 32 г. до н.э. при сокращении числа рангов были исключены из состава рангового чиновничества и в дальнейшем в него никогда не входили. В поздние времена после 9 лет службы им иногда могли присваиваться низшие ранги[358]. В Цзинь число субчиновников-чжурчжэней определялось штатом, а субчиновников-китайцев колебалось в зависимости от числа дворов в провинции (в целом последних было 653 против 200 чжурчжэней)[359]. Доля канцеляристов от эпохи к эпохе росла. В Цин их состав комплектовался назначением, специальными экзаменами или продажей должности. На местах проводились специальные экзамены, лауреаты которых делились на 5 классов и назначались на безранговые должности. Срок назначе-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ния обычно составлял 5 лет (после этого можно было выслужить низший ранг) либо был пожизненным или даже наследственным (в этих случаях вопрос о продолжении службы или смещении решался экзаменом). В столице насчитывалось около 1400 субчиновников, в провинциях — от 300 до 2000 (обычно более 1000 и в немногих более 1500)[360]. За нарушение 5-летнего срока начальник уезда мог быть смещен. В ямынях канцеляристы получали 10–12 таэлей (в середине XVII в. —4–6)[361]. В аппарате уездов штат предусматривал от нескольких до 30 чел. Но кроме них имелось много нештатных — в количестве, разрешенном губернатором для каждого уезда, но часто превышавшемся. Общее число канцеляристов в уездном аппарате (штатных, нештатных и номинально числившихся ради почета) составляло в первой половине XVII в. более 1000 чел., по другим сведениям — 1000 в больших уездах, 700–800 — в средних и 100–200 чел. — в малых уездах, в 60-х годах XIX в. 2–3 тыс. — в больших и 300–400 — в малых. После указа 1826 г. об ограничении их числа в уездах и областях до 80 только в провинции Чжили было изгнано более 23 900 канцеляристов и младшего обслуживающего персонала. Все канцеляристы делились на 6 групп в соответствии с министерскими отраслями, кроме них были канцеляристы специального назначения (почтовой службы и др., всего 10 типов).

Кроме канцеляристов имелось еще 3 вида мелких служащих.

1. Правительственные служащие *яи*, т.е. младший обслуживающий персонал, квота для которых в *сянь* и *чжоу* полагалась в 100–200 чел., но обычно в малых *сянь* и *чжоу* составляла несколько сот, а в больших доходила до 1000 и более, иногда до 7000. Они делились на 4 группы: *цзаобань* — чернорубашечные стражники, *куайбань* — конюхи и посыльные, *миньчжуан* — способные общинники, служащие в местном ямыне, *бубань* — полицейские.

2. Личные слуги начальника уезда *чансуй* официально не состояли на государственной службе, но лишь немногие были заняты домашней работой, большинство занималось официальными бумагами. Их было 10–20 чел. в ямыне разных типов — привратники, смотрители складов, почтальоны и т.п. В 1702 г. для начальника уезда впервые была установлена квота на них: 20 чел. для него и 10 для его помощника.

3. Частные секретари *мую, мубин, шие* — эксперты, нанимаемые чиновниками по контракту. Они не состояли на государственной службе и не получали жалованья от правительства, делились на несколько групп по специальностям: юристы, бухгалтеры, секретари по переписке, по налогам и т.д., а набирались из образованных людей. Некоторые были ранее чиновниками, канцеляристами, студентами, но большинство — обладателями низшей ученой степени[362].

В Японии ниже ранговых чиновников стояли канцеляристы *сибу*: переписчики, надзиратели, служки, сторожа, кладовщики, работники и некоторое число штатных ремесленников. Их численность

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(4418 — в столице и 259 — в провинциях) более чем в 4 раза превышала число ранговых чиновников. Любопытно, что в канцеляристы могли быть зачислены *санви* — имеющие ранг, но неслужащие дети аристократов (в законе о военной службе уточняется, что речь идет о старших сыновьях чиновников 6–8-го рангов, достигших 21 года, негодных к военной службе и получивших на экзаменах самые низкие оценки)[363]. В Корее нерангированные чиновники существовали уже в Силла, там это был в основном младший обслуживающий персонал — служки, работники, служанки и некоторые казенные ремесленники, — всего до 20 различных должностей. В центральном аппарате их было 304 чел., т.е. 22,9%, или 5,4% от всего количества чиновников (среди военных их не было). Но в период Корё субчиновники *рисок* выполняли в основном канцелярские функции, их численность возросла до 1,5 тыс. (известно 56 разновидностей их должностей), и они составляли 64% в центральном гражданском и 51,4% в военном аппарате[364]. В период династии Ли в XV в. их занятие стало потомственным и субчиновники *сори* (различались столичные — *кёнаджон* и провинциальные — *хянни*) превратились в особое сословие (см. гл. IV). Они освобождались от воинской повинности, а при отличии в выявлении неплательщиков могли освобождаться и от налогов (за каждого — на 3 года, более 10 — пожизненно, более 20 — и их дети). Дети *сори*, собиравшиеся наследовать родителям, должны были окончить местную школу, сдав несложные выпускные экзамены по письму, арифметике и праву[365]. Во Вьетнаме субчиновники-канцеляристы, составлявшие основную массу чиновничества, назывались *лай* и *зить*. В провинции они обладали частными землями и многими (часто неофициальными) льготами по сравнению с крестьянской массой. При Нгуенах с 1818 г. выдвижение на должности канцеляристов значительно упростилось, упор стал делаться не на беспорочное исполнение обязанностей в течение 3 лет их нахождения вне штата, а на талант и способности, и было разрешено игнорировать старые запреты на прием на службу некоторых категорий населения[366].

Сходный с субчиновниками статус в ряде случаев могли иметь **привилегированные солдаты**. В Цин выделялась группа «знаменных», составлявшая чуть более 0,5% населения, т.е. 334 251 чел., в т.ч. 198 562 чел. в Пекине и в окрестностях столицы[367]. В Японии привилегированными воинами были телохранители, дворцовые стражи *тонэри* и солдаты дворцовой гвардии (набиравшиеся из кланов с аристократическими титулами *кабанэ* и имевшие право вступать в ряды рангового чиновничества). Во Вьетнаме в XVI–XVIII вв. равным с субчиновниками статусом обладали солдаты привилегированных войск, набранных на родине правителей (Нгеан и Тханьхоа)[368].

Лица общинного самоуправления также в какой-то мере представляли социальную группу, сходную по значению и положению с субчиновничеством. Они существовали с глубокой древности

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(в период Чжаньго *саньлао, фулао, личжэн* были не чиновниками, а лицами общинного самоуправления[369]), однако, в отличие от субчиновников и солдат привилегированных войск, деревенские старосты в меньшей степени походили на регулярную служилую группу и стояли гораздо ближе к массе крестьян-общинников. Среди стран региона наибольшее значение они имели, по-видимому, во Вьетнаме, представлявшем собой ярко выраженное «деревенское общество». В этом смысле он стоял ближе всего к государственно-патриархальным странам Юго-Восточной Азии, где общинная верхушка была очень тесно связана с местным чиновничеством, иногда составляя с ним одно целое.

Особенности статуса военных и гражданских чиновников. Общеизвестно, что в Китае, во всяком случае по понятиям китайской политической культуры, гражданская служба традиционно считалась почетнее военной. Более того, на армию смотрели как на неизбежное зло. Поставленная обычно в подчинение высшему гражданскому руководству, она была, скорее, частью бюрократического аппарата, чем равноправным, наряду с ним, государственным институтом, причем частью второстепенной. Эта черта, однако, была свойственна прежде всего собственно китайской государственности, а как типическая черта традиционной дальневосточной системы проявлялась по большей части лишь формально. Действительно, только в самом Китае она имела объективные причины. Китай в дальневосточном регионе выступал издревле не как «первый среди равных» государств, но как единственное «полноценное» государство, окруженное варварской периферией, и не имел, подобно Римской империи в Средиземноморье, на протяжении почти всей своей истории сопоставимого по силе соперника, во всяком случае такого, который мог угрожать самому существованию китайской государственности (весьма характерно, что даже в периоды упадка, когда Китай завоевывался кочевниками, последние сами превращались в «Китай», продолжая традицию существования китайских империй). Поскольку китайская традиция исходила из идеи «единственности» своего государства, основная государственная задача всегда осмысливалась ею как задача внутреннего устроения и управления огромной территорией, а не как внешняя экспансия (Китай уже в древности достиг практически предельных для него границ). Поэтому, хотя военные столкновения вдоль границ были достаточно частым явлением, нельзя сказать, чтобы китайское государство «жило» этим, как жили войной его кочевые соседи. В этих условиях приоритет гражданской службы вполне объясним. Разумеется, и в собственно китайской истории в разное время были периоды, когда реальная власть находилась в руках военных, но это имело место или во время смут, или сразу после них; как только новая династия укреплялась, принципы китайской государственности вновь брали свое.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В разные эпохи степень обособленности военных и гражданских чиновников и количественное соотношение между ними в аппарате государственного управления различались. В первые годы Хань большинство вновь назначенных чиновников были военные[370]. В Тан гражданские чиновники, за некоторым исключением, не назначались на военные должности и наоборот[371]. Если в период Пяти династий гражданские чиновники составляли менее трети всего чиновничества, то в Сун — более 80%[372]. В Тан гражданские и военные чиновники наказывались одинаково, при Сун было декларировано (не отразившееся на практике) преимущество гражданских, в Мин гражданских наказывали суровее, чем военных[373]. Вообще в Сун, несмотря на ярко выраженный гражданский характер правления, офицеры и гражданские чиновники не различались существенно в статусе, назначения офицеров подчинялись общим правилам, военные и гражданские должности были перемешаны в «протокольном листе», и переход из военных в гражданские и наоборот был (по соответствию ранга) вполне обычным явлением[374]. В Цин право доклада императору имели гражданские чиновники с 3-го ранга, а военные — только со 2-го, генерал-губернаторы и губернаторы провинций (2-й ранг) были по статусу выше командующего войсками провинции (1-й ранг), при переходе на гражданскую службу военные теряли в ранге[375].

Следует отметить, что взаимоотношения военных и гражданских чиновников были именно той сферой, где отличие сопредельных стран от собственно Китая проявлялось особенно сильно и имело практически всеобщий характер. И Ляо, и Цзинь, и Си Ся возникли как военно-кочевые государства, для которых война была практически постоянным и самым главным обстоятельством существования. Никакой другой знати, кроме военной, в них никогда не существовало. Поэтому, даже усвоив китайскую модель государственного устройства с соответствующей структурой государственного аппарата, предполагающей подчиненное положение армии и военных, они никогда на практике не следовали этому принципу, тем более что реальная власть в этих государствах была сосредоточена в руках соответствующей этнической знати, имевшей военное происхождение. Поэтому дискриминация армии и военных не могла получить там сколько-нибудь полное развитие. Любопытно, однако, что в Цзинь, где существовали *мэньань* (= 10 *моукэ*) и *моукэ* (в среднем 300 дворов) как племенные единицы (в которые объединялись собственно чжурчжэни) и как войсковые подразделения приблизительно в 1000 и 100 чел., положение глав этих единиц и командиров соответствующих отрядов существенно различалось, причем если жалованье командиров отрядов *мэньань* в 2–4 раза превосходило таковое главы *мэньань*, а *моукэ* в 2–5 раз, то зато глава *мэньань* имел 4-й ранг, а командир отряда *мэньань* получал самый низший ранг 9б только после 20 лет службы. Следствием этого было то

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

обстоятельство, что многие командиры кадровых частей вообще не имели ранга, а остальные имели очень низкие (см. табл. 56[376]). Таким образом, здесь тот факт, что в понятиях принятой в Цзинь китайской системы, измеряемой рангом, военные находились в ущемленном положении, не влиял на их реальный статус в обществе и материальное положение.

В Корее несколько приниженное положение военных существовало уже в период Силла (до X в.): хотя военные составляли там 66,4% всего чиновничества, среди чиновников высшей (из пяти) категории их было только 45,7% (столичных гражданских — 39,1%, но они составляли только 23,5% всего чиновничества). Таким образом, доля гражданских чиновников в высшем эшелоне превышала их долю во всем чиновничестве на треть, а для военных этот показатель был, напротив, на треть ниже. Но в период Силла неравноправность военных не была столь заметной (в частности, неблагоприятное для них соотношение в высшем эшелоне власти компенсировалось их преобладанием во II категории) и в целом в двух высших категориях их было больше, чем гражданских (к ним относилось более трети — 34% всего военного чиновничества). Кроме того, в периоды, насыщенные войнами (до 70-х годов VII в.), их роль была более значительна (не говоря уже о периоде междоусобных войн периода Позднего Троецарствия). Главное же, что на уровне государственной традиции дискриминации военных тогда не существовало. В период Корё (несмотря на то что он в отличие от почти совершенно мирного периода конца VII — первой половины IX в. насыщен войнами) положение военных изменилось и приблизилось к китайской модели. Если в Силла военное министерство было отчасти «военизировано», отличаясь от прочих набором должностей, среди которых половина была военными, то в Корё это чисто гражданское ведомство, и высшее военное командование *Чунбан* подчинялось ему. Вместо 34% к двум высшим категориям принадлежало только 1,6% всех военных чиновников (против 11,1% гражданских), причем в первой их совсем не было, хотя военные составляли свыше трети всего чиновничества и их было намного больше, чем столичных гражданских (см. табл. 57 и 58).

Однако, говоря о военном чиновничестве, надо иметь в виду, что какой-то особой военной касты в Корее никогда не существовало, поэтому армия никогда не выступала как сплоченная сила, преследующая собственные корпоративные интересы. Не существовало даже вполне профессиональных военных. Изучение биографий чиновников Корё показывает, что многие из них неоднократно переходили с военной службы на гражданскую и наоборот (а в период Силла это явление было практически всеобщим). Безусловно, были люди, бóльшую часть жизни (или всю жизнь) проводившие на военной службе, были семьи, чаще поставлявшие военных, чем гражданских чиновников, и наоборот, но в целом резкой грани между

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

военными и гражданскими чиновниками не было. Поэтому, когда речь идет о дискриминации военных чиновников, их приниженности по сравнению с гражданскими, имеется в виду не приниженность одного социального слоя перед другим, а приниженность одного рода занятий перед другим, поскольку ни те, ни другие не являли собой отдельного социального слоя, а вместе составляли один, внутри которого могли свободно перемещаться. Характерно, что и события 1170 г., когда военные захватили власть и ряд лет ее удерживали, не привели ни к малейшим изменениям в смысле принципов иерархии государственной службы. Просто реальная власть при сохранении прежней системы сосредоточилась в *Чунбане*, поскольку пришедшие к власти люди опирались на тех, кого ближе знали. В данном случае речь шла не о борьбе военных и гражданских чиновников как носителей идеи превосходства соответствующего начала, а о соперничестве разных групп сановников, одна из которых на тот момент занимала военные посты[377].

Наибольшее несоответствие типичному для традиционной дальневосточной системы сравнительному положению военного и гражданского чиновничества характерно для Вьетнама XVI–XVIII вв. В XV в. оно не отличалось от обычного китайского и любой гражданский чиновник был выше военного того же ранга. Однако в течение периода правления военных группировок, продолжавшегося более двух с половиной столетий, когда власть императора была номинальной, ситуация изменилась на прямо противоположную. Более того, приниженность и бесправие гражданской администрации служили источником недовольства последней и породили тенденцию к взаимному недоверию между военными и гражданскими, выливавшемуся временами в открытую вражду (хотя в большинстве случаев ввиду подавляющего превосходства военных в силе она протекала в скрытых формах)[378]. Гражданская и военная организации не пересекались ни на организационном, ни практически на кадровом уровнях даже на высших ступенях иерархии. Роды гражданских и военных также не смешивались[379]. В XVI в. военные чиновники имели официально привилегированный статус, в XVII–XVIII вв. они в целом также неизменно занимают лидирующее положение в системе общественного престижа (см. табл. 59[380]). К XVIII в. между гражданским и военным чиновничеством был достигнут паритет и на высших ступенях иерархии грань между ними стала менее заметной; участились случаи перехода с одной службы на другую, официально разрешенного в 1722 г., хотя на верхних уровнях военный аппарат все еще был вдвое больше гражданского, и на низшем уровне военные также преобладали[381]. При этом во Вьетнаме, что очень важно и чрезвычайно показательно, военные и гражданские чиновники, в большей мере, чем где-либо, образовывали более или менее замкнутые сообщества: принадлежали к разным группам родов, комплектовались выходцами из разных провинций,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

поступали на службу разными путями и т.д. Например, среди генералитета армии Чиней в XVI в. количество уроженцев Нгеана не идет в сравнение с Тханьхоа, но среди лауреатов гражданских экзаменов Нгеан опережает Тханьхоа, а во владениях Маков число гражданских чиновников из второй по значимости провинции Киньбак превосходит главную для армии провинцию Хайзыонг[382]. Правда, военная каста, подобная японской, не сложилась и здесь, а с начала XVIII в. стал размываться и сформировавшийся за XV–XVII вв. слой профессиональных военных — они начали постепенно в значительной своей части включаться в гражданскую администрацию и могли отныне принимать участие в гражданских провинциальных конкурсах и получать гражданские посты. При Нгуенах (с 1802 г.) разделение между гражданской и военной администрацией потеряло четкость, слияние их проходило при преобладании военных и их методов управления. Однако с 20-х годов верховная власть при распределении должностей по рангам проводила дискриминационную политику по отношению к средним и младшим военным чиновникам (высшие, 1–3-го рангов, сохранили равенство с гражданскими)[383].

В Японии этой проблемы в VII–VIII вв. не существовало, поскольку отсутствовала постоянная армия, а чины дворцовой гвардии и охраны не выделялись из среды прочего чиновничества. Во время войны командиры отрядов и их помощники набирались из местных неслужащих лиц, имеющих ранги или награды, а младшие командиры (двухсотники и ниже) — из *сёдзин* — неранговых потомков знати, облагаемых налогом и несших воинскую повинность, но освобожденных от трудовой[384]. В дальнейшем же, когда страна выпала из традиционной дальневосточной системы, сформировалось особое военное сословие самураев, близкий аналог европейского дворянства.

В странах государственно-патриархального типа в силу примитивности их государственного аппарата разделения на гражданское и военное чиновничество иногда вовсе не существовало. Например, не было такого разграничения в Пагане[385], в государстве Конбаунов туджи также сочетали военные и гражданские функции, так что предпочтение той или иной службы не могло сложиться[386].

Зато различие в статусе гражданского и военного компонентов государственной службы представляет собой разительный контраст между традиционной дальневосточной и европейской цивилизациями. Важное отличие дальневосточных «бюрократических» деспотий от европейских «аристократических» монархий заключалось в том, что первые носили как бы «гражданский», а вторые — «военный» характер, и соответственно именно такой характер имело в целом служилое сословие этих стран. Военный элемент в дальневосточных странах на ранних этапах их формирования мог, конечно, играть более существенную роль, чем гражданский (не говоря о

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

периодах смут и завоеваний), но, достигнув «зрелости», эти страны уже представляли собой бюрократические деспотии, в которых ведущую роль играл гражданский аппарат. Примат гражданской службы над военной представлял собой всеобщий безусловный принцип организации служилого чиновного сословия. Армия рассматривалась не как самоценное явление, а как один из инструментов (причем второстепенный) управления вообще. Управление же обществом в целом — дело гражданских чиновников, и чиновное сословие является прежде всего сословием «гражданским».

В Европе же гражданского чиновничества как профессиональной группы очень долго не существовало[387]. Европейское служилое сословие — дворянство сложилось и существовало на протяжении столетий как чисто военное сословие. Общее управление также находилось в руках его высших представителей. И если китайский император — это, условно говоря, верховный гражданский чиновник, то европейский монарх — первый дворянин своего государства, значит, первый рыцарь, первый воин его (и это, как правило, не только символ — множество монархов лично предводительствовали войсками и сражались с оружием в руках). Гражданский аппарат в Европе складывается как целостная система в основном не ранее XVI в. и получает развитие в XVII–XVIII вв. Причем служба в нем практически навсегда остается менее почетной, чем служба в армии. Офицеры имеют обычно перед гражданскими чиновниками формальные преимущества, и в целом приоритет военной службы над гражданской просматривается столь же четко, как на Дальнем Востоке — противоположное явление. Во Франции «дворянство шпаги» долго не хотело считать «дворянство мантии» равной себе частью высшего сословия, а в России еще в первой половине XIX в. гражданская служба считалась занятием несравненно менее достойным дворянина, чем служба военная. Хорошо известно особое положение в обществе прусского офицерства и т.д. Кстати, и в отношении прав по аноблированию военная служба предоставляла всегда значительно большие преимущества. Это обстоятельство накладывало свой отпечаток на представление о личном достоинстве члена служилого сословия.

Специфическими категориями чиновничества в традиционной дальневосточной системе были **рангированные женщины** и евнухи. Имевшие общегосударственные ранги женщины разделялись на две категории: дворцовые служащие-женщины и жены и наложницы правителей. Использование служащих-женщин было обычно строго ограничено узким кругом дворцовых учреждений. В Мин они были организованы в 7 специализированных учреждений, которым подчинялись 24 подразделения. В 1420-х годах многие женские функции взяли на себя евнухи и осталось одно «женское» учреждение — Служба одежды *Шанфучжу* с 4 вспомогательными бюро *сы*. В Японии исключительно женщинами был укомплектован аппарат

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(275 чел.) «Женского дворца», обслуживавший жен императора и включавший 12 управлений. В Силла исключительно женщинами были укомплектованы 10 дворцовых контор, но если в Силла это были низшие должности уровня канцеляристов и чины и ранги им, судя по всему, не присваивались, то в Японии они имели ранги наравне с обычными чиновниками и занимали должности всех уровней в данном учреждении вплоть до его начальника. Более того, указом 673 г. женщинам разрешалось поступать на службу наравне с мужчинами, независимо от того, замужем ли они[388]. **Второстепенные жены и наложницы императора** разделялись в Цинь на 7 рангов, при династии Ранняя Хань — на 14, как и чиновники, причем наложница 1-го ранга равнялась канцлеру или сановнику с титулом *вана*, а 14-го — чиновнику, получающему 100 даней зерна. Не включенные в систему рангов находились на уровне субчиновников (менее 100 даней). В позднеханьский период для наложниц было установлено только 4 ранга[389]. В Японии у императора было десять официальных жен, из которых 2-я должна была иметь ранг принцессы 4-го класса, 3-я — не ниже 3-го ранга и 4-я — не ниже 5-го[390].

Евнухи — *хуаньгуань* или *нэйши* также составляли специфическую группу дворцовых чиновников. Обычно они не играли существенной роли, но при некоторых режимах их значение было велико — вплоть до того, что противостояние между ними и обычными высшими чиновниками превращалось в доминанту политической борьбы при дворе. Особенно велико было значение евнухов в Поздней Хань, в конце Тан и Мин — при наиболее деспотических режимах. В Сун в 1112 г. для евнухов появляется специальный набор почетных званий (12 ступеней), который существовал также в Мин и Вьетнаме при Поздних Ле, однако евнухи, где это было возможно, предпочитали пользоваться общегосударственными званиями. В XV в. евнухи обычно имели 4–8-й ранги старшего класса, но в конце XV – XVI в. и при Хань в I–II вв. некоторые из них имели более высокие ранги[391]. С середины танского периода особенно влиятелен стал укомплектованный евнухами Дворцовый Секретариат *Шумиюань*, руководивший столичными войсками (иногда его члены были влиятельнее любого чиновника центрального аппарата). В период Пяти династий евнухи были изгнаны из Дворцового Секретариата, а ведал ими комиссар дворцовых помощников *сюаньхуйюаньши*. В раннесунское время евнухов во множестве назначали армейскими инспекторами *цзяньцзюнь*, а иногда даже войсковыми командирами *дяньбин*, но в целом они играли меньшую роль вне дворца, чем в Хань и Тан, и императоры строго следили, чтобы влияние евнухов не распространялось за пределы дворца. При Юань евнухов вообще не существовало. Но в Мин евнухи не только выполняли практически все функции внутридворцового управления, вытеснив из этой сферы обычных чиновников и даже придворных женщин, но выполняли

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

некоторые важные функции государственного управления: функции тайной полиции, секретарско-референтские, архивные, судебные (требующие участия императора), контроля за назначениями. Евнухов могли также посылать с дипломатическими миссиями, они наблюдали за военными операциями, командовали армией и флотом, надзирали за сбором налогов, разработкой полезных ископаемых и выполняли иные поручения. Все те же функции они выполняли и во Вьетнаме при Поздних Ле (XV–XVIII вв.). В XVII–XVIII вв. отмечено 50 случаев (1684–1784) назначения евнухов в центральные исполнительные органы (6 *фиенов*), 62 (1696–1777) — командирами регулярных воинских соединений и частей, 36 (1623–1782) — наместниками провинций, 72 (1643–1786) — чиновниками для исполнения временных гражданских и 65 (1662–1782) — временных военных поручений. Социальный статус евнухов в середине — второй половине XVIII в. был привилегированным, подобно статусу военных в XVI в.[392]. В Цин использование евнухов было ограничено чисто традиционными обязанностями. В Корее они никогда не играли серьезной политической роли.

2. Численность чиновничества

Численность чиновничества в странах дальневосточного ареала находилась в зависимости от организации государственного аппарата. Поскольку же таковой, как было показано выше (см. гл. I), строился в классический период достаточно единообразно, то и численность чиновничества в разные периоды обычно представляла сопоставимые величины. Больше всего колебалась она из-за изменений административно-территориального деления. Хотя данные о численности чиновничества фрагментарны и разнородны (в одних случаях дается общая численность, в других — только рангового чиновничества, иногда общее число приводится без военного, дворцового и т.д. чиновничества либо даются только сведения об отдельных его категориях), но в целом они имеются по всем основным периодам истории Китая и по сопредельным странам и позволяют составить относительно адекватное представление о предмете. Как явствует из приводимых ниже данных, численность рангового чиновничества составляла в китайских государствах, как правило, 30–40 тыс. чел., за исключением отдельных случаев не опускаясь ниже 20 тыс. и не превышая 50 тыс. чел., с субчиновниками-канцеляристами она могла достигать 500 тыс. чел.

В Хань общее число чиновников составляло 120 300, в конце I в. до н.э. их насчитывалось более 130 тыс., однако в это число входили и составляющие большую их часть канцеляристы, в Поздней Хань — около 145,5 тыс. В Суй в 583 г. при упорядочивании адми-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

нистративного деления были значительно сокращены и штаты. В VIII в. общее количество чиновников (с субчиновниками) составляло около 370 тыс.[393]. В Позднем Тан в 934 г. в столице числилось 9593 чиновника[394]. Численность сунских ранговых чиновников за разные годы по различным источникам составляла от 10 до 24 тыс. чел., в т.ч. 0,2–1 тыс. дворцовых и 4–6 тыс. военных (см. табл. 60[395]), или около 25 тыс. штатных военных и гражданских чиновников[396]. Максимальная численность чиновников Сун оценивается в 34 тыс. чел.[397], в Южном Сун только гражданских насчитывалось 10–12 тыс. (в т.ч. 3–4 тыс. высоких рангов)[398].

В Цзинь в 1188 г. насчитывалось 19 700 чиновников, в 1193 г. — 11 499, в 1207 г. — 47 тыс.[399]. В Юань в общей сложности было не менее 33–34 тыс. чиновников (включая монголов, но, возможно, без военных; см. табл. 61[400]). В Мин имелось свыше 16 тыс. гражданских, более 100 тыс. военных и около 10 тыс. дворцовых чиновников[401]. По другим сведениям, насчитывалось 23 300 гражданских (столичных и провинциальных) чиновников (занимавших 31 100 должностей)[402]. В Цин в середине XIX в. насчитывалось 80 тыс. ранговых чиновников, среди них было 8718 провинциальных чиновников (а с личными секретарями, временно назначенными и военными — до 25 тыс.), в т.ч. 1727 начальников (*чжэньиньгуань*), 3138 «помощников» (*цзоэр*), 3036 образовательных чиновников, 14 зерновых, 183 соляных, 19 прибрежной и речной обороны, 254 прочих и 93 аборигенских[403]. В дальнейшем число действительных чиновников сильно сократилось. В 80-х годах XIX в. насчитывалось около 23 тыс. таких чиновников (1,6% всех *шэньши*), в т.ч. 2622 столичных, 7464 военных и 13 007 провинциальных (из них 1899 руководящих, в т.ч. 1298 начальников уездов, 216 — округов и 46 — отдельных округов, а также 5043 чиновника ведомства образования и около 6 тыс. прочих); см. также табл. 62 и 63[404]. В Тайпинском государстве чиновников только трех первых рангов насчитывалось 700, двор каждого князя имел собственных чиновников[405].

Численность чиновничества в сопредельных странах была, естественно, значительно меньше, поскольку по территории и численности населения они несопоставимы с Китаем. В Японии, согласно штатному расписанию кодекса «Тайхорё», насчитывалось как минимум (число разного рода высших лиц, имевших свой штат, было непостоянным) 897 столичных ранговых чиновников (в т.ч. дворцовых и военных, так как постоянной армии, кроме дворцовых подразделений, не было) и 4418 нерангированных канцеляристов (субчиновников) и младшего обслуживающего персонала — всего 5315 чел. В провинциях насчитывалось 3,4–3,6 тыс. ранговых чиновников и 259 субчиновников — всего 3,7–3,9 тыс. чел. (см. табл. 64). В общей сложности весь слой составлял свыше 9 тыс. чел. при около 4,7 тыс. солдат охраны и 3308 учащихся (в т.ч. 748 в столице).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Корее периода Силла (до начала X в.) насчитывалось свыше 5,7 тыс. чиновников (в т.ч. 1,3–1,4 тыс. столичных, 3,8 тыс. военных и 0,6 тыс. провинциальных) — см. табл. 54 и 57[406], в период Корё (X–XIV вв.) в конце X в. — 4 тыс., в середине XI в. — 6,5 тыс., в конце XIII в. — 9 тыс., в середине XIV в. — 8,9 тыс. и в конце XIV в. — до 9,5 тыс. (в т.ч. 2,5 тыс. столичных, 4 тыс. военных и 2 тыс. провинциальных) — см. табл. 65[407]. В 1400 г. по докладам Государственного Совета насчитывалось всего 520 ранговых чиновников центрального аппарата, в 1618 г. — 658 чиновников (кроме 1–2-го и высшей степени старшего класса 3-го ранга), позже в XVII в. общее число столичных военных и провинциальных регулярных чиновников составляло предположительно около 900. В XVIII в., по некоторым оценкам, насчитывалось приблизительно 800 ранговых чиновников, в т.ч. 400 столичных. Однако по штатному расписанию в кодексе «Кёнгук тэджон» насчитывалось всего 5853 столичных, военных и провинциальных чиновника (см. табл. 66[408]), по другим же подсчетам было около 660 должностей в центральном и 780 в провинциальном аппарате[409]. Во Вьетнаме при династии Чан (1226–1400) ранговых чиновников насчитывалось несколько тысяч, в 1471 г. — 5370, в т.ч. 2755 в столице и 2615 на местах[410]. В XVII–XVIII вв. вследствие параллельного существования гражданской администрации императора и дублировавшей ее администрации правителя *тюа* численность как военных, так и гражданских чиновников была избыточной, гораздо большей, чем в другие периоды[411].

Существенна, впрочем, не столько абсолютная численность чиновничества, сколько его доля в населении страны. Численность населения Китая в различные периоды составляла: в эпоху Чжаньго — 20 млн. чел., в Хань (в разное время) — от 20 до 60, в период Южных и Северных династий — от 16 до 25, в Суй и Тан — 45–50, в Сун — 20–50, в Южном Сун — 28–36, в Юань — около 60, при Мин — до 150, при Цин — от 150 до 430 (к середине XIX в.) млн. чел. (см. табл. 67[412]). Так как переписи указывали число дворов, численность населения рассчитывается обычно исходя из того, что средняя семья (двор) составляла 5 с небольшим человек (например, в 960 г. было 2 309 812 дворов, а в Цин — 62 484 265[413]). Население чжурчжэньской империи Цзинь колебалось от 18 до 53,5 млн. чел. (см. табл. 68[414]); численность населения Кореи в середине XV — начале XIX в. — от 1 до 7,5 млн. чел. (см. табл. 69[415]).

Исходя из того, что было сказано о численности ранговых чиновников, их доля в населении была совершенно ничтожна и исчислялась обычно сотыми, в лучшем случае десятыми долями процента; в Сун, например, 0,04%, в Юань — 0,06, в Цзинь на 1188 г. — 0,04 (1 на 2777 чел.), в 1193 г. — 0,02 (1 на 4217), в 1207 г. — 0,1 (1 на 975), в Мин — 0,08, в Цин — 0,01–0,02%. Даже вместе с нерангированными канцеляристами (что дает в 10 раз большее количество чиновников) она очень мала. В VIII в. общее количество чиновников

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

(с субчиновниками) составляло 1 на 20 дворов, т.е. примерно на 100 чел., значит — около 1%[416]. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сопредельных странах доля чиновничества обычно была существенно выше (в частности, в Корее XV–XVI вв. только рангового — 0,15–0,6%). Это объясняется тем, что, хотя провинциального чиновничества было в этих странах гораздо меньше (из-за много меньшей территории), численность центрального и придворного аппарата, копировавшего китайский, была вполне сопоставимой с последним, как правило, лишь незначительно уступая ему.

Если сравнивать численность чиновничества на Дальнем Востоке и в Европе, то нетрудно заметить, что примерно до второй четверти XIX в. относительная численность чиновничества и офицерства в Европе была меньше, чем в Китае и сопредельных странах (в основных европейских странах — Франции, России, Англии, Пруссии число офицеров и чиновников колебалось в пределах 5–12 тыс. в начале XVIII в. и 15–30 тыс. чел. в начале XIX в., причем большую часть составляло офицерство). Но с 20-х годов XIX в. положение радикальным образом меняется, потому что государственный аппарат европейских стран переживает за несколько десятилетий бурный (в несколько раз) рост, а дальневосточный (при росте населения) практически не увеличивается. В результате к исходу нового времени в европейских странах (в конце XIX — начале XX в. в названных странах насчитывается по 0,6–1,3 млн. чиновников и офицеров)[417] чиновников по отношению к численности населения становится намного больше, чем на Дальнем Востоке, да и по абсолютной численности Китай (при населении в 3–6 раз большем) имеет в это время по меньшей мере втрое меньше чиновников. Правда, все сказанное относится к чиновничеству как профессиональному слою. Надо иметь в виду, что в XIX в. структура и социальная сущность служилых слоев претерпевает значительную трансформацию как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Причем трансформация эта идет в противоположных направлениях: если на Дальнем Востоке собственно чиновничество (как профессиональная группа) составляет все меньшую и меньшую часть всего того, что принято называть *шэньши* (т.е. чиновничьего слоя в его широком, социальном значении — см. гл. IV), то в Европе, напротив, соотносимое с чиновничьим слоем на Дальнем Востоке традиционное служилое сословие — дворянство составляет все меньшую часть чиновничества и офицерства как профессиональной группы.

3. Правовая оформленность

Для структуры привилегированных слоев дальневосточных деспотий характерно прежде всего то, что высшим сословием является чиновничество как таковое. Привилегированное положение связано с профессиональными функциями. Нахождение на государственной

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

службе — вот то единственное, что обеспечивает человеку те или иные льготы и преимущества. Высшее сословие в таких обществах, сословие полноправного чиновничества — это общность людей, имеющих общегосударственные ранги. Поскольку ранговая система призвана охватить всех государственных служащих, она всегда достаточно дробная, насчитывающая два-три десятка градаций (классической является система из 9 рангов, каждый из которых подразделяется на несколько степеней, от двух до четырех), от которых и зависит размер получаемого жалованья. Весьма характерно, что первоначально, в эпоху Хань, когда иерархия была еще слабо систематизирована, основным показателем места должности в иерархии был именно размер положенной для нее оплаты.

Уже одно это обстоятельство — наличие ранга выделяет чиновничество из массы населения и превращает в особый его слой, официально признаваемый государством высшим. Кроме того, слой чиновничества имеет юридический статус, отличающий его от основной массы населения — свободного простонародья, и, более того, это единственный такой слой в обществе, поскольку привилегий не имеет ни один другой, кроме родственников императорского дома, которые, кстати, образуя специфическую группу, также входят в состав чиновничества (пусть и по формальному факту наличия общегосударственного ранга). Для чиновничества существовал ряд ограничений, который проистекал из его положения в обществе (законодательство, в частности, запрещало чиновнику, его детям и близким родственникам заниматься ремеслом и торговлей как «низкими» занятиями, чиновники окружной и уездной администрации не могли вступать в брак с представительницами подведомственного им населения[418]). Однако основным содержанием особого статуса чиновничества были его привилегии.

Важнейшими из них в традиционной дальневосточной системе было освобождение от налогов, трудовой повинности и иногда телесных наказаний. Этот принцип действовал повсеместно. При этом чиновничество, особенно высшее, имело право на обладание частными землями, которые также полностью или частично могли освобождаться от налогов. В Тан чиновники имели право сдавать в аренду и продавать наследственные земли[419]. Налогообложение земель чиновников обычно рассматривалось как мера экстраординарная и непопулярная. Обычно она применялась в крайних случаях, при предельном оскудении казны и не держалась долго. С 780 г. после отмены надельной системы и введения новой практики обложения правительство Тан не раз пыталось обложить чиновников налогом. Суны в 962 г. делали такую же попытку. В 1022 г. была введена квота на обложение части земель чиновников в зависимости от величины ранга, но скоро эта практика прекратилась. Более того, были освобождены от налога и трудовой повинности семьи студентов *Гоцзыцзянь* и *Тайсюэ*, а также все обладатели степени *цзиньши*.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В 1111–1118 гг. чиновник 1-го ранга не платил налогов со 100 цин (600 га) земли, а 9-го — с 10 цин[420]. В Корее периода Корё в 1013 г. был введен налог на земли крупных чиновников: с каждого кёль земли свыше 30 брали 5 сын зерна (в 1069 г. этот налог был увеличен до 7,5 сын), а в 30–40-х годах XIV в. был введен весьма тяжелый должностной налог на провинциальное чиновничество (ежегодно 100–150 пхиль холста, отставники — 15)[421]. В период династии Ли частновладельческие земли чиновников облагались налогом по 2 ту с кёль. Во Вьетнаме чиновники 1–2-го рангов имели право не платить налога с частных земель (*тыдиен*) размером 25 мау (отставные и почетные — 12,5, евнухи — 50), 3–4-го рангов — 20 (отставные и почетные — 10, евнухи — 40), 5–6-го рангов — 15 (евнухи — 30), 7–8-го рангов — 10 (евнухи 20), 9-го ранга —5 (евнухи — 10) мау[422].

При определении меры наказания традиционная дальневосточная система исходила из того, что чиновник должен быть образцом для простолюдина и соответственно отвечать за свои проступки строже, чем последний, что и нашло отражение в законоположениях. Однако, с другой стороны, чиновники и члены их семей как сословие в целом имели право на смягчение и снятие наказаний наравне с явившимися с повинной, стариками, детьми, инвалидами, тяжелобольными. Классическое китайское право предусматривало три основные привилегии в сфере уголовного преследования. Привилегию *ба и* — «право на помилование» в традиционной дальневосточной системе имели 8 категорий лиц, относящихся к сословию обладателей общегосударственных рангов: 1) родственники императора и императрицы; 2) лично близкие к императору лица; 3) лица добродетельного и примерного поведения; 4) имеющие особые военные и гражданские таланты; 5) имеющие заслуги и совершившие подвиги; 6) чиновники 1–3-го рангов; 7) усердные и трудолюбивые чиновники; 8) потомки предшествующей династии. Эти лица при совершении преступления, не входящего в число «10 зол», имели право на смягчение наказания на одну степень, начиная со ссылки. Привилегия *шан цин*, распространявшаяся на более отдаленных родственников императора (например, родственников 3-й степени траура жены наследника престола) и чиновников 4–9-го рангов, предусматривала право подачи прошения в случае смертного приговора (в т.ч. и за «10 зол»); в случае менее тяжелых наказаний мера наказания уменьшалась им на одну степень (кроме «завершенных» преступлений, совершенных чиновниками в сфере их административной власти). Привилегия *цзянь* состояла в автоматическом снижении наказания на одну степень и распространялась на чиновников 1–7-го рангов, а также на родителей, дедов, братьев и внуков чиновников, имевших право на привилегию *шан цин* при осуждении к наказаниям не строже ссылки.

Чиновники имели также право откупаться от телесных и иных наказаний. Право на откуп от наказания при Сун имели только лица с

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

привилегией *ба и*, но при Мин это право было расширено, причем допускалась и отработка суммы откупа. При этом чиновники 8–9-го рангов (для которых не существовало трех названных привилегий, а только эта) прежде, чем получить ее, должны были быть разжалованы. Это право имели женщины, обладавшие рангами и титулами, а также наложницы чиновников 1–5-го рангов при осуждении к наказаниям не строже ссылки. Специфическим способом наказания чиновников, ставившим их в привилегированное положение, была практика *гуаньдан* — «расплаты чином» за преступление частного характера. При этом каждая градация *цзе* (т.е. понижение на нее) у чиновников 1–5-го рангов «стоила» 2 лет каторги, 6–9-го — 1 года, а любой вид ссылки приравнивался к 4 годам каторги. Если чина не хватало, то за оставшуюся часть разрешалось заплатить откуп. На каторге чиновники содержались отдельно от простолюдинов, а чиновники 1–5-го рангов имели право раз в месяц посещать баню, получать от родных некоторое количество денег, одежды и предметов первой необходимости, а при болезни имели право на снятие железного ошейника и колодок, а также на уход со стороны одного-двух родственников. Чиновники, разжалованные и сосланные в ссылку, не привлекались там к каторжным работам и могли вернуться на службу через 6 лет (в особых случаях через 3 года). Высших чиновников не казнили публично[423].

Что касается правовой защищенности чиновника, то она имела в виду не столько его личность, сколько выполняемую функцию. В ставшем классическим танском праве степень правовой защищенности чиновника колебалась, во-первых, в зависимости от выполняемой им по отношению к преступнику социально значимой функции, во-вторых, от его ранга (см. табл. 70[424]). С охраной неприкосновенности чиновника неразрывно связана охрана того, что составляло основу специфичности его положения в обществе — должности: подделка документов на занятие должности и незаконное получение ее наказывались ссылкой на 2000 ли (лишь убийство каралось тяжелее). Вообще охраняющие чиновника нормы делились на охраняющие его общественную функцию и охраняющие его личность, причем первые явно доминируют: тяжелее всего наказывалось покушение на социальную деятельность чиновника (как правило, вне зависимости от его ранга), затем — на статус и сопряженные с ним правовые состояния (также вне зависимости от ранга) и легче всего — на саму личность чиновника (причем только в данном случае наказание сильно варьируется в зависимости от ранга). Сама личность вне статуса просто не мыслилась[425].

Наконец, чиновничество пользовалось правом частично распространять свой личный привилегированный статус на членов своих семей и родственников. Право «тени», о котором говорилось выше в связи с получением доступа на службу, имело и значительно более широкое значение. Оно представляло собой единственную

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

«компенсацию» отсутствия наследственного социального статуса в традиционной дальневосточной системе и обеспечивало существование слоя лиц, квазиэквивалентного европейскому дворянству. Уже к III в. от налогов освобождались также родичи чиновников и их прямые потомки. Сфера действия «тени» определялась высотой ранга чиновника и сроком ношения траура, которым он был взаимно связан со своими родственниками. В уголовно-правовом аспекте «тень» давала защиту от получения в полном объеме наказания или возможность избежания его. Император располагал правом «тени» в отношении родственников до 6-й степени траура включительно, младший чиновник — в отношении жены, родителей, деда, бабки, сыновей и внуков. Право «тени» старших чиновников распространялось также на братьев и сестер, высших — на дядей, теток и племянников по обеим (отцовской и материнской) линиям. 1-й степенью траура (3 года) был траур по родителям и мужу, 2-й (1 год) — по жене, деду и родственникам по отцу, 3-й (9 месяцев) — по прямым родственникам по общему деду, 4-й (5 месяцев) — по родственникам по прадеду, 5-й (3 месяца) — по родственникам по прапрадеду. При этом для прямых родственников степень родства соответствовала их поколению, для боковых в расчет бралось поколение того лица, которое было ближайшим общим для данного родственника и эго[426].

Подобные нормы права заимствовались в сопредельных государствах вместе с другими элементами государственного устройства и обычно закреплялись в кодексах. В Японии установление статуса некоторых социальных групп произошло еще в 664 г., в 673 г. выработаны правила назначения и продвижения чиновничества, в 678 г. установлена система продвижения чиновников по результатам их деятельности, в 679 г. — положение об их кормовых округах, а к 690 г. (одновременно с составлением подворного реестра) относится выработка статуса чиновничества. В Японии чиновники 6–8-го рангов освобождались от налогов сами, а высшие распространяли это право на родственников: лица 4–5-го рангов — на отцов и сыновей, 1–3-го — еще и на дедов, внуков и братьев. Кроме того, они имели право на постройку гробниц определенного размера и на некоторые привилегии в случае совершения уголовного преступления (для чиновников 6-го ранга и ниже допускалось смягчение наказания при условии усердия в учебе и службе, даже если за данное преступление полагалась смертная казнь). Высшие чиновники (1–5-го рангов) имели право на определенное число (20–100) личных слуг[427].

Во Вьетнаме личные привилегии чиновничества были оформлены кодексом 1042 г.: хотя в принципе телесному наказанию мог подвергнуться любой подданный, но чиновникам разрешалось откупиться от него, что фактически означало личную неприкосновенность. Там для чиновников существовали и некоторые другие при-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

вилегии, например, при сдаче введенного в 1724 г. военного экзамена дети чиновников получали ранг на одну ступень выше прочих[428]. При Нгуенах детям чиновников присваивался квазититул *куанвиенты* (сын чиновника), причем до 1919 г. действовали две системы его присвоения — на Юге и на Севере. На Юге с 1808 г. его получали дети чиновников 1–4-го рангов (а члены семей особой привилегированной группы, так называемых «бангкокцев» — всех рангов), причем «бангкокцы» и дети чиновников 1–3-го рангов освобождались от подушного налога и трудовой и воинской повинностей, дети чиновников 4-го ранга — только от повинностей. На Севере права детей чиновников 4-го ранга распространялись также и на 5–7-й ранги. Это было фактически восстановлением прежних привилегий чиновничества на Севере. С 1919 г. была введена единая система, но теперь от повинностей освобождались только дети чиновников 4-го ранга и один из детей чиновников ранга 5 и 6а[429].

Чиновничество обладало привилегиями не только в бюрократических, но и в государственно-патриархальных обществах, что совершенно естественно вытекает из его социальной роли. Например, в Сиаме, где теоретически все свободные были равны как «рабы правителя», наказания за преступления против личности тем не менее различались по тяжести пропорционально социальному рангу *сактина*. Впрочем, там чиновничество было относительно менее социально защищено: в случае смерти чиновника вдова получала маленькую пенсию, а имущество отбиралось в казну и оттуда выдавалось тому, кто назначался на эту должность (правда, обычно это был один из сыновей умершего, но это отнюдь не гарантировалось)[430].

При сравнении привилегий дальневосточного чиновничества с привилегиями европейского дворянства нетрудно заметить, что и тут и там они сводятся к четырем основным аспектам: судебным привилегиям, праву на владение землей, налоговому иммунитету и правам на внешнее выражение своего высокого социального статуса. Конкретное их содержание, конечно, отличалось в соответствии с той разницей, которая имелась между аристократическим европейским и бюрократическим дальневосточным обществами. Например, в Европе судебные привилегии делали упор на аспекты, связанные с сохранением личного достоинства человека (неприменение позорящих наказаний, почетная смерть отсечением головы, право давать показания в суде сидя и т.п.), тогда как на Дальнем Востоке — на сохранение, по возможности, провинившегося для нужд государства (он мог еще пригодиться), почему и сводились по большому счету к праву на помилование и избежание наказания. Характерно тем не менее, что и чиновник на Дальнем Востоке, и дворянин в Европе рассматривался как образец для подражания, и поэтому за ряд преступлений, несовместимых с его статусом (измена, воровство, клятвопреступление, изготовление фальшивой мо-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

неты), его карали строже, чем простолюдина. Право на владение землей тоже различалось: дальневосточный чиновник имел его на время службы, а часто и вовсе не имел, европейский дворянин имел наследственно, но, с другой стороны, владение поместьем (за исключением Восточной Европы), как правило, не было его исключительным правом. Налоговый иммунитет, не будучи абсолютным на Дальнем Востоке, не был таковым и в Европе (в Англии и Шотландии дворянская земля облагалась налогом, в других странах, например в Испании, дворяне платили особые «почетные» налоги). Тем более отличались европейские привилегии на внешнее выражение статуса (на ношение шпаги, охоту и т.д.). Естественно, у дальневосточного чиновника существовали привилегии, неизвестные (и ненужные) европейскому дворянину (например, право «тени» для родственников), а у последнего — бессмысленные для дальневосточного чиновника (право на занятие ряда должностей). Но в целом характер привилегий схож. Принципиальная разница состояла, однако, в возможности утраты статуса и положения в своем сословии. Чиновник на Дальнем Востоке мог лишиться должности и ранга в любой момент и с ними терял все (тем более его семья). Дворянства можно было по воле верховной власти лишиться лишь в исключительных случаях: за преступление, несовместимое с принадлежностью к дворянству (и в любом случае без последствий для потомков). Более же распространенным основанием для потери дворянского статуса были (по крайней мере до XVII в.) недостойные дворянина занятия (торговля, ремесло, личное услужение и т.д.) или ведение недворянского образа жизни.

4. Происхождение и проблема самовоспроизводства

В основе идеологии государственного управления и государственной службы на традиционном Дальнем Востоке лежал принцип меритократии. На выдвижение достойных были теоретически обращены и система рекомендаций, и система государственных экзаменов. Принцип всесословности при выявлении талантов почти всегда подчеркивался и почитался обязательным элементом отбора на службу. Тем не менее основным фактором пополнения чиновничества оставалось его самовоспроизводство. Есть ли в этом противоречие? Думается, что ни с точки зрения людей той культуры, ни объективно особого противоречия тут не было. Дело в том, что принцип меритократии сам по себе означает только то, что означает, подразумевая необходимость выдвижения в сферу государственного управления наиболее достойных, т.е. самых подходящих для осуществления управленческих функций — способных, образо-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ванных и квалифицированных людей, а вовсе не имеет в виду социального равенства, пропорционального представительства различных социальных слоев, обеспечения «равенства возможностей» или чего-либо подобного.

Затем, само понятие «достойного» далеко не обязательно должно было связываться только с образованностью. В различные исторические периоды и в разных обществах оно могло зависеть как раз в большей мере от происхождения, сообщающего индивиду такое качество, как «благородство». Не говоря уже о том, что последнее имеет за собой некоторую объективную основу, обусловленную фактором воспитания в кругу с соответствующими правилами поведения и понятиями, оно обладает безусловной реальной ценностью, коль скоро является таковой в глазах людей с соответствующими представлениями об авторитете начальника. Например, русское местничество не было только проявлением родовой спеси, а отвечало в свое время реальным потребностям управления, требовавшим, чтобы начальник, для того чтобы руководить, был прежде всего авторитетен для подчиненного. Но в обществе, где абсолютным приоритетом и высшей ценностью выступает знатность происхождения, авторитетен тот, кто знатен. Следовательно, такое лицо объективно являлось и наиболее подходящим на роль руководителя. На некоторых этапах истории дальневосточных обществ там исповедовался примерно такой же подход, так что считалось само собой разумеющимся, что человек хорошего происхождения и есть наиболее достойный кандидат в чиновники. Меритократический принцип этим не нарушался, пока не входил в явное противоречие (а он мог и не входить) с результатами деятельности отобранных таким образом лиц. Тогда он требовал, чтобы на службу принимались и другие лица тоже, но опять же не взамен всех выдвинутых по признаку хорошего происхождения, а наряду с ними.

Однако на протяжении большей части истории собственно китайских государств и значительных периодов истории сопредельных стран «достойность» подразумевала все-таки не происхождение, а образованность и квалифицированность (что, собственно, и составляет специфику традиционной дальневосточной системы). Но и в этом случае никакого объективного противоречия между принципом меритократии и фактом самовоспроизводства чиновничества не было, потому что наиболее образованными, квалифицированными и подготовленными к делу государственного управления людьми были, естественно, те, кто с детства рос в этой среде, впитывая в себя соответствующие представления, и имел возможность получить хорошее образование, т.е. дети чиновников. Даже если бы факторов протекции и возможности поступления на службу в обход конкурсных экзаменов не существовало, то при прочих равных условиях именно выходцы из служилых семей вполне естественным образом должны были превалировать среди лауреатов.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Тем не менее социальный состав чиновничества разных государств и династий ареала мог довольно сильно отличаться даже в относительно спокойные времена стабильности каждого из них, не говоря уже о периодах, наступавших после краха старой и прихода к власти новой династии, когда могла иметь место почти полная смена персонального состава элиты — управляющего и образованного слоя. В глубокой древности и в самом Китае господствовал аристократический подход к комплектованию государственного аппарата. В эпоху Позднего Чжоу почти все крупные посты в центральных органах управления царств находились в руках аристократии, причем в Цинь, Хань, Чу и некоторых других царствах в VII–V вв. до н.э. высшие посты сохранялись за какой-либо одной знатной фамилией. В период Чжаньго наблюдается стремление ванов привлекать в качестве первых советников лиц, не связанных с аристократией. Именно в эту эпоху получил распространение институт странствующих ученых — специалистов по управлению. Уже в первой половине V в. до н.э. один из советников чжаоского вана предложил законодательно запретить аристократам занимать административные посты. В царствах Чжао, Ци, Чу, Хань, Вэй, Янь не менее половины первых советников происходило из семей, не связанных с аристократией тех царств, где они занимали эти должности. Общинная верхушка требовала отменить систему наследственных должностей. В 383 г. до н.э. У Ци, глава администрации царства Чу (странствующий ученый из Вэй, убитый потом у гроба вана), провел закон об ограничении передачи должностей по наследственному рангу знатности тремя поколениями. Аристократов переселяли, а их земли передавали под непосредственное управление ванской администрации[431]. Что касается среднего и низшего чиновничества, то в VIII–III вв. до н.э. еще не было ранговой системы, чиновничество активно пополнялось из удачливых военных, купцов, бродячих ученых и представителей «сильных домов». В Хань большинство рекомендованных (особенно в поздний период) были выходцами из семей чиновников[432]. Однако крупные посты могли занимать даже купцы[433]. Происхождение высших чиновников в целом выглядит следующим образом (%)[434]:

Период	Всего лиц	Знать	Чиновники	Прочие	Неизвестно
Ранний	78	21,8	57,7	7,4	10,1
Поздний	117	49,6	25,6	–	12,8

В Цзинь в конце III в. н.э., когда система «деревенских категорий» переросла в систему местничества, она стала автоматически обеспечивать назначение на должности по родовитости, вследствие чего доля представителей знати резко возросла. Эта тенденция была поддержана и в период Южных и Северных династий, когда в

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

царствах, созданных кочевыми народами, родовой аристократии принадлежала, естественно, ведущая роль и большинство чиновников происходило из этой среды (в Северном Вэй в 386–409 гг. китайцев среди дворцовых чиновников было 2%, но в 423–452 гг. они составляли 25% столичных чиновников и 40% правителей областей). В Сун (420–478) 48% *шаншуланов* (секретарей ведомства чинов) принадлежали к императорской фамилии, 36% происходили из аристократии и 16% — из незнатных фамилий, но в Лян (505–556) на императорскую фамилию приходилось только 18%[435].

В Тан подходящими кандидатами в чиновники считались только члены семей *ши*. Дети и внуки чиновников преобладали во всех государственных школах[436]. Даже в поздний период выходцы из чиновной среды составляли около $^3/_4$ всех кандидатов в чиновники (на экзаменах)[437]. В эпоху Пяти династий в составе высших чинов также преобладали лица аристократического происхождения и выходцы из Хэбэя (см. табл. 71 и 72[438]). Половина историков этого времени происходила из служилых семей, причем в каждой последующей династии доля выходцев из чиновников уменьшалась; при двух ранних из них — Лян и Поздней Тан — она выше половины, а при Цзинь, Хань и Чжоу — ниже (см. табл. 73[439]), хотя среди всех упоминаемых в текстах лиц выходцев из чиновников 30%[440]. Из 109 чел., известных по «Син у дай ши» и сдававших экзамены, 62 происходили из служилых семей (55 принадлежали к хорошо известным семьям), 2 из неслужилых и 45 были неизвестного происхождения (но вполне вероятно — служилого, так как 17 из них известны, несмотря на провал на экзаменах)[441]. Однако одновременно в этот период проявилась заметная тенденция к увеличению доли выслужившихся из военных (обычно простого происхождения). При династии Поздняя Тан из армейской среды происходило 13% генерал-губернаторов (*цзедуши*), при Поздней Хань — 41%, в 954–959 гг. (при Поздней Чжоу) — 61%[442].

Сунское время сохранило эту тенденцию и стало периодом, когда считалось хорошим тоном подчеркивать свое простое происхождение. Эгалитарные тенденции простирались до того, что ставился вопрос о несправедливости положения, при котором столичные области дают 120–140 кандидатов на 1 млн. дворов, а окраинные — только 4. Среди получивших степень *цзиньши* выходцы из неслужилых семей составляли 56–58%. Если в Тан 20 знатнейших кланов (в деревнях кланы заботились о доступе в ряды чиновничества своих представителей, их учеба нередко оплачивалась из клановых средств, для чего выделялись специальные поля) не сдавали позиций на протяжении трех веков, то за первые 100 лет Сун высоких постов добились представители только двух семейств[443]. В целом в классический период картина (по биографиям в династийных историях) выглядит так (%)[444]:

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Происхождение	Тан (756–906)	Пять династий	Сун (960–1126)
Чиновная знать	68,8	20,9	23,5
Служилые семьи	14,5	26,1	28,0
Неслужилые семьи	13,8	50,0	46,0
Неизвестно	2,9	3,0	2,5

В Южном Сун (1127–1279) выходцы из неслужилых семей (не имевших чиновников ни в одном из трех предшествующих поколений) составили среди *цзиньши* в 1148 г. 56,3%, а в 1256 г. — 57,9% (правда, в Сун прохождение провинциальных экзаменов было просто пропуском к столичным, а не доступом к занятию низших должностей, как в Мин и Цин, и часть лиц, отнесенных к «неслужилым» в Сун, были потомками обладателей низших ученых степеней)[445]. В Цзинь китайцы составляли только 50% чиновников, чжурчжэни — 42, а остальные — кидани и бохайцы[446], поэтому степень потомственности чиновничества (за счет почти поголовной наследственности чжурчжэньских чиновников) была выше, чем в Сун. Еще в большей мере это относится к Юань. Военные чиновники там официально разделялись на «наследственных» (командующие, их заместители, помощники командиров *вэй*, тысячники и их помощники, военные судьи в *вэй* и тысячах, сотники с реальными должностями) и «обращающихся» (все остальные). Последние, однако, назначались из рядов «наследственных», так что в целом военное чиновничество было самовоспроизводящимся[447], а гражданское самовоспроизводилось примерно в той же степени, что в Цзинь.

Весьма полные данные собраны в западной науке о происхождении чиновников Мин и Цин. Для этих эпох семьи, из которых происходили чиновники, можно разделить на несколько категорий: A — не имели в трех поколениях ни одного обладателя ученых степеней; B — имели *шэнъюаней* (для Цин — и *цзяньшэнов*), но ни одного чиновника или обладателя высших ученых степеней (они могли быть субчиновниками или состоять на частной службе); C — имели чиновников и обладателей высших ученых степеней (а для Мин в т.ч. *цзяньшэнов*); D (включено в C) — имели чиновников первых трех рангов. Надо иметь в виду, что в это время чиновничество комплектовалось не только обладателями степени *цзиньши*, но и лауреатами провинциальных экзаменов и обладателями ученых степеней *цзюйжэнь, цзяньшэн* и *гуншэн*, а в Цин также и *шэнъюанями (сюцаями)*, получившими должности после определения в Государственный Университет. На материалах большого исследования[448] было установлено, что в Мин в целом 50% *цзиньши* происходили из неслужилых семей (доля их уменьшалась с 58,2% в XIV–XV вв. до 44,5% в конце XVI — начале XVII в.), причем из семей категории A — 47,5%; в Цин выходцы из неслужилых семей составляли

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

в целом 37,2% (доля их уменьшалась с 42,8% в середине XVII в. до 35,5% в XIX в.), из семей категории А — 19,1%. На протяжении всего минско-цинского периода доля выходцев из простолюдинов плавно и неуклонно снижалась, так что в итоге они составили 42,3% всех *цзиньши* XIV–XIX вв. (из категории А — 30,3%). Выходцы из семей чиновников 1–3-го рангов никогда не превышали в Мин 8–9%, а в Цин (за единственным исключением) — 11–12%, за оба периода их было всего 5,7%. В среднем выходцев из низших служилых семей было 23,7%, из средних — 26,2% и высших — 7,2% *цзиньши* (см. табл. 74 и 75[449]). Что касается *цзюйжэней* и *гуншэнов*, то в XVIII в. 45,4% их происходили из простолюдинов (из категории А — 16,0%), а в XIX в. — 45,1% (из категории А — 20,1%) (см. табл. 76[450]). Среди *шэнъюаней* выходцы из простолюдинов (категории А) составляли 74,8% в Мин и 53,0% в Цин (см. табл. 77[451]). При этом в Мин до 40% *цзиньши* происходили из социальных групп специального статуса (см. табл. 78[452]).

Р.М.Марш, исследовавший происхождение чиновников по словарю А.Хаммеля (рукопись докторской диссертации), обнаружил, что из 454 чиновников-китайцев (из 572 всех упомянутых там чиновников) 230 (51%) были чиновниками в первом или втором поколении, 144 (32%) в четырех поколениях (включая его самого) имели в роду двух чиновников, 60 (13%) — трех и 20 (4%) были чиновниками в четвертом поколении (см. также табл. 79 и 80[453]). Однако он не учитывал, что, во-первых, биографии не упоминали низших должностей (т.е. предки могли быть чиновниками, но мелкими), во-вторых, семья не переставала быть чиновной, если в каком-то поколении ее представитель не служил[454]. С 1562 г. в Государственный Университет разрешено было принимать за плату, в результате чего в 1620–1649 гг. около 46% высшего чиновничества происходило из средних слоев[455]. По сравнению с Мин доля выходцев из неслужилых семей среди обладателей высших ученых степеней в Цин резко снизилась и не превышала 20% (см. табл. 81 и 82[456]). По одному из исследований из 915 лауреатов экзаменов с 1662 г. по конец Цин 609 (67%) имели отца–обладателя степени, у остальных (кроме 14%) степень имел дед, прадед, либо прапрадед[457]. По материалам некоторых кланов эпохи Цин выясняется, что со временем доля обладателей ученых степеней, имеющих таких же отцов, постоянно растет (см. табл. 83 и 84[458]), причем у старших братьев показатель наличия степеней существенно выше (см. табл. 85[459]). Однако в большинстве крупных кланов процент обладателей степеней и чиновников от поколения к поколению неуклонно и резко падает (от 80–90 до 18–20% за 8–9 поколений, от 40 до 1–12% за 12 поколений), что говорит о том, что внутри их выделяются чиновные и нечиновные семьи (см. табл. 86 и 87[460]). В Тайпинском государстве к *шэньши*, помещикам и торговцам принадлежали только 24 из 65 высших руководителей, но чиновники местной администрации *сянгуани* часто назначались из числа местных *шэньши*[461].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В целом чиновничество действительной службы и примыкающие к нему категории — обладатели рангов и титулов, субчиновники и обладатели ученых степеней, дающих право занимать должности действительной службы (для Мин — всех степеней выше *шэнъюань* (*сюцай*), а для Цин — еще и *шэнъюани* (*сюцаи*), посланные в Государственный Университет и получившие должности[462]), комплектовалось из своей собственной среды (т.е. лиц этих же категорий): в 1371–1610 гг. — на 52,4%, в 1652–1703 гг. — на 76,4, в 1822–1868 гг. — на 85,1 и в 1871–1904 гг. — на 83,3%[463].

Так обстояло дело в самом Китае, где бюрократическо-эгалитарная традиция сдачи всесословных экзаменов (как основного канала пополнения чиновничества) была «родной» и соблюдалась наиболее строго. В других же странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, где она была заимствована из Китая и перенесена в общество с аристократической традицией, степень самовоспроизводства чиновничества повсеместно была в целом выше, чем в Китае. В Японии указ 676 г. разрешал поступать на службу лицам любого сословия, как выходцам из кланов, так и простонародью, однако в указе 682 г. говорилось, что кандидата не следует рекомендовать, даже если он «деятелен и способен», но «происхождение его не выяснено»[464]. Реально высшее чиновничество (1–3-го рангов) комплектовалось исключительно из представителей самых знатных и влиятельных аристократических родов (Фудзивара, Накатоми, Ки, Абэ, Оотомо, Сога—Исикава, Мононобэ—Исоноками, Тадзихи и др.), среднее (4–5-го рангов) — также и из иммигрантских родов, низшее (6–8-го, а тем более 9-го рангов) — также и из отдельных простолюдинов, по различным причинам пожалованных рангами[465]. В Бохае высшая часть чиновничества формировалась из аристократических родов (см. гл. IV), но в целом оно могло пополняться за счет местных вождей, субвождей и вообще лиц незнатного происхождения, вплоть до простых общинников[466]. Все крупное чиновничество Си Ся происходило из знатных старшинских семей и в небольшой части из китайцев. В школах, как правило, обучались выходцы из той же среды[467].

В Корее до X в. высшее чиновничество законодательно комплектовалось исключительно членами аристократического сословия *чинголь*, хотя низшее, начиная уже с периода Силла, до XV в. довольно широко пополнялось из выслужившихся солдат и субчиновников-канцеляристов, т.е. из свободных простолюдинов. В эпоху Корё даже среди высших чиновников выходцы из неслужилых семей (в т.ч. и неполноправных) составляли в среднем 44,7%, а в некоторые периоды — свыше половины, достигая 63,2% (см. табл. 88[468]), причем среди чиновников из служилых семей в среднем 41,3% имели только отца-чиновника (см. табл. 89). Многие из этих чиновников имели братьев-чиновников (19,5%) и сыновей-чиновников (43,9%), причем в большинстве случаев — высоких рангов[469]. Доля

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

выходцев из простонародья увеличивалась обычно в периоды, насыщенные войнами, и неизменно падала во времена, когда, с одной стороны, не велось активных боевых действий, а с другой — строго соблюдалась обязательность сдачи экзаменов, ибо людям низкого происхождения неизмеримо легче было выслужиться на войне, чем получить подготовку, необходимую для сдачи экзамена. Экзамены, создающие, казалось бы, возможность беспристрастного отбора и юридическое равенство, на самом деле являлись как раз наиболее действенным заслоном на пути в чиновничество для простолюдинов. Внутренняя нестабильность также в огромной степени содействовала социальной мобильности, так как в этом случае, во-первых, сразу нарушалась обязательность экзаменов, во-вторых, центральная власть, борясь с группировками знати, их центробежными настроениями, стремилась опереться на выходцев из низов, не связанных со знатью родственными узами. В период династии Ли сдавать экзамены и становиться чиновниками могли в принципе все лица, независимо от своего социального статуса (не допускались преступники, дети коррумпированных чиновников, дети и внуки вышедших замуж вдов и дети от наложниц), вплоть до рабов *ноби* (и в XV–XVI вв. такие случаи имели место), но со временем выходцев из низов становилось меньше. В 1537 г. было запрещено сдавать экзамены торговцам и ремесленникам, а с XVII в. (при неотмененном праве) случаи сдачи гражданских экзаменов простолюдинами практически не встречаются (военные экзамены они сдавали и после этого времени)[470]. Среди сдавших экзамены на ученые степени с 1421 по 1630 г. 24% были сыновьями лауреатов гражданских экзаменов (т.е. чиновников, получивших должности путем экзаменов), 37,1% имели таких лиц среди «четырех предков» (отец, оба деда и прадед по отцу) и 48,2% — среди других предков, а 51,8% не имели их вовсе (см. табл. 90[471]). Это не значит, впрочем, что последние происходили из неслужилых семей, так как их предки могли получать должности и иным путем. Причем доля их в целом постоянно снижалась (с 81,6% в первой половине XV в. до 39,5% в начале XVII в.). В целом за весь период династии Ли из 30 001 *сэнвонов* и *чинса*, положение отцов которых известно, у 12 837 чел. (42,79%) отцы были гражданскими чиновниками, у 3025 (10,08%) — военными чиновниками (их служебный статус см. табл. 91), у 7990 (26,7%) — учащимися, у 6101 (20,3%) — *юхаками* (неслужилыми конфуцианцами) и у 48 (0,1%) — прочими (в основном принадлежащими к сословию *чуньинов*). Хотя абсолютное большинство *сэнвонов* и *чинса* происходили из служилых родов, со временем доля лауреатов, имевших отцов-чиновников, уменьшалась вследствие роста числа лауреатов — сыновей *юхаков* и учащихся, т.е. представителей низших слоев янбанского сословия (см. табл. 92)[472].

Во Вьетнаме в XI в. в условиях проведения конкурсов чиновниками часто становились богатые крестьяне и особенно их дети,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

которым отцы дали образование, так как рост государственного аппарата обеспечил спрос на чиновников. Однако в целом при династии Ли (1010–1225) среднее чиновничество становилось постепенно закрытой группой, так как его детям было гарантировано (хотя не всем) поступление на низшие должности. При династии Чан (1226–1400) принадлежность к чиновничеству (в т.ч. военному) была фактически наследственной. Источники прямо сообщают, что дети ранговых чиновников шли служить чиновниками. Подготовка лауреатов конкурсов и, следовательно, комплектование гражданского аппарата с самого начала стали наследственным занятием определенного круга родов, которые к XV в. превратились в хранителей политического опыта, традиций образования и службы. Почти все их представители были высокообразованными людьми, оказывали взаимную помощь, заключали межродовые браки, имели большие библиотеки и вели семейные записи, фиксировавшие достижения членов рода. Они, по-видимому, обладали и частными землями, позволявшими долгое время не посылать представителей рода на службу. Как и везде, при крупных переменах в политической жизни состав чиновничества мог существенно обновляться (в частности, при установлении новой династии Поздних Ле в начале XV в. значительная часть чиновников состояла из недавних крестьян)[473], однако положение потомственных родов гражданских чиновников было в целом более устойчивым, чем военных, потому что сложность и важность выполняемых ими функций обеспечили им определенную неприкосновенность. При многочисленных потрясениях XV–XVIII вв. истребляли друг друга военные клики, а гражданский аппарат сравнительно мирно переходил на службу новым правителям, и ни одно из них не сопровождалось массовыми репрессиями в отношении гражданских чиновников, а главное — их родов. Из 1437 лауреатов конкурсов высшего уровня *тьенши* (кит. *цзиньши*) с 1442 по 1592 г. не менее 360 (25%) принадлежали к родам, чьи представители получали эту степень из поколения в поколение. С другой стороны, военное чиновничество носило не менее клановый характер; например, в XVI в. в командовании столичной гвардии насчитывалось более 200 прямых родственников семьи Нгуенов из Тонгшона[474]. По-видимому, степень самовоспроизводства чиновничества во Вьетнаме была не меньшей, чем в Корее.

В странах государственно-патриархального типа существовало три основных источника комплектования чиновничества. Во-первых, поскольку централизованное государство там складывалось на аристократической основе, то формирование чиновничества шло по пути превращения в государственных чиновников центрального аппарата высшей аристократии, а в провинциальных — местных владетелей. И те и другие, легально или фактически, передавали чиновный статус (а часто и конкретные должности) своим потомкам, и, таким образом, большинство чиновничества там всегда происхо-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дило из собственной среды, которая в то же время была аристократической[475]. Разумеется, в периоды завоеваний, смут и переворотов состав чиновничества мог единовременно радикально меняться, но по прошествии некоторого времени эти новые люди также закрепляли свой статус за потомками[476]. Во-вторых (особенно в более примитивных обществах), чиновничество широко комплектовалось непосредственно из числа общинной верхушки[477]. В-третьих, правители государств Юго-Восточной Азии имели обыкновение приближать к себе разного рода маргиналов, доказавших свою преданность, в т.ч. авантюристов-иностранцев, но в общей массе чиновничества их было немного (хотя люди именно такого типа обычно бросаются в глаза). Могли становиться чиновниками и отличившиеся простолюдины, но в сравнении со странами традиционной дальневосточной системы здесь это явление не было распространенным[478]. Хотя эти страны в некотором отношении стоят посередине между аристократическими европейскими монархиями и бюрократическими дальневосточными деспотиями (представляя собой централизованные деспотии, но базирующиеся не столько на бюрократическом, сколько на аристократическом начале), в отношении степени самовоспроизводства служилого сословия они занимают первое место (уступая разве что кочевым и кастовым государствам), опережая по этому показателю как страны традиционной дальневосточной системы, так и европейские. Последние же по степени самовоспроизводства служилого сословия весьма интересны для сравнения.

Здесь разница между дальневосточными обществами и европейскими как раз не такая большая, как это иногда полагают, несмотря на то что в Европе все дети автоматически наследовали статус родителей, а на Дальнем Востоке в большинстве случаев доступ в служилое сословие был официально в равной степени открыт для лиц любого происхождения (кроме неполноправных социальных групп). Естественно, что любое привилегированное сословие или группа неизбежно желают передать по наследству свои титулы, имущество и т.д., а дети их всегда стремятся занять место своих родителей. При этом члены этого сословия обладают сравнительно более существенными возможностями помочь им в этом. Учитывая, что чиновничество составляло менее 2% населения, то даже при половинной доле в нем выходцев из того же слоя (а как мы видели выше, и в самое «демократическое» сунское время через экзамены поступало лишь чуть более половины выходцев из неслужилых семей, а во всей массе чиновничества, с учетом поступивших по праву «тени», их должно быть еще меньше) вероятность стать чиновником для них была в 100 раз выше, чем для простолюдина. Так что степень самовоспроизводства дальневосточного чиновничества была чрезвычайно высока.

Европейское же дворянство, в свою очередь, всегда довольно широко пополнялось извне. Играли роль самые разные факторы:

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

число детей в европейских семьях было несколько меньше, значительно большей была смертность европейских дворян (как сословия преимущественно военного и из-за поединков, уносивших огромное число людей цветущего возраста), наконец, государственный аппарат (основной канал аноблирования в европейских странах) в этих странах увеличивался значительно быстрее, чем в дальневосточных. До появления развитого государственного аппарата и регулярной армии состав дворянства часто менялся[479], не говоря о том, что он не фиксировался, и главным признаком для отнесения к сословию был соответствующий образ жизни: в Англии представители геральдии сами в ходе поездок по стране выдавали патенты на дворянство подходящим лицам; во Франции в XV–XVI вв. достаточно было владеть сеньорией, чтобы аноблироваться, так что вплоть до середины XVII в. ведущие благородный образ жизни простолюдины легко становились дворянами (в Провансе, например, родоначальники примерно $^1/_3$ дворянских семей присваивали себе этот статус, приобретя фьеф, поступив на военную службу или иными путями). Практика самовольных аноблирований была пресечена только при Людовике XIV; в России в конце XVI — начале XVII в. вследствие известных событий Смутного времени состав дворянства почти полностью обновился. Наконец, дворянство широко пополнялось волей государственной власти (особенно в XVI–XVIII вв., когда по Европе прошла волна аноблирования): помимо прямого пожалования дворянство приобреталось на военной службе (в Испании «кабальеро по привилегии» через 3 поколения становились дворянами по крови), путем покупки фьефа (во Франции с 1270 до 1579 г. их владельцы аноблировались с 3-го поколения), занятием муниципальных должностей[480], наконец, просто покупкой — либо аноблирующих должностей (к концу XVIII в. во Франции их было 4160, и они давали 80% аноблирований), либо патентов на дворянство[481]. Лишь в некоторых странах практика аноблирования почти неизвестна (Шотландия) или очень скупа (Германия[482], Польша[483]). В Англии в 1560–1639 гг. было аноблировано около 3760 чел., в Парме в 1557–1600 гг. — 13, в 1641–1680 гг. — 134, в Милане в 1554–1598 гг. — 27, в 1621–1665 гг. — 107[484]. С ростом численности государственного аппарата и офицерского корпуса регулярных армий, превратившихся в основной источник пополнения дворянского сословия, значительную часть чиновников и офицеров составили лица недворянского происхождения (получавшие дворянство на службе). В прусской армии, например, в первой половине XIX в. 30–40% офицеров были недворянского происхождения[485], во Франции даже в XVIII в. (в период наибольшего окостенения сословных барьеров) при общей численности дворянства 300–400 тыс. было аноблировано около 50 тыс. человек, а к 1789 г. даже среди офицеров было около 10% недворян[486]; тем более изменился их состав к началу XIX в.: среди 1139 генералов в 1789–1815 гг. из офицеров и чинов-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ников происходило только 397 чел.[487], при Консульстве из 498 высших чиновников дворяне составляли только 13%, при Империи недворянского происхождения были 43,03% всех чиновников[488]. Пополнение сословия не из своей среды всегда было довольно значительным, особенно в России (где принцип наследственного привилегированного статуса служилого сословия сочетался с принципом вхождения в его состав на основании личных способностей и достоинств[489]), там чиновники недворянского происхождения составляли в середине XVIII в. более 55%, в начале — середине XIX в. — 60%, в конце XIX в. — 70%, а офицеры в начале XVIII в. — 30–40%, во второй половине XVIII в. — около 30%, в первой половине XIX в. — примерно 25%, а в конце XIX в. — до 50–60%, в результате чего к началу XX в. до 90% всех родов потомственных дворян оказались возникшими после конца XVII в.[490].

Обращает на себя внимание, что степень самовоспроизводства персонального состава государственного аппарата в Европе была гораздо меньше, чем в странах традиционной дальневосточной системы. Во-первых, в Европе регулярный аппарат государственного управления появляется значительно позже, чем в бюрократических деспотиях Дальнего Востока, но развивается гораздо интенсивнее; во-вторых, число детей в семьях чиновников в Китае и сопредельных странах за счет полигамии было несколько большим. Так что если в Европе элита имела меньше детей, чем требовал аппарат, то в Китае количество мест в государственном аппарате увеличивалось медленнее, чем число детей элиты[491]. Правда, в странах традиционной дальневосточной системы высшее сословие, эквивалентное европейскому дворянству, и исчерпывалось чиновничеством, а в Европе чиновничество составляло лишь часть высшего сословия. Но с учетом этого обстоятельства и все европейское служилое сословие (в немалой степени за счет социальной мобильности через государственный аппарат, игравший большую роль в деле аноблирования) по степени самовоспроизводства вполне сопоставимо с дальневосточным.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ГЛАВА IV

МЕСТО СЛУЖИЛЫХ СЛОЕВ В СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЕ

1. Сословное деление дальневосточных обществ

Говоря о социально-сословной структуре традиционной дальневосточной системы, следует прежде всего различать принципиальные идеологические установки (традиционно-философское представление об устройстве общества), обобщенно-теоретическое распределение социальных слоев по основным группам и собственно иерархию реально существующих сословных групп. Представление об общественной иерархии, присущее всему времени существования традиционной дальневосточной системы, подразумевало деление населения на 4 группы, расположенные по степени престижа в зависимости от занятий: 1) ученые, образованные люди *ши*, 2) земледельцы *нун*, 3) ремесленники *гун*, 4) торговцы *шан*. Оно не касалось реальной социально-политической иерархии — по степени близости к власти (хотя, разумеется, предполагалось, что управлять должны ученые), игнорировало наличие общественных групп, стоящих вне (выше или ниже) этой схемы, — привилегированных и неполноправных, и в целом относилось к «нормальному» (лично свободному) населению. Таким образом, это чисто теоретическое представление не претендовало на отражение политических реалий, но было той идеологической основой, на которой строилось социальное законодательство.

Наиболее очевидная социальная грань в любом дальневосточном обществе проходила между лично свободными и несвободными — «добрым» и «подлым» людом. Такое деление обязательно присутствует в законодательстве любой страны, независимо от особенностей социальной стратификации и конкретного набора социальных групп. Реальное положение позволяет разделить все социальные слои на: 1) привилегированные, 2) непривилегированные полноправные, 3) неполноправные[492]. Точно так же дело обстояло и в странах Юго-Восточной Азии государственно-патриархального типа — везде основным делением было деление на свободных и несвободных[493], а среди свободных — на господствующий слой и народ[494]. В кочевых обществах Центральной и Восточной Азии тоже

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

всегда наличествуют два сословия — знать и народ (беги и народ, «обладающие саном» и «сородичи и народ»)[495], а реально по меньшей мере 4 группы: правящий род, аристократия (знать, беи), простолюдины (рядовые воины) и несвободные[496].

Собственно, в древних обществах Инь (XV–XI вв. до н.э.) и раннем Чжоу (XI–IX вв. до н.э.) объективно выделялось именно 3 слоя: 1) правящий привилегированный (родственники и приближенные вана, местные правители *чжухоу* с родственниками и приближенными и, вероятно, главы клановых объединений *цзунцзу*), 2) свободные рядовые общинники — основная масса населения, 3) очень немногочисленные несвободные и бесправные. В древних империях Цинь и Хань деление также было трехчастным — на лиц, имеющих ранг знатности (чиновников), свободных простолюдинов (земледельцы, торговцы и ремесленники, не имевшие такового) и рабов. То есть то деление, которое для поздних эпох является обобщенной группировкой, тогда совпадало с реальным сословным делением.

В дальнейшем выделяются некоторые новые группы и сословное деление становится более дробным. В IX–VIII вв. до н.э., когда при распаде государства правители сами провозглашают себя ванами и вводят титулы знатности, появляется сословие профессиональных служилых людей (*цин, дафу, ши*). Первоначально *ши* были профессиональными воинами, потомками раннечжоуских дружинников, немалое число которых сопровождало властителей уделов на новое место и помогало наладить администрацию. Позже в ряды полувоинов-получиновников стали, видимо, вливаться и потомки захудалых аристократических линий. В результате к середине I тысячелетия до н.э. сложился слой лиц, нередко уходивших далеко от дома. Из этой среды правители периода Чуньцю и особенно Чжаньго набирали себе преданных помощников — от мелких чиновников до могущественных министров[497].

Более дробное деление для классического периода традиционной дальневосточной системы может выглядеть так: 1) привилегированные (чиновники, родственники императора, члены знатных кланов); 2) свободные полноправные (ученые, земледельцы); 3) свободные неполноправные (ремесленники и торговцы); 4) несвободные бесправные (различные категории лично несвободных и рабы). В свою очередь, перечисленные слои могут быть разбиты (и обычно так или иначе выделяются в законодательстве) на более мелкие группы.

Законодательство традиционной дальневосточной системы (Тан) различало 10 сословных групп, объективно делящихся на 2 категории — лично свободных (первые три) и несвободных (остальные): 1) лица, имеющие ранг, — чиновничество, включая членов императорского клана и аристократических кланов, 2) простые люди («сто фамилий»), не имеющие рангов, должностей и титулов и связанных с ними привилегий, 3) монахи (буддийские, даосы и др.), 4) *тайчан*

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

иньшэн жэнь, 5) *буцюй* и *кэнюй*, 6) *чан чжу*, 7) *гун* и *юэ*, 8) *цзаху*, 9) *гуаньху*, 10) *нубэй* (рабы)[498]. В Юань все общинники делились на *минь* (обычных) и членов специальных статусных групп: ученые, частнопрактикующие врачи, астрологи, солдаты, военные поселенцы, ремесленники, добытчики соли, угля, почтовые работники и т.д. Принадлежность к ним была настолько существенна, что выходец из этих групп указывал на свое к ним отношение даже в тех случаях, когда его отец и дед были чиновниками. Те же группы продолжали существовать и в Мин, причем некоторые были весьма многочисленными, например, в раннеминский период было зарегистрировано 2,7 млн. взрослых мужчин из почти 2 млн. дворов, принадлежащих к сословной группе солдат[499].

В Силла существовала иерархия привилегированных сословных групп в виде системы *кольпхум*: двух «костей» *коль* и шести степеней достоинства *пхум*. Лица, принадлежащие к «двум костям» — *сонголь* и *чинголь*, являлись в той или иной степени родственниками ванов и составляли аристократию. Ниже их стояли *юктупхум*, *одупхум* и *садупхум* (шести-, пяти- и четырехглавая степень соответственно). Эти группы могут считаться чем-то вроде европейского дворянства. Из их членов преимущественно формировалось чиновничество (хотя доступ в его ряды в нижней части пирамиды был широко открыт для свободных простолюдинов). Однако к этим трем категориям принадлежали практически все, кто стоял выше крестьян-простолюдинов, поскольку, например, деревенские старосты относились к *одупхум* и *садупхум*, так что предполагаемые трех-, двух- и одноглавая степени включали уже простолюдинов, и указания на какие-либо различия между ними и даже вообще на их реальное существование в источниках отсутствуют. Принципиальная разница существовала, во-первых, между «костями» и тремя *пхум*, а во-вторых, между последними и всем остальным населением. В соответствии с принадлежностью к *чинголь*, одной из трех групп *тупхум* или простонародью регламентировались (и весьма детально) все черты быта: жилище, одежда, утварь, повозки и т.д.[500]. Так что в сословном отношении население Силла делилось на 4 группы: 1) аристократия — родственники ванов («две кости»), 2) привилегированные сословные группы *тупхум*, 3) простолюдины *янъины*, 4) неполноправные (*чхонины*, в т.ч. рабы *ноби*).

В Корее, в которой с XV в. конфуцианство обрело настолько прочные позиции, что она (особенно с конца XVII в.) претендовала на право считаться самым конфуцианским из всех конфуцианских государств (включая и Китай, где конфуцианство было «загрязнено» варварами-маньчжурами) и выступать в качестве единственной его хранительницы, официально, как и в Китае, с X в. не было никаких сословий, если не считать разделения сообщества на лично свободных полноправных (*янъины*) и неполноправных (*чхонины*). Однако в период династии Ли, особенно с XVI в., подавленная аристо-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

кратическая тенденция вновь пробила себе дорогу и вышла на поверхность и общество фактически (на уровне не столько права, сколько юридической практики) разделилось на ряд сословных групп: *янбаны* (чиновники), *чуньины* (незаконные дети *янбанов* и лица свободных профессий), *сори* и *хянри* (потомственные канцеляристы), *санмин* (торговцы), *конмин* (ремесленники), *янмин* (свободные крестьяне), *чхонмин* (лично зависимые и лица презираемых профессий). При этом вполне бесспорно выделялись только первая и последняя, а остальные часто объединялись в *янмин* (иногда с выделением либо *чуньинов*, либо *конминов*).

В средневековых обществах Юго-Восточной Азии (в т.ч. и во Вьетнаме) выделяют 6 основных социальных групп: аристократию («титулованная знать и родственники монарха»), чиновничество («служилые феодальные землевладельцы с рангами, титулами»), низшее (неранговое) чиновничество и солдат привилегированных войск, общинную верхушку, основную массу лично свободных общинников, лично несвободное население деревни[501]. В Сиаме с середины XV в. помимо аристократии (потомки монарха до 5-го поколения) выделяются 4 сословия: чиновничество, духовенство, свободные простолюдины, рабы (духовенство не платило налогов и пополнялось из всех слоев населения, но его члены в любой момент могли вернуться в первоначальное состояние). В Ангкоре и постангкорской Камбодже чиновники не выделялись в особое сословие. Во Вьетнаме при династии Ли (1010–1225) население разделялось на 5 групп: 1) титулованные землевладельцы (в основном родственники монарха) и гражданские чиновники, а также их дети, поскольку они автоматически получали небольшой исходный ранг; 2) профессиональные военные чиновники и солдаты; 3) буддийские монахи, врачи и артисты; 4) простые дееспособные крестьяне-общинники; 5) старики, немощные, беглые. Причем все, кроме 4-й группы, были освобождены от налогов[502]. При династии Чан (1226–1400) законодательство различало аристократию, чиновничество, простой народ и рабов[503].

В Японии начиная с середины VII в. население подразделялось, как и в Корее, на 2 основные категории: *рёмин* — «добрый народ» (все свободные, высшей стратой которых были аристократия и чиновники) и *сэммин* — «подлый народ» (лично зависимые)[504], причем законодательством четко выделялись относящиеся к «доброму люду» (свободным) императорский клан, чиновники, монахи, простонародье, «государевы корпоранты» (*томо-бэ*) и «разные дворы» (*дзакко*); на ряд групп делился и «подлый люд»[505]. Затем, однако, развитие японского общества сошло с пути традиционной дальневосточной системы, и с X в. постепенно формируются сословия европейского типа, прежде всего военно-служилое сословие самурайства. Однако придворная аристократия Киото *кугэ* формально считалась высшей по отношению к самурайству социальной группой. Вместе они образовывали высшее сословие. К началу XVII в.,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ко времени сёгуната Токугава, сословное деление, введенное в конце XVI в. при Хидэёси (самураи—крестьяне—горожане), осталось тем же, только горожане разделялись на ремесленников и торговцев[506], т.е. схема сословий приняла вид классического китайского представления о делении общества с той разницей, что в Японии оно соответствовало реальному сословному делению. Придворная аристократия, занимавшая формально еще более высокое место в обществе, фактически стояла вне сословий, представляя собой замкнутую группу, лишенную всякой иной роли, кроме «декоративной». Это сословное деление было отменено только в 1872 г., когда все население, кроме императорского клана *кодзоку*, стало делиться на 3 формально уравненных в правах сословия: *кадзоку* (придворная аристократия *кугэ* и военная знать), *сидзоку* (служилое военное дворянство букэ) и *хэймин* (простой народ — крестьяне, горожане и др.).

Таким образом, в традиционной дальневосточной системе выделяются три уровня социальной стратификации: 1) дихотомия свободные—несвободные («добрый» — «подлый» люд); 2) деление этих двух больших групп на 3–4 категории по принципу объема прав (привилегированные, полноправные, неполноправные, бесправные); 3) выделяемые законодательством конкретные социальные группы. Вопрос о том, деление какого именно уровня считать сословным, решается в литературе по-разному (не говоря уже о том, что общества традиционной дальневосточной системы иногда вообще считают несословными). Тем более что при его решении не всегда можно опираться на выделение искомых групп законодательством, поскольку иногда при одинаковом в принципе социально-профессиональном составе населения в одних странах законодательство выделяло 3–4 группы, в других — до 10 и более. Но исходя из привычных критериев близких нам европейских понятий (где сословное деление, как принято считать, выступает наиболее выпукло и определенно), предпочтительнее выделять в сословия большие группы населения, существенно отличающиеся друг от друга по социальному статусу и объему прав. Таковых же можно выделить обычно не более трех-четырех, и для стран традиционной дальневосточной системы ими будут чиновничество (в широком смысле этого слова, т.е. включая примыкающие к нему группы), простолюдины и лично зависимые. Что же касается мелких социальных групп, существующих параллельно с основными и тем более входящих в состав крупных (например, члены правящего клана, субчиновничество, ремесленники, различные категории несвободных и т.п.), то они могут быть названы сословными группами, субсословиями или сословиями второго порядка.

Любопытно, что при всей разнице в наборе называемых сословий единственное сословие, которое присутствует во всех схемах, это сословие свободных простолюдинов, т.е. именно тот слой насе-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ления, который составляет подавляющее большинство в обществе. Характерно при этом, что никто не считает сословиями те четыре группы, на которые «простой народ» (и шире — все население) делится в системе традиционных китайских представлений: образованные люди, земледельцы, ремесленники и торговцы; в лучшем случае они считаются прослойками. Для этого действительно есть основания, поскольку в правовом отношении различия между ними в традиционной дальневосточной системе незначительны (сводятся практически к тому, что ремесленникам и торговцам запрещалось сдавать экзамены на чин), и существование этих групп в китайской политической традиции отражает лишь представления о сравнительной престижности соответствующих занятий. Однако в странах региона, отошедших от традиционной дальневосточной системы или никогда не принадлежавших к ней, именно эти категории населения являлись настоящими сословиями. Например, в Японии после X в. сословие чиновников так и не оформилось, но выделяются аристократия, самураи (или военно-служилое сословие), крестьянство и городское сословие, а к началу периода Токугава насчитывалось 4 сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, кроме них существовали аристократия, духовенство и парии[507].

Помимо сословия свободных простолюдинов более или менее очевидным является существование сословий чиновников (в него некоторые включают и знать, родственников правителя), духовенства (монахов) и несвободных (иногда подразделяемое на ряд более мелких сословий). Выделять в социальной структуре дальневосточных обществ в качестве самостоятельного сословия так называемую знать едва ли правомерно. К ней обычно относят родственников правителя (в т.ч. и по жене) и обладателей почетных титулов. Разумеется, они стояли по общественному и имущественному положению выше основной массы чиновничества, однако родственники правителя слишком специфическая и относительно малочисленная группа, чтобы ее можно было считать особым сословием. Что же касается титулов, то они, во-первых, были ненаследственными, а во-вторых, давались за личные заслуги. Наконец, почетные титулы входили в одну общегосударственную систему рангов, а именно по принципу обладания рангом в дальневосточных обществах и выделялось высшее сословие. Эти люди, составляя специфическую, обособленную группу, входили тем не менее вместе с чиновниками в состав одного сословия точно так же, как в Европе носители титулов составляли высшую часть единого дворянского сословия. Европейские титулы и их носители отличаются от дальневосточных в той же мере, в какой все сословие европейского дворянства отличается от сословия дальневосточного чиновничества. В ряде государств (созданных в результате завоевания части территории Китая кочевыми народами) параллельно сосуществовали два типа сословного деления: для китайцев и завоевателей. Последние делились всегда

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

на три сословия — знать, чиновники и простонародье, без неполноправных. Исключением были Раннее Чжао, Северное Вэй и Позднее Хань (923–937), где по причине сильной китаизации создателей государства особого сословного деления не вводилось.

Понятие сословия не вполне определенно, но если вычленить общее и бесспорное в многочисленных определениях и толкованиях данного понятия, то это прежде всего социальная группа, обладающая юридически зафиксированными правами и обязанностями и отличающаяся совокупностью, набором таковых от других социальных групп данного общества. Строго говоря, «номенклатура» сословий определяется законом (совокупность прав и обязанностей — понятие юридическое), и если данная социальная группа не выделяется государством в правовом отношении, то сословием она заведомо называться не может. Когда сословное деление непосредственно зафиксировано в законодательстве (дается перечень сословий), сословная стратификация общества не вызывает затруднений; сложнее обстоит дело тогда, когда в обществе имеется ряд социальных групп с различным набором ограничений и привилегий, и особенно тогда, когда социальные группы выделяются по разным критериям и человек одновременно является членом нескольких таких групп, каждая из которых может в принципе претендовать на название сословия.

Наиболее существенно в определении сословия именно обладание данной социальной группой совокупностью прав и обязанностей, отличающей ее от других социальных групп, а не наследственность сословной принадлежности и степень замкнутости. Об этом приходится упоминать потому, что под влиянием установившихся в советской науке стереотипов[508] обязательным признаком сословия часто полагают наследственность. Поэтому встречаются утверждения о «несословности», в частности, дальневосточных обществ именно по причине отказа социальным группам в этих странах называться сословиями из-за принципиальной ненаследственности социального статуса их членов и относительной открытости, легкости перехода из одной социальной группы в другую[509]. Но это совершенно неверно (возможно, основано на представлении о Европе XVIII–XIX вв.), так как для самых «сословных» стран Европы, во всяком случае до середины XVII в., характерна размытость сословных границ, и состав даже высшего сословия — дворянства очень долго вообще четко не фиксировался. В частности, во Франции вплоть до XVII в. границы его оставались открытыми. Недворянские семьи легко могли со временем аноблироваться, если на протяжении двух-трех поколений вели дворянский образ жизни, и вообще «дворянином был прежде всего тот, кого общество признавало таковым»[510]. Собственно, круг родов, принадлежащих к высшему сословию, практически никогда там не фиксировался (в отличие, между прочим, от Китая VII–VIII вв.!) даже в XVIII в.[511].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Вообще считать обязательными признаками сословия непременную наследственность социального статуса и замкнутость совершенно неверно. Одновременно оба этих признака присущи не сословию, а касте, и именно их наличием каста отличается от сословия (хотя сама каста представляет собой, конечно, разновидность сословного деления). Замкнутых сословий практически не встречается (даже к клану правителя, если рассматривать его как сословие, можно было быть причисленным благодаря браку с его представителями, усыновлению или дарованию фамилии)[512]. Что же касается наследственности, то, действительно, в большинстве случаев сословная система общества предполагает наследование социального статуса. Иногда такое наследование юридически обязательно, в других случаях оно имеет место в силу естественных причин. Можно сказать, что сословия закономерно тяготеют к наследственности. Однако это не значит, что всякое сословие обязательно должно быть наследственным. Совершенно очевидно, что общество может или быть сословным, или не быть таковым, т.е. не может существовать положения, при котором в обществе часть населения находится вне сословий или имеется одно-два сословия, а остальное население — «вне сословий» (в этом случае оно неминуемо также образует сословие, ибо противопоставляется в правовом отношении тем группам, которые признаются сословиями, — по этому принципу, в частности, выделялось «третье сословие» во Франции). Итак, если считать обязательным признаком сословия наследственность социальной принадлежности, то придется отказать в праве именоваться сословиями ряду сословий даже классических сословных обществ, например, русскому купечеству или европейскому духовенству (о наследственности последнего в принципе не могло быть речи по причине целибата), хотя в обоих случаях законодательство прямо называет эти группы населения сословиями. Таким образом, в классических сословных обществах (Франция, Россия), законодательством которых к тому же прямо указан перечень сословий, предусматривается, что одни сословия могут пополняться путем наследования, а другие — нет. Наиболее последовательно сущность сословий выражена в российском законодательстве, где они именуются именно **состояниями** («Законы о состояниях» — Свод законов Российской империи. Т. 9), имея в виду то социальное состояние, в котором пребывает тот или иной индивид. Так что выделение в качестве сословий основных социальных состояний, в которых мог пребывать человек в странах дальневосточного ареала, вполне соответствует общим критериям.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

2. Чиновничество как социальный слой

В гл. III речь шла о чиновничестве как профессиональной группе (т.е. о лицах, находящихся в конкретный момент на государственной службе и составляющих сотые или десятые доли процента от численности всего населения). Однако в широком смысле оно может пониматься как привилегированный социальный слой, связанный с государственной службой (которая и является источником его привилегированного положения) и охватывающий как примыкающие к собственно чиновничеству социальные группы, так и членов семей. И именно в этом смысле дальневосточное чиновничество по своей функциональной роли в государстве и месту в социальной структуре общества соотносимо с европейским дворянством.

Структура и состав. Стержнем служилого слоя на традиционном Дальнем Востоке было регулярное ранговое чиновничество, т.е. находившиеся на действительной службе и занимающие определенные должности полноправные чиновники, имеющие один из общегосударственных рангов. Однако вокруг него существовал ряд социальных групп весьма различного рода, примыкавших к чиновничеству, но лишь частично с ним соотносившихся и пересекавшихся. Состав, причины появления и положение таких групп разнятся в зависимости от степени аристократизма общества. Эти группы населения могут быть разбиты на 3 категории: 1) аристократия (лица, имеющие общегосударственные ранги по праву происхождения и связанные с ним титулы, члены знатных родов), 2) «резервное чиновничество» (отставные чиновники, фиктивные «почетные» чиновники, неслужащие обладатели ученых степеней), 3) члены семей и родственники чиновников.

Эти категории не представляли собой четко отграниченные друг от друга общности, а переплетались между собой. Так, часть аристократии, находясь на действительной службе, представляла собой полноправное ранговое чиновничество (взаимосоотнесенность чиновничества и аристократии будет рассмотрена ниже в особом разделе), а часть — неслужилых обладателей степеней. Положение членов семей чиновников трудно отграничить от положения членов семей лиц, имеющих ранги по праву происхождения, т.е. аристократии, поскольку их правовая оформленность базировалась на одном и том же основании — наличии общегосударственного ранга у главы семьи. В свою очередь, члены прослойки «резервного» (неслужилого) чиновничества могли быть обязаны своим положением принадлежности к семьям как регулярного чиновничества, так и аристократии и в значительной степени из них же и происходили, поскольку именно положение родителей давало им либо ранги по праву происхождения, либо возможность таковые купить.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Аристократия в традиционной дальневосточной системе обычно представляла собой слой лиц, обладавших рангами в силу своего происхождения; это, как правило, были родственники правящего дома. Такие лица, не неся обязанностей действительной службы, были формально равны полноправному ранговому чиновничеству, так как их наследственные титулы соответствовали одному из общегосударственных рангов. Обычно их было относительно немного, но иногда этот слой вырастал до социально значимых размеров (в Мин к концу династии численность близких и дальних родственников, не занимающих должностей, но имеющих ранги, титулы и звания, превысила 100 тыс. чел.[513]). Кроме того, к аристократии часто относят членов могущественных кланов, из поколения в поколение поставлявших чиновников. Социальный статус их членов, несмотря на то что совсем необязательно все их представители служили чиновниками, был достаточно устойчив и высок, чтобы этих лиц можно было отнести к привилегированному слою: сами по себе они никакими привилегиями не пользовались, но в силу многочисленности в составе таких родов чиновников (и довольно высокопоставленных) почти все их члены охватывались правовой «тенью» служилых родственников.

Хотя в полной мере привилегии, связанные с нахождением на государственной службе, распространялись только на чиновников действительной службы, а «почетные чиновники», дети чиновников и «почетных чиновников», а равно уволенные со службы относились к сословию простолюдинов, статус их отличался от массы последних. Что касается отставных чиновников действительной службы, то граница в отношении сословных прав пролегала в Тан между чиновниками 1–5-го и 6–9-го рангов. Последние при увольнении со службы подлежали зачислению в реестры податей и повинностей и лишались прав на «земли вечного владения». Отставные чиновники 1–5-го рангов переходили в *байсин* только в случае «потери имени» и сохраняли те же права на «земли вечного владения», что и находящиеся на службе. Потомки чиновников 1–5-го рангов, «потерявших имя», уже не могли восстановить статус предков и навечно оставались в сословии *байсин*, хотя и сохраняли наименование «потомков чиновника 4-го ранга». «Почетные чиновники» (не имевшие должностей, а только почетное звание *сань*) изначально принадлежали к *байсин*, но сверх обычных крестьянских наделов имели еще «земли вечного владения», положенные им в соответствии с их званиями. Сюда же относились лица, имевшие звания за заслуги *сюнь* — «чиновники за заслуги». Звания эти, как и все другие, не передавались по наследству, и дети таких лиц, не имевшие собственных званий, именовались «потомками почетного чиновника»[514].

Социальная группа неслужилых *шэньши* (в западных работах именуемых по аналогии с европейским дворянством «джентри») — обладателей низших купленных рангов, почетных званий, а позже —

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ученых степеней, появляется в Китае на рубеже н.э. и в дальнейшем становится постоянным компонентом социальной структуры дальневосточных обществ. Рассматривая цинский период, в понятие «джентри» включают как всех чиновников (в том числе отставных и тех, кто купил свои ранги), так и обладателей ученых степеней и академических званий, никогда не состоявших на службе и занимавшихся частной практикой. Весь этот круг лиц в культурно-психологическом отношении образует некоторое единство, и у европейца возникает ассоциация со знакомым ему дворянским сословием, часть которого служит, а часть просто живет в своих имениях или находит себе применение в сфере «свободных профессий». И в том аспекте, в котором этот слой здесь рассматривается, такая ассоциация вполне оправданна (любопытно, что в Англии в конце XVI — начале XVII в. в состав дворянства — «nobilitas» включались, например, титулованные лица, епископы, рыцари, эсквайры, джентльмены, священники и «literatos» — «все образованные, имеющие какую-либо ученую степень»[515]).

Состав всего слоя лиц, известных как *шэньши*, иногда делят на две группы, из которых к первой относятся чиновники (действительной службы, отставные и смещенные, в т.ч. те, кто купил свой статус), а ко второй — неслужащие обладатели степеней и званий, в т.ч.: 1) *цзиньши*, 2) *цзюйжэни*, 3) *гуншэны*, 4) *цзяньшэны* и 5) *шэнъюани* (известные также как *сюцаи*)[516]. Однако в социальном плане едва ли не более существенная граница пролегала между чиновниками и обладателями высших степеней, дававших право стать чиновником, с одной стороны, а с другой — обладателями низших степеней (*шэнъюани* и с 1700 г. *цзяньшэны*), которые в принципе не могли ими стать. Это касается не только обладателей степеней, но и всех других категорий лиц, примыкающих в социально-культурном и психологическом плане к чиновничеству, но не могущих рассчитывать на нормальную служебную карьеру полноправного рангового чиновника. Лица этих категорий существовали и в других странах региона.

В Корее слой неслужилых обладателей степеней стал формироваться с XV в., когда была введена система раздельных экзаменов на ученую степень и на должность. Как уже говорилось выше (см. гл. II), лауреатов первых каждые 3 года было 200, а потом и 260, тогда как вторых — 33. Обладатели ученых степеней *сэнвон* и *чинса* могли затем сдавать экзамены на должность, поступать в Государственный Университет либо поступать на службу по рекомендации или по праву «тени», однако более половины их, и чем дальше, тем большая часть (см. табл. 12), возвращались на родину, где они вливались в ряды местной элиты. Этот процесс и предопределил превращение с конца XVII в. *янбанов* из сословия служащих чиновников в сословие, подобное *шэньши* в Китае, а учитывая гораздо более сильную сословно-аристократическую традицию, не вполне подавленную в период Корё, — в сословие, более схожее с европейским

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дворянством. На местах они образовывали социальную группу с наивысшим престижем (поскольку те, кто стоял выше них по положению — лауреаты гражданских экзаменов на должность и вообще чиновники, — оказывались исторгнуты из местного общества, так как им запрещалось служить на родине) и объединялись в неформальные организации *самасо* и *тоннёнхо* (объединяли лиц, получивших степени на экзаменах определенного года)[517].

В Японии существовала категория *санви* — лиц, имевших ранги, но не занимавших должностей (т.е. обладатели *сань*), а также приравненная к ней категория *кунви* — обладателей государственных наград. Из них во время войны набирались начальники отрядов и их помощники, а негодные к службе могли использоваться в качестве *сибу* — канцеляристов. Кроме того, существовал слой *сёдзин* — неранговых потомков знати, облагаемых налогом и несших воинскую повинность, но освобожденных от трудовой (из них в случае войны набирался младший командный состав)[518]. Дети старших принцев (братьев и сыновей императора) получали ранг 4б2, дети младших принцев (другие члены императорского рода) и праправнуки старших принцев — 5б2, старшие дети последних — 6а1, младшие — 6а2. Детям и внукам чиновников 1–5-го рангов (аристократии) ранги присваивались автоматически, вне зависимости от службы (к рангам были приравнены и награды[519], но для потомков лиц, чья награда соответствовала 4-му рангу, — с понижением на одну, а 5-му — на две ступени[520]).

Во Вьетнаме обладатели титулов знатности передавали старшему сыну титул с разницей в 10 ступеней, прочим детям — 11, старшему внуку — 12 ступеней, чиновники 1-го ранга передавали ранг только старшему сыну: военные с разницей в 10, гражданские — 11 ступеней. Родителям обладателей титулов, придворных женщин и военных чиновников 1–4-го рангов присваивались посмертные титулы на одну ступень ниже детей, родителям гражданских чиновников — на 2. Обладатели титулов *куокконг, куанконг, хау, ба*, императрица и 3 второстепенные жены императора имели право титулования деда и бабки, а вдовствующая императрица — также прапрадедов и прабабок. Обладатели титулов знатности, кроме *ба*, передавали предкам также титулы знатности, а чиновники — военные и гражданские должности[521].

Члены семей и родственники чиновников принадлежали к чиновничьему сословию в силу тех прав и привилегий, которые имело полноправное чиновничество в отношении этих лиц (см. гл. III). Как уже было сказано, на членов семей и ближайших родственников распространялась правовая защищенность, т.е. в отношении их действовали те правовые нормы, которые и отделяли чиновничество от основной массы населения, оформляя его как особое сословие. Жены же чиновников во всех странах региона имели специальные звания в соответствии с рангами мужей[522].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Насколько все-таки правомерно соотносить слой дальневосточного чиновничества (в широком понимании) с европейским дворянством? Как известно, с последним часто соотносят весь слой китайских *шэньши*. Представляется, что за исключением одного различия (но зато фундаментального, выражающего самую суть разницы между европейской и дальневосточной цивилизациями) — официальной правовой наследственности привилегированного и равного для всего слоя статуса — это правомерно, поскольку и по функциям, и по положению в социальной структуре, и по доле в обществе это единственный слой, эквивалентный высшему сословию в Европе. Но если относительно собственно Китая можно говорить только о сравнениях такого рода, то в сопредельных странах, развивавшихся изначально на аристократической основе и лишь заимствовавших принципы китайского социально-государственного устройства, — и в Японии, и в Корее, и во Вьетнаме, раньше или позже, но проявилась тенденция к формированию на основе служилого слоя сословия, практически полностью тождественного европейскому дворянству. В одном случае (Япония) такое сословие оформилось официально, в другом (Корея) существовало как бы «незаконно» — вне кодифицирования, но на основе повседневной юридической практики, в третьем (Вьетнам) охватывало только часть служилого слоя, но, так или иначе, эта тенденция пробивала себе дорогу.

Корейское янбанство периода династии Ли также может быть соотнесено с европейским дворянством. Оставаясь теоретически сословием служащих чиновников, оно с конца XVII в. все больше превращалось в сословие лиц, имеющих право служить, поскольку количество должностей в государственном аппарате, будучи с XV в. постоянным, стало приходить во все более резкое противоречие с быстрым ростом янбанской прослойки. Только если более трех поколений одной семьи не служили, она теряла янбанский статус и переходила в сословие *сори*. Ряд привилегий *янбанов* не был связан с государственной службой: неподсудность обычному суду (их дела рассматривались специальным органом *Ыйгымбу*), смягчение условий тюремного заключения, неподверженность женщин пыткам, заковыванию в колодки и некоторым видам телесных наказаний, предоставление возможности осужденному покончить самоубийством, особые одежда и головной убор, запрещение сидеть и курить в их присутствии, право давать в суде показания стоя (а не на коленях), обязанность простолюдинов спешиваться и кланяться при встрече с ними. Ограничивались в правах поступления на государственную службу дети *янбанов* от наложниц, потомки политических преступников, дети и внуки вышедших замуж вдов. Янбанское сословие пополнялось также из числа *янминов* путем усыновления за плату богатых крестьян (этой возможности были лишены торговцы и ремесленники, поскольку для *янбанов* эти занятия считались недопустимыми).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Сословие *чуньинов* возникло в XV–XVI вв. как прослойка детей *янбанов* от наложниц; эти лица считались простолюдинами, но на практике, обладая образованием, воспитанием и средствами, с простолюдинами не сливались. В дальнейшем эта социальная группа все больше становилась самовоспроизводящейся, поскольку дети *чуньинов* наследовали статус родителей. Кроме того, в это сословие могли переходить получившие специальное образование *сори* и *яньины*; с другой стороны, наиболее неудачливая часть *чуньинов* переходила в *яньины*. Сословие *чуньинов* примыкало к *янбанам*, поскольку также пополняло ряды чиновничества, однако для его представителей существовали ограничения по служебному продвижению (с различиями в зависимости от статуса матери — происходила ли она из *яньинов* или *чхонинов*; см. табл. 93), и даже в случае занятия регулярных должностей они не получали служебных наделов. На практике *чуньины* занимали должности, требующие не конфуцианской, а специальной подготовки (в Корее традиционно насчитывалось 10 таких дисциплин: 4 языка — китайский, маньчжурский, монгольский и японский, медицина, гадание, живопись, математика, право, даосизм). Этот маргинальный слой дал огромное количество участников разного рода антиправительственных выступлений и идеологов движения «Сирхак» («За реальные знания») и постоянно поднимал вопрос о равноправии с *янбанами* (что поддерживалось частью последних). В 1696 г. внукам свободных наложниц и правнукам несвободных было разрешено сдавать гражданские экзамены, а в конце XVIII — начале XIX в. были сделаны дальнейшие уступки[523]. Третье служилое сословие, сформировавшееся в XV в., *сори* также не было отстранено от возможности перехода в состав чиновничества, однако потолок их служебной карьеры был ограничен в провинции рангом 5а, в столице — 7а.

Во Вьетнаме в начале XIX в. целенаправленно формируется сословие наследственной знати из так называемых «бангкокцев» — семей, находившихся в конце XVIII в. вместе с основателем династии Нгуенов в эмиграции в Сиаме. В 1817 г. для них в соответствии с заслугами было введено 7 титулов (приравненных к рангам от 2б до 8б), 5 высших из которых передавались по наследству старшим сыновьям и старшим внукам, а затем с понижением в каждом поколении, причем в 6-м поколении все потомки обладателей первых пяти титулов сравнивались и сообщали своим потомкам одинаковый титул *анкиуи* (ранг 6б) без понижения (см. табл. 94[524]). Таким образом, они пользовались даже большими привилегиями, чем потомки братьев императора, через 5 неслужилых поколений превращавшиеся в простолюдинов. К 1819 г. эта группа включала 30 семей (предполагалось включение всего около 300). Однако следующий император, действуя в духе традиционных установок на препятствование образованию наследственных привилегированных слоев, пресек развитие этого сословия[525].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Японии, как известно, разрыв с принципами традиционной дальневосточной системы был наиболее ранним, резким и последовательным. Междоусобные войны X–XII вв. способствовали становлению самурайства. С утратой императором реальной власти и установлением в 1192 г. первого сёгуната Минамото самураями стали считаться все военные, включая и самого сёгуна. Верхушку самурайства составляли владетельные князья *даймё*, а собственно самураи делились на две группы: группа *гокэнин* — непосредственные вассалы сёгуна — составляла стержень сословия, а группа *хигокэнин* включала мелких дружинников, подчинявшихся императорскому двору или храмам. В дальнейшем среди самурайства различались следующие группы: 1. *Даймё* трех классов (*госанкэ, фудай* и *тодзама*), в зависимости от отношения к дому Токугава. К *госанкэ* принадлежали всего 3 рода: Кии, Мито и Овари; в классе *фудай* насчитывалось 150 родов, они располагали доходом 1 млн. — 100 тыс. коку риса в год и на каждые 100 тыс. коку были обязаны содержать 2,5–3 тыс. самураев. 2. *Хатамото* («знаменосцы») — непосредственные вассалы сёгуна (около 5 тыс.), имевшие право личной аудиенции у сёгуна; они входили в помещение через главный вход, не падали ниц перед *госанкэ* и ездили верхом в Эдо. Эти лица получали содержание менее 10 тыс. коку в год (незначительная часть получала и земли *та*) и в случае войны выставляли 5 чел. с каждой тысячи коку риса годового дохода, а в мирное время входили в состав администрации сёгуна. 3. *Гокэнин* — мелкие вассалы сёгуна (15 тыс.), получали 100 коку. *Хатамото* и *гокэнин* делились на 2 класса: *фудай* (роды ближайших сподвижников Токугавы Иэясу) и *гохо*. 4. *Байсин* — вассалы вассалов, т.е. самураи, находившиеся в подчинении высших самураев, получали около 30 коку. 5. *Асигару (кэнин)* — низшие самураи, т.е. рядовые воины. 6. *Ронин (роси)* — самураи, утратившие место в иерархии и клане и переходившие от сюзерена к сюзерену или объединявшиеся в банды грабителей[526].

Подобная структура высшего служилого сословия практически ничем не отличается от европейской (где таковая довольно широко варьировалась, но, как правило, состояла из четырех основных страт: аристократии, приближающегося к ней промежуточного слоя[527], среднего дворянства, низшего дворянства и иногда из пограничной прослойки). При уравнении в 1872 г. сословий за самураями была закреплена монополия на офицерские должности в армии — всего около 40 тыс. чел. (в армии наибольшую роль играл клан Тёсю, во флоте — Сацума), а многие из них пополнили полицию (составив там абсолютное большинство), вследствие чего на нее было перенесено прежнее отношение к самураям[528]. То есть самурайство повторило путь, чуть ранее пройденный европейским дворянством, которое при создании регулярной армии естественным образом составило и часть рядового, и, конечно, командный состав ее.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Наконец, и в самом Китае был период (IV–VIII вв.), когда служилое сословие было отделено от населения вполне по-европейски. В это время не только высшие должности были монополизированы несколькими виднейшими кланами, составлявшими аристократию, но все служилые роды (именно роды, т.е. все члены родов, из которых выходили чиновники, а не только сами чиновники и их ближайшие родственники) были в правовом отношении отграничены от массы населения. Проводилось жесткое и формальное отличие родов *шидафу* (служилых) от *шумин* (простолюдинов) — они отдельно вносились в подворные реестры, освобождались от налогов, трудовой повинности, военной службы, земельной платы и торговых сборов, не подвергались телесным наказаниям (а только денежным штрафам, понижением в ранге и должности или задержкам в карьере). Более того, браки их с общинниками (именуемыми «домами трех и пяти» — по числу повинностей) были запрещены, и даже внутри их существовала иерархия групп, часть которых практиковала эндогамию. Уже начиная с Вэй (Троецарствие) люди отбывали на службу на основании статуса их семей, а со времен Северного Вэй эта система стала повсеместно внедряться в Китае; так, стали выделяться «8 кланов», «10 фамилий», «36 родов», «92 фамилии» и т.д.

Однако в основу статуса родов была заложена все-таки не древность происхождения или родственная близость к правителям, а «бюрократический» элемент — служебные достижения членов рода, которые, правда (в чем можно усмотреть сходство с системой местничества в России XVII в.), служили основанием для выдвижения потомков. Двумя высшими категориями родов были *каолян* (чьи предки занимали в трех поколениях должности Трех Князей) и *хуаю* (имевшие предков *шаншулинов* или *пуе*), затем шли роды 1-го ранга (*цзясин*) — имевшие в роду лиц не ниже глав департаментов палаты Шаншу, 2-го ранга (*исин*) — имевшие глав «9 управ» или начальников областей, 3-го и 4-го рангов (более низкие должности, не ниже *ланчунов* и *ланов*). Позже эта система пришла в беспорядок ввиду невозможности точно определить социальный ранг семей. В танское время на основании служебных достижений предков служилые кланы (помимо выделившихся во второй половине VII в. «7 великих фамилий» высшего разряда) образовали иерархию из 5 степеней, охватывающих несколько сот семей, которые были названы *шицзу* (образованные служилые роды). Все прочие семьи стали считаться общинниками (*шусин*)[529].

В отличие от Европы, где единых реестров дворянских родов, как правило, никогда не существовало, в Китае таковые составлялись неоднократно. Таким образом, принцип иерархии по родовитости получил государственную санкцию. Знатность человека удостоверялась указанием места происхождения его рода (*цзюньван*). В начале Восточного Цзинь был составлен первый свод знатных родов.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В последующем реестры таких родов исправлялись, дополнялись и приняли вид многотомных уложений. В 634, 638, 659 и других годах составлялись перечни аристократических родов (до середины VIII в. их было составлено более 10). В списке 634 г. фигурировало 398 кланов, в 638 г. императору был поднесен труд, где был поименован 1651 род (принадлежащий к 293 кланам), разбитый на 9 степеней социальной значимости. После утверждения императором этот свод был обнародован и распространен в империи. В 659 г. император решил заменить его новым, включавшим 2287 родов из 245 кланов. Этот труд подчеркивал личные и служебные достижения более, чем происхождение (так как в VII в. были введены экзамены), и ранжировал все семьи строго в соответствии с официальным рангом или титулом знатности, достигнутыми главами семей при нынешней династии, и ограничивал итоговый семейный статус исключительно прямыми потомками получившего эту должность, отрицая равный статус для побочных и дальних родственников. В 713 г. Лю Чжун преподнес трону свой труд из 200 частей, который в следующем году был обнародован. Разумеется, официальные назначения на должности не зависели больше от положения семьи, как в предсуйский период, и книги 659 и 713 гг. были направлены на приведение положения семей в соответствие с реальными достижениями их членов[530]. 739 годом датирован лист из 398 фамилий, сопровождавшийся указанием, что представителям родов, не поименованным в нем, запрещается брак с представителями названных в списке родов. Имеется также манускрипт из Дуньхуана, написанный не ранее середины 790-х годов, где перечислены не менее 791 фамилии, многие из которых совершенно неизвестны и с трудом ассоциируются с кланами с устоявшейся репутацией. В IX в. практика составления генеалогических реестров и институт *цзюньван* исчезли[531].

Характерные для этого периода безусловный примат идеи родовитости и обостренное чувство сословной принадлежности к *шидафу* пронизывали всю жизнь верхов периода Южных и Северных династий вплоть до последних мелочей. «Если при Чжоу и Хань люди делились на „мудрых“ и „неученых“, то в Вэй и Цзинь — на „знатных“ и „безродных“» (историк Шэнь Юэ; 441–513)[532]. «Отпрыски знатных фамилий были в большом почете, а людей низкого происхождения презирали. Поэтому в отличие от позднейших времен никто не хвастался тем, что он быстро поднялся из низов, и никто не стыдился говорить, что он сделал карьеру благодаря знатности своей семьи» (Ма Дуаньлин; XIII в.). Шэнь Ко, ученый XI в., уподоблял организацию раннетанского общества кастовому строю Индии и утверждал, что такой строй был насажден в Китае завоевателями-кочевниками и свойствен всем варварским народам, но не китайцам[533].

Что же касается стран Юго-Восточной Азии государственно-патриархального типа, то практически все они прямо эволюциони-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ровали в сторону формирования служилого сословия по типу европейского дворянства, хотя в большинстве из них чиновничество так и не превратилось в «полноценное» дворянство, и в этом отношении их сходство с поздними Кореей и Вьетнамом наиболее велико. Однако в большинстве стран Юго-Восточной Азии структура господствующего класса была весьма примитивной и фактически сводилась к разделению на клан правителя, столичную и провинциальную знать. Последние, как правило, имели разное историческое происхождение и состав, но обе фактически были наследственными. При этом если столичная (находившаяся в сфере непосредственного внимания правителя) чаще могла пополняться случайными людьми, то провинциальная, тесно связанная с общинной верхушкой, пополнялась из той же среды[534]. В государствах, где внешнее влияние было минимальным, тенденция к образованию наследственного дворянства проявилась особенно сильно. В Маджапахите оформился привилегированный слой профессиональных воинов — *панджи*, которые в Юго-Восточной Азии наиболее близко стояли к европейскому дворянству и японскому самурайству[535]. Это сословие (*прияи*), отделенное от массы населения происхождением, воспитанием и занятием, поставлявшее чиновников и придворных и стоявшее между группой принцев и массой населения, выкристаллизовалось в Маджапахите, а потом в Матараме и сменивших его Суракарте и Джокьякарте в особую общность со своей системой ценностей[536].

Численность и доля в населении служилого чиновничьего слоя (в широком понимании) в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии также вполне сопоставимы с европейским дворянством. Если сами чиновники составляли доли процента от населения страны, то чиновничество как сословие (с семьями), скажем, в танском Китае из 50 млн. населения составляло 1 млн., или 2%[537], по другим оценкам — не более 1,5% населения[538]. При Цин чиновный слой распадался на три категории: 1) чиновники действительной службы (и обладатели чиновных рангов); 2) имевшие право на службу, но неслужащие *цзиньши*, *цзюйжэни* и *гуншэны*; 3) обладатели низших ученых званий (*шэнъюань и цзяншэн*). Чиновники действительной службы составляли ничтожный процент этого слоя (2–8%, тогда как 86–88% составляли низшие *шэньши*, не имевшие право на занятие должностей; см. табл. 95). С членами семей высший слой насчитывал до 600 тыс., а слой низших *шэньши* — около 5 млн. человек[539]. На 350–400 (377,5) млн. населения (или около 70 млн. дворов) на долю чиновников и обладателей ученых степеней приходилось 1,5 млн. дворов, т.е. 2% всего населения (крестьян — 56 млн., или 80%, торговцев и ремесленников — 12,5 млн., или 18%). Из 1 443 900 *шэньши* 910 597 было «регулярных» и 533 303 «нерегулярных» (купивших свой статус), или по 1000 *шэньши* (в т.ч. более 600 «регулярных») на каждый из 1,5 тыс. уездов[540].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В Японии общая численность самураев в XVII в. достигла 400 тыс., с членами семей — около 2 млн. (с челядью до 3 млн.) при населении Японии (без самураев) от 16–17 до 25–26 млн. чел. на протяжении XVII в.; при этом в разных княжествах доля самураев в населении составляла от 5 до 25%[541].

Для Кореи характерен гипертрофированный рост высшего сословия, уникальный по своим масштабам не только для региона, но и для всего мира. Значительную роль в этом процессе играла сильно развитая полигамия — наличие помимо жены нескольких наложниц (в т.ч. и несвободных). В начале XV в. *янбаны* составляли лишь несколько процентов населения. В 1663 г. в районе к северу от Сеула *янбаны* составляли 16,6%, простолюдины — 30% (в т.ч. 5% *сори*), *чхонины* 53,3%, в 1690 г. в уезде Тэгу *янбаны* составляли 7,47% (при 49,5% *яньинов*, 41,45% — *чхонинов* и 1,65% — *ноби*)[542]. С 1690 по 1850 г. численность *янбанов* в некоторых областях возросла с 9,2 до 70,3%, а *яньинов* сократилась с 53,7 до 28,2%, *чхонинов* — с 37,1 до 1,5%[543]. В целом же к концу XIX в. не менее трети населения причисляло себя к высшему сословию[544].

Таким образом, в Китае весь этот слой составлял не более 2% населения, а в меньших по размерам сопредельных странах — до 10% и более. Если мы теперь сравним долю дворянства в населении европейских стран, то увидим в точности такую же картину: в одних странах (наиболее значительных, за исключением Испании) доля дворянства колеблется вокруг 2% (чаще даже не достигает их), в других (обычно менее значительных) — иногда составляет до 10%[545].

3. Чиновничество и аристократия

Из всех терминов, характеризующих высшие слои общества, термин «аристократия» в литературе употребляется наиболее абстрактно. В большинстве случаев авторы не связывают с ним сколько-нибудь определенной для них самих социальной группы, а употребляют его просто как обозначение высшего слоя общества. Если же при этом и имеется в виду какая-то конкретная, социально очерченная группа, то она может быть самой разной и по численности, и по своей природе. В отношении многих, если не большинства, восточных обществ это имеет некоторое оправдание, поскольку, действительно, набор высших групп, претендующих на такую дефиницию, там весьма многообразен. Тем не менее некоторая ясность в этот вопрос может и должна быть внесена, и точкой отсчета должно, конечно, служить европейское понимание аристократии. Не потому, что европейский тип развития более «нормативен» в рамках «мировой цивилизации» (скорее, наоборот). Но хотя бы потому, что вся

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

современная наука (в т.ч. и в современных странах Востока) по происхождению, используемым методам и понятиям и самому смыслу своего существования есть наука европейская, не имеющая ничего общего с тем, что представляла собой историческая наука на традиционном Востоке, и вся современная литература, каких бы теоретических концепций ни придерживались ее авторы, написана именно в этом русле.

Для европейских же стран под аристократией совершенно правомерно подразумевались носители наследственных титулов — князья, герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны, составлявшие высший слой дворянства, или (при отсутствии титулов) равноценная им социальная группа[546]. В популярной литературе или в книгах, написанных людьми, не склонными обращать внимание на такие «детали», как стратификация высших слоев общества, под аристократией разумеются просто представители наиболее древних дворянских родов, реже — вообще все дворянство. Во всяком случае, аристократия в европейских странах — это элита высшего, наиболее привилегированного в государстве сословия (дворянства). Таким образом, социальное значение термина «аристократия» состоит в обозначении верхушки высшего в данном обществе социального слоя (на практике социально открытой, но наследственной). Причем такой верхушки, которая сама по себе может быть названа социальным слоем, а не состоит всего лишь из нескольких десятков человек.

В отношении азиатских стран, особенно дальневосточных, дело обстоит сложнее. Употребляя этот термин, дефиниций обычно не дают, и это понятно: при отсутствии в этих странах дворянства европейского типа аристократию как бы не с чем соотнести, и под ней часто разумеется все то, что напоминает европейское дворянство в целом, т.е. лица с наследственным (пусть не всегда юридически оформленным) привилегированным статусом. Во всяком случае, именно такое впечатление производят работы по китайской аристократии (единственной пока, которая стала предметом изучения в отечественной науке). В целом различается по меньшей мере десять основных подходов в понимании аристократии, под ней имеются в виду: 1) члены влиятельных кланов, так называемых «сильных домов»; 2) члены правящего рода; 3) члены нескольких приближенных к престолу родов; 4) носители титулов знатности; 5) высшие сановники; 6) наиболее родовитая часть чиновников; 7) все чиновничество; 8) крупные землевладельцы; 9) образованная элита, носительница культурных традиций; 10) весь привилегированный слой общества. На практике все эти категории населения, естественно, всегда пересекаются, полностью или частично совпадая по персональному составу. Но очевидно, что некоторые среди них выделены по признакам совершенно разного порядка, в т.ч. имеющим явно эмоционально-оценочную окраску.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Исходя из того, что было сказано выше о социальной сущности аристократии, нет необходимости останавливаться на каком-либо одном из этих определений, достаточно лишь выбрать те, которые ей отвечают и соответствуют совокупности нескольких самых общих критериев. Аристократия, во-первых, должна представлять собой численно заметную группу (т.е. не сводиться к 2–3 десяткам человек), во-вторых, составлять лишь относительно небольшую часть всего высшего привилегированного слоя (а не весь этот слой), в-третьих, иметь наследственный характер, в-четвертых, обладать некоторыми специфическими атрибутами (титулами, фиксированной генеалогией, общественным признанием). Ничего удивительного, что в условиях реалий традиционных восточных обществ круг лиц, к которым применим термин «аристократия», может быть различным не только для разных стран, но и для разных периодов истории одной и той же страны.

Существует мнение, что на традиционном Дальнем Востоке (в странах ареала китайской политической культуры) аристократии вообще быть не могло, потому что традиционная дальневосточная система в принципе не допускала возникновения потомственного привилегированного сословия. Действительно, высший слой чиновничества там не мог юридически обеспечить своим детям столь же высокое положение в служебной иерархии (гарантировалось лишь поступление на службу), обладатели титулов знатности не могли передавать их по наследству, члены древних служилых родов, родовитых кланов, «сильных домов» никак формально не отличались от простолюдинов, если не были чиновниками, а служили далеко не все члены таких семей. Наличие аристократии как признаваемой государством наследственной группы (кроме потомков правителей) нехарактерно для классических вариантов традиционной дальневосточной системы.

Однако страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, находившиеся в сфере влияния китайской культуры, сохраняли значительный потенциал изначально присущей им аристократической традиции, которая при ослаблении по тем или иным причинам китайского влияния прорывалась наружу и проявляла себя достаточно зримо. Наконец, и в самом Китае бюрократическая традиция не была изначально не только единственной, но даже преобладающей. Правда, в Китае аристократическая тенденция была задавлена бюрократической еще в древности, что и определило затем специфику дальневосточной цивилизации, но и в дальнейшем было время, когда в результате завоевания в раннем средневековье Северного Китая кочевыми племенами аристократическая тенденция обрела на несколько столетий «второе дыхание» и весьма отчетливо просматривается и в период танской («китайской из китайских») династии. Тут следует подчеркнуть, что я рассматриваю аристократию только как функционально-статусную группу, отвечающую назван-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ным выше критериям, т.е. группу, представляющую небольшую часть, верхушку высшего сословия, а не все сословие (с которым может быть соотнесен весь слой родов *шидафу*). Поэтому для этого времени аристократией в том смысле, в каком употребляется этот термин в настоящей книге, можно считать лишь несколько десятков наиболее могущественных кланов (которые и формально отделялись от остальных служилых родов). Весь же остальной круг родов и семей, официально зарегистрированных в реестрах и выделенных таким образом из массы населения, представляет собой по своему месту в социальной структуре общества, статусу в нем и функциям полный аналог европейского дворянства, поскольку им и исчерпывается все высшее сословие.

Кроме того, даже в самом Китае аристократия в любом случае существовала при всех династиях как совокупность родственников правящего рода, т.е. в том же качестве, в каком она существовала в Восточной Европе XIV–XVI вв. — в Великом княжестве Литовском и Русском государстве, где аристократия ограничивалась носителями княжеского титула (а тогда его могли иметь только лица, принадлежащие к правящим династиям, — Рюриковичи и Гедиминовичи).

Таким образом, если дальневосточное чиновничество можно соотнести с европейским дворянством весьма условно, то такой элемент социальной структуры, как аристократия, все-таки является общим для обеих цивилизаций. Разница только в том, что в аристократических европейских обществах наследственная аристократия является частью наследственного же дворянского сословия, составляя его верхушку, и никак принципиально не отличается от всего высшего сословия, а в бюрократической традиционной дальневосточной системе наследственная аристократия, также составляя (правда, часто только в своей части) верхушку высшего служилого сословия, совершенно по-иному соотносится с остальной его частью — принципиально ненаследственным чиновничеством. Здесь она выглядит инородным телом, антисистемным «островком» в море «меритократической» идеологии и социально-политической практики. Поэтому при рассмотрении положения служилого слоя — чиновничества в социальной структуре общества — вопрос о его взаимоотношениях и взаимосоотнесенности с аристократией не является лишним.

Аристократия во всех известных обществах складывалась четырьмя путями. 1. Она представляла собой потомков родовой верхушки (разных родов), сплоченных вокруг правителя централизованного государства. 2. Она представляла собой независимых крупных землевладельцев, при образовании единого государства конституировавшихся в высшую знать (в ряде случаев сохранявших свои владения, иногда — лишенных их или независимого управления ими). 3. Состояла изначально из членов правящего рода, разросшегося в заметную социальную группу. 4. Создавалась правите-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

лями из числа заслуженных лиц, получавших наследственные титулы знатности. Для традиционной дальневосточной системы, как будет показано ниже, четвертый путь совершенно нехарактерен (по причине ненаследственности здесь титулов, даваемых за заслуги), тогда как первые три в тех или иных сочетаниях ей знакомы[547].

В глубокой древности развитию китайской государственности также было свойственно аристократическое начало. Чжоуское общество имело ярко выраженный аристократический характер. Раннее Чжоу строилось в виде пирамиды *ван–чжухоу–дафу–ши*, где старшие сыновья наследовали статус своих родителей, а остальные опускались на ступень ниже. Для каждого ранга существовал установленный набор различий в обладании предметами материальной культуры, и даже в языке существовало несколько наборов слов, употреблявшихся исключительно в пределах одного ранга. Но уже в период Чуньцю эта система начинает деформироваться, и регламентация атрибутов перестает соблюдаться[548]. В период Чуньцю–Чжаньго аристократическими считались все кланы, отпочковавшиеся от патронимии правителей царств. Такие кланы *цзуны* возглавляли наследственную аристократию, занимая одновременно и высшие посты в государственном аппарате[549]. В это время в ряде царств высшие должности стали наследственными, а их обладатели возглавили «сильные дома», которые фактически сосредоточили власть в своих руках, вели войны между собой, свергали правителей и основывали собственные династии.

Однако с эпохой централизованных империй аристократическая идея надолго была забыта (тем более что к середине III в. до н.э. большая часть знати была истреблена в войнах; в Цинь и Хань ее круг сузился до членов императорского рода и ограниченного круга лиц, обладающих титулами знатности). В Цинь и Хань существовало до 20 ненаследственных рангов знатности (их можно было и купить): низшие — с 1-го по 8-й (*гунши — гуншэн*) и высшие — с 9-го по 20-й, освобождавшие от обычных повинностей. Однако это были не более чем эквиваленты чиновных рангов, причем они принадлежали и тем, кого впоследствии относили к субчиновникам (низшие 1–8-й ранги). В число элиты же входили обладатели титулов *хоу* — родственники императора, высшие чиновники и отмеченные за выдающиеся заслуги. Обладатели 19-го (*гуаньнэйхоу*) и 20-го рангов знатности получали в кормление определенное количество дворов[550]. Итак, к аристократии в Хань относились 3 социальные группы.

1. Родственники императора. При основании Хань в ее составе было образовано 9 княжеств во главе с родственниками и сподвижниками основателя династии. В результате постепенного устранения неродственников право на уделы было закреплено за членами императорского рода, причем все дети императора имели титул *вана*, а прочие родственники — *хоу*; титул наследовал только один сын. У-ди разрешил *ванам* распределять право на аристократиче-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ский статус среди детей и братьев, которые становились *хоу* и получали плату в зависимости от числа дворов, данных императором. Эта практика сохранилась и при Поздней Хань, например, в 37 г. сразу 137 лиц стали *хоу*.

2. Члены семей императриц и вдовствующих императриц. Из таких семей при Ранней Хань только 5 были известны до брака — сначала жены брались обычно из незнатных семей (лишь с Сюаньди стали жениться на знатных; при Поздней Хань за единственным исключением все императрицы были из знатных семей). Хотя титул *хоу* формально полагался лишь за заслуги, обычно его получали один или несколько родственников императрицы. Из таких *хоу* (перечисленных в 18-й главе «Хань шу») только 7 получили титул по собственным заслугам. Отец императрицы аноблировался всегда, братья — не обязательно, но всегда — последующим императором (кроме того, всем родственникам вплоть до детей сестры императрицы, как правило, давались чины и должности).

3. Заслуженные чиновники. Первоначально из сподвижников основателя династии 7 стали *ванами* и 137 — *хоу* (получив от нескольких сот до 10 тыс. дворов), и в дальнейшем титул *хоу* можно было заслужить. Дети высших чиновников, особенно *хоу*, часто женились на принцессах, женах и наложницах императора[551].

Что касается «сильных фамилий», то их круг был несколько шире и далеко не все считались принадлежащими к аристократии. В эпоху Хань к «сильным фамилиям» относились: 1) старые роды, потомки знати шести доциньских царств; 2) родственники императора, ставшие *ванами* и *хоу*; 3) роды императорских супругов; 4) чиновные семьи; 5) богатые торговые семьи; 6) «исправители неправоты» *юся*, т.е. странствующие удальцы. Все они имели общее — экономическую силу[552]. В отличие от обычных семей из 2–3 поколений (5–6 чел.) эти семьи часто представляли собой значительное число людей, живущих вместе (хотя и не обязательно под одной крышей). Ими были более или менее монополизированы чиновные посты в местном управлении (в т.ч. и при Поздней Хань)[553]. Таким образом, аристократия в самом Китае зародилась как слой потомков правителей (третий из отмеченных выше путей), но с распадом Чжоу превратилась в группу независимых крупных землевладельцев (второй путь). В эпоху централизованных империй она стала снова строиться по третьему пути, но параллельно в лице «сильных фамилий» вызревала аристократия иного рода (вновь второй путь), которой и суждено было стать ведущей социальной силой в последующие столетия.

Аристократия[554] возродилась в период Южных и Северных династий именно на этой новой основе, когда право рекомендаций на службу перешло в руки представителей местных кланов, которые, естественно, предпочитали выдвигать родственников. Практически только дети лиц, получивших высокую «категорию качества» (см.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

гл. II) и поступивших на службу, могли рассчитывать сами получить соответствующую оценку. Поскольку же от высоты оценки зависела и высота поста, сложились семьи высокоранговые, второстепенные, третьестепенные и просто годные для службы[555]. В III–VI вв. аристократический статус был формально связан с обладанием второй из «деревенских категорий», открывающей ее обладателям путь к высшим должностям. Появились семьи, члены которых постоянно обладали этой категорией. С разделением должностей на «чистые» и «грязные» первые стали привилегией аристократов, занимавших их в юном возрасте и без экзаменов. На Юге верхнюю ступень социальной лестницы заняли *цзяцзу, цзюмэнь* (первостатейные, или старые, кланы), им противостояли худородные *ханьжэнь, суши* («холодные», или простые, мужи), выходцы из *цзымэнь* и *хоумэнь* (второстепенных и поздних домов)[556]. Там существовали два типа знатных родов — иммигрировавшие с Севера и местные. С этого времени в летописях фигурируют по нескольку десятков лиц, принадлежащих к одному и тому же роду[557]. С 490 г. аристократические роды появляются и на Севере. В Северном Вэй титулы знатности китайского образца стали наследственными, и положенные их носителям земельные пожалования с определенным числом слуг, переходя также по наследству, позволили им превратиться в крупных землевладельцев. В самом конце V в. сложилась аристократическая иерархия из 4 китайских и 8 табгачских родов высшей знати, ниже которой стояли еще 4 китайских и того же уровня табгачские роды[558]. На Севере степень монополизации государственного управления представителями одних и тех же родов была, по-видимому, еще выше[559].

В дотанский и раннетанский периоды власть на высшем уровне также была сконцентрирована в руках небольшого числа особо сильных кланов. Наиболее могущественны были 4 больших клана из Хэбэя (чисто китайской культуры), заключавшие браки только между собой, затем шли кланы с северо-запада из Куанчуна (оттуда и императорский род), немного уступали им кланы из Северной Шэнси (Тайбэй). Танские историки писали, что даже три древние династии не знали такой аристократии, как в Тан[560]. В целом в Тан (в отличие от более ранних времен) аристократические роды выступали главным образом как потомственные профессиональные чиновники. В танское время, очевидно на основе реестров чиновников прежних времен, кланы Цуй из Полина, Лу из Фаньяна, Ли из Лунси и Чэн из Цзюньяна были определены как первостатейные роды (*цзяцзу*). В 650–684 гг. к ним прибавились кланы Ван из Тайюаня, Цуй из Цинхо и Ли из Чжаоцзюня, и образовалось «7 великих фамилий». Даже несмотря на то, что клан Ли из Лунси был императорским, он имел только 3-й ранг[561]. Некоторые первостатейные кланы величали себя «Треножными родами» (*тинцзу*)[562]. Аристократическая элита общегосударственного значения была представлена 4 региональными группировками, включавшими 23 клана (рода), для

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

которых было характерно заключение браков в своей среде. В эдикте 717 г. (не упоминаемом в танских источниках) говорится, что в 655 г. решено было отделить 26 родов от всех остальных. Они разделялись на 2 класса: 10 как «Столпы государства» и 16 как «Крестовины (поперечные балки) государства». За брак с представителями других групп родов и общинниками их представителям полагалось 2 года каторги[563].

Ряд аристократических кланов существовал в течение тысячелетия. На примере клана Цуй из Полина (первый представитель которого служил в цензорате в 86–72 гг. до н.э., а последний умер в 947 г.) видно, что и в V–VI вв., и в танский период его представители служили в высших и старших рангах (хотя ранее трех высших рангов достигали около трети его представителей, а в Тан — 10%), 15 из них были в Тан министрами[564]. Несмотря на это, относительное большинство членов клана поступало на службу не по праву «тени» (15%), а через экзамены (42%). Больше половины браков члены клана заключали с другими представителями 7 виднейших кланов, а на все 29 старейших родов (ведущих начало со времени Южных и Северных династий) приходилось 82% браков членов клана (см. табл. 96–98[565]). Исследованиями Эбри по ряду важнейших кланов этого времени установлено, что более половины их членов были чиновниками (причем по небольшим кланам процент чиновников повышается до 60–80%). Однако количество детей у членов разных кланов могло сильно различаться (см., например, табл. 89–90[566]), вследствие чего одни кланы сохраняли (с середины V в. на протяжении 13 поколений) стабильную численность (порядка 20 чел. в поколении), а другие на протяжении нескольких поколений переживали ее гипертрофированный рост (до 150–250 чел. и выше). С падением Тан очень многие из них погибли в войнах и мятежах, а новые правители не нуждались в старых аристократах.

В период Пяти династий происходит постепенное, но неуклонное падение роли аристократии, хотя в начале периода она занимает еще довольно прочные позиции в верхах общества. Для этого времени имеется исследование Эберхардта по лицам, упомянутым в «Синь Удай ши» (из 3300 чел. 365 принадлежат некитайским государствам[567]). В период Пяти династий выделяются 88 родов (при наличии более подробных данных — до 100), к которым из упомянутых в летописи принадлежал 881 человек. Из всех названных в «Синь Удай ши» служилого происхождения было только 30% лиц (во времена Северного Вэй — около 50% лиц, упомянутых в «Вэй шу», но эта разница вызвана тем, что в «Синь Удай ши» с биографиями упоминаются 18% лиц, а в «Вэй шу» — 39%; в Северном Вэй из китайцев 92% принадлежали к родам, служившим еще до установления этой династии). Среди 88 родов 23 было некитайских[568], а из 65 китайских родов 32 принадлежали к высшей и 13 к провинциальной знати уже в Тан, 9 происходили от солдат и 2 от вождей банд-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

формирований периода династии Поздняя Лян и 9 — от солдат Поздней Тан. При этом 6 родов танского времени[569] образовывали особую группу «благородных», заключавшую браки только между собой и продолжавшую существовать и в период Пяти династий, причем 5 из них принадлежали к высшей знати уже в Северном Вэй, а корни их уходили во времена Хань, когда они уже жили в тех же местах, что и 1000 лет спустя (3 — в Цинхо в Хэбэе, 2 — по соседству с Цинхо и 1 — возле Чанъани). Таким образом, новые роды составляли только 30% (20 из 65) китайских, но 87% (20 из 23) некитайских. Причем ни один из них не вошел в элиту традиционным путем, через экзамены, даже во времена Северного Вэй все они вошли в состав знати силовым путем или как военные. В то же время 9 (в т.ч. 5 из 6 «благородных») из 32 высших родов принадлежали к знати Северного Вэй. Если к ним добавить 2 рода, потерявших высокое положение в Тан, но вернувших его в период Пяти династий, и 3 рода тоба, некитаизировавшихся и вернувших свое значение в период Пяти династий как члены оккупационной армии среди других иностранных родов, то всего 14 родов периода Северного Вэй были знатными в период Пяти династий. Так что в период Поздних Лян и Тан влияние старых китайских родов было сломано лишь на несколько лет[570].

При централизованных империях последующего периода круг аристократии вновь ограничивается родственниками правящего дома и обладателями ненаследственных титулов знатности[571]. Представители знати, как правило, обладали крупными земельными владениями; при Хань, Сун и Мин им передавались в кормление обширные территории для сбора налога. В Сун, как и в Тан, императорские родственники и фавориты имели территориальные кормления. Однако сам по себе аристократический статус не наделял человека административным весом, и близкие императорские родственники были наиболее последовательно отстранены от участия в управлении. В Юань аристократия состояла из лиц, имеющих 8 титулов знатности. Аристократия не ограничивалась сыновьями императоров и их потомками: вожди кочевых племен, участвовавших в первых завоеваниях, и в конечном счете почти все высшие и средние гражданские чиновники получали почетный титул знатности[572]. Аристократический статус не был всегда наследственным, и за особые заслуги человек мог повышаться в титуле. Коренная племенная аристократия получала большие земельные владения в Китае и собирала любой налог на прилегающих землях, хотя правительство старалось установить стандартную таксу (целая современная провинция Юньнань была в наследственном владении одной семьи, а Тибет был сравнительно автономен, находясь под контролем двух фаворитских семей).

В Мин принцы императорской крови *циньваны* могли командовать важными воинскими соединениями, однако с начала XV в. они

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

не привлекались к управлению, как чаще всего и другие императорские родственники и родственники императриц; более низкими титулами знатности наделялись также заслуженные военные чиновники. Большинство чиновников (около 60%) не имели служащих одновременно с ними родственников (лиц своего клана, т.е. лиц той же фамилии из одного уезда), особенно в центральном аппарате, где не имели родственников 88,4% (616 чел.), имели по одному родственнику 9,7% (68), по два — 1,3% (9) и по три — 0,6% (4 чел.). Однако выделялись отдельные кланы, представители которых были среди чиновников весьма многочисленны, что хорошо видно из табл. 101[573]: процент лиц, имеющих от 1 до 8 родственников, плавно убывает, но лиц, имеющих свыше 9 родственников, больше, чем имеющих 3. Например, одновременно служил 71 представитель клана Лин (занимая 128 должностей).

В Цин братья и сыновья императора по-маньчжурски именовались *бейло* и им давался титул принца императорской крови *цинь-ван*. Они, в противоположность китайской традиции, составляли как бы правящую коалицию. Наследник обычно не определялся. После смерти правителя члены этой группы при участии вдовы выбирали наследника — как правило, из детей императора, но не обязательно старшего. Все члены императорской фамилии, а также заслуженные чиновники имели титулы знатности, но им никогда, даже номинально не давали земельных владений. Наиболее высокопоставленные принцы присоединяли к титулу эпитеты (церемонный *ли*, величественный *су* и почтительный *гун*), употреблявшиеся почти как фамилии. Не имея владений, принцы жили в столице и в отличие от минской практики занимали посты в аппарате[574]. Принцу полагалось 1440–540 му и 10–1,3 тыс. таэлей, обладателям более низких титулов — от 360 му и 700–500 таэлей до 240–60 му и 410–110 таэлей[575]. Свою аристократию пробовали создать даже Тайпины. Высшей прослойкой в тайпинском государстве были князья (до 1856 г. — 7, в 1860 г. — 16), в 1853 г. был введен титул *хоу* (к 1856 г. его имели 16 чел.), а в 1856 г. было учреждено 6 новых титулов между *хоу* и *ваном* (к концу существования государства насчитывалось около 2700 носителей разных титулов). Официальные указы закрепляли особое положение лиц, отнесенных к высшей аристократии и бюрократии[576].

Аристократия существовала и во всех трех корейских раннесредневековых государствах — Когурё, Пэкче и Силла, однако состав ее был разным в каждом из них. В Когурё аристократия была представлена слоем так называемых *га*, о которых китайские летописи сообщали, что они «воюют сами», а «низшие дворы» кормят их. Собственно, когда речь идет о когурёских чинах, то между их носителями явно просматриваются элементы феодальных отношений: «все *тэга* сами назначают своих *саджа* и *чоый сонинов*, которые напоминают частных вассалов»[577], «сильные из больших *дуйлу*

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

утесняют и грабят бессильных и поставляются сами собой, а не царской властью определяются»[578]. Из «Тан шу» и «Син Тан шу» явствует, что высшие чины по четвертый (который назывался *чоый тудэхён*) включительно охватывались понятием *чоый*, с которым ассоциировался аристократический статус: «Те, кто называются *чоый*, есть выдающиеся люди. [Они] держат в руках государственную политику, через три года сменяются, [но] если хорошо служат, то не сменяются. Вообще, если в день смены не подчиняются, то нападают друг на друга. Ван оберегается, запершись во дворце, и соглашается с тем, кто победил»[579]. Для Когурё с его огромной территорией была свойственна сравнительно слабая централизация власти, и ее аристократия представляла собой сидящих на местах и контролирующих определенные земли многочисленных местных властителей. В более централизованном и гораздо меньшем по размерам Пэкче аристократия образовывала придворный столичный круг, включавший 8 родов (их состав по «Бэй ши» и «Тан шу» несколько различается).

Что же касается Силла, то здесь аристократия была ограничена родственниками правящего рода (с учетом того, что в Силла престол последовательно занимали представители трех родов — до 184 г. Пак, до 356 г. Сок и затем Ким), число которых за несколько столетий существования династии возросло до нескольких сот. Они охватывались понятием *чинголь* («истинная кость») — второй «кости» из называемых при описании системы *кольпхум* (первая — «священная кость» *сонголь* никогда в действительности не существовала[580]). Верхушка покоренных или добровольно присоединившихся общин и протогосударственных образований лишь в редких случаях могла претендовать на равный с ними статус (так произошло, в частности, с потомками ванского рода Кая, которым была дарована фамилия правящего в Силла рода Ким, и таким образом они были причислены к последнему). Важнейшей привилегией аристократов, резко обособлявшей их от других привилегированных сословных групп *тупхум*, было то, что только они могли занимать должности, соответствующие 5 высшим рангам (из 17), поскольку это означало, что все сколько-нибудь важные посты оставались под контролем аристократии. Такое положение аристократии в структуре общества и власти обеспечивало силласкому государству значительный запас прочности (что подтверждается его почти тысячелетней историей[581]). Оно было следствием того, что Силла возникло непосредственно из догосударственного общества, а не являлось наследником какого-нибудь предшествовавшего ему государственного образования. В государствах, создаваемых на развалинах предшественников, искусственно ограничить круг аристократии родственниками правящего дома почти невозможно: последнему трудно игнорировать оставшиеся аристократические роды, связанные с прежней династией (если они только не истребляются полностью)[582].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В силу закрепления за аристократией всех высших должностей она составляла высший слой чиновничества. Родственников правящей династии (особенно учитывая несколько столетий ее существования) насчитывалось вполне достаточно, чтобы занять все такие должности (к ним относились, в частности, посты руководителей всех важных государственных учреждений) и значительную часть прочих. Свою карьеру все аристократы, в том числе и сыновья вана, начинали с младших рангов. Ранговая структура не образовывала стройной пирамиды: число лиц, находившихся в каком-то чине, вовсе не обязательно должно было быть меньше числа лиц более низкого или больше числа лиц более высокого чина[583]. Но во всей шеститысячной массе чиновничества, особенно в VIII–IX вв., они составляли ничтожное меньшинство (доля высших должностей составляла всего 1,6% — 91 чел.). Хотя абсолютное число членов сословия *чинголь* с годами возрастало, рост чиновничества шел еще быстрее, и доля их в составе чиновничества падала. Однако в жизни страны аристократия всегда занимала монопольные позиции (из лиц, упоминаемых в летописи, члены правящего рода до IX в. господствуют безраздельно — см. табл. 102[584]). Важной привилегией аристократии было право владеть в условиях господства принципа государственной собственности на землю частными земельными участками. Выражением «внеструктурного» политического влияния аристократии была должность *сандэдына*, введенная в 531 г. Эта высшая должность в государстве не была, однако, связана с каким-либо учреждением, а стояла особняком: *сандэдын* был председателем аристократического совета при ване[585]. Вообще в первые века существования Силла аристократия играла определяющую роль, выдвигая на престол того или иного вана, к середине VII в. устанавливается режим автократии, а с конца VIII в. влияние аристократии снова начинает расти.

В период Корё аристократия не была, как в Силла, юридически обособленной группой. Родственников основателя династии было не так много, чтобы они могли представлять собой заметную социальную группу, да и государство строилось в дальнейшем по образцу сунского Китая, так что аристократическое сословие как таковое не сложилось. Однако аристократическая прослойка, хотя и неформально, существовала. К ней помимо членов правящего рода (имевших особые титулы) и членов родов фаворитов — фактических правителей, создавших «параллельные» династии, подобно сёгунским в Японии, можно отнести наиболее знатные роды, насчитывающие 8–9 поколений служилых предков или происходившие от ванов Силла. Но роль этой прослойки (за исключением реально правящих родов) была не столь значительной. При сравнении высшего чиновничества[586] по двум характеристикам — наиболее родовитых (имеющих не менее 6 поколений служилых предков) и имеющих наиболее высокопоставленных отцов (1–4-й ранги) — обнару-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

живается, что существенной связи между ними не существовало[587]. Кроме того, доля аристократической прослойки среди высшего чиновничества была невелика (от 10,1 до 26,5% — в среднем 14,8% всех чиновников янбанского происхождения и 7,7% от всех высших чиновников) и отнюдь не возрастала, как следовало бы ожидать (период Корё длился около 500 лет, и если бы все или большинство детей этой группы достигали положения родителей, число чиновников, имеющих 8 и более поколений предков, постоянно увеличивалось бы просто в силу времени); она достигла наивысшего показателя в первой половине XIII в., после чего стала уменьшаться (см. табл. 89[588]).

При династии Ли в конце XV в. выделялось 77 знатных кланов (в т.ч. и пришедших в упадок), в конце XVI в. 22 клана вели происхождение с периода Корё. Однако они не только не контролировали аппарат государственного управления, но многие представители даже древнейших кланов не поднимались выше рядовых латников, особенно в первые десятилетия новой династии. Кроме того, даже первые генеалогии кланов начали составляться не ранее 1565 г. (как исключения есть сведения о родословных, составленных тремя кланами в 1423, 1476 и 1482 гг.), причем традиции составления генеалогий и историй родов не были свойственны Корее с древних времен до этого времени, некоторые даже не помнили 4 поколений своих предков, так что к началу XVII в. едва дюжина кланов располагала составленными генеалогиями. В 1392–1630 гг. только 19 кланов (3,1%) из 610 дали 50 и более лауреатов гражданских конкурсов, а все их представители составили 1545 чел. из 5282 лауреатов (см. табл. 103 и 104[589]), т.е. менее трети (свыше 100 чел. дали только 2 клана, в т.ч. правящий — 140 чел.). В то же время $^{2}/_{3}$ кланов дали не более 4 лауреатов, причем свыше половины из них — 227 кланов — дали лишь одного. Так что нельзя сказать, что государственная служба была монополизирована аристократией. И даже потомки выдающихся лиц в случае провала на экзаменах становились рядовыми солдатами в армии (такая участь постигла, в частности, правнука Ким Джонджика — главной фигуры корейского конфуцианства XV в.) и теряли янбанский статус. Любопытно, что в начале династии членам правящего клана было запрещено занимать государственные должности (и сдавать экзамены) на протяжении 4 поколений, и только пятое могло это делать. Поэтому они дали непропорционально большое число лауреатов (83) во второй половине XVI в.[590]. Правда, и в это время роль сильных кланов в комплектовании чиновничества была все-таки намного больше, чем в минском Китае (см. табл. 101). Положение изменилось в XVII–XVIII вв., когда клановая система получила значительное развитие. К концу XVII в. выделилась аристократическая прослойка полёль из десятка наиболее влиятельных родов, связанных брачными узами друг с другом и с династией и игравших определяющую роль в жизни страны.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

В целом за период династии Ли около 72% всех *сэнвонов* и *чинса* дали 84 знатных клана (более 100 *сэнвонов* и *чинса* каждый), составлявшие всего лишь 5,9% всех (1442) кланов (см. табл. 105 и 106), причем 24,3% дали 10 кланов (свыше 550 каждый). На протяжении 500 лет состав первой десятки кланов, разумеется, частично менялся, но в целом удельный вес ее возрастал (см. табл. 107)[591].

В Японии в V–VI вв. сложился социальный слой, состоящий из родов, имеющих потомственные родовые титулы — *кабанэ*, который и конституировался в качестве аристократии. Титул *кабанэ* возник как титул «служебного состояния», со временем превратившись в наследственный. Первоначально основную роль играли носители титулов *оми* и *мурадзи* (в большинстве случаев возводивших свое происхождение к легендарным царям древности и частью находившихся в родстве с императорским домом); роды, связанные с профессиональными функциями, имели титулы *томо-но мияцуко*, провинциальная знать — *куни-но мияцуко, атаи, агата-нуси* и др. Последние категории представляли собой знать, начавшую формироваться при дворе и вообще на основе службы, причем эта знать проявляла тенденцию к усилению, но все-таки составляла среднее и низшее звено в придворной иерархии. В 684–685 гг. была проведена реформа титулов *кабанэ*, отражавшая, с одной стороны, стремление императорской власти регулировать положение родов в зависимости от преданности династии, с другой — реакцию аристократических кругов на слишком быстрое возвышение при дворе иммигрантских и вообще менее знатных родов. Вместо приблизительно 30 титулов *кабанэ* было введено 8: *махито, асоми, сукунэ, имики, мити-но си, оми, мурадзи, инаки*. При этом костяк высшего чиновничества составляли носители титулов *асоми* и *сукунэ*, к которым и были причислены самые знатные и влиятельные роды. Высшим титулом считался *махито* (его носители имели наиболее тесную связь с императорским домом), пожалованный первоначально 13 родам, титул *асоми* получили 52 рода[592]. В дальнейшем число пожалованных этими титулами родов возросло, однако наряду с ними продолжали бытовать и некоторые старые титулы, а ряд родов в виде исключения не имели *кабанэ*. В 815 г. был составлен свод всех японских родов «Синсэн сёдзироку» (которые подразделялись по происхождению на три группы: от царей, от божеств и от иммигрантов) — см. табл. 108[593]. В VII в. из 4 человек, получивших высший чин *сё*, 2 имели титул *асоми*, 1 — *махито* и 1 — *сукунэ*, среди 42, получивших второй по значимости чин *дзики*, было 5 *махито*, 23 *асоми*, 6 *сукунэ*, 2 *имики*, 3 *мурадзи*, по 1 *оми, фухито* и *сугури*. В VIII в. из числа лиц, имевших 1-й ранг, 80% составляли *асоми* и 20% *сукунэ*, 2-й — 19% *махито*, 71 *асоми* и 10 *сукунэ*, 3-й — 10, 72 и 18 соответственно[594]. В целом же не только высшее, но и среднее звено государственного управления находилось в руках наиболее знатных родов (см. табл. 109 и 110).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Обращает на себя внимание некоторое сходство правового положения аристократии в Японии и Силла. И там и там она составляла верхушку чиновничества, «зарезервировав» за собой 5 высших рангов. Однако аристократические традиции в Японии были несравненно мощнее (что в конечном счете вместе с относительной слабостью китайского влияния и определило развитие страны по иному пути). Здесь аристократы получали общегосударственный ранг уже в силу своего происхождения (к тому же не в 25, а в 21 год от роду) и, что самое главное, вне службы; таким образом, вся аристократия была приравнена к чиновничеству, причем часть ее составляла его верхушку, а часть образовывала категорию *санви*. Лица последней категории могли использоваться в качестве телохранителей (императорских — из детей лиц 4–5-го рангов, принцев крови — из детей лиц 6–8-го рангов, сановников — из детей столичных и провинциальных чиновников 9-го ранга). В гвардию также отбиралось по 1 человеку от уезда из детей местной администрации. Поскольку состав ее был именно таков, гвардейцам в период службы разрешалось держать экзамены и делать чиновничью карьеру[595]. В Государственный Университет принимались дети и внуки лиц не ниже 5-го ранга (исключение делалось только для двух иммигрантских родов потомственных писцов), а дети лиц 6–8-го рангов — только по «настоятельной просьбе» родителей; в провинциальные школы принимались дети и младшие братья уездных чиновников[596]. В результате столь мощных привилегий детям чиновников ниже 6-го ранга было практически невозможно подняться по службе выше 4-го ранга[597].

Однако характерной особенностью Японии с самого начала было то, что слой носителей *кабанэ* был сопоставим не с аристократией, каковой было, скажем, сословие *чинголь* в Силла, а с европейским дворянством или «сильными фамилиями» Китая III–VIII вв. Он был слишком многочислен. И если верхушку чиновничества, как и в Силла, составляла действительно аристократия — круг самых знатных родов, то все чиновничество в целом практически и исчерпывалось представителями носителей *кабанэ* (или им равных зарегистрированных родов), причем человек, попавший в состав чиновничества из простолюдинов, тем самым входил и в эту категорию (что теоретически влекло за собой присвоение *кабанэ*), т.е. так, как это было с офицерским корпусом в Европе. Что же касается императорского клана, то его составляли: старшие принцы *синно* (братья, сестры, сыновья и дочери императора), младшие принцы *сёво* (остальные члены рода по мужской линии), принцы 5-го поколения (праправнуки старших принцев — иногда сохраняющие титул, но не пользующиеся привилегиями принцев). В 706 г. в состав императорского клана были включены потомки в 5-м поколении, с 729 г. — в 6-м, а с конца VIII в. он стал пополняться по императорским указам без учета степени родства. Однако вследствие чрезмерного

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

разрастания этой группы в X в. положения 706 и 729 гг. были отменены и дальние потомки низведены до уровня обычных высших чиновников[598].

В государстве Цзинь аристократия была представлена императорской семьей, которая возглавляла мощный клан Ваньянь, состоявший к 1183 г. из 170 семей и насчитывавший 982 чел., и еще 8 знатнейшими родами. Члены императорского рода составляли от трети до половины всех чжурчжэней в важнейших ведомствах (при том, что до половины всего состава составляли нечжурчжэни) и от 10 до 50% всего состава (см. табл. 111); даже в министерствах, где роль специалистов-китайцев была особенно велика, члены императорского клана составляли: в министерстве чинов — 13% всего состава, финансов — 3, церемоний — 6, военном — 38, юстиции — 15 и общественных работ — 12%. Среди остальных чжурчжэней — высших чиновников преобладали представители 8 знатнейших родов: на 146 чел., принадлежащих к этим родам (см. табл. 112), приходилось только 90 выходцев из прочих чжурчжэньских родов[599]. В Бохае к аристократии причислялись ближайшие родственники вана (занимавшие высшие и наиболее ответственные должности), а также представители 6 наиболее знатных родов: Гао, Чжан, Ян, Доу, У и Ли[600], которые и составляли верхушку чиновничества. Среди чиновничества известны представители 49 различных родов, большинство из которых, судя по фамилиям, мохэские, но встречаются китайские, когурёские и силлаские[601]. В тангутском обществе аристократию образовывали родовые старшины. Обособление старшинской родовой верхушки произошло в X в. Китайские историки выделяют небольшую группу родов, от которых в той или иной степени зависели все остальные. После установления связей с Китаем эта иерархия проявилась в значимости различных титулов и должностей, пожалованных китайским двором. С образованием Си Ся эта социальная иерархия была закреплена структурой государственного аппарата. Представители старшинских родов заняли в нем места в соответствии со своей иерархией. О том, что этот слой (или вообще все те, кто стоял выше простонародья) образовывал особое сословие, свидетельствует тот факт, что родственники совершивших воинское преступление младших командиров переводились в сословие «пастухов и земледельцев». Многочисленные родственники императора, имевшие титул ванов, составляли верхушку сословия, ниже стояло чиновничество[602].

Во Вьетнаме аристократия первоначально сложилась как группа крупных земельных собственников, которая после 880 г. (фактического освобождения от власти Китая) взяла власть в стране, но не в лице одной династии, а борющихся группировок. Основой ее организации были аристократические роды *хо*, из поколения в поколение собиравшие доходы с определенной группы общин и занявшие свое положение явочным порядком, а не по воле китайской

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

власти (некоторые вышли из богатых крестьян). Среди членов этих родов были жрецы национальной религии — культа предков, часть была (иногда наследственно) чиновниками китайской администрации. Впоследствии крупнейшие из этих родов превратились в политически независимых правителей *шикуанов* или их подчиненных разного уровня, имущество которых состояло из дарованных сюзереном частных земель. Во главе своих дружин они вели войны между собой, с монархом *вуа* и со свободными деревнями. При династии Чан (1226–1400) аристократия возглавлялась сыновьями правителя и принцами крови, которые в зависимости от титула получали кормовые районы, право на создание резиденций и своих вооруженных отрядов из принадлежащей им челяди (при следующей династии Ле содержание частных отрядов было запрещено). Причем по мере разрастания рода Чан и ухода старых сановников эпохи Ли вся титулованная служилая верхушка пополнялась почти исключительно членами этого рода, которые пользовались правом наследования титула (с понижением). Среди аристократии, однако, росла прослойка неслужилых. Для представителей династии стали правилом внутриродовые браки. Почти все члены рода жили в деревнях, выезжая в столицу лишь для аудиенций и исполнения высших должностей. Из своих резиденций в провинции они шли на войну во главе личных дружин[603]. При последующих династиях аристократия формировалась такими же путями — из потомков императоров и членов правящего рода, хотя членство в этом кругу было ограничено определенным числом поколений. Кроме того, в XVI–XVIII вв. в состав аристократии входили родственники узурпаторской династии Маков, а также правителей *тюа* из рода Чиней и Нгуенов.

В отличие от традиционной дальневосточной системы, в странах государственно-патриархального типа аристократия из членов правящего клана была не только самым важным, «государствообразующим» элементом, но и играла обычно первенствующую роль в непосредственном управлении государством. Высшие посты, как правило, закреплялись за ними законодательно, и из той же среды комплектовалась значительная часть других должностей, а оставшиеся места занимали представители наследственной знати неко-ролевского происхождения[604]; на местах же власть обычно принадлежала местным родам[605]. Из этих стран только в Сиаме, стоявшем ближе всего к странам традиционной дальневосточной системы, имелись свойственные ей ограничения наследственных прав родственников правителя пятью поколениями прямых потомков[606].

Место же аристократии в традиционной дальневосточной системе (в ее зрелой форме) характеризуется тем, что там она, как правило, состоит как из родственников правящей династии, так и ограниченного круга лиц — обладателей ненаследственных титулов знатности. На практике проявляется тенденция к образованию «знатных

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

родов», не принадлежащих к правящему дому (которые, впрочем, юридически неотличимы от других: члены императорской фамилии и их родственники имели некоторые привилегии — смягчение наказаний, но аристократические кланы формально никакими привилегиями не обладали). В целом аристократия реально составляет верхушку чиновничества (доступ в эту верхушку тем не менее открыт лицам любого происхождения). Однако близкие родственники правителей в составе высшего чиновничества не преобладали, а часто даже намеренно отстранялись от реальной государственной службы. Но на ранних этапах государственной истории сопредельных с Китаем стран, а также в некоторые периоды истории самого Китая аристократия была юридически выделена в особую сословную группу с монополией на занятие высших должностей и обладание высшими рангами, т.е. занимала в системе общества и власти такое же положение, как в государственно-патриархальных странах Юго-Восточной Азии. Эта ситуация сравнима с ролью и положением аристократии в европейских странах, где она лидировала в деле государственного управления и до создания регулярного аппарата и армии, а затем длительное время составляла весьма заметную часть руководства последними[607]. Но и в целом по положению аристократии в системе общества и власти бюрократические дальневосточные деспотии скорее могут сравниваться с аристократическими монархиями Европы, чем с деспотиями «демократическими» (того, например, типа, что известен в некоторых мусульманских странах), где существование аристократии в принципе невозможно[608].

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие служилого сословия неоднозначно для стран с разными культурно-политическими системами. Тот факт, что служилое сословие обычно является высшим в государстве или что прерогативой высшего сословия является государственная служба, не обязательно означает, что каждый конкретный член сословия всегда и везде обязан служить. В принципах вхождения в состав такого сословия новых членов и заключаются обычно различия между странами разных типов социального устройства и культурных традиций, что и демонстрирует сравнение социального статуса и положения служилых слоев дальневосточных бюрократических деспотий со статусом служилого сословия европейских монархий — обществ, в культурно-историческом отношении, пожалуй, наиболее отличающихся друг от друга.

Наиболее типичными чертами системы организации государственной службы в странах дальневосточного региона являются следующие.

1. Слой государственных служащих — чиновничество — выделен в социальной структуре общества в особое сословие — высшее, причем его численность как профессиональной группы составляет сотые или десятые доли процента, а как социального слоя — не превышает 2% населения страны.

2. Чиновничество подразделяется на гражданское (столичное, придворное и провинциальное) и военное. При этом наряду с полноправным ранговым чиновничеством существует «субчиновничество» — нерангированные канцеляристы, входящие в штатное расписание, но не являющиеся полноправными чиновниками.

3. Гражданская служба более престижна, чем военная, и более привилегирована юридически. При этом не существует резкой грани между военной и гражданской кастой, состав военного и гражданского чиновничества комплектуется в основном из одних и тех же источников.

4. Социальный статус человека определяется прежде всего общегосударственным рангом и должностью, хотя имеются еще три социальных знака: почетное звание (либо для всего чиновничьего корпуса, либо как фиктивная «должность» для реально не служащих чиновников), звание за заслуги и ненаследственный титул знатности. Собственно чинов (в европейском понимании этого слова) не существует. Классической является система из 9 рангов, каждый из которых подразделяется на две степени.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

5. Существуют форма и знаки различия, а порядок прохождения службы регламентируется специальными кодексами или особыми разделами в общих кодексах.

6. Отличительной чертой набора на службу является система конкурсных экзаменов, успешная сдача которых дает право на занятие должностей определенного уровня. Наряду с экзаменами практикуются рекомендации, принятие на службу детей высших чиновников на основе соответствующей привилегии и выслуга из «субчиновников». Допуск к экзаменам свободного населения не ограничен. Карьера начинается не с низших ступеней, а с тех, на которые дают право обстоятельства поступления на службу.

7. Покупка рангов и должностей в обычных условиях невозможна и если практикуется, то рассматривается как экстраординарная вынужденная и временная мера.

8. Существуют специальные учебные заведения, готовящие кадры для государственной службы, но их окончание не обязательно и не типично для подавляющего большинства чиновников и не дает непосредственного права на занятие должностей.

9. Продвижение по службе осуществляется на основе периодических аттестаций. Срока выслуги в определенных рангах и должностях не существует. Последовательное прохождение всех ступеней не обязательно и не типично.

10. Оплата осуществляется путем выдачи жалованья деньгами либо зерном или выделения временного служебного надела, налог с которого поступает чиновнику.

11. Размер жалованья зависит от ранга должности. Высший размер жалованья превышает низший не менее чем в 20 раз.

12. Чиновники обладают налоговым иммунитетом и юридическими, главным образом судебными, привилегиями, распространяя свой особый статус на членов семей и близких родственников.

Комплекс этих черт существенно отличает систему организации государственной службы в странах ареала китайской политической культуры от систем других регионов, где господствовали иные идейно-политические традиции.

Принципиальное и основное отличие служилого сословия Дальнего Востока от европейского заключается не в степени наследственности и самовоспроизводства, как это часто полагают, а прежде всего в том, что дальневосточное сословие чиновничества («людей, имеющих ранг») — это сословие **служащих**, а европейское дворянство — сословие людей, **имеющих право служить**. На Дальнем Востоке человек является членом высшего сословия потому, что служит (и не может не служить, будучи его членом), а в Европе человек служит потому, что является членом дворянского сословия (но может в принципе и не служить). В дальневосточной деспотии никто не может быть членом привилегированного сословия, не служа правителю (хотя бы формально). В Европе служба монарху и

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

государству для дворянина есть естественное занятие, дело чести, моральная обязанность, но, как правило, не юридическая обусловленность пребывания в своем сословии. Начав служить и войдя однажды в состав сословия, дворянин и его дети уже не могли быть лишены своего статуса на том только основании, что переставали служить. В большинстве случаев обстоятельства или соображения морально-психологического характера заставляли дворян служить, и они оставались не только служилым, но и служащим сословием, но дворянин продолжал быть дворянином и оставаясь в своем поместье, тогда как в Китае и других странах, находившихся в сфере китайской культуры, неслужащий помещик и крестьянин имели совершенно одинаковый статус и относились к одному сословию свободных простолюдинов.

Существенное значение имеет и характер службы высшего сословия. Дворянская служба в Европе сильно отличалась от чиновничьей службы на Дальнем Востоке. За исключением некоторого числа придворных и отдельных немногочисленных должностных лиц на местах, никакой постоянной службы Европа очень долго вообще не знала. Служба высшего сословия сводилась к обязанности выступать в поход во время войны, что случалось не каждый год, да и в течение года служба часто ограничивалась определенным числом дней. Тогда как служба служилого сословия на Дальнем Востоке в силу централизации управления и существования в связи с этим с глубокой древности разветвленного государственного аппарата всегда была постоянной. Если и ранее обязательной постоянной службы европейское дворянство, как правило, не несло, призываясь монархом только в случае войны, то с образованием централизованных государств и формированием в них институтов постоянной службы (регулярной армии и государственного аппарата) дворянство окончательно освобождается от обязательной государственной службы[609] (тем более что в большинстве европейских стран число мест в аппарате и офицерском корпусе было меньше числа дворян в дееспособном возрасте). Еще одно очень важное отличие дальневосточных «бюрократических» деспотий от европейских «аристократических» монархий заключалось в том, что первые носили как бы «гражданский», а вторые — «военный» характер, и соответственно именно такой характер имело в целом служилое сословие этих стран.

Что касается положения члена привилегированного служилого сословия в дальневосточных деспотиях и европейских монархиях, то наиболее существенное отличие заключалось не столько в принципах вхождения в состав сословия, сколько в принципах выбытия из него человека и его потомков. В европейских странах человек, возведенный в дворянство, навсегда оставался членом этого сословия вместе со всеми своими потомками (исключением является разве что институт личного дворянства в России) и не мог лишиться

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

своего статуса иначе как по приговору суда за особо тяжкие преступления (причем лишение дворянства никогда не распространялось на детей и других потомков осужденного). В дальневосточных же обществах членство в привилегированном сословии не только не было наследственным (т.е. обусловленным самим фактом рождения), но для низших слоев сословия, как уже упоминалось, могло даже не быть пожизненным. Это не касалось только потомков правящего дома, но и то в ряде этих обществ наследственные привилегии потомков императора ограничивались пятым поколением. Столь высока была зависимость членства в сословии от служебного положения человека.

Что же касается степени самовоспроизводства привилегированного служилого сословия, то здесь разница между дальневосточными обществами и европейскими как раз не такая большая, несмотря на то что в Европе все дети автоматически наследовали статус родителей, а на Дальнем Востоке в большинстве случаев доступ в служилое сословие был официально открыт для лиц любого происхождения (кроме неполноправных социальных групп). Однако конкретные обстоятельства эпохи складывались так, что в Европе количество «вакансий» в сословии обычно превышало число детей его членов, а в обществах Дальнего Востока чаще всего бывало наоборот, при том что доля служилого слоя в населении страны и там и там была примерно одинакова (обычно не более 2% населения, потому что была ограничена некоторой стихийной нормой; ее превышение грозило фактической потерей возможности вести соответствующий образ жизни для какой-то части сословия).

Европейское дворянство всегда довольно широко пополнялось извне, а в дальневосточных деспотиях прямое наследование детьми положения своих родителей (не по факту рождения, а по законодательно гарантируемому вступлению в ряды чиновничества) было весьма распространено — благодаря использованию права «тени». Так что значительная часть сословия и в дальневосточных деспотиях комплектовалась наследственным путем, и это было закреплено юридически. Кроме того, пополнение чиновного сословия и вне права «тени» в значительной степени происходило на наследственной основе, поскольку и рекомендации, и институт экзаменов закономерно давали преимущество тем, кто был лучше подготовлен, а таковые при прочих равных условиях всегда являлись выходцами из семей потомственных чиновников. Поэтому большинство чиновничества на Дальнем Востоке всегда происходило из служилых семей, и в отношении фактического состава привилегированного служилого сословия дальневосточные деспотии если и отличались от европейских монархий, то незначительно.

Принципиальным было то, что в дальневосточных обществах наследование привилегированного статуса не было обязательным, автоматическим, оно не было прирожденным правом человека, не

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

зависящим от воли монарха и вообще от чьей бы то ни было воли, что создавало совершенно иной морально-психологический настрой в среде служилого сословия и в обществе в целом. В этих странах каждый человек (даже неслужилые *шэньши*, обладатели низших ученых степеней) в любом случае должен был получить свой статус сам, лично, непосредственно от государства. Это в огромной степени определяло деспотический характер дальневосточных обществ. Не случайно, кстати, наиболее деспотическими методами правления отличались как раз те периоды, когда доля выходцев из непривилегированных сословий в привилегированном служилом сословии была наивысшей, — сунский и минский, когда она доходила в среднем до половины.

На исходе периода, который принято называть в исторической науке «новым временем» (и который связан с концом существования традиционных обществ), структура и социальная сущность служилых слоев претерпевают значительную трансформацию как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Причем трансформация эта идет в разных направлениях: если на Дальнем Востоке собственно чиновничество (как профессиональная группа) составляет все меньшую и меньшую часть всего того, что принято называть *шэньши* (т.е. чиновничьего слоя в его широком, социальном значении), то в Европе соотносимое с чиновничьим слоем на Дальнем Востоке традиционное служилое сословие — дворянство составляет все меньшую часть чиновничества и офицерства как профессиональной группы.

Итак, важнейшей чертой, определявшей статус служилого сословия в странах ареала китайской политической культуры, было то, что образованный, привилегированный, причастный к управлению социальный слой — чиновничество — имел принципиально ненаследственный характер. За исключением узкого круга лиц — родственников правителя, никто не мог получить привилегированный статус иначе как непосредственно из рук государственной власти, никто не мог иметь его от рождения. Привилегированным статусом обладало чиновничество в целом, т.е. лица, находившиеся на государственной службе. Статус был связан с социальным положением человека, а не с его происхождением, имел не личный, а служебный характер, т.е. был принадлежностью не личности, а «места» — должности. Пусть на практике степень «потомственности» дальневосточного чиновничества была очень высока и вполне сопоставима со степенью обновляемости состава европейского дворянства, — важно, что оставался неизменным принцип: никакие обстоятельства, кроме факта государственной службы (по каким бы льготным условиям он на нее ни попал), не могли ввести человека в состав высшего сословия.

Главное следствие такого положения в этико-психологическом плане — неразвитость понятия личного достоинства. Перед госу-

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

дарственной властью в лице императора крестьянин и высший сановник были одинаково бесправны. Дальневосточное чиновничество никогда не имело прав ни политических, ни гражданских. Существование дворянства европейского типа в дальневосточной бюрократической деспотии представить невозможно, поскольку его сущность основывалась на принципах прямо противоположных. Во всех европейских странах — от Испании до России — дворянство обладало некоторой совокупностью гражданских прав, присвоенных всему сословию и каждому его члену в отдельности. Привилегированный статус принадлежал члену сословия от рождения, независимо от его отношений с государственной властью и служебного положения, и лишиться его можно было только в исключительных случаях (дворян можно было лишить жизни лишь отсечением головы, а не, например, повешением). Дворяне не только не были бесправны перед правителем, но, напротив, монархи считались «первыми среди равных» им. Поэтому и понятия чести, личного достоинства ценились очень высоко.

Для дальневосточной системы принцип службы был единственным и мог в отдельных случаях лишь дополняться рядом льгот по происхождению; для европейской же системы оба принципа — происхождение и выслуга — были самостоятельны, равноправны и вполне сопоставимы по роли в комплектовании сословия. Все это и дает основание характеризовать систему дальневосточных деспотий как «бюрократическую», а европейских монархий — как «аристократическую», что в полной мере проявлялось в статусе служилого сословия этих регионов.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

14 Зак. 11

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Вооруженные силы Вьетнама в XVII–XVIII вв.

Тип формирований	Императорская гвардия		Гвардия *тоа*		Столичные войска		Войска 4 долинных и 5 горных чанов		Войска Тханьхоа		Войска в фу Анчьонг		Войска в Нгеане		Войска в тяу Ботинь		Ополчение 4 чанов 1739–1753 гг.		Всего	
	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат	число	в них солдат
Тхюиен	–	–	53	2 452	5	324	44	11 910	–	–	–	–	–	–	4	661	–	–	106	15 347
Дой	3	110	96	6 550	26	1 478	67	3 022	8	1 600	16	692	11	2 260	11	370	–	–	238	16 082
Ко	–	–	12	3 750	–	–	32	11 120	4	1 400	–	–	7	2 846	5	1 550	24	9 120	84	29 786
Зинь	–	–	–	–	–	–	11	5 280	–	–	–	–	1	3 000	–	–	–	–	12	8 280
Ти	5	210	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	210
Ве	2	80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	80
Кунг	2	72	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	72
Всего	12	472	161	12 752	31	1 802	154	31 332	12	3 000	16	692	19	8 106	20	2 581	24	9 120	449	69 857

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 2

Состав военных чиновников Цин в XIX в.

Ранг	«8 знамен»	«Зеленые батальоны» (китайцы)	Офицеры-маньчжуры вне военного ведомства	Всего
1-й	17	35	38	90
2-й	37	246	56	339
3-й	249	631	718	1 598
4-й	1 252	500	1 922	3 674
5-й	1 120	990	1 213	3 323
6-й	1 561	2 125	4 247	7 933
7-й	1	3 625	117	3 743
8-й	–	–	–	–
9-й	–	8 886	205	9 091
Неизвестно	99	–	130	229
Всего	4 336	17 038	8 646	30 020
Солдаты	153 243	460 159	18 843	632 245

Таблица 3

Титулы знатности у разных категорий чиновников во Вьетнаме в XVII–XVIII вв.

Титул	1592–1675 гг.			1676–1729 гг.			1730–1789 гг.			Всего		
	граж-данские	военные	евнухи	граж-данские	военные	евнухи	граж-данские	военные	евнухи	граж-данские	военные	евнухи
Конг	1	12	–	–	–	–	2	18	7	3	30	7
Куокконг	–	9	–	–	9	–	–	–	–	–	18	–
Куанконг	63	206	9	31	73	3	57	84	32	151	363	44
Хау	44	38	4	14	8	4	63	185	44	121	231	52
Ба	22	–	–	13	–	–	34	22	–	69	22	–
Ты	28	–	–	15	–	–	–	–	–	43	–	–
Нам	18	–	–	16	–	–	–	–	–	34	–	–
Всего	176	265	13	89	90	7	156	309	83	427	664	103
На год	2,1	3,2	0,2	1,6	1,7	0,13	2,6	5,2	1,4	2,2	3,4	0,5
Все конги	64	227	9	31	82	3	59	102	39	154	413	51
На год	0,8	2,7	0,1	0,6	1,5	0,06	1,0	1,7	0,7	0,8	2,1	0,3

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица

Ранги и чины в Японии

603 г.	647 г.	649 г.*	664 г.	685 г.**	702 г.***
	Дайсики	Дайсики	Дайсики	Сё	1а1
					1а2
	Сёсики	Сёсики	Сёсики	Сё	1б1
					1б2
	Дайсю	Дайсю	Дайсю	Сё	2а1
					2а2
	Сёсю	Сёсю	Сёсю	Сё	2б1
					2б2
	Дайси	Дайси	Дайси	Сё	3а1
					3а2
	Сёси	Сёси	Сёси	Сё	3б1
					3б2
Дайтоку	Дайкин	Дайкэ А	Дайкин (3 степени)	Дзики 1А	4а1
				Дзики 1Б	4а2
		Дайкэ Б		Дзики 2А	4б1
				Дзики 2Б	4б2
Сётоку	Сёкин	Сёкэ А	Сёкин (3 степени)	Дзики 3А	5а1
				Дзики 3Б	5а2
		Сёкэ Б		Дзики 4А	5б1
				Дзики 4Б	5б2
Дайнин	Дайсэй	Дайсэн А	Дайсэн (3 степени)	Гон 1А и Б	6а1
				Гон 2А и Б	6а2
		Дайсэн Б		Гон 3А и Б	6б1
				Гон 4А и Б	6б2
Сёнин	Сёсэй	Сёсэн А	Сёсэн (3 степени)	Му 1А и Б	7а1
				Му 2А и Б	7а2
		Сёсэн Б		Му 3А и Б	7б1
				Му 4А и Б	7б2
Дайрай	Дайкоку	Дайоцу А	Дайоцу (3 степени)	Цуи 1А и Б	8а1
Сёрай				Цуи 2А и Б	8а2
Дайсин		Дайоцу Б		Цуи 3А и Б	8б1
Сёсин				Цуи 4А и Б	8б2
Дайги	Сёкоку	Сёоцу А	Сёоцу (3 степени)	Син 1А и Б	9а1
Сёги				Син 2А и Б	9а2
Дайти		Сёоцу Б		Син 3А и Б	9б1
Сёти				Син 4А и Б	9б2
	Кэмму (риссин)	Риссин	Дайкэн (дайкон)		
			Сёкэн (сёкон)		

* А — старшая, Б — младшая степень соответствующего ранга.

** А — «большая» степень, Б — «широкая» степень соответствующего ранга.

*** Обозначение рангов по обычному китайскому образцу.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 5

Чины государства Когурё

Ранг	«Самгук саги»*	«Саньго чжи»	«Цэфу юаньгуй»**	«Бэй ши»	«Суй шу»	«Цэфу юаньгуй»	«Тан шу»	«Син Тан шу»	«Тунцзянь»	«Самгук саги»***
1-й	Чвабо	Санга	Санга	Тэдэро	Тхэдэхён	Тэдэро	Тэдэро (тходжоль)	Тэдэро (тходжоль)	Тходжоль (тэдэро)	
2-й	Убо	Тэро	Тэро	Тхэдэхён	Тэхён	Тхэдэхён	Ульджоль	Ульджоль	Тхэдэхён	Тэсан
3-й	Тэджубу	Пхэджа	Пхэджа	Тэхён	Сохён	Тэхён	Тхэбу	Тхадэсаджа	Ульджоль	Видудэхён
4-й	Куксан	Кочхуга	Кочхуга	Сохён	Тэро	Сохён	Чоый тудэхён	Чоый тудэхён	Тхэдэ пуин саджа	Чондэсан
5-й	Кусаджа	Чубу	Чубу	Ыйсаса	Ыйхуса	Ыйсаса	Тэсаджа	Тэсаджа	Чоый тудэхён	Чубу
6-й	Чунве тэбу	Удэ	Удэ	Оджоль	Оджоль	Оджоль	Тэхён	Тэхён	Тэсаджа	Чоксан
7-й		Сын	Саджа	Тхэдэсаджа	Тхэдэсаджа	Тхэдэсаджа	Санви саджа	Санви саджа	Тэхён	Сохён
8-й		Саджа	Чоый	Тэсаджа	Тэсаджа	[Тэсаджа]	Чехён	Чехён	Тхэви саджа	Чехён
9-й		Чоый	Сонин	Сосаджа	Сосаджа	Сосаджа	Сосаджа	Сосаджа	Санви саджа	Сонин
10-й		Сонин		Ёкса	Ёкса	Ёкса	Кваджоль	Кваджоль	Сохён	Чави
11-й				Есок	Есок	Есок	Сонин	Сонин	Чехён	
12-й				Сонин	Сонин	Сонин	Кочху тэга	Кочху тэга	Кваджоль	
				Ёксаль	Ёксаль	Ёксаль	Ёксаль		Пукваджоль	
									Сонин	

* По сведениям древних корейских хроник.

** Сведения относятся к позднетанской эпохе.

*** По сообщению о даровании силласких чинов людям Когурё в 686 г.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 6

Система чинов государства Силла

Ранг	Чин	Вариант	Провинциальный чин (до 674 г.)	Примечание
Исключительный	Тхэдэгаккан	Тхэдэсобальхан		С 668 г.
Особый	Тэгаккан	Тэсобальхан		С 660 г.
1-й	Ибольчхан	Ибольчхан, убольчхан, каккан, какчхан, собальхан, собульхан		
2-й	Ичхоккан	Ичхан		
3-й	Чапчхан	Сопхан, чаппхан		
4-й	Пхаджинчхан	Хэган, миган		
5-й	Тэачхан			
6-й	Ачхан	Ачхоккан, ачхан		Имел подразделения от чуначхана до саджуначхана
7-й	Ильгильчхан	Ильгильчхан	Аккан	
8-й	Сачхан	Сальчхан, садольган	Сульган	
9-й	Кыппольчхан	Кыпчхан, кыппоккан	Коган	
10-й	Тэнама	Тэнамаль	Квиган	Имел подразделения от чуннама до куджуннама
11-й	Нама	Намаль	Сонган (чханган)	Имел подразделения от чуннама до чхильджуннама
12-й	Тэса	Ханса	Санган	
13-й	Саджи	Соса	Кан	
14-й	Кильса	Кеджи, кильчха		
15-й	Тэо	Тэоджи	Ильболь	
16-й	Соо	Сооджи	Пхииль	
17-й	Чови	Сонджоджи	Ачхок	

Таблица 7

Роль регионов в формировании чиновной элиты Китая

Провинция	Юань (выдающиеся люди)					Мин (*цзиньши*)		Цин (*цзиньши*)	
	классицисты	историки	философы	писатели	ученые	на 1 млн. населения	место провинции	на 1 млн. населения	место провинции
Хэбэй	23	18	18	40	20	283	3	117	3–4
Шаньдун	–	6	6	17	22	205	8	100	7
Хэнань	6	5	8	12	10	258	5	81	13
Шаньси	3	7	7	16	12	209	7	108	6
Шэньси	3	4	2	8	7	144	11–12	59	16
Ганьсу	27	9	25	68	26	243	6	93	10
Чэгань	79	30	45	125	62	307	2	130	1
Аньхой	22	11	17	34	17	111	14	41	18
Ганьси	90	24	34	86	73	260	4	99	8
Фукиен	25	4	7	31	55	428	1	117	3–4
Хубэй	2	–	–	2	19	164	10	64	14

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 7

Провинция	Юань (выдающиеся люди)					Мин (*цзиньши*)		Цин (*цзиньши*)	
	классицисты	историки	философы	писатели	ученые	на 1 млн. населения	место провинции	на 1 млн. населения	место провинции
Хунань	2	–	4	8	37	82	15	45	17
Сычуань	10	2	2	6	23	172	9	38	19
Гуандун	1	1	–	2	24	144	11–12	63	15
Гуанси	–	–	–	1	–	40	18	90	12
Юньнань						120	13	94	9
Гуйчжоу						42	17	116	5
Ляонин						57	16	91	11
«Знаменные»*								130	1

* Особая категория населения в Цин.

Таблица 8

Удельный вес обладателей ученых степеней по провинциям Китая в сравнении со средним уровнем по стране в Мин и Цин (%)

Провинция	Мин		Цин				Цин, XIX в.	
	А	к средн.	А	Б	всего	к средн.	всего	к средн.
Хэбэй	40,8	–6,8	12,8	20,0	32,8	–5,7	34,5	–10,7
Шаньдун	35,6	–12,0	14,0	21,3	35,3	–3,2	40,6	–4,6
Хэнань	38,3	–9,3	22,0	22,0	44,0	5,5	51,8	6,6
Шаньси	42,0	–5,6	14,8	23,7	38,5	0,0	46,7	1,5
Шэньси	40,2	–7,4	35,1	18,5	53,6	15,1	52,7	7,2
Ганьсу	52,2	4,6	11,4	18,6	30,0	–8,5	41,4	–3,8
Чэгань	47,8	0,2	11,6	29,5	41,1	2,6	41,6	–3,6
Аньхой	63,8	16,2	15,8	23,6	39,4	0,9	*	*
Ганьси	56,5	8,9	13,0	21,2	34,2	–4,3	43,3	–1,9
Фукиен	61,2	13,6	16,1	19,7	35,8	–2,7	47,9	2,7
Хубэй	42,6	–5,0	19,0	29,5	48,5	10,0	45,7	0,5
Хунань	41,8	–5,8	24,4	30,8	55,2	16,7	60,6	15,4
Сычуань	43,6	–4,0	26,5	15,3	41,8	3,3	54,7	9,5
Гуандун	53,0	5,4	21,2	18,2	39,4	0,9	49,1	3,9
Гуанси	33,3	–14,3	18,1	18,1	36,2	–2,3	44,3	–0,9
Юньнань	41,4	–6,2	21,6	21,6	43,2	4,7	51,8	6,6
Гуйчжоу	55,5	7,9	24,2	21,2	45,4	6,9	47,4	2,2
Ляонин	50,0	2,4	23,5	35,3	58,8	20,3	–	–
«Знаменные»	–	–	14,0	1,6	15,6	–22,9	–	–
В среднем	47,6	–	17,6	20,9	38,5	–	45,2	–

* Вместе с провинцией Ганьсу.

А – *цзиньши*. Б – *цзюйжэни* и *гуншэны*.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 9

Численность *цзиньши* в Мин и Цин

Период	Число экзаменов	Число *цзиньши*	В среднем на экзамене	В среднем за год
1368–1450	19	3636	227,2	44,3
1451–1644	66	20 958	317,6	108,6
Всего Мин	85	24 594	288,2	90,4
1644–1661	8	2 964	370,5	174,8
1662–1678	5	1 029	205,8	64,3
1679–1699	7	1 115	159,3	55,7
1700–1722	9	1 944	216,0	88,4
1723–1735	5	1 499	300,0	125,0
1736–1765	13	3 422	263,0	118,0
1766–1795	14	1 963	142,1	67,7
1796–1820	12	2 821	235,0	117,5
1821–1850	15	3 269	218,0	112,8
1851–1861	5	1 046	209,2	104,6
1862–1874	6	1 588	264,3	132,3
1875–1911	13	4 087	315,2	113,6
Всего Цин	112	26 747	238,8	100,2

Таблица 10

Число степеней *цзиньши* на экзаменах в Цин

Год	Число	Год	Число	Год	Число	Год	Число	Год	Число
1647	400	1706	300	1760	191	1809	241	1853	237
1648	300	1709	300	1761	207	1811	237	1856	192
1649	400	1712	192	1763	187	1814	225	1859	192
1652	450	1713	186	1766	206	1817	249	1860	191
1655	450	1715	200	1769	143	1819	224	1862	196
1656	351	1718	174	1771	161	1820	241	1863	198
1659	350	1721	176	1772	169	1822	223	1865	252
1661	450	1723	180	1775	153	1823	240	1868	271
1664	150	1724	214	1778	158	1826	257	1871	326
1667	150	1727	210	1780	158	1829	215	1874	345
1670	300	1730	407	1781	168	1832	203	1876	339
1673	150	1733	347	1784	115	1833	222	1879	323
1676	195	1736	300	1787	137	1835	269	1880	323
1679	150	1737	313	1789	97	1836	174	1883	316
1682	200	1739	316	1790	102	1838	182	1886	316
1685	150	1742	316	1795	114	1840	183	1890	326
1688	150	1745	307	1796	148	1841	200	1892	317
1691	150	1748	259	1799	210	1844	229	1894	281
1694	150	1751	241	1801	271	1845	213	1897	?
1697	150	1752	235	1802	245	1847	211	1898	348
1700	300	1754	241	1805	283	1850	207	1903	315
1703	162	1757	235	1808	259	1852	244	1904	272

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 11

Пути поступления на службу высших чиновников Кореи периода Корё

Период	Всего	Сдали экзамен с отличием		Сдали экзамен		Не смогли сдать		Поступили по праву «тени»		Прочие пути	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
918–981	33	1	3,0	1	3,0	–	–	–	–	31	93,9
982–1046	38	3	7,9	14	36,8	–	–	–	–	21	55,3
1047–1095	51	2	3,9	33	64,7	–	–	2	3,9	14	27,5
1096–1146	66	5	7,6	36	54,5	–	–	2	3,0	23	34,9
1147–1204	89	7	7,9	22	24,7	3	3,4	4	4,5	53	59,6
1205–1259	96	4	4,2	39	40,6	1	1,0	8	8,3	44	45,8
1260–1308	143	2	1,4	49	34,3	1	0,7	6	4,2	85	59,4
1309–1351	138	3	2,2	33	23,9	–	–	7	5,1	95	68,8
1352–1392	96	6	6,3	28	29,2	1	1,0	1	1,0	60	62,5
Всего	750	33	4,4	255	34,0	6	0,8	30	4,0	426	56,8

Таблица 12

Судьба лауреатов «малых» экзаменов в Корее

Год	Всего	Сдали «большие» экзамены	Получили назначение по праву «тени»
1543	200	61	31
1564	200	65 (64)	45
1568	200	32	52
1570	200	36	18
1573	200	62	35
1576	200	52 (64)	43
1579	200	60	?
1585	200	55	20
1603	200	80	38
1606	200	45	?
1610	200	38	13
1615	200	54 (53)	36
1616	200	39	16
1624	200	42	44
1627	200	50 (44)	23
1633	200	35	?
1633 (особый)	200	56 (57)	44
1639	200	30	?
1642	200	35	28
1646	200	44	36
1648	200	46 (43)	30
Всего	4200	1017	

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 13

Доля лауреатов «малых» экзаменов (*согва*), сдавших затем экзамены *мунгва*

	XV в.	1-я пол. XVI в.	2-я пол. XVIв.	1-я пол. XVII в.	2-я пол. XVII в.	1-я пол. XVIII в.	2-я пол. XVIII в.	1-я пол. XIX в.	2-я пол. XIX в.	Всего
Сдали *согва*	1367	2780	2995	4579	5392	5387	4659	5400	8090	40 649
Сдали *мунгва*	379	690	806	1012	953	746	575	494	227	5 882
%	27,7	24,8	26,9	22,1	17,7	13,9	12,3	9,2	2,8	14,5

Таблица 14

Проведение экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Период правления	Регулярные экзамены	Сверх-штатные экзамены	Всего	Из них имеются сведения	Число *сэнвонов*	Число *чинса*	Всего
Тхэджо (1392–1338)	2	–	2	–	–	–	–
Чонджон (1399–1400)	1	–	1	–	–	–	–
Тхэджон (1401–1418)	6	1	7	1	99	–	99
Седжон (1419–1450)	9	1	10	1	198	–	198
Мунджон (1451–1452)	1	1	2	–	–	–	–
Танджон (1453–1454)	1	1	2	–	–	–	–
Седжо (1455–1468)	5	–	5	–	–	–	–
Еджон (1469)	–	1	1	1	100	100	200
Сонджон (1470–1494)	8	–	8	3	235	234	469
Ёнсан (1495–1505)	4	1	5	4	380	400	780
Чунджон (1506–1544)	13	1	14	10	1 001	1 000	2 001
Мёнджон (1546–1567)	7	1	8	7	701	696	1 397
Сонджо (1568–1608)	12	5	17	14	1 998	2 000	3 998
Кванхэ (1609–1622)	4	5	9	7	100	90	190
Инджо (1623–1649)	8	3	11	11	1 101	1 088	2 189
Хёджон (1650–1659)	3	2	5	5	499	500	999
Хёнджон (1660–1674)	5	2	7	7	699	693	1 392
Сукчон (1675–1720)	15	12	27	27	2 699	2 702	5 401
Кёнджон (1721–1724)	2	2	4	4	388	400	788
Ёнджо (1725–1776)	17	8	25	24	2 397	2 398	4 795
Чонджо (1777–1800)	8	3	11	11	1 124	1 139	2 263
Сунджо (1801–1834)	12	6	18	18	1 799	1 802	3 601
Хонджон (1835–1849)	5	3	8	8	799	802	1 601
Чхольджон (1850–1863)	4	2	6	6	607	654	1 261
Коджон (1864–1906)	11	6	17	17	2 751	4 276	7 027
Всего	163	67	230	186	19 675	20 974	40 649

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 15

Возраст лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Возраст	Число лауреатов	%
20 и младше	1628	4,67
20–24	4964	14,23
25–29	6799	19,49
30–34	6832	19,59
35–39	5352	15,35
40–44	3629	10,41
45–49	2238	6,42
50–54	1282	3,68
55–59	676	1,94
60–64	358	1,03
65–69	164	0,47
70–74	372	1,06
75–79	175	0,50
80–84	308	0,88
85–89	76	0,21
90 и старше	21	0,06

Таблица 16

Средний возраст лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Период	*Сэнвоны*	*Чинса*	Всего
XV в.	29,10	21,14	25,72
XVI в., 1-я пол.	26,50	21,77	24,14
XVI в., 2-я пол.	31,27	30,83	31,05
XVII в., 1-я пол.	32,92	31,29	32,11
XVII в., 2-я пол.	33,12	31,11	32,12
XVIII в., 1-я пол.	35,76	33,06	34,41
XVIII в., 2-я пол.	35,28	35,02	35,15
XIX в., 1-я пол.	35,69	35,19	35,44
XIX в., 2-я пол.	40,28	36,16	37,81
Всего	35,40	33,76	34,54

Таблица 17

Статус лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Статус	*Сэнвоны*		*Чинса*		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Гражданские чиновники	288	1,58	252	1,27	540	1,42
Военные чиновники	52	0,29	41	0,21	93	0,24
Обладатели гражданских почетных званий	65	0,36	56	0,28	121	0,32
Обладатели военных почетных званий	26	0,14	26	0,13	52	0,14
Юхаки	17 563	96,38	19 144	96,75	36 707	96,57
Прочие	228	1,35	268	1,35	496	1,30
Всего	18 222	100	19 787	100	38 009	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 18

Статус лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли по периодам

Период	Чиновники		*Юхаки*		Прочие		Всего
	число	%	число	%	число	%	
XV в.	220	22,08	742	74,50	34	3,41	996
XVI в., 1-я пол.	153	6,96	1 998	90,94	46	2,09	2 197
XVI в., 2-я пол.	119	4,59	2 459	94,91	13	0,50	2 591
XVII в., 1-я пол.	154	3,69	3 961	95,08	51	1,22	4 166
XVII в., 2-я пол.	70	1,34	4 970	95,82	147	2,83	5 187
XVIII в., 1-я пол.	48	0,92	5 077	98,01	55	1,06	5 180
XVIII в., 2-я пол.	28	0,62	4 400	98,81	25	0,56	4 453
XIX в., 1-я пол.	10	0,18	5 366	99,39	23	0,42	5 399
XIX в., 2-я пол.	4	0,05	7 734	98,65	102	1,30	7 840
Всего	806	2,12	36 707	96,57	496	1,30	38 009

Таблица 19

Территориальное происхождение лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Провинция	*Сэнвоны*		*Чинса*		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Столица	6 102	32,91	8 236	41,50	14 338	37,35
Кёнги	1 779	9,59	1 989	10,02	3 768	9,81
Чхунчхон	2 709	14,61	2 445	12,32	5 154	13,42
Кёнсан	3 169	17,09	2 230	11,24	5 399	14,06
Чолла	2 100	11,33	1 894	9,54	3 994	10,40
Канвон	819	4,41	761	3,83	1 580	4,11
Хванхэ	670	3,61	842	4,24	1 512	3,93
Хамгён	385	2,07	415	2,09	800	2,08
Пхёнан	801	4,32	1 030	5,19	1 831	4,76
Неизвестно	7	0,03	3	0,01	10	0,02
Всего	18 541	100	19 845	100	38 386	100

Таблица 20

Статус лауреатов экзаменов *мунгва* в Корее при династии Ли

Статус	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	Всего
Сэнвоны	896	668	552	413	224	2 753
%	42,1	27,2	18,0	11,1	5,9	18,2
Чинса	276	773	566	441	428	2 484
%	12,9	31,4	18,5	11,9	11,3	16,4
Юхаки	117	413	533	1 683	2 675	5 421
%	5,5	16,8	17,4	45,3	70,9	35,8
Чиновники	839	604	1 403	1 171	416	4 433
%	39,4	24,6	45,9	31,5	11,0	29,3
Прочие	4	2	5	5	28	44
%	0,2	0,1	0,2	0,1	0,7	0,3
Всего	2 132	2 460	3 059	3 713	3 771	15 135
%	100	100	100	100	100	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 21

Организация экзаменов в Корее при династии Ли

	Число лауреатов 1-го этапа	Число лауреатов 2-го этапа	Распределение по разрядам по результатам 3-го этапа			
			Особый	1-й	2-й	3-й
Мунгва	240	33	1	2	7	23
Мугва	190	28	–	3	5	20
Первый присваиваемый ранг			6б	7а	8б	9а
Повышение			на 4 класса	на 3 класса	на 2 класса	на 1 класс

Таблица 22

Численность лауреатов всех типов гражданских экзаменов *мунгва* в Корее

Период	Число экзаменов	В среднем в год	Число лауреатов	В среднем в год
1392–1420	14	0,5	430	14,8
1421–1450	16	0,5	397	13,2
1451–1480	36	1,2	730	24,3
1481–1510	32	1,1	692	23,0
1511–1540	42	1,4	696	23,2
1541–1570	32	1,1	660	22,0
1571–1600	43	1,4	770	25,7
1601–1630	56	1,9	967	32,2
1631–1660	43	1,4	771	25,7

Таблица 23

Число лауреатов гражданских столичных экзаменов во Вьетнаме

Период (династия)	Число конкурсов	Периодичность	В среднем лауреатов		Всего лауреатов	1-я степень		2-я степень		3-я степень		4-я степень	
			на конкурс	в год		число	%	число	%	число	%	число	%
Ли (1010–1225)	3	50,3	1,7	0,0	5	5	100	–	–	–	–	–	–
Чан (1226–1400)	12	14,6	3,8	0,3	45	35	77,8	8	17,8	2	4,4	–	–
Хо (1400–1407)	3	2,7	8,3	3,1	25	17	68,0	7	28,0	1	4,0	–	–
Ле (1426–1527)	31	3,3	32,5	9,9	1008	80	7,9	316	31,3	612	60,7	–	–
Ле (Мак) (1527–1593)	29	2,3	18,3	7,9	530	54	10,2	128	24,2	348	65,7	–	–
Ле (Чинь) (1593–1789)	66	3,0	11,0	3,7	727	33	4,5	85	11,7	609	83,8	–	–
Нгуены (1802–1919)	39	3,1	14,3	4,7	558	11	2,0	54	9,7	227	40,7	266	47,7
Всего	183				2898	235	8,1	598	20,6	1799	9,2	266	9,2

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 24

Число лауреатов столичных гражданских экзаменов во Вьетнаме XVI–XVIII вв. по провинциям

Провинция	Число лауреатов	Крупные города			Общины		
		число	дали лауреатов	%	число	дали лауреатов	%
Нгеан	126	9	4	44	634	600	95
Тханьхоа	169	6	3	50	840	647	77
Шоннам сев.	168	6	6	100	1456	1456	100
Шоннам юж.	315	3	3	100	947	947	100
Хайзыонг	452	4	4	100	1404	1404	100
Киньбак	549	4	4	100	1178	1100	93
Шонтэй	262	5	5	100	1122	802	71
Тхайнгюен	10	3	1	33	266	266	100
Всего	2051	40	30	75	7847	7222	92

Таблица 25

Получение рангов по праву «тени» в Китае (Тан)

Ранг отца	Сын	Внук	Правнук
Наследник	4б2	–	–
Старший принц	4б2* 5б1	–	–
Младший принц	6а1	–	–
1-й	7а1	7а2	7б1
2-й	7а2	7б1	7б2
3а	7б1	7б2	8а1
3б	7б2	8а1	8а2
4а	8а1	8а2	–
4б	8а2	8б1	–
5а	8б1	8б2	–
5б	8б2	–	–
4-й + звание за заслуги 1–2-го разряда	7б1	–	–
5-й + звание за заслуги 1–2-го разряда	7б2	–	–
5-й + звание за заслуги 3-го разряда	8а1	–	–
5-й + звание за заслуги 4-го разряда	8а2	–	–

* Старший сын.

Таблица 26

Пути поступления на службу местных чиновников Цин (%)

Год	Всего (чел.)	Степень	Право «тени»	Покупка	Прочее
1764	2071	72,5	1,1	22,4	4,0
1840	1949	65,7	1,0	29,3	4,0
1871	1790	43,8	0,8	51,2	4,2
1895	1975	47,9	1,2	49,4	1,5

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Число чиновников Цин, поступивших на службу по праву «тени»

Период	До 1821	1821–1851	1852–1862	1863–1875	1876–1889	1890–1894	1895–1904	Всего
Число	614	119	80	93	25	48	43	1022

Таблица 28

Получение рангов по праву «тени» в Японии

Ранг отца	Старший сын	Другие дети	Старший внук	Другие внуки	Старший правнук
Старший принц	4б2	4б2	–	–	–
Младший принц	5б2	5б2	–	–	–
Принц 5-го поколения	6а1	6а2	6а2	6а2	–
1-й	5б2	6а1	6а1	6а2	6б1
2-й	6а2	6б1	6б1	6б2	7а1
3-й	6б1	6б2	6б2	7а1	7а2
4а	7а2	7б1	–	–	–
4б	7б1	7б2	–	–	–
5а	8а2	8б1	–	–	–
5б	8б1	8б2	–	–	–
4-й + звание за заслуги 1–2-го разряда	6б2	7а1	–	–	–
5-й + звание за заслуги 1–2-го разряда	7а1	7а2	–	–	–
5-й + звание за заслуги 3-го разряда	7б2	8а1	–	–	–
5-й + звание за заслуги 4-го разряда	8а1	8б2	–	–	–
6–8-й + звание за заслуги 1-го разряда	8б1	8б1	–	–	–
6–8-й + звание за заслуги 2-го разряда	8б2	8б2	–	–	–
Без ранга + звание за заслуги 1-го разряда	8б2	8б2	–	–	–

Таблица 29

Цена должностей (тыс. ши зерна) для *сюцаев* и простолюдинов в Цин (на 1756 г.)

Должность	Ранг	Кантон	Фукиен
Секретарь	9-й	2–4	1,5–2
Регистратор	8-й	4–6	2–4
Помощник начальника уезда	7-й	6–10	4–6
Помощник начальника округа	7-й	–	6–10

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

в Цин (на 1838 г.)

Ранг покупателей	Цена	Ранг	Должность
Простолюдин	1	8-й	
Чиновник 8-го ранга	2	7-й	
Чиновник 7-го ранга	3	6-й	
Чиновник 6-го ранга	4	5-й	
Чиновник 5-го ранга	6	4б	Помощник соляного инспектора
Начальник уезда (ранг 7а)	5	4б	Начальник области
Начальник округа	10	5б	Начальник округа
Начальник области (ранг 4б)	15	4а	Провинциальный комиссар

Табли

Цена рангов и должностей (тыс. таэлей) для простолюдинов
в Цин (на 1843 г.)

Цена	Ранг	Должность
0,2	9	–
0,3	8	–
1	8	Уездный соляной контролер
2	7б	Помощник начальника уезда
3	6	Помощник начальника округа
4	6б	Комиссар юридической комиссии
5	6б	Комиссар финансовой комиссии
6	6а	Начальник округа 2-го класса
8	5б	Соляной инспектор
10	5а	Начальник округа 1-го класса
15	4б	Помощник соляного контролера
30	4а	Окружной интендант

Таблиц

Цена повышения (таэли) для чиновников различных рангов
в Цин (на 1843 г.)

Ранг чиновников	Цена	За:
3-й и выше	1500	одну «градацию»
То же	300	одну «заслугу»
4-й	1200	одну «градацию»
5-й	1000	одну «градацию»
6-й и начальники уездов	900	одну «градацию»
7-й	800	одну «градацию»
8-й	700	одну «градацию»
9-й и без ранга	600	одну «градацию»

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 33

Цена за назначения на должности в Цин (тыс. таэлей)

Должность	Перед регулярной аттестацией	С «листа ожидания»
Секретарь бюро 1-го и 2-го класса	20	–
Начальник отдельного департамента (5-й ранг)	15	10
Другие должности 5-го ранга	–	8
Начальник уезда	–	6
Секретарь 3-го класса в бюро начальника уезда	10	–
Другие должности 6–7-го ранга	8	4
Должности 8-го ранга	4	3
Должности 9-го ранга и без ранга	4	2

Таблица 34

Пути поступления на службу провинциальных чиновников Цин (%)

Год	Провинция	Всего (чел.)	Степень	Степень плюс покупка	Покупка	Прочие	Прочие плюс покупка	Всего покупка (полностью или частично)
1847	Хэнань	289	68,9	4,9	28,6	1,2	1,3	34,8
1859	Шаньдун	305	38,7	1,6	55,1	2,0	4,2	60,9
1871	Аньхой	150	32,0	9,4	46,6	13,4	8,0	64,0
1880	Ганьсу	425	20,4	9,4	65,4	10,0	4,2	79,0
1886	Чегань	294	38,7	10,2	42,2	8,9	10,2	62,6
1893	Хэнань	160	43,1	15,6	51,9	1,9	3,1	70,6
1894	Шэньси	294	44,2	4,9	45,0	6,5	2,3	52,2

Таблица 35

Соотношение путей поступления на службу чиновников Тан

	Высшие чиновники (весь период)		Чиновники разных рангов (средний период)	
	число	%	число	%
Экзамены	86	77,5	42	27,4
Право «тени»	7	6,3	18	11,8
Прочие пути	18	16,2	93	60,8
Всего	111	100	153	100

Таблица 36

Число учащихся государственных школ в Корее XV в.

	Число школ	Число учащихся в каждой школе	Всего учащихся
Государственный Университет	1	200	200
Столичные школы	4	100	400
Школы в:			
бу, тэдохобу, мок	28	90	2 520
тохобу	44	70	3 080
кун	82	50	4 100
хён	175	30	5 250
Всего			15 550

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 37

Учредители школ в Цин

Период	Государство	Частные лица	Всего
1662–1722	69	12	81
1723–1735	20	–	20
1736–1795	82	21	103
1796–1820	31	20	51
1821–1850	24	22	46
1851–1861	4	24	28
1862–1874	14	17	31
1875–1908	14	37	51
Всего	258	153	411

Таблица 38

Средний срок пребывания в должности чиновников Мин

Период	Центральный аппарат	Провинциальное звено	Начальники областей	Начальники округов и уездов	Низшие чиновники
1368–1402	1,0	5,5	6,0	6,4	10,8
1403–1424	4,5	4,2	7,4	8,8	13,6
1425–1435	3,5	3,6	8,5	8,4	11,9
1436–1449	4,3	3,7	7,5	7,5	10,5
1450–1456	2,1	2,3	5,3	6,6	8,0
1457–1464	4,8	3,7	5,3	6,0	7,3
1465–1487	3,5	2,2	5,1	5,5	7,6
1488–1505	4,1	1,9	4,8	4,3	5,9
1506–1521	1,9	1,5	3,3	3,5	5,9
1522–1566	2,0	1,3	3,2	3,1	4,4
1567–1572	1,6	1,2	3,0	3,2	3,8
1573–1620	2,8	2,0	3,3	3,5	3,5
1621–1627	0,8	1,4	2,9	3,1	2,9
1628–1643	1,2	2,0	3,3	2,9	3,6

Таблица 39

Место предыдущей службы чиновников центрального аппарата Мин

Ведомство	Всего	Верховный Секретариат	Министерства	Цензорат	Провинция, 1–2 должности	Провинция, 3 и более должностей	Область	Округ и уезд	Не служили
Верховный Секретариат	157	16	37	3	11	3	5	1	95
Министерства	529	–	113	51	146	110	106	32	174
Цензорат	100	–	19	8	43	34	17	4	16

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 40

Продолжительность карьеры чиновников в Цин

Продолжительность (лет)	Число чиновников	%
2–7	39	6,8
8–13	73	12,8
14–19	84	14,7
20–25	87	15,2
26–31	86	15,0
32–37	79	13,8
38–43	56	9,8
44–49	40	7,0
50 и более	28	4,9
Всего	572	100

Таблица 41

Достигнутые ранги чиновников Цин

Ранг	Число чиновников	%
1-й	298	52
2–3-й	137	24
4–9-й	137	24
Всего	572	100

Таблица 42

Ранги, достигнутые *цзиньши* через 50 лет (Мин) и 20 лет (Цин) после экзамена

Год	Всего	Высокие ранги (1–3-й)		Средние ранги	
		число	%	число	%
Мин (1592 г.)	307	75	24,4	232	75,6
Цин (1868 г.)	275	19	7,0	256	93,0

Таблица 43

Наличие ученых степеней (%) у чиновников Мин (1 – *цзиньши*, 2 – *цзюйжэнь*, 3 – низшие)

Период	Провинциальное звено			Начальники областей			Начальники округов и уездов			Низшие чиновники		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1368–1402	60,0	6,0	34,0	54	11	34	16	16	67	5	19	76
1403–1424	72,0	15,0	13,0	53	24	24	24	18	57	–	42	58
1425–1435	79,0	15,0	6,0	76	15	10	30	28	43	6	41	53
1436–1449	78,0	14,0	8,0	63	31	6	19	31	50	–	41	59
1450–1456	90,0	5,0	5,0	59	33	8	27	33	40	8	33	58
1457–1464	94,0	4,0	2,0	61	35	4	27	39	35	6	59	35

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 43

Период	Провинциальное звено			Начальники областей			Начальники округов и уездов			Низшие чиновники		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1465–1487	95,0	4,0	2,0	83	15	2	28	49	23	8	37	55
1488–1505	99,6	0,4	–	84	15	1	35	51	14	11	33	57
1506–1521	99,4	0,6	–	80	17	3	28	55	17	4	19	77
1522–1566	98,9	0,8	0,3	79	19	2	33	54	13	3	22	76
1567–1572	99,3	–	0,7	73	23	4	32	54	14	2	25	73
1573–1620	98,9	0,9	0,2	73	23	4	32	54	14	2	25	73
1621–1627	98,8	1,2	–	68	26	6	28	56	16	2	33	65
1628–1643	97,4	2,1	0,5	45	40	15	29	51	20	–	21	79

Таблица 44

Основное жалованье (таэли) чиновников в Цин на 1880 г.

Столичные					Военные					
ранг	таэли	зерно (дани)	пер. в таэли	всего	ранг	оклад	на дрова	кормовые	квартирные	всего
1-й	180	90,0	127,8	307,8	1-й	81,6	144,0	180	200	605,6
2-й	150	75,0	106,5	256,5	2а	67,6	144,0	141	160	512,6
3-й	130	65,0	92,3	222,3	2б	53,3	144,0	72	108	377,3
4-й	105	52,5	74,5	179,5	3а	39,3	124,0	48	36	247,3
5-й	80	40,0	56,8	136,8	3б	39,3	124,0	36	36	235,3
6-й	60	30,0	42,6	102,6	4-й	27,4	72,0	24	24	147,4
7-й	45	22,5	31,9	76,9	5-й	18,7	48,0	12	12	90,7
8-й	40	20,0	28,4	68,4	6-й	14,9	33,0	–	–	47,9
9а	33	16,0	21,3	54,3	7-й	12,4	23,5	–	–	35,9
9б	31	15,0								

Таблица 45

Добавочное жалованье (тыс. таэлей) чиновников в Цин на 1880 г.

Провинциальные		Военные	
должность	сумма	должность	сумма
Генерал-губернатор	13–20	Командующий войсками провинции	2
Губернатор	10–15	Бригадир	1,5
Комиссар финансов	5–9	Полковник	0,8
Комиссар юстиции	3–8	Подполковник	0,5
Провинциальный комиссар	1,6–8	Майор	0,4
Начальник области	1,2–4	1-й капитан	0,26
Начальник округа	0,5–2	2-й капитан	0,2
Начальник уезда	0,4–2	Лейтенант	0,12
		Младший лейтенант	0,09

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 46

Экстраординарные доходы (тыс. таэлей) чиновников в Цин

Столичные			Военные		Провинциальные	
должность	ранг	сумма	должность	сумма	должность	сумма
Главный секретарь	1а	52,50	Командующий	52,500	Губернатор	180,0
Министр	1б	41,25	Бригадир	30,000	Комиссары	150,0
Зам. министра	2-й	30,00	Полковник	4,500	Комиссар юстиции	105,0
Начальник департамента	3–4-й	18,00	Подполковник	3,000	Провинциальный комиссар	75,0
Цензор	5-й	12,00	Майор	2,250	Начальник области	52,5
Старший секретарь	5а	6,00	Капитаны	1,215	Начальник уезда	30,0
Пом. секретаря	5б	4,50	Лейтенанты	0,585		
Младший пом. секретаря	6-й	3,00				
Прочие		1,50				

Таблица 47

Общая сумма экстраординарных доходов (таэли) чиновников-китайцев в Цин

Категория чиновников	Число	Сумма
Основное звено провинциальных	1 701	62 797 500
Столичные	2 622	8 154 000
Военные	7 464	9 381 765
Ведомства образования	5 043	7 564 500
Прочие провинциальные*	6 000	27 000 000
Всего	22 830	114 897 765

* В среднем по 4500 таэлей.

Таблица 48

Общая сумма доходов (таэли) чиновников Цин

Основное жалованье	1 405 497,3
столичным чиновникам	272 745,3
провинциальным чиновникам	557 194,0
военным чиновникам	575 558,0
Добавочное жалованье	4 282 056,0
провинциальным чиновникам	2 937 369,0
военным чиновникам	1 344 687,0
Выплаты на административные расходы	600 000,0
Всего жалованья	6 287 553,3
Экстраординарные доходы	114 897 765,0
Всего	121 185 318,3

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 49

Денежное жалованье (дин) чиновников в Юань

Ранг	1-я степень	2-я степень	3-я степень
1б	6,00	5,00	–
2а	4,25	41,5	–
2б	4,00	3,35	3,25
3а	3,25	3,15	3,00
3б	3,00	2,25	2,00
4а	2,25	2,15	2,00
4б	2,00	1,45	1,40
5а	1,40	1,30	–
5б	1,30	1,20	–
6а	1,20	1,15	–
6б	1,14	1,10	–
7а	1,10	1,05	–
7б	1,05	1,00	–
8а	1,00	0,45	–
8б	0,45	0,40	–
9а	0,40	0,35	–
9б	0,35	–	–

Таблица 50

Жалованье чиновников в Японии VIII в.

Ранг	Шелк (хики)	Вата (дзюн)	Холст (тан)	Мотыги (шт.)
1а	30	30	100	140
1б	30	30	100	140
2а	20	20	60	100
2б	20	20	60	100
3а	14	14	42	80
3б	12	12	36	60
4а	8	8	22	30
4б	7	7	18	30
5а	5	5	12	20
5б	4	4	12	20
6а	3	3	5	15
6б	3	3	4	15
7а	2	2	4	15
7б	2	2	3	15
8а	1	1	3	15
8б	1	1	3	10
9а	1	1	2	10
9б	1	1	2	5

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 51

Размер служебных наделов (кёль) чиновников в Корее XIV–XVI вв.

Ранг	С 1391 г.	С 1394 г.	С 1470 г.
1а	150	150	110
1б	130	125	105
2а	125	115	95
2б	115	105	85
3а	105	85	60
3б	97	80	55
4а	89	75	50
4б	81	65	45
5а	73	60	40
5б	65	50	35
6а	57	45	30
6б	50	35	25
7а	43	30	20
7б	35	25	20
8а	25	20	15
8б	20	15	15
9а	15	10	10
9б	10	5	10

Таблица 52

Жалованье чиновников во Вьетнаме со второй половины XV в.

Титулы и ранги	Деньги (куан)	Земельные пожалования (му)					
		тхенгиендиен	тыдиен	тхочать	ао	тедиен	конгбан
Куокконг	127	400	300	4,0	3,0	200	100
Куанконг	120	350	300	3,0	2,0	160	90
Хау	113	300	260	2,5	1,5	160	80
Ба	106	280	230	2,0	1,3	140	70
Ты	99	–	100	1,5	0,9	70	30
Нам	92	–	80	1,2	0,7	60	20
1а	82	–	100	1,0	–	70	30
1б	75	–	80	1,0	–	60	20
2а	68	–	60	0,8	–	50	15
2б	62	–	50	0,8	–	40	10
3а	56	–	40	0,7	–	35	11,0*
3б	52	–	30	0,7	–	20	11,0*
4а	48	–	20	0,6	–	15	10,0*
4б	44	–	15	0,6	–	10	10,0*
5а	40	–	–	0,6	–	–	9,5*
5б	36	–	–	0,6	–	–	9,5*
6а	33	–	–	0,5	–	–	9,0*
6б	30	–	–	0,5	–	–	9,0*
7а	27	–	–	0,5	–	–	8,5*
7б	24	–	–	0,5	–	–	8,5*
8а	21	–	–	0,4	–	–	8,0*
8б	18	–	–	0,4	–	–	8,0*
9а	16	–	–	0,4	–	–	7,5*
9б	14	–	–	0,4	–	–	7,5*

* Количество общинных земельных паев.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 53

Участие *шэньши* в различных видах негосударственной службы в Цин

Вид деятельности	Число	%
Общественные работы	496	9
Оборона и безопасность	1 829	33
Образование и культура	716	13
Благотворительность и социальное обеспечение	371	7
Другие виды коммунальной службы	608	11
Итого	4 020	73
Другие виды деятельности	2 812	52
Всего	6 832	125
Смешанные случаи	1 359	25
Всего названных выше видов	5 473	100

Таблица 54

Удельный вес числа чиновников различных рангов в составе гражданского (столичного), военного и провинциального чиновничества Силла

Группы и категории	Средний ранг	Гражданские		Военные		Провинциальные		Всего	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1-я	3–5	36	2,7	42	1,1	14	2,5	92	1,6
2-я	7,5–8,5	68	5,1	138	3,7	9	1,6	215	3,8
3-я	9–11,5	41	3,1	1100	29,2	129	22,6	1270	22,4
4-я	12	229	17,2	341	9,1	218	38,2	788	13,9
5-я	12,5	71	5,3	226	6,0	201	35,2	498	8,8
6-я	14,5	581	43,7	1918	50,9	–	–	2499	44,1
7-я	–	304	22,9	–	–	–	–	304	5,4
Всего			100		100		100		100
I		36	2,7	42	1,1	14	2,5	92	1,6
II		109	8,2	1238	32,9	138	24,2	1485	26,2
III		300	22,6	567	15,1	419	73,4	1286	22,7
IV		581	43,7	1918	50,9	–	–	2499	44,1
V		304	22,9	–	–	–	–	304	5,4
Всего		1330	100	3765	100	571	100	5666	100

Таблица 55

Соотношение чиновников различных рангов в центральном государственном аппарате Корё*

Ранг	1275 г.		1352 г.		1389 г.		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%
1а	6	0,3	–	–	–	–	6	0,1
1б	12	0,5	18	0,8	20	0,8	50	0,7
2а	15	0,7	13	0,6	17	0,7	45	0,7
2б	18	0,8	27	1,2	34	1,4	79	1,1
3а	69	3,1	83	3,7	84	3,5	236	3,4
3б	28	1,25	32	1,4	47	2,0	107	1,6
4а	51	2,3	53	2,4	62	2,6	166	2,4

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 55

Ранг	1275 г.		1352 г.		1389 г.		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%
4б	24	1,1	28	1,3	26	1,1	78	1,1
5а	54	2,4	60	2,7	69	2,9	183	2,7
5б	23	1,0	26	1,2	29	1,2	78	1,1
6а	99	4,5	110	4,9	143	5,9	352	5,1
6б	35	1,6	54	2,4	48	2,0	137	2,0
7а	39	1,7	42	1,9	42	1,7	123	1,8
7б	57	2,5	57	2,6	65	2,7	179	2,6
8а	86	3,8	75	3,4	77	3,2	238	3,5
8б	39	1,7	55	2,5	73	3,0	167	2,4
9а	51	2,3	47	2,1	43	1,8	141	2,1
9б	28	1,25	25	1,1	36	1,5	89	1,3
Канцеляристы	1504	67,2	1426	63,9	1494	62,0	4424	64,3
Всего	2238	100	2231	100	2409	100	6878	100

* Без чиновников, чей ранг неизвестен.

Таблица 56

Производство и награждение войсковых командиров в Цзинь

Срок службы	Командир *мэньань*		Командир *моукэ*	
	на границе	прочие	на границе	прочие
40 лет	Ранг 7б	Ранг 8б	Ранг 8б	Ранг 9б
30 лет	Ранг 8б	Ранг 9б	Ранг 9б	Головной убор*
20 лет	Ранг 9б	Головной убор*	Головной убор*	Головной убор**
10 лет	Головной убор**	–	Головной убор**	–

* Головной убор чжэнбань.

** Головной убор из шелка с серебром.

Таблица 57

Удельный вес числа столичных, военных и провинциальных чиновников в составе чиновничества различных рангов в Силла

Группы и категории	Средний ранг	Столичные		Военные		Провинциальные		Всего	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1-я	3–5	36	39,1	42	45,7	14	15,2	92	100
2-я	7,5–8,5	68	31,6	138	64,2	9	4,2	215	100
3-я	9–11,5	41	3,2	1100	86,6	129	10,2	1270	100
4-я	12	229	29,1	341	43,3	218	27,7	788	100
5-я	12,5	71	14,3	226	45,4	201	40,4	498	100
6-я	14,5	581	23,2	1918	76,8	–	–	2499	100
7-я	–	304	100	–	–	–	–	304	100
I		36	39,1	42	45,7	14	15,2	92	100
II		109	7,3	1238	83,4	138	9,3	1485	100
III		300	23,3	567	44,1	419	32,6	1286	100
IV		581	23,2	1918	76,8	–	–	2499	100
V		304	100	–	–	–	–	304	100
Всего		1330	23,5	3765	66,4	571	10,1	5666	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 58

Сравнение структуры военного и гражданского (столичного) чиновничества Кореи по должностным категориям (%)

Вид	Период	I	II	III	IV	V
Гражданские	Силла	2,7	8,2	22,6	43,7	22,9
Гражданские	Корё	2,6	8,5	10,9	13,6	64,3
Военные	Силла	1,1	32,9	15,1	50,9	–
Военные	Корё	–	1,6	8,8	38,2	51,4

Таблица 59

Число упоминаний гражданских и военных должностей и титулов во Вьетнаме

Период	Всего биографий			Всего упоминаний социальных знаков			В т.ч. должностей			В т.ч. титулов		
	число	% граж-дан-ских	% воен-ных	число	% долж-но-стей	% титу-лов	число	% граж-дан-ских	% воен-ных	число	% граж-дан-ских	% воен-ных
1460–1504	318	73,0	27,0	672	94,0	6,0	632	80,9	19,1	40	15,0	85,0
1505–1532	224	55,8	44,2	435	67,4	32,6	293	78,8	21,2	142	22,5	77,5
1533–1601	270	31,5	68,5	527	46,1	53,9	242	45,5	54,5	285	7,0	93,0
1602–1675	488	36,7	63,3	1108	76,2	23,8	844	48,2	51,8	264	49,2	50,8
1676–1729	240	65,8	34,2	945	79,8	20,2	754	73,9	26,1	191	47,0	53,0

Таблица 60

Численность чиновников в Сун

Категория \ Годы	976	997–1022	1023–1032	1034–1038	1038–1040	1046	1049–1053	1064–1067
Дворцовые	200	400	б. 1 000					
Дворцовые и столичные			ок. 2 000			б. 2 700		
Военные				ок. 4 000		б. 6 000		
Исполнительные						10 000		б. 3 300
Всего		9 785			15 443		17 200	24 000

Таблица 61

Численность чиновников в Юань

Категория	Всего	Сэму		Ханьцы	
		число	%	число	%
Столичные	506	155	30,6	351	69,4
Дворцовые	2 089	938	44,9	1 151	55,1
Провинциальные	19 934	5 698	28,6	14 236	71,4
Всего ранговые	22 529	6 791	30,1	15 738	69,9
Не имеющие ранга	4 208	–	–	–	–
Всего	26 737	–	–	–	–

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 62

Численность чиновников в Цин (1880 г.) по рангам

Ранг	Столичные	Провинциальные	Военные	Всего
1-й	11	10	16	37
2-й	16	34	184	234
3-й	10	41	537	588
4-й	16	277	425	718
5-й	545	449	869	1 863
6-й	1 307	258	1 912	3 477
7-й	499	2 570	3 521	6 590
8-й	91	5 608	–	5 699
9-й	127	3 760	–	3 887
Всего	2 622	13 007	7 464	23 093

Таблица 63

Численность чиновников в Цин (1880 г.) по должностям

Столичные			Военные			Провинциальные	
должность	ранг	число	должность	ранг	число	должность	число
Главные секретари	1а	2	Командующие войсками	1-й	16	Губернаторы	23
Министры	1б	6	Бригадиры	2а	64	Комиссары финансов и другие	27
Зам. министров	2-й	12	Полковники	2б	120	Комиссары юстиции	18
Начальники департаментов	3–4-й	12	Подполковники	3а	164	Провинциальные комиссары	88
Цензоры	5-й	30	Майоры	3б	373	Начальники областей	183
Старшие секретари	5а	261	1-е капитаны	4-й	425	Начальники округов и уездов	1560
Пом. секретарей	5б	153	2-е капитаны	5-й	869		
Младшие пом. секретарей	6-й	928	Лейтенанты	6-й	1912		
Прочие		1218	Младшие лейтенанты	7-й	3521		
Всего		2622			7464		1899

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 64

Численность чиновничества Японии (начало VIII в.)

Учреждение	Чиновники	Субчиновники	Всего
Совет по делам синто	7	82	89
Государственный Совет	38	192	230
Министерство центральных дел (9)*	121	474	595
Министерство церемоний (2)	31	157	188
Министерство гражданской администрации (4)	75	281	356
Министерство народных дел (2)	26	130	156
Министерство военное (5)	27	171	198
Министерство юстиции (2)	92	169	261
Министерство финансов (5)	25	280	305
Министерство двора (18)	120	1113	1233
Цензорат	17	38	55
Управление по делам хаято	3	11	14
Управления (2) императорских конюшен	16	164	180
Управления (3) дворцовых арсеналов	15	56	71
Штабы (5) дворцовой гвардии и охраны	57	424	481
Столичные управы (2)	40	64	104
Управления столичных рынков (2)	6	72	78
Женский дворец (12)	57	218	275
Дворец наследника (10)	32	322	354
Дворы принцев и чинов 1–3-го рангов**	92	–	92
Всего в столице	897	4418	5315
Аппарат провинций (68)	444	259	703
Аппарат уездов (590, 592, 604 или 631)***	2950–3155	–	2950–3155

* В т.ч. подведомственные управления; в скобках – число управлений.

** Восемь разновидностей по 2–7 ранговых чиновников. Дается минимально возможное число.

*** Аппарат уездов 5 разных видов имел в составе 8, 6, 4, 3 и 2 ранговых чиновника соответственно (в среднем 5).

Таблица 65

Минимальная численность чиновничества Корё

Вид	982 г.	1047 г.	1275 г.	1352 г.	1389 г.	1392 г.
Столичные	100	185	2357	2324	2576	2455
Военные	3336	3566	3631	3631	3939	3939
Провинциальные	573	1968	1958	1925	1991	2135
Прочие лица*	125	760	953	975	1009	1009
Всего	4134	6479	8899	8855	9515	9538

* Имеющие общегосударственные ранги по титулам, званиям и т.д.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 66

Численность чиновничества Кореи в XV в.

Ранг	Число чиновников
1а	17
1б	10
2а	37
2б	104
3а	191
3б	231
4а	41
4б	382
5а	62
5б	274
6а	117
6б	737
7а	37
7б	381
8а	46
8б	562
9а	136
9б	2488
Всего	5853

Таблица 67

Численность населения Китая в разные эпохи

Период	Млн. чел.	Период	Млн. чел.	Период	Млн. чел.
Чжанього	20,0	1021 г., Сун	19,9	1671 г., Цин	97,1
2 г. до н.э., Хань	59,6	1029 г., Сун	26,1	1675 г., Цин	101,7
57 г., Хань	21,0	1042 г., Сун	22,9	1676 г., Цин	80,2
75 г., Хань	34,1	1053 г., Сун	22,3	1686 г., Цин	101,7
88 г., Хань	43,4	1063 г., Сун	26,4	1706 г., Цин	102,1
105 г., Хань	53,3	1066 г., Сун	29,1	1724 г., Цин	130,6
125 г., Хань	48,7	1077 г., Сун	30,8	1741 г., Цин	143,4
140 г., Хань	49,1	1086 г., Сун	40,1	1750 г., Цин	179,5
144 г., Хань	49,7	1100 г., Сун	44,9	1753 г., Цин	183,7
145 г., Хань	49,5	1110 г., Сун	46,7	1760 г., Цин	196,8
146 г., Хань	47,6	1159 г., Сун	16,8	1766 г., Цин	208,1
157 г., Хань	56,5	1169 г., Сун	24,8	1770 г., Цин	213,6
280 г., Юг и Север	16,2	1179 г., Сун	29,5	1780 г., Цин	277,6
370 г., Ран. Янь	12,5*	1189 г., Сун	27,6	1790 г., Цин	301,5
IV–V в., Север	25,0**	1193 г., Сун	27,8	1795 г., Цин	313,3
V в., Сун	5,3***	1223 г., Сун	28,3	1800 г., Цин	295,2
589 г., Суй	11,0	1290 г., Юань	59,0	1810 г., Цин	345,7
609 г., Суй	46,0	Конец XIV в., Мин	65,0	1820 г., Цин	353,4
732 г., Тан	45,4	1600 г., Мин	150,0	1830 г., Цин	394,8
742 г., Тан	48,9	1651 г., Цин	53,2	1833 г., Цин	398,9
960 г., Поздн. Тан	12,0	1652 г., Цин	72,4	1840 г., Цин	412,8
1003 г., Сун	14,3	1656 г., Цин	77,1	1850 г., Цин	414,5
1014 г., Сун	22,0	1661 г., Цин	105,3	1859 г., Цин	432,2

* Реальная цифра (формально 10 млн.).

** В конце V в. столько же или чуть больше.

*** Заниженные данные.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 68

Численность населения государства Цзинь

Год	Число дворов	Численность населения
1127	6 405 144	18 000 000
1187	6 789 449	44 705 086
1190	6 939 000	45 447 900
1195	7 223 400	48 490 400
1207	7 684 838	45 816 079
1123	8 413 164	53 532 151
1234	–	4 754 975

Таблица 69

Численность населения Кореи в XV – начале XX в.

Год	Число дворов	Численность населения
1406	182 646	370 365
Середина XV в.	226 291	855 715
1519	754 146	3 745 481
1543	836 669	4 161 021
1654	–	2 290 000
1669	–	5 018 000
1757	–	7 240 000
1807	–	7 500 000
1835	–	6 400 000
1904	1 419 899	5 928 802

Таблица 70

Наказания за преступления против чиновника в Тан

Объект преступления	Виды преступления					
	побои	телесное повреждение	увечье	умысел убийства	телесное повреждение при попытке убийства	убийство умышленное (в драке)
Свой начальник (независимо от ранга)	3 года*	Ссылка**	Удавление	Ссылка	Удавление	Обезглавливание (удавление)
Чиновник 1–3-го рангов	2 года	3 года	Ссылка	3 года	Удавление	Обезглавливание (удавление)
Чиновник 4–5-го рангов	1 год	2 года	2,5 года	3 года	Удавление	Обезглавливание (удавление)
Чиновник 6–9-го рангов	60 палок***	80 палок	2 года	3 года	Удавление	Обезглавливание (удавление)
Простолюдин	40 легких палок	60 палок	1 год	3 года	Удавление	Обезглавливание (удавление)

* Имеется в виду число лет каторги.

** Имеется в виду ссылка на 2000 ли.

*** Имеется в виду количество ударов тяжелыми палками.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 71

Территориальное происхождение высших чиновников Китая в эпоху Пяти династий (926–960)

Провинция	Командующие	Военные секретари	Другие высшие чиновники	Полномочные секретари	Всего*
Ходун	39	8	12	3	53
Хэбэй	18	12	24	18	61
Хэнань	4	4	16	7	26
Неизвестно	5	2	9	6	21

* Некоторые лица учтены в нескольких колонках.

Таблица 72

Происхождение военных губернаторов Китая в конце эпохи Тан

Год	Всего	Аристократы и чиновники		Военные и мятежники		Прочие
		определенно	предположительно	определенно	предположительно	
845	25	16	2	6	1	–
855	26	24	1	1	–	–
865	22	18	–	3	1	–
875	25	12	2	7	2	2

Таблица 73

Происхождение историков Китая эпохи Пяти династий

Династия	Длительность	Всего	Из чиновников	
			число	%
Лян	16 лет	10	7	70,0
Тан	14 лет	18	11	61,1
Цзинь	11 лет	17	7	41,2
Хань	4 года	5	2	40,0
Чжоу	9 лет	8	3	37,5
Всего	54 года	58	30	51,7

Таблица 74

Происхождение *цзиньши* в Мин и Цин по годам экзаменов

Год	Всего	A	%	B	%	A+B, %	C	%	D	%
1371	28	21	75,0	–	–	75,0	7	25,0	–	–
1412	106	89	84,0	–	–	84,0	17	16,0	9	8,5
1457	294	182	61,8	–	–	61,8	112	38,2	9	3,0
1469	248	149	60,0	–	–	60,0	90	40,0	11	4,5
1472	250	137	54,8	–	–	54,8	113	45,2	13	5,2
1496	298	140	47,0	–	–	47,0	158	53,0	14	4,6
Всего			58,2	–	–	58,2		41,8		

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 74

Год	Всего	A	%	B	%	A+B, %	C	%	D	%
1505	303	126	41,6	–	–	41,6	177	58,4	12	4,0
1521	330	156	47,3	–	–	47,3	174	52,7	13	3,9
1535	329	154	47,0	–	–	47,0	175	53,0	22	6,9
1538	317	154	48,6	1	0,3	48,9	162	51,1	23	7,3
1544	312	151	48,4	2	0,6	49,0	159	51,0	24	8,0
1553	384	182	47,4	24	6,2	53,6	178	46,4	15	3,9
1562	298	133	44,6	–	–	44,6	165	55,4	17	5,7
1568	405	203	50,1	–	–	50,1	202	49,9	17	4,2
1580	302	134	44,4	–	–	44,4	168	55,6	12	4,0
Всего			46,9		0,9	47,8		52,2		
1586	356	105	29,5	54	15,1	44,6	197	55,4	18	5,0
1610	230	61	26,5	40	17,4	43,9	129	56,1	18	7,8
Всего			28,5		16,0	44,5		55,5		
Всего Мин			47,5		2,5	50,0		50,0		
1652	366	85	23,2	48	13,1	36,3	233	63,7	30	8,2
1655	401	112	28,2	65	16,2	44,2	224	55,8	48	11,7
1658	407	126	30,7	58	14,2	44,9	223	55,1	25	6,1
1659	358	124	34,6	32	8,9	43,5	202	56,5	27	7,5
1661	373	112	29,7	57	15,2	44,9	204	55,1	36	9,6
Всего			29,2		13,6	42,8		57,2		
1673	138	37	26,8	22	15,9	42,7	79	57,3	5	3,6
1682	151	12	8,0	17	11,3	19,3	122	80,7	18	11,9
1685	169	30	17,6	33	19,2	36,8	106	63,2	15	8,9
1703	104	10	9,6	20	19,2	28,8	74	71,2	17	16,3
Всего			15,8		16,4	32,2		67,8		
1822	210	23	10,9	52	24,8	35,7	135	64,3	12	5,3
1829	223	46	20,6	49	22,0	42,6	128	57,4	10	4,4
1833	226	30	13,3	62	27,4	40,7	134	59,3	16	7,1
1835	243	26	10,7	54	22,2	32,9	163	67,1	17	7,0
1844	200	31	15,5	53	26,5	42,0	116	58,2	7	3,5
1859	191	52	27,2	35	18,3	45,5	104	54,5	7	3,6
1860	146	35	24,0	33	22,5	46,5	78	53,5	6	4,1
1865	228	36	15,8	49	21,4	37,2	143	62,8	13	5,7
1868	228	25	10,9	50	21,9	32,8	153	67,2	13	5,7
1871	280	45	16,0	66	23,5	39,5	169	60,5	7	2,5
1874	228	15	6,6	52	22,8	29,4	161	70,6	9	3,9
1876	216	30	13,9	49	22,7	36,6	137	63,4	5	2,3
1877	276	40	14,9	46	16,7	31,6	190	68,4	16	5,6
1880	276	31	11,2	49	17,7	28,9	196	71,1	13	4,7
1883	245	31	12,6	40	16,3	28,9	174	71,1	9	3,6
1886	263	29	11,0	55	20,9	31,9	179	68,1	15	5,7
1889	251	40	15,9	41	16,0	31,9	170	68,1	12	4,8
1890	234	24	10,3	44	18,4	28,7	166	71,3	8	3,5
1892	239	31	12,9	45	18,8	31,7	163	68,3	13	5,4
1895	181	30	16,6	27	14,9	31,5	124	68,5	6	3,2
1898	142	33	23,2	22	15,5	38,7	87	61,3	5	3,5
1904	243	88	36,2	25	10,3	46,5	130	53,5	4	1,7
Всего			15,5		20,0	35,5		64,5		
Всего Цин			19,1		18,1	37,2		62,8		
Всего	12 226	3 696	30,3	1 471	12,1	42,3	7 059	57,7	691	5,7

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 75

Происхождение *цзиньши* из чиновных семей разного ранга в Мин и Цин

Год	Из низших		Из средних		Из высших	
	число	%	число	%	число	%
1469	34	13,7	54	21,8	11	4,5
1472	55	22,0	45	18,0	13	5,2
1538	61	19,3	78	24,5	23	7,3
1562	73	24,5	75	25,2	17	5,7
1610	58	25,2	53	23,1	18	7,8
1655	83	20,8	93	23,3	48	11,7
1682	38	25,2	66	43,6	18	11,9
1703	14	13,2	43	41,7	17	16,3
1822	61	29,0	65	31,0	12	5,7
1860	39	26,7	33	22,7	6	4,1
1876	68	31,2	64	29,9	5	2,3
1892	83	34,8	67	28,1	13	5,4
Всего	667	23,7	736	26,2	201	7,2

Таблица 76

Происхождение *цзюйжэней* и *гуншэнов* в Цин

Год	Всего	A	%	B	%	A+B, %	C	%	D	%
1703	104	10	9,6	20	19,2	28,8	74	71,2	17	16,3
1752	72	16	22,2	24	33,3	55,5	32	44,5	2	2,8
1789	1 149	190	16,6	372	32,2	48,8	587	51,2	29	2,5
1794	85	12	14,1	20	23,5	37,6	53	62,4	9	10,6
1800	193	28	14,5	33	17,0	31,5	132	68,5	17	8,9
Всего	1 603	256	16,0	471	29,4	45,4	876	54,6	74	4,6
1804	1 021	235	23,0	322	31,5	54,5	464	45,5	23	2,2
1807	1 109	211	19,0	281	25,3	44,3	617	55,7	25	2,2
1808	1 133	237	20,8	414	36,5	57,3	482	42,7	45	4,0
1816	1 052	187	17,7	396	37,6	54,5	469	44,7	35	3,3
1821	1 402	268	19,1	404	28,1	47,2	730	52,8	39	2,7
1828	1 175	239	20,3	322	27,7	48,0	614	52,0	25	2,1
1831	930	198	20,2	243	26,1	46,3	489	53,7	36	3,9
1832	1 192	247	21,4	269	22,5	43,9	676	56,1	34	2,9
1834	1 064	194	18,2	259	24,3	42,5	611	57,5	37	3,5
1835	1 130	247	21,9	314	27,8	49,7	569	60,3	32	2,8
1843	1 106	212	19,1	314	28,4	47,5	580	52,5	41	3,7
1844	1 094	259	23,6	298	27,2	50,8	537	49,2	31	2,8
1848	1 751	302	17,2	424	24,2	41,4	1 025	58,6	38	2,2
1855	1 311	254	19,3	368	27,3	46,6	689	53,4	24	1,4
1870	1 752	335	19,1	386	22,0	41,1	1 031	58,9	57	3,2
1879	1 314	225	17,1	286	21,7	38,8	803	61,2	34	2,6
1885	1 649	303	17,8	281	17,0	34,8	1 065	65,2	24	1,4
1897	1 694	334	19,7	232	13,7	33,4	1 128	66,6	31	1,8
1906	354	119	33,6	37	11,0	44,6	198	55,4	4	1,1
1910	247	103	41,7	27	10,9	52,6	117	47,4	4	1,6
Всего	23 480	4 079	20,1	5 877	25,0	45,1	12 894	54,9	619	2,6

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 77

Доля *шэнъюаней*, происходивших из семей без обладателей ученых степеней, в Мин и Цин

Годы	Чаньшу			Хаймень			Наньдун		
	всего	число	%	всего	число	%	всего	число	%
1368–1487							267	263	98,6
1488–1505							88	78	88,6
1506–1521							143	120	83,9
1522–1566							444	332	74,8
1567–1572							35	22	62,9
1573–1620							549	375	68,3
1621–1627							195	138	70,8
1628–1644							333	186	61,4
Всего Мин							2024	1514	74,8
1644–1661	507	338	66,7	47	38	80,9	286	162	56,6
1662–1722	1050	671	63,9	333	200	60,0	811	462	57,0
1723–1735	267	189	70,8	78	36	46,2	218	117	53,7
1736–1795	1142	663	58,1	424	230	54,2	1071	658	61,4
1796–1820	464	224	48,3	180	76	42,2	494	258	52,2
1821–1850	608	293	48,2	207	86	41,6	534	229	42,9
1851–1861	227	78	34,4	62	20	32,3	177	71	40,0
1862–1874	408	173	42,4	95	42	44,2	350	146	41,7
1875–1904	851	357	42,0	210	103	49,0	403	198	49,1
Всего Цин	5524	2986	54,5	1636	791	48,4	4344	2301	53,0

Таблица 78

Цзиньши – выходцы из социальных групп со специальным статусом (в Мин)

Группы \ Годы	1371–1445	1448–1484	1487–1523	1526–1562	1565–1604	1607–1643	Всего
Ученые	79	34	18	15	7	7	160
Солдаты	250	1010	1 339	1 149	1 185	676	5 609
Офицеры	18	165	222	197	204	99	905
Соледобытчики	7	51	82	79	94	75	388
Ремесленники	29	161	198	211	189	66	854
Почтовые служащие	3	3	9	6	–	1	22
Коневоды	–	–	–	4	2	2	8
Медицинские чиновники	–	10	8	8	4	2	32
Частные врачи	3	17	18	7	4	2	51
Астрономы-чиновники	–	2	3	–	–	–	5
Астрологи	–	–	1	–	–	–	1
«Богатые фамилии»	5	15	4	3	1	–	28
Государственные повара	–	1	–	4	1	–	6
Охотники	–	–	–	1	–	–	1
Торговцы солью	–	–	–	–	–	1	1
Члены императорского клана	–	–	–	–	–	4	4
Всего из специальных групп	394	1 469	1 902	1 684	1 691	935	8 075
Всего *цзиньши*	1 465	3 588	4 311	3 999	4 674	4 567	22 577

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 79

Происхождение высших чиновников Цин по типу семей

Происхождение	Число	%
Маньчжуры – императорский клан, знать и чиновники	102	18,0
Маньчжуры – незнатные, но «знаменных» войск	16	3,0
Всего, маньчжуры	118	20,6
Китайцы-чиновники (в т.ч. «знаменные»)	253	44,0
Китайцы из местной элиты (обладатели ученых степеней)	31	5,0
Всего, китайцы из чиновной среды	284	49,7
Китайцы-общинники	170	29,7
Всего	572	100

Таблица 80

Происхождение высших чиновников Мин и Цин по периодам

Период	Служилые		Неслужилые		Всего
	число	%	число	%	
1590–1683	131	64	73	36	204
1684–1780	136	81	32	19	168
1781–1900	141	71	58	29	199
Всего	408		163		571

Таблица 81

Наличие ученых степеней у предков (отец, дед, прадед) обладателей степеней Мин и Цин

Категория	Мин (*цзиньши*)		Цин (*цзиньши*)		XIX в. (*цзиньши* и *гуншэны*)	
	число	%	число	%	число	%
Чиновники и обладатели высших степеней	2 209	50	3 795	63	11 780	52
Шэнъюани	119	3	1 123	18	6 311	28
Не имели степеней	2 068	47	1 149	19	4 694	20
Всего	4 396	100	6 067	100	22 785	100

Таблица 82

Происхождение поступивших на службу в 1796–1908 гг. в Цин

Категория	Всего	Из неслужилых семей		Из служилых семей	
		число	%	число	%
Чиновники и обладатели высших степеней	1556	541	73	1015	72
Шэнъюани и ниже	590	203	27	387	28
Всего	2146	744	100	1402	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 83

Положение представителей клана Чжун (Цин)

Годы	% имеющих ранг	% учащихся школ
До 1699	16,5	5,0
1700–1749	16,3	8,8
1750–1799	15,4	9,4
1800–1849	14,5	17,2
1850–1889	14,0	61,5

Таблица 84

Наличие ученых степеней у отцов и братьев лиц с ученой степенью из клана Чжун (Цин)

Год рождения	Всего лиц	Их отцы		Их братья	
		число	%	число	%
1586–1699	40	7	17,5	2	5,0
1700–1749	57	15	26,3	8	14,0
1750–1799	129	59	45,7	4	3,1
1800–1849	155	120	77,4	6	3,9
1850–1889	65	56	86,1	–	–
Всего	446	257	57,6	20	4,5

Таблица 85

Наличие ученых степеней у представителей кланов У и Чжун (Цин)

	Клан У		Клан Чжун (%)*
	число	%	
1-й сын	72	46,8	52,5
2-й сын	45	28,8	26,0
3-й сын	21	13,5	11,4
Прочие дети	18	10,9	10,1

* В среднем за 1699–1889 гг.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 86

Чиновники из клана Ван (*цзиньши* с 1541 по 1888 г.) в Мин и Цин

Поколение	Всего лиц	Обладатели высших ученых степеней				Чиновники 1–3-го рангов	Деятели культуры	Обладатели низших ученых степеней
		всего	*цзиньши*	*цзюйжэни*	*гуншэны*			
1-е	1	–	–	–	–	–	–	–
2-е	1	–	–	–	–	–	–	–
3-е	1	1	–	–	1	–	–	–
4-е	1	1	1	–	–	–	–	–
5-е	6	6	3	1	1	2	–	–
6-е	16	15	9	1	3	4	1	–
7-е	11	6	2	2	2	–	3	2
8-е	7	5	4	1	–	1	2	–
9-е	4	3	1	1	1	–	1	–
10-е	7	5	–	3	1	–	–	2
11-е	5	5	–	3	–	–	–	–
12-е	6	6	1	5	–	–	–	–
13-е	4	4	2	2	–	–	–	–
14-е	2	2	–	2	–	–	–	–

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Чиновники из некоторых кланов Цин

Поколение	Всего	Обладатели степеней						Чиновники				% обладателей степеней	% чиновников
		по «тени»	*цзиньши*	*цзюйжэни, гуншэны*	*шэнъюани*	*цзяньшэны*	всего	высшие	средние	низшие	всего		
Потомки Чань Ина (р. 1638, представитель 9-го поколения своего клана)													
2-е	6	–	4	2	–	–	6	3	1	1	5	100	83,3
3-е	14	1	4	8	–	1	14	3	8	–	11	100	78,6
4-е	38	3	1	15	2	16	37	1	14	15	30	97,4	78,9
5-е	77	1	2	6	10	28	47	–	10	13	23	61,0	29,9
6-е	101	–	1	5	9	22	37	–	12	21	33	36,5	32,6
7-е	113	–	2	6	6	20	34	–	11	11	22	30,0	19,5
Потомки Чжи Цзяньюня (р. 1671, представитель 4-го поколения своего клана)													
2-е	8	1	1	3	–	3	8	2	4	1	7	100	87,5
3-е	25	–	1	1	1	20	23	–	11	6	17	92,0	68,0
4-е	56	–	–	2	4	27	33	–	9	13	22	58,9	39,4
5-е	63	–	–	3	2	15	20	–	2	15	17	31,7	27,0
6-е	49	1	–	1	2	8	12	–	2	6	8	24,5	16,3
7-е	28	1	–	1	1	3	6	–	1	3	4	21,4	14,3
8–9-е	16	–	–	–	–	4	4	–	–	3	3	25,0	18,8
Потомки Чень Юсяна (р. 1605, представитель 9-го поколения своего клана)													
2-е	5	–	2	–	1	2	5	1	1	–	2	100	40,0
3-е	11	–	1	6	2	2	11	1	2	–	3	100	27,3

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 87

Поколение	Всего	Обладатели степеней						Чиновники				% обладателей степеней	% чиновников
		по «тени»	*цзиньши*	*цзюйжэни, гуншэны*	*шэнъюани*	*цзяньшэны*	всего	высшие	средние	низшие	всего		
4-е	38	1	6	7	7	12	33	4	9	2	15	86,8	39,5
5-е	67	–	7	18	7	15	47	3	20	5	28	70,0	41,8
6-е	173	2	1	23	20	68	114	–	41	14	55	65,9	31,8
7-е	260	1	2	16	39	75	133	2	23	31	56	51,2	21,5
8-е	268	2	5	18	23	68	114	2	16	51	69	42,5	25,7
9-е	299	1	–	10	15	41	67	–	13	36	49	22,4	13,4
10-е	224	–	–	10	32	23	64	–	8	18	26	28,6	11,6
11-е	157	2	–	8	22	11	43	–	7	11	18	27,4	11,5
12-е	82	–	–	1	9	–	10	–	–	1	1	12,2	1,2

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 88

Происхождение высших чиновников Кореи периода Корё (ранги отцов)

Период	Всего	1-й		2-й		3-й		4–6-й		7–9-й		Канцеляристы	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
918–981	33	4	12,1	3	9,1	1	3,0	1	3,0	1	3,0	–	–
982–1046	38	4	10,5	1	2,6	–	–	4	10,5	–	–	–	–
1047–1095	51	7	13,7	9	17,7	3	5,9	3	5,9	1	2,0	–	–
1096–1146	66	13	19,7	4	6,1	4	6,1	1	1,5	–	–	5	7,6
1147–1204	89	11	12,4	7	7,9	8	9,0	6	6,7	2	2,2	5	5,6
1205–1259	96	5	5,2	13	13,5	8	8,3	9	9,4	–	–	4	4,2
1260–1308	143	18	12,6	28	19,6	7	4,9	6	4,2	3	2,1	4	2,8
1309–1351	138	26	18,8	26	18,8	7	5,1	8	5,8	2	1,4	1	0,7
1352–1392	96	14	14,6	7	7,3	11	11,5	3	3,1	1	1,0	1	1,0
Всего	750	102	13,6	98	13,1	49	6,5	41	5,5	10	1,3	20	2,3

Продолжение табл. 88

Период	Прочие*		Всего служилых		*Янъины*		*Чхонины*		Прочие**		Всего неслужилых		Неизвестно	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
918–981	3	9,1	13	39,4	–	–	–	–	19	57,6	19	57,6	1	3,0
982–1046	3	2,6	10	26,3	–	–	–	–	24	63,2	24	63,2	4	10,5
1047–1095	5	9,8	28	54,9	–	–	2	3,9	18	35,3	20	39,2	3	5,9
1096–1146	7	10,6	34	51,5	–	–	1	1,5	30	45,5	31	47,0	1	1,5
1147–1204	10	11,2	49	55,1	4	4,5	4	4,5	31	34,8	39	43,8	1	1,1
1205–1259	10	10,4	49	51,0	5	5,2	1	1,0	37	38,5	43	44,8	4	4,2
1260–1308	18	12,6	84	58,7	3	2,1	4	2,8	47	32,9	54	37,8	5	3,5

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 88

Период	Прочие*		Всего служилых		*Янъины*		*Чхонины*		Прочие**		Всего неслужилых		Неизвестно	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
1309–1351	9	6,5	79	57,2	4	2,9	6	4,4	47	34,1	57	41,3	2	1,5
1352–1392	9	9,4	46	47,9	2	2,1	1	1,0	45	46,9	48	50,0	2	2,1
Всего	72	9,6	392	52,3	18	2,4	19	2,5	298	39,7	335	44,7	23	3,1

* В т.ч. дети чиновников неизвестного ранга, неизвестных отцов, но с чиновниками–дедами и прадедами и т.д.

** О происхождении принципиально умалчивается, что указывает на низкое.

Таблица 89

Распределение высших чиновников Кореи периода Корё – выходцев из *янбан* по родовитости (число поколений служилых предков)

Период	Всего	Только отец*		2–3 поколения		4–5 поколений		6–7 поколений		8 и более**	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
918–981	13	12	92,3	1	7,7	–	–	–	–	–	–
982–1046	10	5	50,0	3	30,0	2	20,0	–	–	–	–
1047–1095	28	10	35,7	2	7,1	3	10,7	10	35,7	3	10,7
1096–1146	34	18	52,9	4	11,8	2	5,9	3	8,8	7	20,6
1147–1204	49	25	51,0	9	18,4	3	6,1	7	14,3	5	10,2
1205–1259	49	20	40,8	8	16,3	3	6,1	5	10,2	13	26,5
1260–1308	84	33	39,3	14	16,7	17	20,2	3	3,6	17	20,2
1309–1351	79	22	27,9	28	35,4	11	13,9	10	12,7	8	10,1
1352–1392	46	17	37,0	10	21,7	10	21,7	4	8,7	5	10,9
Всего	392	162	41,3	79	20,2	51	13,0	42	10,7	58	14,8

* В т.ч. 20 чел. выходцев из канцеляристов и 7 чел. — из служилых семей без указания на предков.

** В т.ч. 28 чел. из родов, восходящих к ванам Силла.

Таблица 90

Происхождение лауреатов гражданских экзаменов *мунгва* в Корее XV–XVII вв.

Период	Всего	Не имели в роду лауреатов *мунгва*		Имели в роду лауреатов *мунгва*		В т.ч. среди «4 предков» (включая отцов)		В т.ч. отцов	
		число	%	число	%	число	%	число	%
1421–1450	397	324	81,6	73	18,4	53	13,4	49	12,3
1451–1480	730	470	64,4	260	35,6	209	28,6	172	23,6
1481–1510	622	316	50,8	306	49,2	223	35,9	156	25,1
1511–1540	696	340	48,9	356	51,1	252	36,2	148	21,3
1541–1570	660	334	50,6	326	49,4	259	39,2	143	21,7
1571–1600	770	343	44,5	427	55,5	338	43,9	189	24,5
1601–1630	967	382	39,5	585	60,5	462	47,8	306	31,6
Всего	4842	2509	51,8	2333	48,2	1796	37,1	1163	24,0

Таблица 91

Происхождение лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли по рангу отцов

Ранг	Гражданские чиновники			Военные чиновники		Всего	
	действительной службы	отставные	получившие ранг посмертно	действительной службы	отставные	число	%
1а	76	3	2	27	–	108	0,68
1б	70	2	1	–	–	73	0,46
2а	397	26	4	17	–	444	2,80
2б	947	35	3	54	8	1 047	6,60
3а	1 311	205	6	288	17	1 827	11,51
3б	650	155	–	107	24	936	5,90
4а	222	34	1	159	4	420	2,65
4б	1 061	291	–	588	24	1 964	12,38
5а	552	70	3	69	7	701	4,42
5б	984	286	1	359	11	1 641	10,34
6а	753	188	–	91	14	1 046	6,59
6б	1 479	566	–	677	153	2 875	18,13
7а	58	5	1	34	4	102	0,64
7б	216	40	–	–	–	256	1,61
8а	18	3	–	26	7	54	0,34
8б	199	47	–	57	2	305	1,92
9а	58	173	1	37	8	277	1,75
9б	1 215	363	2	113	12	1 705	10,75
?	46	8	–	26	1	81	0,51
Всего	10 312	2 500	25	2 729	296	15 862	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 92

Происхождение лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли по статусу отцов (%)

Период	Чиновники	*Юхаки*	Учащиеся	Прочие
XV в.	92,0	0,0	7,5	0,4
XVI в., 1-я пол.	87,5	0,2	12,1	0,0
XVI в., 2-я пол.	81,9	2,6	15,3	0,0
XVII в., 1-я пол.	72,1	14,2	13,33	0,3
XVII в., 2-я пол.	59,1	23,6	17,1	0,1
XVIII в., 1-я пол.	49,5	22,7	27,7	0,0
XVIII в., 2-я пол.	42,9	28,1	28,9	0,0
XIX в., 1-я пол.	36,9	29,3	34,5	0,0
XIX в., 2-я пол.	33,9	23,7	42,3	0,0

Таблица 93

Максимальные ранги, доступные в Корее периода династии Ли детям чиновников от наложниц

Статус матери	Ранг отца		
	1–2-й	3–6-й	7–9-й
Из *янъиновъ*	3а	4а	5а
Из *чхонинов*	5а	6а	7а

Таблица 94

Титулы «бангкокцев» и их передача по наследству по поколениям во Вьетнаме

Титул	Ранг	1-е	2-е	3-е	4-е	5-е	6-е
Кхиньсадоуи	2б	Кхиньсадоуи	Кхиньсадоуи	Киеукидоуи	Кидоуи	Фикиуи	Анкнуи
Киеукидоуи	3б	Киеукидоуи	Киеукидоуи	Кидоуи	Фикиуи	Анкиуи	
Кидоуи	4б	Кидоуи	Кидоуи	Фикиуи	Анкиуи		
Фикиуи	5б	Фикиуи	Фикиуи	Анкиуи			
Анкиуи	6б	Анкиуи					
Фунгануи	7б	Не передавался по наследству					
Тхыаануи	8б	Не передавался по наследству					

Таблица 95

Численность (тыс. чел.) слоя *шэньши* в Цин

Категория	1-я пол. XIX в.		Конец XIX в.	
	число	%	число	%
Чиновники	80	8	23	2
Имеющие право на должность	45	4	177	12
Низшие *шэньши*	900	88	1244	86
Всего *шэньши*	1025	100	1444	100
С членами семей	5600		7500	

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 96

Служебное положение членов клана Цуй из Полина

Ранг	400–534 гг.		Тан	
	число	%	число	%
1-й	2	4	–	–
2-й	3	6	4	3
3-й	10	19	9	7
4-й	12	23	15	12
5-й	6	12	11	9
6-й	3	6	24	20
7-й	4	8	29	24
8-й	–	–	23	19
9-й	–	–	7	6
Местные посты	3	6	–	–
Неизвестно	8	16	–	–
Всего	51	100	122	100

Таблица 97

Браки членов клана Цуй из Полина

	«7 родов»	«Другие старые роды»	Прочие знатные роды	Незнатные роды	Всего
Виднейшие члены клана	29	6	5	–	40
Остальные члены клана	19	21	10	2	52
Всего	48	27	15	2	92
%	52	30	16	2	100

Таблица 98

Способ поступления на службу членов клана Цуй из Полина

Способ поступления	Число	%
Экзамены	11	42
Привилегия «тени»	4	15
Прямое назначение	3	12
С военной службы	2	8
Другое (возможно, форма «тени»)	6	23
Всего	26	100

Таблица 99

Число детей у членов разных кланов (%) эпохи Тан

Клан	1	2	3	4	5	6
Цуй из Полина, ветвь 2	60	25	6	3	2	1
Ли Тун-цзу из Чжаоцзюня	36	26	18	10	5	3

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 100

Характеристика виднейших кланов периода Тан

Кланы и их ветви	Число членов	% чиновников	Среднее число сыновей	% единственных сыновей	% бездетных
Ли Туи-цзу из Чжаоцзюня	1146	50	2,4	3	1
Чэн Бэй-цзу из Цзюньяна	913	52	2,4	3	0
Лу Бэй-цзу из Фаньяна	794	51	1,9	6	7
Сюэ Си-цзу из Ходуна	543	55	1,9	8	3
Тоу Сань-цзу из Лояна	490	58	2,3	5	4
Тан из Цзиньяна	441	54	2,5	4	0
Чан из Цзюйцзяна	432	23	2,1	4	0
Ван из Ланъе	317	52	2,6	2	0
Цуй из Полина, ветвь 1а	99	60	2,0	9	8
Цуй из Полина, ветвь 1б	82	42	1,9	2	10
Цуй из Полина, ветвь 2а	146	71	1,9	9	18
Цуй из Полина, ветвь 2б	109	63	1,9	5	5
Цуй из Полина, ветвь 3	95	58	1,8	3	13
Цуй из Полина, Аньлин	49	70	2,1	6	0
Цуй Дафан из Цинхо	117	45	1,6	13	14
Цуй Сяофан из Цинхо	180	67	2,1	6	3
Цуй Цзинчжоу из Цинхо	56	56	1,3	34	23
Ван из Тайюаня, ветвь 1	64	40	1,8	13	2
Ван из Тайюаня, ветвь 2	64	35	1,9	6	8
Ли из Лунси	288	53	1,8	15	12
Лю Дунцунь из Хошуна	95	52	1,3	37	27
Лю Сицунь из Хошуна	142	72	1,7	15	13
Чан из Цинхо	45	86	1,7	13	2

Таблица 101

Число лиц одного клана (%) на службе в период Мин

Число лиц данного клана	Всего	%
1	10 970	59,0
2	1 980	10,7
3	1 440	7,8
4	1 090	5,8
5	725	3,8
6	420	2,2
7	370	2,0
8	240	1,3
9	260	1,4
10 и более	1 140	6,2

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 102

Родовая принадлежность деятелей Силла

Век	Ким		Пак		Ким (Кая)		Сок		Соль		Прочие		Не указано		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
I	2	9,5	7	33,3	–	–	1	4,8	–	–	–	–	11	52,4	21	100
II	7	18,4	7	18,4	–	–	4	10,5	1	2,6	–	–	19	50,0	38	100
III	1	2,7	2	5,4	–	–	8	21,6	1	2,7	–	–	25	67,6	37	100
IV	2	25,0	1	12,5	–	–	2	25,0	–	–	–	–	3	37,5	8	100
V	8	47,1	2	11,8	–	–	–	–	–	–	–	–	7	41,2	17	100
VI	16	15,5	–	–	4	3,9	–	–	–	–	4	3,9	79	76,7	103	100
VII, 1-я пол.	10	15,6	–	–	1	1,6	–	–	2	3,1	5	7,8	46	71,9	64	100
VII, 2-я пол.	67	27,0	5	2,0	9	3,6	–	–	4	1,6	17	6,9	146	58,9	248	100
VIII, 1-я пол.	29	50,0	2	3,4	2	3,4	–	–	–	–	1	1,7	24	41,4	58	100
VIII, 2-я пол.	21	43,8	–	–	2	4,2	1	2,1	–	–	2	4,2	22	45,8	48	100
IX, 1-я пол.	39	43,3	3	3,3	–	–	–	–	–	–	6	6,7	42	46,7	90	100
IX, 2-я пол.	17	32,7	2	3,8	–	–	–	–	1	1,9	5	9,6	27	51,9	52	100
X	17	13,9	8	6,6	–	–	–	–	–	–	32	26,2	65	53,3	122	100
?	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	11	100	11	100
Всего	236	25,7	39	4,3	18	2,0	16	1,7	9	1,0	72	7,9	527	57,4	917	100

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 103

Распределение лауреатов гражданских экзаменов *мунгва* в Корее 1392–1630 гг. по кланам

Тип клана по числу лауреатов	Число кланов	Число лауреатов
140–149	1	140
130–139	1	130
120–129	–	–
110–119	–	–
100–109	–	–
90–99	4	378
80–89	2	165
70–79	5	373
60–69	3	201
50–59	3	153
40–49	10	449
30–39	15	508
20–29	25	583
10–19	58	790
5–9	84	574
1–4	399	691
Всего	610	5135*

* Всего 5277 – клановая принадлежность 142 чел. неизвестна.

Таблица 104

Удельный вес кланов разной степени влияния в составе лауреатов гражданских экзаменов *мунгва* в Корее 1392–1630 гг.

Тип клана по числу лауреатов	Кланы		Лауреаты	
	число	%	число	%
50 и более	19	3,1	1545	30,1
10–49	108	17,7	2330	45,3
1–9	483	79,2	1265	24,6
Всего	610	100	5140	100

Таблица 105

Распределение лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли по кланам

Тип клана по числу лауреатов	Число кланов данного типа	Число лауреатов – выходцев из кланов данного типа	% лауреатов – выходцев из кланов, давших не менее соответствующего числа лауреатов каждый
Свыше 2000	1	2719	7,06
900–999	2	1843	11,84
800–899	1	833	13,99
700–799	3	2238	19,80
600–699	1	614	21,39

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Продолжение табл. 105

Тип клана по числу лауреатов	Число кланов данного типа	Число лауреатов – выходцев из кланов данного типа	% лауреатов – выходцев из кланов, давших не менее соответствующего числа лауреатов каждый
500–599	6	3 208	29,72
400–499	5	2 258	35,58
300–399	11	3 867	45,61
200–299	22	5 596	60,14
100–199	32	4 487	71,78
90–99	7	667	73,50
80–89	9	759	75,48
70–79	13	980	78,02
60–69	9	578	79,52
50–59	11	592	81,06
40–49	24	1 050	83,78
30–39	27	950	86,25
20–29	57	1 359	89,77
10–19	101	1 372	93,33
6–9	105	772	95,34
3–5	216	826	97,48
2	192	384	98,48
1	587	587	100
Всего	1 442	38 539	

Таблица 106

Удельный вес кланов разной степени влияния в составе лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли

Тип клана по числу лауреатов	Кланы		Лауреаты	
	число	%	число	%
500 и более	14	1,0	11 455	29,7
100–499	70	4,9	16 208	42,1
10–99	258	17,9	8 307	21,6
2–9	513	35,6	1 982	5,1
1	587	40,7	587	1,5
Всего	1 442	100	38 539	100

Таблица 107

Удельный вес 10 наиболее влиятельных кланов в составе лауреатов экзаменов (*согва*) на ученые степени *сэнвон* и *чинса* в Корее при династии Ли (% от общего числа лауреатов)

XV в.	1-я пол. XVI в.	2-я пол. XVI в.	1-я пол. XVII в.	2-я пол. XVII в.	1-я пол. XVIII в.	2-я пол. XVIII в.	1-я пол. XIX в.	2-я пол. XIX в.
21,89	18,70	21,02	22,67	27,47	26,07	27,11	27,61	28,11

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 108

Распределение аристократических титулов в Японии в зависимости от происхождения рода

Титул	Потомки царей		Потомки божеств		Потомки иммигрантов	
	число	%	число	%	число	%
Махито	43	100,0	–	–	–	–
Асоми	78	82,1	13	13,7	4	4,2
Сукунэ	12	12,0	57	57,0	31	31,0
Имики	1	2,0	7	14,3	41	83,7
Оми	47	77,0	14	23,0	–	–
Мурадзи	19	7,7	154	62,3	74	30,0
Мияцуко	6	8,2	26	35,6	41	56,2
Оби	24	33,8	28	39,4	19	26,8
Кими (ко)	41	75,9	4	7,4	9	16,7
Атаи	3	7,9	28	73,7	7	18,4
Кими (кун)	3	75,0	1	25,0	–	–
Агатануси	5	45,5	6	54,5	–	–
Фубито	3	11,5	–	–	23	88,5
Сугури	–	–	–	–	17	100,0
Без ранга	48	27,7	66	38,2	59	34,1
Всего	333		404		325	

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 109

Состав чиновничества Японии VIII в. по принадлежности к родам разных титулов *кабанэ*

Титул	Число родов	Всего имели ранги	Всего занимали должности	% занимавших должности	Чиновники 1–3-го рангов			Чиновники 4–5-го рангов			% занимавших должности 1–5-го рангов от всех, занимавших должности	% занимавших должности 1–5-го рангов от всех, имевших эти ранги
					число	занимали должн. 1–3-го рангов	%	число	занимали должн. 4–5-го рангов	%		
Оокими	1	649	242	37,3	48	7	14,6	610	189	31,0	78,1	31,0
Махито	28	541	326	60,3	21	9	42,9	377	209	55,4	64,1	57,3
Асоми	77	2691	1541	57,3	146	88	56,4	1868	1074	57,5	69,7	61,3
Сукунэ	43	978	475	48,6	32	9	28,1	602	222	36,9	46,7	44,9
Имики	26	375	144	38,4	1	–	–	133	19	14,3	13,2	26,4
Коникиси	2	127	48	37,8	3	–	–	95	32	33,7	66,7	33,7
Оми	7	268	118	44,0	–	–	–	71	5	7,0	4,2	27,8
Мурадзи	34	908	335	36,9	1	–	–	333	28	8,4	8,4	18,2
Атаи	7	186	57	30,6	–	–	–	68	4	5,9	7,0	28,6
Мияцуко	6	134	53	39,6	–	–	–	35	5	14,3	9,4	35,7
Кими (ко, кун)	7	301	112	37,2	–	–	–	110	5	4,5	4,5	14,3
Фухито	5	115	43	37,4	–	–	–	31	3	9,7	7,0	33,3
Обито	1	66	–	–	–	–	–	15	–	–	–	–
Куни-но мияцуко	–	18	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–
Агатануси	–	33	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–
Сугури	1	106	–	–	–	–	–	27	–	–	–	–
Хито	–	34	–	–	–	–	–	13	–	–	–	–
Без титула	21	–	416	–	–	–	–	–	9	–	2,2	16,4

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 110

Роль наиболее влиятельных родов в комплектовании высшего чиновничества (1–5-го рангов) Японии VIII в.

Тип рода по числу его представителей, занимавших должности 1–5-го рангов	Число родов	% от всех родов	Всего представителей родов этого типа		Государственные советники		Начальники провинций		Прочие должности	
			число	%	число	%	число	%	число	%
100 и более	4	1,4	745	43,3	52	63,4	275	31,4	879	30,4
50 и более	5	1,8	345	20,0	14	17,1	135	15,4	427	14,8
10 и более	16	5,6	300	17,4	10	12,2	158	18,0	452	15,6
2–9	68	23,9	267	15,2	5	6,1	181	20,7	565	19,5
1	65	22,8	65	3,8	–	–	53	6,1	270	9,3
Ни одного	127	44,6	–	–	1	1,2	74	8,4	298	10,3
Всего	285	100	1722	100	82	100	876	100	2891	

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Таблица 111

Представительство различных социальных групп в аппарате Цзинь (%)

Период	Ведомства	Императорский клан	Чжурчжэни	Прочие
1135–1148 гг.	В среднем	55	12	33
	в Государственном Совете	65	5	30
	в министерствах	39	17	44
	в цензорате	66	34	–
1149–1160 гг.	В среднем	11	24	65
	в Государственном Совете	11	25	64
	в министерствах	10	25	65
	в цензорате	17	17	66
1161–1189 гг.	В среднем	20	22	58
	в Государственном Совете	21	36	43
	в министерствах	18	16	66
	в цензорате	33	11	56
1190–1208 гг.	В среднем	13	30	57
	в Государственном Совете	20	42	38
	в министерствах	3	17	80
	в цензорате	25	37	38
1209–1224 гг.	В среднем	16	37	46
	в Государственном Совете	17	46	37
	в министерствах	11	33	56
	в цензорате	41	18	41
В среднем				
в Государственном Совете		24	33	43
в министерствах		15	22	63
в цензорате		33	30	37
в Комиссариате и ведомствах		30	58	12

Таблица 112

Чжурчжэньская аристократия в правительственном аппарате Цзинь

Должность	Тутань	Пусань	Танко	Хэшиле	Пуча	Угулунь	Улиньда	Пэймань
Старшие советники	5	4	2	2	1	1	1	–
Советники	3	3	1	1	2	–	1	–
Министры	2	3	4	5	3	3	1	1
Начальники цензората	1	2	1	1	–	3	1	1
Председатели Тайного совета и их заместители	5	4	1	2	–	1	–	–
Верховные комиссары и главные инспектора	3	6	1	6	2	3	2	–
Губернаторы	18	3	7	6	8	7	1	1
Всего	37	25	17	23	16	18	7	3

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Даже на самом примитивном уровне общественного устройства, когда власть старейшины была выборной, «должность лидера», как отмечал Л.С.Васильев, «была притягательной отнюдь не потому, что она сулила богатство. Притягателен был престиж. Он, и только он, создавал авторитет и приводил к власти» (*Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983, с. 29).

[2] В данном случае имеется в виду не только одно высшее сословие, а вся совокупность лиц, стоящих выше общей массы населения: не говоря о том, что высших сословий может быть несколько (например, дворянство и духовенство), часть элитных групп (например, культурная элита, наиболее образованный слой, бюрократия, плутократия) в ряде обществ не всегда полностью с ними совпадают, а иногда образуют отдельные сословия.

[3] Любопытно, что и в советской науке была сделана попытка классифицировать структуру «господствующего класса» в зависимости от комбинации по значимости трех групп критериев, которые примерно соответствовали названным мною принципам: первый из них включал «прирожденные качества человека», второй — «отношение лица к государству», третий — «благоприобретенные качества человека». Такая постановка вопроса в принципе была весьма интересной и перспективной, но по причине привязанности к марксистским догмам и понятиям (вследствие чего отправной точкой был пресловутый «феодализм» в марксистской трактовке этого термина) сколько-нибудь вразумительной картины создать не удалось, а выведенные модели приходилось именовать терминами («нефеодальная», «позднефеодальная» и т.д.), ровно ничего не говорящими о реальных различиях между соответствующими обществами. Хотя положения о том, что в более ранние периоды на Востоке превалирует модель с приматом прирожденных качеств, а для более поздних на первый план выходит статус человека в государственной структуре, совершенно правильны (см.: *Алаев Л.Б.* Опыт типологии средневековых обществ Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 48–56).

[4] В советской науке принято было относить такие общества к типу «государственного феодализма»; см., например: *Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 57, 169–170; *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 214–216.

[5] Известная у нас классификация стран Юго-Восточной Азии по социально-политической структуре, данная В.А.Тюриным, примерно такая же: вьетнамский тип характеризуется как «бюрократическо-феодальный», вторым типом называется малайский (военно-феодальный), третьим — индокитайско-яванский (государственно-патриархальный) (см.: *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 188). Последний тип он не расчленяет (не придавая значения степени

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

бюрократизации государственного аппарата), полагая, что Ангкор и Камбоджийское королевство, Аютия, Паган, государство Конбаунов, Маджапахит и Матарам, имея сходство с бюрократической моделью, тем не менее по структуре господствующего класса отличались от нее типологически: «Общества этого типа сохраняли присущий им характер существования своего рода вассальной зависимости владений от центра... в большинстве централизованных и поздних государствах, несмотря на значительную унификацию и упорядоченность административной системы, структурообразующими связями продолжали оставаться отношения центра с единицами... т.е. сочетание государственного, верховного, имеющего тенденцию к бюрократизации начала и патриархальной, наследственной, локальной, автономной единицы» (там же, с. 206–207, 209–210).

[6] Обобщающую модель кочевой государственности наметил недавно Е.И.Кычанов (*Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997). Им обобщен материал по государственному устройству гуннов, юэчжей, скифов, усуней, ухуаней, сяньби, тоба, туюйхуней, чоучи, жуаньжуаней, тибетцев, тюрок, уйгуров, киргизов, киданей, чжурчжэней, монголов, маньчжуров, халха-монголов XVII в. и Джунгарского ханства, но почему-то включены также разделы о государствах Бохай и Наньчжао, а также о Фуюй (кор. Пуё), чья принадлежность к кочевому миру весьма сомнительна.

[7] *Деопик Д.В.* Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. II. М., 1996, с. 40.

[8] См., например: *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура. — Народы Азии и Африки. 1981, № 6, и другие его работы.

[9] *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985, с. 147, 150, 157–158.

[10] Ему принадлежит, в частности, единственный в отечественной литературе очерк истории развития китайского государственного аппарата.

[11] Описание собственно китайского государственного аппарата содержится в следующих источниках: Хоу Хань шу (История Поздней Хань). 8-е изд. Пекин, 1996, с. 3555–3638; Цзинь шу (История Цзинь). 6-е изд. Пекин, 1996, с. 723–750; Сун шу (История Сун). 2-е изд. Пекин, 1983, с. 1217–1267; Нань Ци шу (История Южной Ци). 3-е изд. Пекин, 1983, с. 311–332; Тан шу (История Тан). 3-е изд. Пекин, 1987, с. 1783–1928; Синь Тан шу (Новая история Тан). 3-е изд. Пекин, 1987, с. 1181–1322; Сун ши (История Сун). 1-е изд. Пекин, 1985, с. 3767–4154; Мин ши (История Мин). 3-е изд. Пекин, 1987, с. 1729–1876; Цин ши гао (История Цин). 2-е изд. Пекин, 1986, с. 3263–3478; Юань ши (История Юань). 2-е изд. Пекин, 1983; Суй шу (История Суй). 2-е изд. Пекин, 1983.

[12] Описание государственного аппарата Кореи приводится по цз. 38–40 «Самгук саги»: Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Т. 2. Пхеньян, 1959, с. 231–296, и цз. 76–77 «Корё са»: Корё са (История Корё). Т. 7. Пхеньян, 1966, с. 181–279; Японии — по своду законов «Тайхорё»: Свод законов «Тайхорё». М., 1985, т. 1, с. 21–59, т. 2, с. 14–36. М., 1985. Государственный аппарат Си Ся наиболее полно описан Е.И.Кычановым (*Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 108–132), Цзинь — М.В.Воробьевым (*Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975, с. 150–212), Вьетнама — В.И.Антощенко, Д.В.Деопиком, Л.А.Рябининым и А.Л.Федориным (см. ниже).

[13] В II–I вв. до н.э. этот путь прошли 22 чел. из 42 (*Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов в китайской империи. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993, с. 277).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[14] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. М., 1980, с. 199.

[15] *Антощенко В.И.* Роль евнухов в истории Китая в эпоху Мин и Вьетнама в эпоху Поздних Ле. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. I. М., 1993, с. 88.

[16] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 325.

[17] В более раннее время их было 16, потом 32 (*Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 326).

[18] Тайхорё, т. 1, с. 23–24.

[19] Новая история Вьетнама. М., 1980, с. 28, 62, 203.

[20] Лидеры правившего военного рода восстановили для себя архаичные посты и звания, отмененные в первой половине XV в. (напр., *биньтьыонг*), и ввели новые такого же типа, например *тхыонгфу* (Верховный отец). Вообще для Вьетнама было характерным во все времена наличие «внесистемных» должностей, не входивших в разрядную сетку: например, почетные звания главнокомандующего и его заместителей *дайнгуеншоай, донгуеншоай, нгуеншоай, тхыонгтыонг, дайтыонг, дотыонг, татыонг, хыутыонг* (*Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 149, 151–152).

[21] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 293.

[22] Левый и Правый, причем в нарушение китайской традиции Правый был важнее; реально их могло быть до пяти.

[23] Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994, с. 49. Согласно другому взгляду, аналогом трех палат могут считаться 3 *шэн: Сюаньчжаошэн* (опубликования государственных указов), *Чжунтайшэн* (аналог палаты Шаншу) и *Чжэнтайшэн* (управления государством) во главе с *сянами* (*Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 91).

[24] При Тан в Министерстве чинов служило 319 чел., налогов — 210, церемоний — 80, военном — 189, юстиции — 180, общественных работ — 64 чел. (*Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 296).

[25] *Деопик Д.В.* История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994, с. 295.

[26] Бохайские реалии могут интерпретироваться различным образом. В одном случае говорится о наличии двух министерств — Левого (из 3 отделов: Преданности, Человеколюбия, Справедливости и 3 ведомств: рангов, складов и пищи) и Правого (из 3 отделов: Мудрости, Этикета, Верности и 3 ведомств: расчетов, военного, водного) (Государство Бохай, с. 49), в другом — министерствами (состоявшими из 6 *сы*) считаются *Чжунжэньбу* (Верности, Гуманности и Справедливости), *Чжисыцзиценшаньбу* (финансов, складов и продуктов для жертвоприношений) — «левые» и *Чжилисиньбу* (церемоний) и *Чжишижунцзишуйбу* (вооруженных сил и ирригации) — «правые» (*Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 91).

[27] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 85–86.

[28] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Рук. канд. дис. М., 1991, Прил., с. 3–8; История Вьетнама. М., 1983, с. 127,181.

[29] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 284.

[30] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства. — Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 222.

[31] *Антощенко В.И.* Роль евнухов в истории Китая в эпоху Мин и Вьетнама, с. 83–84.

[32] В частности, в Цин Монголией, Туркестаном и Тибетом ведало Бюро колониальных дел *Лифаньюань* в центральном аппарате. Внешняя Монголия

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

управлялась маньчжурским генералом *цзянцзюнем*, министром-консультантом *цаньцзаньдачэнем* и несколькими *баньшисыюанями*, Внутренняя — начальством соседних провинций и таким же специальным маньчжурским генералом. В Туркестане до 1884 г. управляли местные вожди с китайскими, чаще военными титулами, область Или управлялась *цзунтуном* со штатом помощников. Имелось до 8 правительственных управлений по делам Монголии и Туркестана: Внутренней Монголии, принцев Внутренней Монголии, Внешней Монголии, принцев Внешней Монголии и лам, Восточного Туркестана, юстиции по Внешней и Внутренней Монголии, территориального развития Монголии, пограничной обороны (*Hsieh Pao Chao*. The Government of China (1644–1911). N.Y., 1966, с. 322–324). Тибет до 1720 г. был автономен под властью лам и вождей, а затем управлялся специальным резидентом *чжуцзаньдачэнем*, имевшим 27 помощников 10 типов. В Цин все агентства местной администрации от *дао* до уезда делились по значимости на 4 категории: наиболее важные *цзуйяо*, важные *яоцюэ*, обычные *чжунцюэ* и простые *цзяньцюэ*.

[33] По реформе Ван Аньши 10–30 семей составляли *цзя* и главы их по очереди служили старшинами *цзятоу*. Для местных милицейских целей все семьи с двумя и более сыновьями давали одного для подготовки. 10 семей образовывали *сяобао* с назначенным начальником *чжаном*, 5 *сяобао* — *дабао*, 10 *дабао* — *дубао* из 500 семей во главе с *чжэндубао*. Эта система была отменена в 1085 г., но до 1090-х годов обе системы действовали параллельно.

[34] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 87.

[35] При предшествующей династии Чан в общине помимо начальника *дайтыса* и его помощника *тьеутыса* (иногда они обслуживали 2–4 общины) имелись староста *сатинь*, летописец *саши* и инспектор-ревизор *сазям* (История Вьетнама, с. 127; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 187).

[36] *Васильев Л.С.* Феодальный клан в древнем Китае (Возникновение, расцвет, упадок). — Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 177; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981, с. 39.

[37] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 289–290.

[38] *Chu Tung-tsu*. Local Government in China under the Ch'ines. — Harvard East Asian Studies. Cambridge, Mass.,1962, № 9, с. 8–9.

[39] *Ch'oe Yong-ho*. The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea: 1392–1660. Seoul, 1987, с. 88.

[40] История Вьетнама, с. 105, 147, 182, 250; Новая история Вьетнама, с. 204; *Деопик Д.В*. История Вьетнама, с. 92, 276.

[41] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 282.

[42] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambridge, Mass., 1953, с. 48.

[43] Там же, с. 50.

[44] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 317.

[45] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 224.

[46] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 193.

[47] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 311.

[48] Иногда им отказывают в этом, считая, что они не имели самостоятельного, отдельного статуса (*Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 330).

[49] История Вьетнама, с. 182, 250; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 192, 295.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[50] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 302.

[51] *Wang Gung-wu.* The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties. Stanford, 1963, с. 13–14.

[52] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 51.

[53] В Поздней Хань он чрезвычайно усилился, фактически руководил 7 областями, имел 12 *цунши* во главе отделов *цао* и вместе с начальником палаты Шаншу и «дворцовым помощником» главного цензора они назывались *саньдуцзо* (*Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 290).

[54] Их история подробно описана А.А.Бокщаниным (*Бокщанин А.А.* Императорский Китай в начале XV века. М., 1976).

[55] История Вьетнама, с. 106; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 259.

[56] *Кычанов Е.И.*Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 87.

[57] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 117–118, 120.

[58] *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979, с. 315.

[59] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 196.

[60] Там же, с. 194.

[61] *Huang R.* Fiscal Administration During the Ming Dynasty. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969, с. 115.

[62] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 80.

[63] *Tailor R.* Yuan Origins of the Wei-sc System. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969, с. 27.

[64] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 53.

[65] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 1.

[66] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 123.

[67] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 196.

[68] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China during the Tenth Century. — Oriens. 1951, vol. 4, № 2, с. 282.

[69] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 123.

[70] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 79.

[71] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 22–23.

[72] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 84, 87.

[73] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 20–22.

[74] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 122–123.

[75] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 194.

[76] *Никитин А.В., Федорин А.Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985, с. 119.

[77] Новая история Вьетнама, с. 156, 201.

[78] Иногда говорят о шести «охранах», сводя первые четыре к двум: Свирепого Большого Медведя и Бурого Медведя. Вообще в одном случае *вэй* трактуются как «охраны» (Государство Бохай, с. 49), хотя это традиционные китайские единицы, существовавшие во многих странах и обычно переводимые как «корпуса», в другом — как наименования должностей бохайских генералов (*Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 92).

[79] Ван Аньши планировал создать в качестве низовой ячейки группу из 3 человек: кавалерист, лучник и арбалетчик.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[80] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 118.
[81] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 87.
[82] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 198.
[83] Составлена по: *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 20–30.
[84] См.: *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 193, 276; История Вьетнама, с. 100; Новая история Вьетнама, с. 201; *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 153–154.
[85] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 116–118.
[86] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 195–196.
[87] *Huang R.* Fiscal Administration during the Ming Dynasty, с. 115.
[88] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985, с. 79.
[89] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 288.
[90] Там же, с. 256, 298.
[91] История Кореи, т. 1, с. 175.
[92] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, с. 28; История Вьетнама, с. 100, 184, 250; Новая история Вьетнама, с. 156, 201; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 187, 193.
[93] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века. М., 1984, с. 18.
[94] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 197.
[95] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 187.
[96] История Вьетнама, с. 58–59.
[97] *Кычанов Е.И.*Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 287, 289–293.
[98] *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 212–213, 219.
[99] *Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 159.
[100] *Ребрикова Н.В.* Государство, община, класс в буддийских обществах Центрального Индокитая (V–XV вв.). — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987, с. 170.
[101] *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 210.
[102] *Кулланда С.В.* История древней Явы. М., 1992, с. 144, 152–153.
[103] *Шауб А.К.* Эпиграфические памятники Явы XIII–XIV вв. о системе государственного управления Маджапахита. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII. Ч. 1. М., 1985, с. 227–229.
[104] Встречаются, впрочем, утверждения, что в VIII–III вв. до н.э. ранговой системы не было (*Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае. — Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 145), но, очевидно, имеется в виду отсутствие цифровых рангов.
[105] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure. Seattle–London, 1972, с. 84.
[106] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 145.
[107] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China during the Tenth Century, с. 281.
[108] Государство Бохай, с. 51; *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 92–93.
[109] *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987, с. 39.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[110] Всего в «Тайхорё» называется 438 должностей, но одинаковые в разных управлениях считаются отдельно, а «левая» и «правая» — за одну.

[111] Всего, с вариантами, насчитывалось 127 должностей столичных, до 40 военных и 9 провинциальных.

[112] *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 147.

[113] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 113.

[114] В 1308 г. их стало 15 (для 1, 2 и 4-го рангов — по одному, а для 3-го — по два на каждый класс ранга, для 5–9-го — по одному на ранг), с 1310 г. — 19 (введены *сань* для каждого из классов 5-го и 6-го рангов и по два — на каждый класс 2-го ранга), с 1356 г. — 21 (теперь по два *сань* имел каждый класс и 1-го ранга), с 1362 г. — 18 (на младший 1-й и оба класса 2-го ранга осталось по одному *сань*), с 1369 г. — 23 (теперь по два *сань* приходилось на каждый класс 1–4-го рангов, по одному — на каждый класс 5-го и 6-го, а для 7–9-го рангов — один *сань* на весь ранг).

[115] Подробную таблицу званий *сань* см.: *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987, с.248–250.

[116] Хангукхак тэбэкква саджон, т. 3, с. 57.

[117] *Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме XV–XVIII вв. и отражение в ней структуры господствующего класса. — Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1990, № 1, с. 39.

[118] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 27, 35, 48, 67, 82.

[119] *Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме, с. 39–40.

[120] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 23, 27, 35, 48.

[121] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 221–222.

[122] Хангукхак тэбэкква саджон, т. 3, с. 56.

[123] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 119.

[124] *Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме, с. 38–39.

[125] *Антощенко В.И.* Административная практика во Вьетнаме XV–XVIII вв. — Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1989, с. 187.

[126] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 36, 48–49.

[127] *Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме, с. 41.

[128] Любопытно, что крайняя степень обезличенности была достигнута даже не в Китае, а в Аютии (Сиам): там чиновники с поступлением на службу вовсе утрачивали собственное личное имя, именуясь по рангу и должности, званию и т.д. — иногда до нескольких десятков наименований, среди которых, однако, не было личного имени.

[129] *Татищев В.Н.* Историческое известие о старинных чинах. — Древняя российская вифлиофика. М., 1791, т. XX, с. 219.

[130] *Кулланда С.В.* История древней Явы, с. 56.

[131] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв., с. 201.

[132] Составлена по: *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII — начале VIII в. Рук. канд. дис. М., 1998, с. 289–291.

[133] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 70–71, 83, 85.

[134] Первоначально лиц этого ранга было 5. Термин *чвапхён* означал не только чин, но фактически и должность, так как каждый из них выполнял

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

конкретные обязанности, как о том свидетельствует сообщение «Тан шу». К тому времени *чвапхёнов* стало 6 человек.

[135] Насчитывалось 13 человек этого ранга.

[136] Правда, вряд ли в то время могла существовать столь дробная градация, в которой к тому же не было необходимости. По-видимому, тогда произошло первое установление чинов как таковых. Весьма характерно, что в записях летописи, относящихся к назначениям чиновников и производству их в следующий чин, за II–IV вв. упоминаются только 5–6 чинов из 17, которые и удовлетворяли, очевидно, потребность в регламентации чиновничьей иерархии в то время.

[137] Самгук саги, т. 1, с. 81.

[138] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 169–171.

[139] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 113.

[140] Значение этого показателя трактуется как число военнообязанных, приводимых данным лицом (*Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 172), или как размер земельной площади, полагающейся за службу. Например, наследник престола имел *сактина* 100 тыс., министр высшего ранга — 10 тыс. (1600 га), низший чиновник — 400 (64 га). Крестьяне имели 25 (именно таков был размер поля крестьянской семьи по закону — 4 га), и даже нищий имел символическое *сактина* 5 (*Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 186–187).

[141] Судя по тому, что из 8 титулов (*сомдет чао прайя, чао прайя, прайя, пра, лыанг, кун, мын, пан*) первые шесть созвучны наследственным титулам родственников короля, 7-й (предпоследний по значению) имеет значение «десятитысячник», а 8-й — «тысячник».

[142] Они были стандартны, например, *сенабоди* (министр), *чао кром* (начальник малого министерства или департамента), *палат кром* (заместитель министра), и к ним присоединялось наименование того ведомства (*крома*), где служил чиновник, т.е. так, как это обычно было в традиционной дальневосточной системе.

[143] Э.О.Берзин считает их как бы системой орденов, даваемых не за заслуги, а за должность (*Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме, с. 186–187).

[144] Процент их обладателей среди провинциального чиновничества *туджи* колеблется по провинциям от 7 до 34 (*Агаджанян А.С.* Фигура провинциального чиновника в доколониальной Бирме (по ситанам). — Вопросы истории стран Азии и Африки. Вып. 3. М., 1981, с. 24–25).

[145] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 291.

[146] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1947, vol 10, с. 18.

[147] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 43.

[148] Нередко, впрочем, степень *цзиньши* в эту эпоху давалась отвергнутым кандидатам императорской волей. Живший в Южном Сун Ван Юн писал, что династия Тан погибла потому, что при ней «было много тех, кто не смог осуществить свои чаяния стать *цзиньши*, поэтому царственный дом широко открывает двери экзаменационного отбора, чтобы каждый тешил себя надеждами, а не бросался в разбой и коварные происки» (*Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 38).

[149] Собственно, в Сун первоначально они также были ежегодными, хотя и не каждый год их удавалось проводить. С 1057 г. экзамены проводились раз

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

в 2 года (*Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 20), а раз в 3 года они начали практиковаться с 1067 г. Сунская система тоже сначала предусматривала несколько типов лауреатских степеней.

[150] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 34.

[151] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 65–66.

[152] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China. Aspects of Social Mobility 1368–1911. N.Y.–L., 1962, с. 206.

[153] Там же, с. 184.

[154] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 156–157.

[155] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 156.

[156] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 229–230, 239–240, 243.

[157] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 163.

[158] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 60,192.

[159] Там же, с. 58–59.

[160] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 30–31.

[161] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 37.

[162] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 41–45.

[163] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 37.

[164] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 59.

[165] *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971, с. 22.

[166] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 59.

[167] *Marsh R.M.* The Mandarines: Circulation of Elites in China 1600–1900. Glencoe, 1961, с. 3; *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 186.

[168] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 189; *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 184.

[169] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 148.

[170] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 18–22.

[171] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 174.

[172] Самгук саги, т. 1, с. 268.

[173] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 30.

[174] *Чхве Джинок.* Чосон сидэ сэнвон чинса ёнгу (Исследование обладателей степеней *сэнвон* и *чинса* периода Чосон). Сеул, 1998, с. 218.

[175] Там же, с. 236.

[176] Там же, с. 35, 40, 60–61, 75, 82, 182–183.

[177] Там же, с. 219.

[178] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 55.

[179] Там же, с. 29, 55, 77.

[180] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 132–133, 189–190, 193, 259; История Вьетнама, с. 101, 128, 147; *Федорин А.Л.* Государственный аппарат и система власти в Северном Вьетнаме в XV–XVIII вв. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993, с. 365.

[181] *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 159.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[182] *Агаджанян А.С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме. — Народы Азии и Африки. 1983, № 3, с. 92, 94–95.

[183] В 1625 г. их прошли 27 человек, в 1658 — 22, 1673 — 30, 1684 — 26, 1691 — 19, 1696 — 10, 1697 — 19, 1703 — 20, 1710 — 21 или 26, 1725 — 11, 1756 — 48, 1757 — 8, в 1778 г. — 14 чел.; такие экзамены проводились также в 1644, 1706, 1715 (трижды), 1718 (дважды), 1724, 1727 и 1781 гг. (*Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, с. 61).

[184] История Вьетнама, с. 251.

[185] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис. М., 1991, с. 15–16.

[186] Новая история Вьетнама, с. 58, 62.

[187] В частности, в 1813 и 1819 гг. в Тханглаунге лауреатами стали 16 и 23 чел. соответственно, в Шоннаме — 28 и 30, в Нгеане — 12 и 14, в Тханьхоа — 9 и 16 (в целом Север дал 67% всех лауреатов). См.: *Рябинин А.Л.* Социальная политика Нгуен Аня в Северном Вьетнаме в период образования последней вьетнамской империи (1802 г.). — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 2. М., 1985, с. 289.

[188] *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов. М., 1988, с. 417.

[189] *Деопик Д.В.* Пути формирования высшего сословия во Вьетнаме (XVI–XVIII вв.). — Народы Азии и Африки. 1974, № 4, с. 138.

[190] Составлена по: *Деопик Д.В.* Пути формирования высшего сословия во Вьетнаме, с. 136.

[191] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 113.

[192] Тайхорё, т. 1, с. 131,156–159.

[193] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 75.

[194] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962, с. 23.

[195] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 104.

[196] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 23.

[197] Тайхорё, т. 1, с. 122.

[198] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 16.

[199] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 16.

[200] Новая история Вьетнама, с. 158.

[201] *Рябинин А.Л.* Социальная политика Нгуен Аня в Северном Вьетнаме, с. 287.

[202] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 27.

[203] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 74.

[204] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, с. 25.

[205] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 30–31, 38–39.

[206] Там же, с. 39.

[207] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 49, 153.

[208] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 104–105.

[209] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, с. 25.

[210] *Eberhard W.* Conquerors and Rulers. Social Forces in Medieval China. Leiden, 1965, с. 105.

[211] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 113–114.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[212] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 35.

[213] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 168.

[214] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 35, 37.

[215] Тайхорё, т. 1, с. 132–134.

[216] Там же, т. 1, с. 131.

[217] Там же, т. 2, с. 71.

[218] *Никитин А.В., Федорин А.Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама, с. 120.

[219] Самгук саги, т. 1, с. 111, 232, 288, 300, 312.

[220] Новая история Вьетнама, с. 58.

[221] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 35.

[222] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 74.

[223] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 172.

[224] *Chu Tung-tsu.* Local Government in China, с. 44.

[225] *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм, с. 39.

[226] Тайхорё, т. 1, с. 126.

[227] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 36.

[228] Самгук саги, т. 1, с. 160, 219, 250.

[229] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 106.

[230] *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 105.

[231] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 23.

[232] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 149.

[233] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 108–111.

[234] Там же, с. 110.

[235] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 49–50.

[236] *Chang Chung-li.* The Income of Chinese Gentry. Seattle, 1962, с. 331.

[237] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 200.

[238] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 23–25.

[239] *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 193.

[240] *Антощенко В.И.* Покупка должностей во Вьетнаме в эпоху Поздних Ле. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. II. М., 1996, с. 84–88, 91, 93, 100, 104, 119–120.

[241] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 27.

[242] *Johnson D.G.* The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder, 1977, с. 207.

[243] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 31.

[244] *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае, с. 22–23.

[245] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 65.

[246] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 207.

[247] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 15, 57–59.

[248] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 104.

[249] *Wittfogel K.A.* Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System, с. 31–32.

[250] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979, с. 14, 15, 56, 58.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[251] В бирманском государстве Конбаунов и Матараме должности основного звена провинциальных чиновников *мьотуджи* и *бупати* обычно сохранялись в семье в течение нескольких поколений (причем в государстве Конбаунов право наследования было распространено при отсутствии прямых наследников на довольно широкий круг родственников, в ряде случаев пост передавался в 5–7 поколениях; см.: *Агаджанян А.С.* Фигура провинциального чиновника в доколониальной Бирме, с. 32). Примерно такую же природу имели провинциальные чиновники в Лансанге. В Сиаме и Камбодже степень наследственности низших должностей была в целом ниже, но тоже довольно велика. Для высших должностей степень наследования была везде ниже (вследствие того, что правители замещали их по своему усмотрению), но все-таки в целом сохранялся клановый характер их занятия (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 212, 214–216).

[252] В частности, в Пагане главы общин-*каруинов* — представители аристократии включались в административный аппарат как отвечающие за сбор налога в низовой ячейке, в государстве Конбаунов местные лидеры также в процессе создания централизованного государства конституировались как чиновники (местная единица *мьо* во главе с *туджи* первоначально представляла собой укрепленный населенный пункт, с ослаблением центральной власти превратилась в феодальное владение, а *мьотуджи* — в наследственного владетеля округи). С укреплением центральной власти в XVII в. они стали постепенно включаться в систему государственного управления, оставаясь в реальности не столько чиновниками государственного аппарата, сколько феодальными владетелями; при вступлении в должность они являлись ко двору для присяги (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 210). В Аютии (Сиам) низшие посты в провинции заняли бывшие темники, тысяцкие, сотники (*Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 171).

[253] В Сиаме она, имея сактина от 400 до 25, платила подати и несла повинности как простолюдины, но, продвигаясь, могла попасть в число чиновников.

[254] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 171.

[255] История Вьетнама, с. 129,147; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 189.

[256] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 303, 313, 324, 331.

[257] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 169–175, 179, 181.

[258] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, c. 148–149, 151, 156.

[259] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 183–184.

[260] Тайхорё, т. 1, с. 49.

[261] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, c. 88.

[262] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 189.

[263] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 194–195.

[264] Там же, с. 201.

[265] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, c. 89.

[266] История Вьетнама, с. 147.

[267] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 17.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[268] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 16, 27.
[269] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969, с. 197–204.
[270] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 133.
[271] Тайхорё, т. 1, с. 123.
[272] *Yang Lien-sheng.* Ming Local Administration. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969, с. 16.
[273] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 120, 304.
[274] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 210.
[275] Тайхорё, т. 1, с. 122, 125, 132.
[276] Самгук саги, т. 1, с. 85.
[277] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 87–88.
[278] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 115–116, 120–122.
[279] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 84, 88–89, 195.
[280] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy, с. 178.
[281] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 114.
[282] Самгук саги, т. 2, с. 293.
[283] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China, с. 284–285.
[284] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв., с. 201.
[285] Тайхорё, т. 1, с. 124, 126, 138–139, 147–148, 150–151, 283.
[286] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 94–95, 105, 107.
[287] Самгук саги, т. 1, с. 56, 70, 86, 220, 265, 325.
[288] См., например: Самгук саги, т. 1, с. 145–147.
[289] *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995, с. 36.
[290] *Рыбаков В.М.* Функция, статус и персона в танском правовом мышлении. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII. Ч. 3. М., 1985, с. 265; *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 124.
[291] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986, с. 65–66.
[292] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 184–185.
[293] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure, с. 94–97.
[294] Тайхорё, т. 1, с. 153.
[295] *Yang Lien-sheng.* Ming Local Administration, с. 16–17.
[296] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China (1644–1911). N.Y., 1966, с. 304
[297] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy, с. 217.
[298] Впрочем, такой разброс в возрасте обычен для самых разных стран; например, в Бирме при Конбаунах средний возраст основных провинциальных чиновников *туджи* составлял 44,3 года при разбросе от 11 до 70 лет (*Агаджанян А.С.* Фигура провинциального чиновника в доколониальной Бирме, с. 24).
[299] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 59–60.
[300] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 98, 104; *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 120.
[301] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 103, 168.
[302] Тайхорё, т. 1, с. 129, 265.
[303] Самгук саги, т. 1, с. 252.
[304] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China, с. 296.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[305] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 174.
[306] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy, с. 219.
[307] *Yang Lien-sheng*. Ming Local Administration, с. 14.
[308] Там же, с. 15.
[309] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 120.
[310] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 258.
[311] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 16.
[312] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 171–173.
[313] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 113.
[314] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 125, 132.
[315] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 35, 49, 69, 82.
[316] Тайхорё, т. 1, с. 162.
[317] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 17.
[318] *Chang Chung-li*. The Income of Chinese Gentry, с. 12–15, 35.
[319] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 63–64.
[320] *Chang Chung-li*. The Income of Chinese Gentry, с. 35–38, 41–42.
[321] Тайхорё, т. 1, с. 160–161,164.
[322] См.: *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 92; Новая история Вьетнама, с. 204; История Вьетнама, с. 182, 252; *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 17; *он же*. Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, с. 14; *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов, с. 410.
[323] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 136–137, 146, 155, 156; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 32.
[324] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 224; *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 63–64.
[325] *Chu Tung-tsu*. Han Social Structure, с. 92–93.
[326] *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв. М., 1980, с. 54.
[327] *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае, с. 15.
[328] *Yang Lien-sheng*. Ming Local Administration, с. 19.
[329] *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае, с. 53–54.
[330] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 146, 155; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 31; *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 36.
[331] *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае, с. 53–56; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 29, 37.
[332] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв., с. 201.
[333] Тайхорё, т. 1, с. 164–165.
[334] Самгук саги, т. 1, с. 214, 215, 251.
[335] См.: *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 169; Новая история Вьетнама, с. 188; История Вьетнама, с. 105, 178; *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 14, 17; *Никитин А.В., Федорин А.Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама, с. 118.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[336] *Ребрикова Н.В.* Таиланд: эволюция социальной структуры в XIII–XVIII вв. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 232.

[337] *Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 213, 219.

[338] *Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 161.

[339] *Агаджанян А.С.* Фигура провинциального чиновника в доколониальной Бирме, с. 37–38, 40.

[340] *Шауб А.К.* Эпиграфические памятники Явы XIII–XIV вв. о системе государственного управления Маджапахита, с. 226.

[341] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure, с. 89.

[342] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 176.

[343] *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае, с. 14.

[344] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 63–64; *Chang Chung-li.* The Income of Chinese Gentry, с. 12–15, 35–38, 40–42, 70.

[345] Тайхорё, т. 2, с. 86.

[346] Составлена по: История Кореи, т. 1. М., 1974, с. 113–115; *Ванин Ю.В.* Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981, с. 90, 96, 102, 106.

[347] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, Прил., с. 6.

[348] *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов, с. 410.

[349] *Chang Chung-li.* The Income of Chinese Gentry, с. 73.

[350] Там же, с. 85–86, 107–108, 112–115, 122, 147, 195, 198, 327–329.

[351] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 17–18.

[352] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 62.

[353] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права, с. 26–27.

[354] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 85–87.

[355] *Шауб А.К.* Эпиграфические памятники Явы XIII–XIV вв. о системе государственного управления Маджапахита, с. 227–229.

[356] Тайхорё, т. 1, с. 125,148.

[357] В XIX в. исключение составляли только лица, окончившие классические гимназии и высшие учебные заведения, которые начинали службу сразу с ранговых должностей.

[358] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 146, 156.

[359] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 172.

[360] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 133.

[361] *Chu Tung-tsu.* Local Government in China, с. 44–45.

[362] Там же, с. 39–41, 57–59, 74–76, 97,107.

[363] Тайхорё, т. 1, с. 129, 270.

[364] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 62–63, 107–108.

[365] *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 47.

[366] *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов, с. 410.

[367] *Hsieh Pao Chao.* The Government of China, с. 66.

[368] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 242.

[369] *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, с. 31–37.

[370] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure, с. 87.

[371] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China, с. 284–285.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[372] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 25.

[373] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права, с. 67.

[374] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 49; *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 72.

[375] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 260.

[376] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 201, 205.

[377] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 109–111.

[378] *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 157.

[379] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 242.

[380] *Антощенко В.И.* Административная практика во Вьетнаме, с. 187.

[381] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 20–21; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 260; Новая история Вьетнама, с. 58–59.

[382] *Федорин А.Л.* Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в., с. 164.

[383] Новая история Вьетнама, с. 58–59, 191, 204; *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 260.

[384] Тайхорё, т. 2, с. 18.

[385] *Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 159.

[386] *Агаджанян А.С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме, с. 31.

[387] Законодательно оно оформилось еще позже: в европейских странах профессиональная гражданская служба получила законодательное оформление в конце XVII — начале XVIII в., в Англии — в середине XIX в., в США закон о гражданской службе был принят только в 1883 г.

[388] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 111.

[389] *Chu Tung-tsu*. Han Social Structure, с. 75.

[390] Тайхорё, т. 1, с. 50.

[391] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 150.

[392] Роль евнухов в минском Китае и Вьетнаме XV–XVIII вв. подробно проанализирована В.И.Антощенко в статье: Роль евнухов в истории Китая в эпоху Мин и Вьетнама в эпоху Поздних Ле. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. I. М., 1993, с. 71–178. См. также: *он же.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис., с. 20–21.

[393] См.: *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 283, 291, 304; *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 146; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 13.

[394] *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 104.

[395] *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 55.

[396] *McKnight B.E.* Fiscal Privileges and the Social Order in Sung China. — Crisis and Prosperity in Sung China. Tucson, 1975, с. 80.

[397] *Hucker C.O.* Governmental Organisation of the Ming Dynasty. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1958, vol. 31, с. 70.

[398] *Kracke E.A.* Family vs. Merits in Chinese Civil Service Examinations under the Empire. – Harvard Journal of Asiatic Studies. 1947, vol. 10, с. 190.

[399] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 173.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[400] *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае, с. 8.
[401] *Hucker C.O.* Governmental Organisation of the Ming Dynasty, с. 69–70.
[402] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy, с. 176.
[403] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 312.
[404] *Chang Chung-li*. The Income of Chinese Gentry, с. 35–42.
[405] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 221–222.
[406] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 64.
[407] Там же, с. 105.
[408] *Ванин Ю.В*. Аграрный строй феодальной Кореи, с. 105.
[409] *Ch'oe Yong-ho*. The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 57–58.
[410] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 146, 199; История Вьетнама, с. 182.
[411] Новая история Вьетнама, с. 58.
[412] Составлена по: *Боровкова Л.А.* Восстание «красных войск» в Китае, с. 6; *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 147; *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983, с. 41; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 63–64, 67–68; *они же.* Китайский этнос в средние века, с. 54; *они же.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987, с. 61–63; *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая. М., 1958, с. 213; *Ho Ping-ti*. The Ladder of Success in Imperial China, с. 182; *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 104.
[413] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, с. 67.
[414] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 147.
[415] Составлена по: История Кореи, т. 1, с. 302; *Ванин Ю.В*. Аграрный строй феодальной Кореи, с. 34–35; *он же.* Экономическое развитие Кореи в XVII–XVIII вв. М., 1968, с. 52, 182; Корея. Справочник. Сеул, 1993, с. 83.
[416] *Бокщанин А.А.* Очерк истории государственных институтов, с. 304.
[417] В России на рубеже XVII–XVIII вв. всех «приказных людей» насчитывалось около 4,7 тыс., в середине XVIII в. — 5379 (в т.ч. 2051 ранговый), в 1796 г. ранговых чиновников насчитывалось 15,5 тыс., в 1804 г. — 13,2 тыс., в 1847 г. — 61 548 чел., в 1857 г. — 86 066 (плюс 32 073 канцеляриста), в 1897 г. — 101 513, в начале XX в. — 161 тыс. (с канцеляристами 385 тыс.), наконец, к 1917 г. всех государственных служащих было 576 тыс. В Англии в начале XVIII в. было 10 тыс. чиновников, к 1914 г. — 779 тыс., во Франции в 1706 г. — не менее 4 тыс. (в т.ч. более 1 тыс. в центральном аппарате и несколько сот придворных), в середине XIX в. — до 500 тыс., в США в 1883 г. только в федеральном аппарате до 140 тыс., в 1900 г. — 1275 тыс. (в т.ч. 186 тыс. в федеральном аппарате), в Германии в 1918 г. — 1,5 млн. Офицеров в России насчитывалось в 1695 г. 1307 чел., в 1701 г. — 2078, в середине XVIII в. — около 9 тыс., в 1803 г. — около 12 тыс., в 1805–1807 гг. — до 14 тыс., в 1812 г. — 15–17 тыс., во второй четверти XIX в. — 24–30 тыс., во второй половине XIX — начале XX в. — 30–40 тыс., к 1914 г. — около 45 тыс. Во Франции к 1706 г. — не менее 4–5 тыс., в 1787 г. — примерно 10 тыс., в Пруссии в 1805 г. — 8 тыс., в 1818 г. — 7178 (см.: *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993, с. 87–88, 318–319; *Прокопьев В.П.* Армия и государство в истории Германии. Л., 1982, с. 79).
[418] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права, с. 27.
[419] *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае, с. 57.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[420] *McKnight B.E.* Fiscal Privileges and the Social Order in Sung China, с. 86, 92.
[421] История Кореи, т. 1, с. 115, 150–151.
[422] *Антощенко В.И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама, с. 40.
[423] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права, с. 58–60, 78–85.
[424] Составлена по: *Рыбаков В.М.* Функция, статус и персона в танском правовом мышлении, с. 55.
[425] Там же, с. 56–57.
[426] *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права, с. 29, 71–72.
[427] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 115, 118, 125–126.
[428] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 93; Новая история Вьетнама, с. 58.
[429] *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов, с. 421–423.
[430] *Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме, с. 186–187.
[431] *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, с. 39–40.
[432] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure, с. 94; *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 15.
[433] В I в. до н.э. купец Кун Цзинь был министром сельского хозяйства, Дунго Сяньян — его помощником, Сан Хунъян — государственным секретарем, ряд купцов занимали высокие должности при Ван Мане (*Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 155).
[434] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, с. 24.
[435] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 29, 32, 33.
[436] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 35.
[437] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 31.
[438] *Wang Gung-wu.* The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties, с. 12, 211.
[439] *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 113.
[440] Там же, с. 112–113.
[441] *Eberhard W.* Remarks on the Bureaucracy in North China during the Tenth Century, с. 293.
[442] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 24.
[443] Там же, с. 37–39.
[444] *Сунь Годун.* Тан Сун чжицзи шэхуй мэньди чжи сяожун (Исчезновение родовитых кланов на рубеже Тан и Сун). — Синья сюэбао. 1959, т. 4. ч. 1, с. 278; *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 260.
[445] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, с. 260; *Kracke E.A.* Civil Service in Early Sung China, с. 69.
[446] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 28.
[447] *Tailor R.* Yuan Origins of the Wei-so System. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969, с. 37–38.
[448] Им было использовано 48 списков *цзиньши* 1371–1904 гг., 20 списков *цзюйжэней* и *гуншэнов* за последнее столетие Цин и 3 списка *шэнъюаней*: два — за 1644–1904 гг. и один — за весь минско-цинский период с 1368 г.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[449] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 112–114, 121.
[450] Там же, с. 116.
[451] Там же, с. 123.
[452] Там же, с. 68.
[453] *Marsh R.M.* The Mandarines, c. 111, 123, 160, 163.
[454] Он считал социальную мобильность в Китае равной американской (60%), причем выделял период сравнительно высокой мобильности (36% выходцев из низов) — 1590–1684 гг., низкой (19%) — в период расцвета Цин в 1685–1780 гг. и снова выросшей (29%) в период войн 1781–1900 гг. (*Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, c. 28–29).
[455] *Marsh R.M.* The Mandarines, c. 160.
[456] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 121; *Chang Chung-li.* The Chinese Gentry. Seattle, 1970, c. 222; *Marsh R.M.* The Mandarines, c. 80, 82.
[457] *Marsh R.M.* The Mandarines, c. 78.
[458] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, c. 184, 185.
[459] Там же, с. 187.
[460] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 132–135, 139.
[461] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 221, 224.
[462] *Ho Ping-ti.* Aspects of Social Mobility in China 1368–1911. — Comparative Studies in Society and History. 1959, vol. 1, № 4, с. 342.
[463] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, c. 30, 186.
[464] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 113.
[465] Там же, с. 164.
[466] Государство Бохай, с. 51.
[467] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 115.
[468] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 202–203.
[469] Из 146 чиновников, имевших братьев, 69 имели по 1, 30 — по 2, 20 — по 3, 18 — по 4, 7 — по 5, 2 — более 5. У 36,8% чиновников хотя бы один из братьев имел 1-й ранг, у 30,7% — 2-й, у 21,9% — 3-й, у 14,9% — 4-й ранг. Средний ранг братьев чиновников (у каждого могло быть до 7 братьев) тоже был довольно высок: у 14,9% этот показатель не опустился ниже 1,5, у 36,8% — ниже 2,5, у 32,5% — ниже 3,5 и у 7,9% — ниже 4,5. Из имевших детей чиновников по 1 сыну имели 136 чел., по 2 — 65, по 3 — 56, по 4 — 30, по 5 — 15 и по 6 и более — 6 чел. У 31,2% чиновников хотя бы один из сыновей имел 1-й ранг, у 33% — 2-й, у 17,3% — 3-й и у 10,4% — 4-й. Средний ранг сыновей у 17,3% чиновников был выше 1,5, у 36,4% — от 1,5 до 2,5, у 23,7% — от 2,5 до 3,5 и у 12,1% — от 3,5 до 4,5. См.: *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 200–201, 214 и табл. 26–31, с. 208–213.
[470] *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 42.
[471] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, c. 138.
[472] *Чхве Джинок.* Чосон сидэ сэнвон чинса ёнгу, с. 245, 249, 250.
[473] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 80, 146–147, 189.
[474] *Никитин А.В., Федорин А.Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама, с. 116–117, 122, 123.
[475] Так обстояло дело и в Сиаме, и в Ангкоре (где представители шиваитской элиты присвоили право на занятие должностей, которые фактически становились наследственными в их кланах), в Пагане и государстве Конбаунов (где на местах посты занимала родовая верхушка, которая, сохраняя

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

права своего рода на местную должность, поставляла кадры и в верхние слои чиновничества; именно с ней роднились члены правящего рода; см.: *Козлова М.Г.*, *Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 159; *Агаджанян А.С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме, с. 36), и в Матараме.

[476] Характерный пример этого дает средневековый Таиланд. В Аютии (Сиам) хотя официально наследовался только род деятельности, а не должности, последние к середине XVI в. фактически превратились в наследственные. Но в 1629–1656 гг. более 1000 высших чиновников было казнено и опять стал наследоваться только чиновничий статус, в 1657–1688 гг. на должности начали назначать иностранцев. В первой половине XVIII в. должности снова становятся строго наследственными. Но вследствие многоженства число детей чиновников превышало число вакансий. Поэтому по указу 1740 г. чиновниками могли быть только потомки первых министров по мужской и женской линии. Остальные чиновники дослуживали свой срок без права передачи своего статуса детям, которые переходили в податное состояние. Но в ходе войн с Бирмой много чиновников погибло, и в 1782 г. новой династии Чакри пришлось формировать чиновничий корпус заново. В 1784 г. было разрешено становиться чиновниками простолюдинам (явочным порядком это происходило еще сразу после 1767 г.). Но высшие посты были поделены между несколькими могущественными семьями, состоящими в родстве с королем. Так продолжалось до конца XIX в., когда законы о службе, существовавшие с середины XV в., были отменены (*Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме, с. 188–190).

[477] В частности, в Раннем Матараме низшие чиновники *раманта*, ведавшие делами общины и осуществлявшие ее связь с центральной властью, были тесно связаны со старейшинами *рама* и происходили из той же среды (*Кулланда С.В.* История древней Явы, с. 144). В Ангкоре с завоеванием монских земель в созданный для их эксплуатации налоговый аппарат стали привлекаться десятские и старейшины домовых общин, которые в XI в. переходили в низший слой чиновничества (*Ребрикова Н.В.* Государство, община, класс в буддийских обществах Центрального Индокитая, с. 170). В Сиаме представитель слоя деревенской верхушки (промежуточный между низшими чиновниками с *сактина* 400 и крестьянами с *сактина* 25), выполняя низшие управленческие функции и продвигаясь по службе, мог попасть в чиновники, являя собой едва ли не единственное проявление социальной мобильности в обществе (*Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме, с. 186).

[478] В Пагане, например, общинник, получив монастырское образование или отличившись на войне, мог получить должность. Простолюдинами были и некоторые главные военачальники (один был хорошим пловцом, другой — известным собирателем плодов с высокой пальмы тодди, третий — беглым мусульманином). Но еще более головокружительную карьеру делали рабы или даже преступники, чем-либо привлекшие внимание правителя и доказавшие ему свою преданность. Однако за счет лиц, не связанных с каруинами (разросшимися общинами, из которых состояло государство) — из иноэтнического населения, из приближенных (не родственников) правителя, из выдвинутых в силу буддийской учености или военной доблести, — чиновничество формировалось в основном в столице и ее округе (*Козлова М.Г.*, *Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 159).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[479] По некоторым данным, к 1500 г. во Франции родовитое дворянство — в 4-м поколении и более древнее — составляло лишь 20% (*Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986, с. 33).

[480] Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997, с. 29, 58, 65–66, 104, 208.

[481] Во Франции патенты были введены в 1270 г. Из 183 аноблирований в 1515–1547 гг. 168 было произведено по патентам, из них 153 — за деньги. В 1345–1660 гг. по патентам было аноблировано около 3 тыс. чел., позже в год могло аноблироваться до 100 (1711 г.), 400 (1702 г.), 500 (1696 г.) чел. (там же, с. 64–65).

[482] В Германии наиболее распространенным путем аноблирования была служба в качестве советников при дворах герцогств (в Баварии в 1511–1598 гг. так получили дворянство 109 чел.) или военная служба в пограничных землях: в Нижней Австрии в 1580-х – 1620 гг. было аноблировано 78 родов, и к 1620 г. из 128 родов 51 был аноблированным (там же, с. 168).

[483] За первую половину XVII в. там было аноблировано 20 чел., в 1669–1764 гг. — 205, в 1765–1795 гг. — около 900 человек (там же, с. 208–209).

[484] Европейское дворянство, с. 30, 88.

[485] *Прокопьев В.П.* Армия и государство в истории Германии, с. 73–79.

[486] *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции, с. 31–32, 60–61.

[487] *Соколов О.В.* Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792–1794 гг. — От старого порядка к революции. Л., 1988, с. 131.

[488] *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции, с. 185, 189.

[489] Россия была единственной страной, где дворянство не только пополнялось исключительно через службу, но аноблирование на службе по достижении определенного чина или ордена происходило автоматически. Причем если дворянский статус «по заслугам предков» требовал утверждения Сенатом (и доказательства дворянского происхождения проверялись крайне придирчиво), то человек, лично выслуживший дворянство по чину или ордену, признавался дворянином по самому тому чину без особого утверждения.

[490] Столетие военного министерства. Т. IV. Кн. 1, отд. III а. СПб., 1912, с. 203; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974, с. 215; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981, с. 65; *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. М., 1979, с. 86, 94; *Романов Б.А.* Дипломатическая история русско-японской войны. М.–Л., 1947, с. 317.

[491] *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China, с. 32.

[492] В.П.Илюшечкин во всех добуржуазных обществах различает 3 сословия: 1) правящее привилегированных свободных (светская и духовная знать, военные и гражданские чиновники, а иногда также некоторые крупные землевладельцы и купцы); 2) непривилегированных или неполноправных свободных (простонародье, в основном самостоятельные крестьяне и ремесленники, мелкие торговцы, арендаторы и наемные работники); 3) бесправных несвободных (рабы, крепостные и оброчные невольники). Древнекитайское предклассовое общество XV–VII вв. до н.э. он делит не на классы, а на сословия по степени причастности к государственной власти и объему прав и обязанностей (*Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 130–131, 134).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[493] При этом среди них различают две группы стран: в первой градация рядового населения не подвержена вмешательству государства (Паган, Ангкор, королевство Камбоджа и Ява), а во второй (Сиам, Бирма времен Таунгу и Конбаунов) — подвержена ему (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 214–216).

[494] В Сиаме, в частности, господствующий слой именовался *най*, а народ — *прай* (отделенный от рабов системой социальных рангов *сактина*) (там же, с. 218).

[495] *Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.). — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 219, 221.

[496] *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров, с. 272.

[497] *Васильев Л.С.* Феодальный клан в древнем Китае (Возникновение, расцвет, упадок). – Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 175. В.П.Илюшечкин считал, что на рубеже нашей эры выделяются еще два сословия: низшее привилегированное — сословие неслужилых *шэньши* (из тех помещиков, купцов и др., которые купили низшие ранги, звания и степени, но не занимали должностей), которое неправомерно объединяют либо с чиновниками, либо с простонародьем, и крайне неполноправное сословие свободных, занимающее положение между свободным простонародьем и несвободными бесправными (возникло на базе клиентуры «сильных домов», включало *буцюй* и *кэнюй*, которые использовались в качестве полукрепостных, вооруженной челяди). Таким образом, он считает сословиями 6 групп, просуществовавших до начала XX в.: 1) знать (для VIII–III вв. до н.э. — правители владений, их ближайшие родственники и приближенные — обладатели титулов знатности, для III в. до н.э. — III в. н.э. — ближайшие родственники и приближенные императоров — обладатели титулов знатности, для III–VI вв. — родственники императоров и «представители местной крупнопоземлевладельческой наследственной аристократии, которые кичились своими родословными», для последующих столетий — снова ближайшие родственники и некоторые приближенные императоров — обладатели титулов знатности); 2) чиновничество; 3) низшее привилегированное сословие неслужилых *шэньши* (начавшее формироваться во II–I вв. до н.э.); 4) непривилегированное сословие свободных простолюдинов (с «прослойками» земледельцев, торговцев и ремесленников); 5) крайне неполноправное «подлое» сословие свободных (до XIII в. состоявшее главным образом из *буцюй* и *кэнюй*, а затем — из представителей «презренных профессий»); 6) самое низшее сословие бесправных несвободных «подлых» (рабы, крепостные и оброчные невольники). См.: *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 137–138, 145; *он же.* Сословно-классовое общество в истории Китая, с. 274–281.

[498] Е.И.Кычанов группирует их так: 1) чиновники (*гуань*), 2) простые люди (*фаньжэнь*, *байсин*), 3) несвободные (см. 4–5-ю группы), 4) частные и казенные рабы. При этом «господствующим классом» он считает императорский и аристократические кланы, особенно 4 их группы: из совр. провинции Хубэй, из Гуаньчжуна (северо-восток, в т.ч. и императорский клан), из Северной Шаньси (Тайбэй) и из долины Янцзы, а также крупных землевладельцев и высшее чиновничество (*Кычанов Е.И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.). — Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 45–47, 51).

[499] *Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China, c. 55, 59.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[500] См.: *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, Прил. V, с. 281–287.

[501] *Деопик Д.В.* Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 181.

[502] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 93. Д.В.Деопик подчеркивает, что во Вьетнаме основной фигурой был свободный крестьянин. «Из них выходили чиновники, монахи, военные. При этом их братья оставались в деревне, и сюда же возвращались после отставки чиновники» (там же, с. 5). Вьетнамский помещик происходил из богатых крестьян той же деревни; чиновниками могли стать его дети, реже, и только в позднее время — он сам. К XIX в. основой феодального класса все более становились помещики, а чиновничество постепенно занимало то место, которое оно занимает в поздних абсолютистских государствах — высокопрестижное сословие платных служащих, лишь часть из которых является помещиками (при этом последние частью были таковыми при рождении, частью стали ими, накопив богатство на службе) (Новая история Вьетнама, с. 187–188).

[503] История Вьетнама, с. 127.

[504] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 201.

[505] *Воробьев М.В.* Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 75–77.

[506] *Спеваковский А.Б.* Самураи — военное сословие Японии. М., 1981, с. 13–14, 19.

[507] *Толстогузов А.А.* Социальная мобильность в средневековой Японии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 92–95.

[508] Если в СИЭ (т. 13. М., 1971, с. 347) определение сословия еще более или менее адекватно историческим реалиям — там сословия характеризуются по их юридическому положению в обществе с добавлением, что «в развитом, сложившемся виде сословия характеризовались наследственностью и относительной замкнутостью», то СЭС (М., 1983, с. 1240) называет сословие группой, «обладающей... передаваемыми по наследству правами и обязанностями», а ФЭС (М., 1983, с. 627) и вовсе уверяет, что «сословия отличаются от таких корпораций, принадлежность к которым является результатом личных достижений индивида (на экзаменах, военной службе и т.д.)», тогда как именно личные достижения на государственной службе, и особенно военной, служили основным источником пополнения высшего сословия в классических сословных обществах.

[509] См., например: *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 37. Д.В.Деопик пишет: «Проблема степени социальной вертикальной мобильности очень важна, так как именно ее высокая степень в ЮВА, отсутствие вследствие этого сословных учреждений и прав делает трудным сравнение с феодальной Европой и послужило для некоторых основанием отрицания феодального характера средневековых обществ Юго-Восточной Азии. Степень социальной мобильности — одна из проблем „неевропейских феодализмов“, часто называемых „азиатским феодализмом“ или „азиатским“ способом производства применительно к средним векам. ...Для перехода важнейшей в обществе грани достаточно было некоторого богатства, дававшего или связи, или возможность уплаты за звание, или возможность располагать свободным временем для выполнения мелких чиновничьих функций или

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

получения дополнительного образования» (*Деопик Д.В.* Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии, с. 180, 183).

[510] Европейское дворянство, с. 54, 66.

[511] С конца XVII в. во Франции несколько раз предпринимались попытки составить «всеобщий каталог» дворян, но они так и не были осуществлены (*Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции, с. 30).

[512] Утверждение В.П.Илюшечкина (признающего сословный характер китайского общества), что «сословия, подобно кастам в Индии, были замкнутыми социальными группами» (*Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986, с. 54), представляет собой плод недоразумения, поскольку ни одно из тех сословий, которые он сам же называет, не было замкнутым; все они могли пополняться как «сверху», так и «снизу». Простолюдин и (при определенных обстоятельствах) даже несвободный мог, купив низшую должность или сдав экзамены, стать «неслужилым *шэньши*», последний, получив ранговую должность, становился чиновником и, достигнув вершин иерархии, получал титул знатности и входил в сословие знати (как его понимает В.П.Илюшечкин). Могло быть и наоборот: лишившись должности, чиновник превращался в «неслужилого *шэньши*», а изгнанный со службы — в податного простолюдина, и вообще любой мог быть лишен свободы за преступление и перейти в низшее сословие, так что ни о какой закрытости сословий говорить не приходится.

[513] *У Хань*. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980, с. 230.

[514] *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае, с. 23–25, 162.

[515] Европейское дворянство, с. 12–13.

[516] *Chu Tung-tsu*. Local Government in China, с. 171.

[517] Центрами, вокруг которых объединялась в провинции местная элита, были *совоны* — храмы, посвященные памяти выдающихся конфуцианских деятелей и служившие чем-то вроде клубов. При храмах имелась школа, и они владели небольшой земельной собственностью и *ноби*. Некоторым из них ваны жаловали собственноручно написанную вывеску, и такие имели право на 20 чел. сотрудников и прислуги (обычные — 15). К 1721 г. насчитывалось 235 *совонов*, до 1800 г. было создано еще 195, но во второй половине XVIII в. много их было и закрыто (*Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 31).

[518] Тайхорё, т. 2, с. 165.

[519] Обладатели 12 разрядов государственных наград получали права лиц, имеющих ранги (последние также могли получать эти награды), в следующей пропорции:

Награда	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ранг	3а	3б2	4а2	4б2	5а2	5б2	6а2	6б2	7а2	7б2	8а2	8б2

[520] Тайхорё, т. 1, с. 132–134.

[521] *Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме, с. 40–41.

[522] В частности, во Вьетнаме женская титулатура состояла из 22 ступеней и распространялась на жен обладателей титулов знатности и чиновников 1–4-го рангов, причем титулы жен обладателей титулов знатности по рангу

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

полностью соответствовали титулам мужей, жены военных чиновников имели титулы с разницей в 5 ступеней против рангов их мужей (т.е. жены чиновников рангов 1а–4б имели ранги 3б–7а), а гражданских — в 7, 9 и 10 ступеней (т.е. жены чиновников рангов 1а–2а, 2б–3б, 4а–4б имели ранги 4б–5б, 7а–8а и 9а–9б соответственно). Прижизненные женские звания 1–3-го рангов были привилегией придворных женщин (*Антощенко В.И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме, с. 40–41).

[523] *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 41, 45–46, 48.

[524] *Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов, с. 411–412.

[525] Там же, с. 414–416.

[526] *Спеваковский А.Б.* Самураи — военное сословие Японии, с. 19–20.

[527] В Англии, например, это были рыцари (несколько сот чел.), в Шотландии — также и баронеты, во Франции — шевалье, владельцы высших должностей, в Испании — «сеньоры вассалов» (нетитулованные владельцы сеньорий), в Германии — «имперские рыцари», в Литве — «паны хоругвные», на Руси — бояре и т.д.

[528] *Спеваковский А.Б.* Самураи — военное сословие Японии, с. 129–130.

[529] *Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class. — Perspectives on the T'ang. New Haven–London, 1973, с. 49, 55–56, 77–79, 81. Он подчеркивает, что для определения социального происхождения человека в Тан существуют только два критерия: 1) доказанное членство в малой группе сверхэлитных кланов, 2) путь поступления на службу: по экзамену или по праву «тени». Но «тень» не была привилегией знатного слоя в целом, а основывалась на ранге отца независимо от его кланового происхождения. Кроме того, только немногие из членов родовитых кланов были чиновниками, а многие представители самых аристократических кланов жили в бедности и работали своими руками.

[530] Там же, с. 68.

[531] Там же, с. 63–65, 68, 73–74; см. также: *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 38.

[532] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 54–55.

[533] *Малявин В.В.* Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение. — Социальные организации в Китае. М., 1981, с. 21.

[534] В созданном тайцами государстве Сукхотаи (XIII–XIV вв.) правящий слой включал старую монскую (формировавшуюся на базе древних общин и связанную с ними архаическими узами личных отношений) и молодую тайскую военную знать. В наследовавшей ему Аютии (Сиаме) в XV в. начала оформляться система *сактина;* наряду с кланом правителя (наследственной аристократией) в состав правящего слоя входили открытые, хотя фактически наследственные группы — столичная знать *тракун* и провинциальная *куннанг* (в действительном или мнимом родстве с которой состоял верхний слой деревни, выполнявший там управленческие функции, но не включенный в бюрократическую структуру), причем ведущая роль принадлежала военному элементу. Как отмечает Э.О.Берзин, «чиновники имели все отличия и привилегии дворянства, но с утратой должности теряли все» (*Берзин Э.О.* Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме, с. 186). Если столичная элита унаследовала титулы монской аристократии, провинциальная не могла иметь высоких титулов — низшие посты в провинции заняли бывшие темники, тысяцкие, сотники. Но критерий социального статуса в среде местной знати оставался неясным. Знатный «дом» мог основать, например,

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

тот, кто был наделен магической силой. На знатность и должности претендовали состоятельные люди, главы богатых домов, старейшины, компетентные в астрологии. В Пагане знатность по происхождению играла большую роль (в эпиграфике некоторые донаторы указывали «отсутствие изъянов в 7 поколениях предков»), хотя и уступала по значению положению человека в служебной иерархии (*Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 160, 164–166, 171). В Бирме при Таунгу (1531–1752) и Конбаунах слой местных чиновников *мьотуджи* (в отличие от крупных ненаследственных столичных чиновников *мьоза*), представлявший в свое время вождей и глав общин, передавал свои посты по наследству и в XIX в. являл собой фактически именно «дворянский» слой, ведущий происхождение с XVII в., а их земли были единственным землевладением, тяготевшим к превращению в помещичье. (Специфика *мьотуджи* состояла в том, что он, с одной стороны, был аристократом как член местного правящего рода, с другой — бюрократом как член государственного аппарата и при этом не мог быть одним, не становясь автоматически другим, ибо в большинстве случаев его аристократизм признавался лишь при условии службы, и, лишь будучи аристократом, он утверждался на посту чиновника. См.: *Агаджанян А.С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме, с. 38.) В Ангкоре развитие шло не по линии создания единообразного слоя чиновников, а путем раздачи государством земель и зависимых земледельцев в руки знатных родов. Имущество общин, представители которых оказались включены в состав чиновничества или высшего духовенства, оформлялось как храмовое или как имущество родо-профессиональных организаций — варн, а их члены превратились в членов корпораций, поставлявших чиновников или священников. Примерно то же имело место в Маджапахите и предшествовавших ему Сингасари и Кедири, но без религиозного оформления (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 208–209).

[535] С.В.Кулланда отмечает, что герои популярных малайских и яванских сказаний о панджи во многом напоминают европейских странствующих рыцарей. Этот слой был генетически связан с общинной верхушкой. Дело в том, что и старейшины яванских общин конца I — начала II тысячелетия н.э., и, спустя несколько столетий, панджи имели помимо личных имен прозвища — название животного с каким-либо эпитетом (Лучший Бык и т.д.); такая система проникла на самый верх иерархии Маджапахита (*Кулланда С.В.* Древнеяванское государство и проблема «деспотизма» в ранних обществах. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993, с. 384).

[536] Хотя яванское общество было в принципе открытым и простолюдин мог стать чиновником и подняться до положения *прияи* (и правители могли возвысить и возвышали простолюдинов), на практике чиновники *пунггава* рекрутировались из уже сложившегося сословия *прияи*. Сыновья их в 12–15 лет начинали службу в более знатной, чем их собственная, семье, где познавали искусство этикета, верховой езды, владения оружием, изучали литературу, танцы, музыку. Потом семья подыскивала им жену из своего сословия (желательно дочь более знатного человека), и они поступали в распоряжение сановника, при котором состояли неопределенное время, пока не получали назначения на должность. Лишь пройдя этот путь, человек мог получить место в государственном аппарате. *Прияи* соблюдали кодекс чести, правила поведения и этикета (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 214–216).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[537] *Maspero H., Balazs E.* Histoire et institutions de la Chine ancienne dès origines au XII siècle après J.C. P., 1967, с. 193–194.

[538] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века, с. 29.

[539] *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества, с. 147, 149.

[540] *Marsh R.M.* The Mandarines, с. 15; *Chang Chung-li.* The Income of Chinese Gentry, с. 106–107, 327, 330.

[541] *Спеваковский А.Б.* Самураи — военное сословие Японии, с. 21.

[542] *Ланьков А.Н.* Политическая борьба в Корее, с. 40.

[543] Корея. Справочник, с. 86–87.

[544] Такое явление встречается в Европе, но там оно каждый раз имеет свои — в каждом случае разные и непохожие на корейские причины. В Шотландии, где при 2% лэрдов-помещиков на признание «благородства» претендовало чуть не более половины населения, это было связано с сохранением кланового сознания; в Испании — с известным явлением «поголовного дворянства» определенных областей (первыми начавших Реконкисту): при 1–5% дворянства в южных и центральных районах в Бургосе оно составляло 21,4%, в Леоне — 33,2, в Понферраде — 43,5, в Астурии — 75,9, в Монтанье — 85,9, в Басконии — 100%; в Венгрии — с наличием «коллективного дворянства» (в пределах обозначенной территории) жителей отдельных городов и местностей (Европейское дворянство, с. 49, 101, 190). В данном же случае природа гипертрофированного роста высшего сословия более схожа с польскими и грузинскими реалиями (слишком либеральные критерии для отнесения к сословию, а также самозванство).

[545] Во Франции в первой половине XIV в. имелось 40–50 тыс. дворянских семейств — 1–2% от всего населения, в конце XVI в. — 20–30 тыс. семей, или 100–150 тыс. чел., — менее 1% (к середине XVII в. — до 1,5%), в XVIII в. всех дворян во Франции насчитывалось 300–400 тыс. — 1–1,5%. В России в конце XVII — начале XVIII в. насчитывалось около 30 тыс. дворян (без членов семей), в XVIII в. они составляли 2,2% населения, в 1897 г. — 1,5% (1 853 184 чел., включая семьи личных дворян и чиновников). В Англии в XVI — начале XVII в. дворяне составляли (вместе с духовенством) 3,7% населения, в начале XVIII в. (вместе с чиновниками) — 4,4%, в Шотландии к 1707 г. 10 тыс. лэрдов составляли более 2% населения. В Испании на 1591 г. насчитывалось 134 223 дворянские семьи — 10,2% населения, в XVIII в. дворян было свыше 4%, в Австрии в XVIII в. — 6,7%. В Венгрии дворянство составляло в середине XVI в. 80–90 тыс. чел. — 2,5–3%, в середине XVII в. — 200 тыс., т.е. около 10%, в XVIII в. — свыше 4%, в середине XIX — до 3,8%. В Польше в конце XVI в. дворян было 8–10%, в XVIII в. — также до 10%. В некоторых странах дворян или равных им лиц было очень мало. Например, в Чехии середины XVIII в. на 2,2 млн. населения приходилась 301 дворянская семья, в Молдавии и Валахии в XVIII–XIX вв. — 0,3–0,5%, в Греции на 1838 г. — 1,3%, в Боснии в 1885 г. было 8 тыс. помещичьих семей на 315 тыс. крестьянских. См.: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989, с. 38; Европейское дворянство, с. 49, 70–71, 101, 184–185, 191, 194; Социальная структура общества в XIX в. М., 1982, с. 212, 223, 227, 293, 297, 313–314, 319; *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции, с. 30–31; *Водарский Я.Е.* Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. — Вопросы военной истории России. М., 1969, с. 237; *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, с. 44.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[546] Для Западной Европы характерен обычный набор из пяти титулов плюс принцы (князья) королевской крови, в Центральной (Германия, Венгрия) — бытовали только три (герцоги, графы и бароны), в Восточной (Литва, Русское государство) — существовали только князья (в Польше титулов принципиально не существовало). Во всех случаях число титулованных родов или семей до начала XVIII в. не превышало 200, а иногда было и менее 100 (за исключением Италии, где их было довольно много).

[547] Следует сразу оговорить, что аристократия рассматривается мною в данном случае исключительно социально-политически: как социальная группа или совокупность групп (независимо от конкретного набора таковых), каждая из которых имеет совершенно четкие границы и место которой в социальной структуре общества и государственной иерархии может быть вполне определенно обозначено. Авторы большинства отечественных работ, посвященных дальневосточной аристократии, трактуют ее скорее как культурно-исторический феномен. В частности, В.В.Малявин, уделивший у нас китайской аристократии особенно много внимания, не склонен «рассматривать социальную иерархию через призму имперской государственности» и считает, что «попытки определить аристократию только в ее соотнесенности с государственным законодательством и политическим аппаратом не дают точного ответа на вопрос о характере и границах этого слоя» (*Малявин В.В.* Аристократия раннесредневекового Китая, с. 29, 32).

[548] В результате чего, как отмечал М.В.Крюков, анализ материалов погребений VIII–VI вв. до н.э. наглядно подтверждает слова одного из деятелей того времени о том, что «живущий в смутный век может быть знатным и тем не менее бедным» (*Крюков М.В.* Социальная мобильность и этнические процессы в древнем Китае. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983, с. 4).

[549] *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая, с. 17.

[550] *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй, с. 28–29.

[551] *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure, с. 75–79, 86.

[552] Там же, с. 160.

[553] Там же, с. 207, 231.

[554] Л.С.Васильев считает, что аристократизм как феномен возник в древнем Китае в качестве следствия, функции феодализма, расцветшего в VIII–III вв. до н.э., с дефеодализацией социально-политической структуры вначале почти исчез, а затем, спустя полтысячелетия, стал принимать новые формы. Новые аристократы *ши* сыграли важную роль в формировании феномена духовно-интеллектуального аристократизма. С восстановлением централизованной империи и торжеством институционализированного конфуцианства аристократизм как социальный феномен лишился связи с родовитостью и зажиточностью, потерял необходимые для него корни на местах, «однако заместившие прежних аристократов-*ши* чиновники-*шэньши* не только не потеряли, но даже еще выше вознесли идеал аристократического духа, став в новых условиях интеллектуальной элитой страны». Таким образом, как он полагает, аристократизм «окончательно принял форму интеллектуального потенциала и творческого превосходства правящей элиты» (*Васильев Л.С.* Феномен аристократизма в период древней и средневековой истории Китая. — Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1984, с. 18–19).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[555] *Ebrey P.B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978, с. 17–19.

[556] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 54–59.

[557] В «Цзинь шу», например, встречается 89 представителей рода Ван из Ланье (76 из которых были четырехъюродными братьями и еще более близкими родственниками), 20 Лу из Уцзюня (все троюродные братья и ближе), в «Сун шу» за 50 лет — 18 Цзань из Уцзюня (все двоюродные братья и ближе). См.: *Ebrey P.B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China, с. 21–22.

[558] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков, с. 31, 33.

[559] Все упоминаемые в «Вэй шу» 61 Ли из Лунси были в родстве не далее четырехъюродных братьев и происходили от одного предка, жившего в начале V в., все 36 Лу из Фаньяна — родственники не далее шестиюродных братьев, происходившие от предка, жившего в середине—конце IV в. (*Ebrey P.B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China, с. 26).

[560] *Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class, с. 50–51.

[561] Это обстоятельство, впрочем, выглядит не столь необычным в свете ориентации на «знатность», понимаемую как совокупность прошлых достижений и прошлого значения рода. Правящие династии многих европейских стран не были ни самыми древними, ни самыми влиятельными в прошлом родами своих стран.

[562] *Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class, с. 55–56.

[563] Хотя аутентичность указа ставится под сомнение, но характерно, что даже при Мин этому придавалось значение (*Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class, с. 58, 60).

[564] *Ebrey P.B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China, с. 108, 112.

[565] Там же, с. 63, 95, 106.

[566] Там же, с. 159–160, 171–172.

[567] 148 человек принадлежат северным (65 киданей, 66 других северян и 17 из Туркестана и Западного края) и 217 — южным народам (67 из У и Хуайнани, 39 из Чегяна, 27 — Фукиена, 51 из государств в Хунани и Гуандуне, 20 — Шу и Чжучжуань и 13 из некитайских племенных государств Юго-Запада).

[568] 15 тюрки шато, 4 уйгуры и тюрки туцзюе, 1 тухун и 3 принадлежали к тоба, но не были полностью китаизированы, и 65 китайских: 17 из Южной Шанси и Шэнси, 21 из Хэбэя (главным образом юга), 19 из Хэнани, Северной Ганьсу, Северного Аньхоя и Западного Шаньдуна, 5 из Центральной и Восточной Шанси и 3 из Восточной Ганьсу. Следовательно, доля некитайцев была в период Пяти династий (26%) не большей, чем в период Северного Вэй (28%).

[569] Цуй из Цинхо, Цуй из Аньпина (район Полина в Хэбэе), Ду из Дулина (около Чанъани в Шэнси), Лу из Фаньяня (Хэбэй), Ли из Цинхо (с ветвью в Ваньяне близ Чанъани) и Чжэн из Цинхо.

[570] *Eberhard W.* Conquerors and Rulers, с. 115–121.

[571] Такое соединение вполне правомерно: какая-то часть сословия или группы внутри него может быть и ненаследственной, в частности, положение обладателей ненаследственных титулов знатности среди аристократии тождественно, например, положению личных дворян в составе российского дворянства.

[572] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, с. 67.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[573] *Parsons J.B.* The Ming Dynasty Bureaucracy, c. 207.

[574] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China, c. 84.

[575] *Hsieh Pao Chao*. The Government of China, c. 48.

[576] *Королева Н.А.* Административная система Тайпинского государства, с. 122.

[577] *Пак М.Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»). — Проблемы востоковедения. 1961, № 1, с. 119.

[578] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.–Л., 1950, с. 58.

[579] Самгук саги, т. 2, с. 293.

[580] Понятие *сонголь* появилось в источнике, скорее всего, для возвеличивания ванов древности (так именовались первые 28 ванов, последующие же, с которых начинается по традиционной хронологии «средняя эпоха», относились к *чинголь*). Возможно, при этом учитывались какие-то нюансы родства или брачных связей, но их роль была крайне незначительна. Достаточно сказать, что первый ван, относимый к *чинголь*, Тхэджон-Мурёль (654–660) был прямым потомком предшествующих ванов *сонголь* как по мужской, так и по женской линиям рода Ким, так что в любом случае эти термины обозначали членов одного и того же правящего рода. Более того, в разделе летописи, где речь идет о регламентации в знаках различия, одежде и т.д., о *сонголь* вообще не говорится. Так назывались первые 28 ванов, и это, по существу, единственное упоминание о *сонголь*.

[581] Такое положение, с одной стороны, создавало широкую возможность для оспаривания трона, поскольку круг претендентов на него мог быть весьма широк, с другой — предотвращало сепаратистские центробежные устремления: местом приложения политических амбиций аристократии были центральная власть, захват трона, а не отделение и создание самостоятельного государства. История Силла демонстрирует поэтому исключительную слабость сепаратистских устремлений: там не зафиксировано ни одной (за исключением мятежа 822 г.) попытки создания собственного независимого государства кем-либо из аристократов — родственников вана. Не случайно развал государства в конце IX в. был инспирирован людьми, выросшими на местах, не принадлежащими к аристократии и не могущими в силу этого претендовать на трон, т.е. на захват всей власти в государстве.

[582] В самой Корее, в частности, аристократия государства Корё, созданного на развалинах Силла и вновь объединившего полуостров, принципиально отличалась по характеру своего состава от силлаской, включая, например, многие роды, происходившие от ванов Силла.

[583] По одному из сообщений за 669 г., соотношение было примерно (эти 36 чел. только часть лиц высших чинов) таким: 1 — в Исключительном ранге, 1 — в Особом, 7 — в 1-м, 5 — во 2-м, 4 — в 3-м, 6 — в 4-м и 12 — в 6-м ранге. См.: Самгук саги, т. 1, с. 165.

[584] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 178–179. Надо иметь в виду, что лица, упоминаемые без фамилии, практически всегда представители правящего рода.

[585] Встречается даже мнение (*Ли Кибэк*. Силла чончхи сахве са ёнгу. Сеул, 1977), что *сандэдын* не назначался ваном, а избирался аристократами — членами совета.

[586] Всего было обследовано 750 лиц, встречающихся в биографических разделах «Корё са», без учета членов правящего рода (Корё са. Т. 8–11. Пхеньян, 1964–1966).

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

[587] *Волков С.В.* Чиновничество и аристократия, с. 199–200.
[588] Там же, с. 206.
[589] *Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty, с. 145–146.
[590] Там же, с. 143–149.
[591] *Чхве Джинок.* Чосон сидэ чэнвон чинса ёнгу, с. 141, 267, 292–293.
[592] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 25, 31–34, 39, 42.
[593] *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм, с. 176.
[594] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 80.
[595] Тайхорё, т. 2, с. 85, 2–25.
[596] Там же, т. 1, с. 114–115.
[597] *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм, с. 42
[598] *Грачев М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества, с. 215–216.
[599] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь, с. 126–129, 142, 172.
[600] *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи), с. 335.
[601] Государство Бохай, с. 50.
[602] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства, с. 101–102, 104, 107.
[603] *Деопик Д.В.* История Вьетнама, с. 61–62, 146–147; История Вьетнама, с. 128, 182.
[604] В Маджапахите 3 высших министра и 12 наместников областей должны были принадлежать к правящей династии, 5 старших министров — к знати (с родовым титулом *мпу*); см.: *Шауб А.К.* Эпиграфические памятники Явы XIII–XIV вв. о системе государственного управления Маджапахита, с. 227–229. В позднее время слой крупных феодалов *бре*, возникший в середине XIV в., постепенно стал господствовать, уничтожив деспотическую власть правителя *прабу*, который превратился в одного из *бре*, что и привело к развалу государства (*Деопик Д.В.* Внутриполитическая история позднего Маджапахита и ее связь с изменением структуры класса феодалов. — Малайско-индонезийские исследования. М., 1977, с. 40). В Пагане главным каналом рекрутации в правящий класс оставалась система конического клана, возглавлявшегося царем: большая часть высшего чиновничества вербовалась из его многочисленных родственников и свойственников. Все основные высшие посты занимали ближайшие родственники царя — дети и братья: наследник занимал пост вице-короля провинции Пегу, из 4–5 министров все могли быть братьями и т.д. (*Козлова М.Г., Ребрикова Н.В.* Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая, с. 158–159). В Ангкоре верхний слой чиновничества составляла многочисленная семья монарха, а высшие должности монополизировали состоявшие с ней в родстве шиваитские кланы. В постангкорской Камбодже ключевые посты в 4 «домах» занимали *прэах вонгса* — родственники монарха по 5-е колено (многочисленные *прэах вонг* — более отдаленные родственники — редко занимали должности в государственном аппарате, но зато имели свободные от налога наследственные частные земли); крупные должности, не будучи наследственными, в совокупности оставались в руках одних семей, и чиновники высокого ранга подбирали себе подчиненных с учетом родственных связей. В Аютии (Сиам) наместниками в основные города назначались сыновья и родственники правителя.
[605] Иногда приходится встречать мнение, что «во всех государственно-феодальных обществах за противоположностью Центра и Провинции стоят

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

противоположность и единство аристократии и бюрократии» (*Агаджанян А.С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме, с. 38). Но, во-первых, под «аристократией» в данном случае подразумеваются всякие потомственные служилые семьи, а во-вторых, это характерно разве что для государственно-патриархальных стран Юго-Восточной Азии, тогда как для традиционной дальневосточной системы характерно назначение всех провинциальных чиновников из центра, и там такой противоположности (разумеется, в периоды политической стабильности) просто не существует.

[606] С 1450–1454 гг. наследственными правами на знатность стали обладать только прямые потомки короля до 5-го колена: сын от главной жены — с титулом *чаофа*, внук *паонгчао*, правнук — *момчао*, потомки в 4-м колене *мом рача ванса* и 5-м — *лом лыанг* получали весьма скромное пособие, а более дальние потомки, если не служили, переходили, как во Вьетнаме, в податное состояние. Наследственные привилегии знати некоролевских родов были отменены, но в 1782–1824 гг. закрепилась система родственных связей между несколькими семьями, монополизировавшими высшие посты (*Тюрин В.А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии, с. 213–216).

[607] Во Франции, в частности, к 1789 г. все 11 маршалов были титулованными лицами, из 196 генерал-лейтенантов было только 9 нетитулованных дворян, из 109 полковников — 6 (*Соколов О.В.* Высшие офицеры французской армии и революционное правительство, с. 126–127).

[608] Например, османская знать не имела даже фамилий, которые были совершенно излишни и даже могли повредить. В этом обществе единственным критерием выдвижения служила доказанная верность правителю и вере: «Избыток образования или богатое наследство скорее мешали, чем способствовали служебному продвижению. В османском обществе... для занятия самых высших государственных должностей не требовалось никаких предварительных условий: ни грамотности, ни благородства, ни кастовой принадлежности или имущественного ценза» (*Орешкова С.Ф.* Османский феодализм: типологические наблюдения. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982., с. 146–147).

[609] Позднее всего (в силу малочисленности дворянства и ряда субъективных причин) по сравнению с другими европейскими странами это произошло в России, где Манифест о вольности дворянства был издан только в 1762 г.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

Агаджанян А.С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Агаджанян А.С. Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме. — Народы Азии и Африки. 1983, № 3.

Агаджанян А.С. Фигура провинциального чиновника в доколониальной Бирме (по ситанам). — Вопросы истории стран Азии и Африки. Вып. 3. М., 1981.

Алаев Л.Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Антощенко В.И. Административная практика во Вьетнаме XV–XVIII вв. — Двадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1989.

Антощенко В.И. Покупка должностей во Вьетнаме в эпоху Поздних Ле. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. II. М., 1996.

Антощенко В.И. Роль евнухов в истории Китая в эпоху Мин и Вьетнама в эпоху Поздних Ле. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. I. М., 1993.

Антощенко В.И. Система должностей и титулов во Вьетнаме XV–XVIII вв. и отражение в ней структуры господствующего класса. — Вестник Моск. ун-та. Сер. XIII. Востоковедение. 1990, № 1.

Антощенко В.И. Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Автореф. канд. дис. М., 1991.

Антощенко В.И. Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Рук. канд. дис. М., 1991.

Антощенко В.И. Эволюция системы социальных знаков и стратификация правящего слоя Дангноая (Сев. Вьетнам) в XVII–XVIII вв. по данным хроник. — Базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 4–5. М., 1997.

Берзин Э.О. Проблема социальной мобильности в средневековом Сиаме. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.–Л., 1950.

Бокщанин А.А. Административные функции уделов в Китае в конце XIV – начале XV в. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV в. М., 1976.

Бокщанин А.А. Об уделах в Китае конца XIV — начала XV в. — Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1979.

Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов в китайской империи. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

Бокщанин А.А. Политика китайского императорского правительства в отношении удельных властителей (ванов) в начале XV в. — Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1973.

Бокщанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае. М., 1986.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Бокщанин А.А. Удельные властители в Китае (конец XIV в.). — Народы Азии и Африки. 1983, № 2.
Боровкова Л.А. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971.
Боровкова Л.А. Численность бюрократического аппарата империи Мин и роль государственных экзаменов в его комплектовании. — Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1981.
Боровкова Л.А. Экзаменационная система, обряды и первый император династии Мин. — Конфуцианство в Китае. М., 1982.
Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трем Государствам. Новосибирск, 1984.
Ванин Ю.В. Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв. М., 1981.
Васильев К.В. Данные о социальном слое гожень в период Чуньцю. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Васильев К.В. Статус чжухоу в период Западного Чжоу. — Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1972.
Васильев К.В. Центральная власть и органы местного управления в годы расцвета Западного Чжоу. — История и культура Китая. М., 1974.
Васильев Л.С. Возникновение и формирование китайского государства. — Китай: история, культура и историография. М., 1977.
Васильев Л.С. Государство и бюрократия в истории Китая. — Первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1970.
Васильев Л.С. Государство и государственный способ производства в древнем Китае. — Общество и государство в Китае. М., 1981.
Васильев Л.С. Государство на традиционном Востоке. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Васильев Л.С. Политическая власть и социальный контроль в традиционном Китае. — Вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1971.
Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура. — Народы Азии и Африки. 1981, № 6.
Васильев Л.С. Социальные корпорации в политической структуре традиционного Китая. — Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1972.
Васильев Л.С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
Васильев Л.С. Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Васильев Л.С. Становление политической администрации. — Народы Азии и Африки. 1980, № 1.
Васильев Л.С. Феномен аристократизма в период древней и средневековой истории Китая. — Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1984.
Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
Васильев Л.С. Феодальный клан в древнем Китае (Возникновение, расцвет, упадок). — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Васильев Л.С. Феодально-клановая структура раннечжоуского Китая. — Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1978.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Васильев Л.С., Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. — Вопросы истории. 1966, № 6.
Волков С.В. Высшее сословие в традиционных обществах. — Пятая Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 1. М., 1989.
Волков С.В. Городское управление в средневековой Корее. — Научная конференция «Город на традиционном Востоке». М., 1988.
Волков С.В. Государственная служба и чиновничество в раннесредневековой Корее. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Волков С.В. Государство и буддийская администрация в Корее в IV–IX вв. — Народы Азии и Африки. 1982, № 3.
Волков С.В. Государство и социальная структура средневековой Кореи. — Научная конференция «Государство в докапиталистических обществах Азии». Тезисы. М., 1984.
Волков С.В. К проблеме выделения сословий в традиционных обществах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. — Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 1. М., 1987.
Волков С.В. Китайская титулатура силласких ванов в VI–IX вв. и ее реальное содержание. — Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1984.
Волков С.В. Китайская традиция и отношения между сангхой и государством в раннесредневековой Корее. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983.
Волков С.В. Количественные методы в изучении служилых слоев. — Комплексные методы в исторических исследованиях. М., 1987.
Волков С.В. Корейская армия во второй половине XIX века. — Вопросы истории стран Азии и Африки. Вып. 2. М., 1980.
Волков С.В. Корейское чиновничество периода Корё. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.
Волков С.В. Некоторые проблемы сословного деления традиционных обществ Восточной и Юго-Восточной Азии. — Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. М., 1991.
Волков С.В. О возникновении и развитии постоянной армии в Корее. — Вопросы истории стран Азии и Африки. Вып. 1. М., 1979.
Волков С.В. О характере китайского влияния на структуру государственного аппарата средневековой Кореи. — Шестнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1985.
Волков С.В. Об изменениях в структуре чиновной организации феодальной Кореи в X–XIV вв. — Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1979, № 3.
Волков С.В. Организация государственной службы в странах дальневосточного региона. — Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1988.
Волков С.В. Правящий слой традиционной Кореи. — Корея. М., 1998.
Волков С.В. Провинциальное чиновничество Силла. — Деп. ИНИОН 22.08.85. № 22193.
Волков С.В. Раннесредневековая корейская аристократия. — Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 1, ч. 1. М., 1985.
Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее (сангха и государство). М., 1985.
Волков С.В. [Рец. на:] *Ли Кибэк.* Силла чончхи-сахвеса ёнгу. Сеул, 1977 (Исследования по социально-политической истории Силла). — Народы Азии и Африки. 1983, № 6.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Волков С.В. Русские военные инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. — Проблемы военной истории народов Востока. Л., 1990.
Волков С.В. Сангха и государство в странах Восточной Азии. — Тезисы Всесоюзной буддологической конференции. М., 1987.
Волков С.В. Сословия в социальной структуре традиционных обществ Востока. — Четвертая Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 1. М., 1986.
Волков С.В. Социальная роль чиновничества, аристократии и буддийской сангхи в раннесредневековой Корее. — Вопросы истории стран Азии и Африки. Вып. 3. М., 1981.
Волков С.В. Социальный состав высшего чиновничества Кореи периода Корё. — Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
Волков С.В. Социальный состав господствующего класса государства Корё (X–XIV вв.). — Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2. М., 1983.
Волков С.В. Социальный статус служилых слоев в дальневосточных деспотиях. — Феномен восточного деспотизма М., 1993.
Волков С.В. Центральный аппарат государства Силла VI-X вв. — Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 1. М., 1984.
Волков С.В. Чиновничество государств Когурё и Пэкче. — Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.
Волков С.В. Чиновничество стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии как социальный слой. — Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 1. М., 1984.
Волков С.В. Чиновно-должностная система Силла. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.
Воробьев М.В. Верховная власть по японскому праву VIII века (опыт сравнительной характеристики). — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Воробьев М.В. Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975.
Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. М., 1980.
Воскресенский Д.Н. Человек в системе государственных экзаменов. — История и культура Китая. М., 1974.
Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Грачев М.В. Китайская государственная мысль в Японии в VII–VIII вв.: идеалы и их воплощение. — Древность: историческое знание и специфика источника. М., 1996.
Грачев М.В. «Наставления из 17 статей» Сётоку-тайси (604 г.): полемика, содержание, значение. — Восток. 1997, № 6.
Грачев М.В. Правовые привилегии чиновничества в Японии в VII–VIII вв. (в печати).
Грачев М.В. Формирование древнеяпонского чиновничества в VII — начале VIII в. Рук. канд. дис. М., 1998.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Деопик Д.В. Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Деопик Д.В. Внутриполитическая история позднего Маджапахита и ее связь с изменением структуры класса феодалов. — Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
Деопик Д.В. Возникновение государства во Вьетнаме. — Советское востоковедение. 1958, № 4.
Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994.
Деопик Д.В. Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего юга. — Первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1970.
Деопик Д.В. Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии. — Традиционный Вьетнам. Сборник статей. Вып. II. М., 1996.
Деопик Д.В. Пути формирования высшего сословия во Вьетнаме (XVI–XVIII вв.). — Народы Азии и Африки. 1974, № 4.
Деопик Д.В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI–XIII вв.). — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
Деопик Д.В. Сравнительная роль города и деревни в формировании кадров лауреатов традиционных конкурсов (на материале Вьетнама XVI–XVIII вв.). — Вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 2. М., 1971.
Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. В.С.Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока. XXXV).
Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.
Илюшечкин В.П. О двух стадиях и двух тенденциях развития государственности в старом Китае. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Илюшечкин В.П. Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Илюшечкин В.П. Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986.
Исиев А.Д. Уйгурское государство Йэттишар. М., 1981.
История Вьетнама. М., 1983.
История Кампучии. М., 1981.
Ким Бусик. Самкук саги. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М.Н.Пака. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I).
Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.). — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Козлова М.Г., Ребрикова Н.В. Особенности формирования правящего слоя в буддийских обществах Индокитая. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Королева Н.А. Административная система Тайпинского государства. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации. — Советская этнография. 1969, № 6.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972.
Крюков М.В. Социальная дифференциация в древнем Китае. — Разложение родового строя и форм классового общества. М., 1968.
Крюков М.В. Социальная мобильность и этнические процессы в древнем Китае. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983.
Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VIII–XIII). М., 1984.
Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
Кулланда С.В. Древнеяванское государство и проблема «деспотизма» в ранних обществах. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
Кулланда С.В. История древней Явы. М., 1992.
Кычанов Е.И. Государственное устройство Си Ся. — Ученые записки ЛГУ. № 281. Сер. востоковедение. 1959, вып. 10.
Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
Кычанов Е.И. Основные каналы социальной мобильности в Китае при династиях Тан и Сун (VII–XII вв.). — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
Кычанов Е.И. Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.). — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Кычанов Е.И. Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.). — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI. Ч. 1. М., 1983.
Кычанов Е.И. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся. — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1965, № 69.
Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995.
Лапина З.Г. К вопросу о характере управления государством. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1983.
Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае. М., 1970.
Лапина З.Г. Проблемы бюрократии в политических учениях XI в. — Первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 2. М., 1970.
Лапина З.Г. Проблемы подготовки кандидатов в чиновники в сунском Китае. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
Лещенко Н.Ф. Социальные сдвиги в структуре японского общества накануне Мэйдзи исин. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Малявин В.В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.

Малявин В.В. Киотоская школа и проблема «средних веков» в истории Китая. — Народы Азии и Африки. 1981, № 2.
Малявин В.В. О характере общественных движений в раннесредневековом Китае. — Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1976, № 1.
Мартынов А.С. Об одной специфической черте восточного государства. — Общее и особенное в истории стран Востока. М., 1966.
Мартынов А.С. Образование государства в официальных документах династии Сун. — Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1972.
Мартынов А.С. О «персонализме» традиционных китайских воззрений на государство и государственный аппарат. — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 2. М., 1976.
Меликсетов А.В. О традиционности государственного регулирования экономической жизни в Китае. — Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
Меликсетов А.В. Социальная сущность китайского милитаризма. — Вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 2. М., 1971.
Мельниченко Б.Н. Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX в. М., 1976.
Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987.
Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока. XXVI).
Непомнин О.Е. Трансформация китайской деспотии в первой половине XX в. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
Никитин А.В., Федорин А.Л. О роли феодальных родов в истории Вьетнама. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.
Никифоров В.Н. Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие шэньши). — Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
Нихон сёки. Анналы Японии. Пер. со старояпонского и коммент. Л.М.Ермаковой и А.М.Мещерякова. Т. 1–2. СПб., 1997.
Новая история Вьетнама. М., 1980.
Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»). — Проблемы востоковедения. 1961, № 1.
Переломов Л.С. Вклад легизма в формирование традиционных институтов китайской государственности. — Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.
Переломов Л.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае. М., 1962.
Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
Переломов Л.С. Легистская концепция «равенства перед законом» и ханьская бюрократия. — Китай: общество и государство. М., 1973.
Переломов Л.С. Становление имперской системы в Китае. — Вопросы истории. 1973, № 5.
Поршнева Е.Б. О реализации конфуцианского нравственного идеала в понятии «цин гуан» («честный чиновник»). — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 3. М., 1976.
Ребрикова Н.В. Государство, община, класс в буддийских обществах Центрального Индокитая (V–XV вв.). — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Ребрикова Н.В. Таиланд: эволюция социальной структуры в XIII–XVII вв. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
Рыбаков В.М. Наказания нарушений, допущенных при проведении государственных экзаменов. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV. Ч. 1. М., 1981.
Рыбаков В.М. О правовом положении чиновничества в средневековом Китае. — Народы Азии и Африки. 1982, № 3.
Рыбаков В.М. О сущности категории «чиновничьего ранга» периода Тан. — Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1982.
Рыбаков В.М. Правовое положение чиновников в Китае при династии Тан (VII–X вв.). Рук. канд. дис. Л., 1981.
Рыбаков В.М. Правовые привилегии и понятие «тени». — Общество и государство в Китае. М., 1981.
Рыбаков В.М. Танский кодекс «Тан люй шу и» о должностных наказаниях чиновников. — Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1981.
Рыбаков В.М. Функция, статус и персона в танском правовом мышлении. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII. Ч. 3. М., 1985.
Рябинин А.Л. Административная структура, чиновничий аппарат и местное самоуправление в Северном Вьетнаме в первой трети XIX в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 2. М., 1985.
Рябинин А.Л. Конкурсные экзамены как средство изменения социального характера органов власти и возникновение сословия родовитого дворянства во Вьетнаме в начале XIX в. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Рябинин А.Л. Рождение империи Нгуенов. М., 1988.
Рябинин А.Л. Система ответственности чиновников государственного аппарата во Вьетнаме в первой половине XIX века. — Актуальные проблемы современного востоковедения. М., 1974.
Рябинин А.Л. Социальная политика Нгуен Аня в Северном Вьетнаме в период образования последней вьетнамской империи (1802 г.). — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 2. М., 1985.
Свод законов «Тайхорё». Вступ. статья, пер. с древнеяпонского и коммент. К.А.Попова. Т. 1–2. М., 1985.
Седов Л.А. Ангкорская империя. М., 1967.
Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1971.
Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1–2. М., 1985.
Социальные организации в Китае. М., 1981.
Спеваковский А.Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
Толстогузов А.А. Социальная мобильность в средневековой Японии. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.
Толстогузов А.А. Японское раннефеодальное государство. — Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
Тюрин В.А. Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв. М., 1980.
Тяпкина Н.И. Институты родства в традиционном Китае. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Тяпкина Н.И. Роль шэньши в социально-политической организации Китая XIX в. — Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1981.
Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1979.
У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980.
Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.
Федорин А.Л. Государственный аппарат и система власти в Северном Вьетнаме в XV–XVIII вв. — Феномен восточного деспотизма. М., 1993.
Федорин А.Л. Особенности развития гражданской и военной должностной системы во Вьетнаме в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.
Федорин А.Л. Политическая история военно-феодальной группировки Нгуенов—Чиней из Тханьхоа и ее роль в истории Вьетнама в XVI в. — Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.
Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
Фомина Н.И. Купечество в социальной структуре средневекового Китая. — Социальные организации в Китае. М., 1981.
Чернышев А.И. К характеристике административного управления в Джунгарском ханстве. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983.
Чешков М.А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
Шауб А.К. Эпиграфические памятники Явы XIII–XIV вв. о системе государственного управления Маджапахита. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII. Ч. 1. М., 1985.
Яковлев В.М. М.Вебер о роли бюрократии в истории китайского общества. — Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1981.
Японский милитаризм. М., 1972.

На китайском, корейском и японском языках

Абэ Т. Тэммутё-но якара кабанэ кайкаку-ни цуйтэ (О реформе наследственных родовых титулов-кабанэ в период царствования императора Тэмму). — Нихон рэкиси. 1959, № 134.
Абэ Т. Удзи кабанэ (Система удзи-кабанэ). Токио, 1966.
Аоки К. Кодай годзоку (Древняя аристократия). — Нихон-но рэкиси. Т. 5. Токио, 1974.
Аояма С. Годай Со-ни окэру Косэй-но синко канрё (Новая бюрократия в Цзянси в периоды Пяти династий и Сун). — Вада хакуси канрэки кинэн тоёси ронсо (Собрание исследований по истории Востока к 60-летию проф. Вада). Токио, 1951.
Аояма С. Сисэн канрё-ни цуйтэ-но ити косацу (О бюрократии в Сычуани в эпоху Сун). — Вада хакуси коки кинэн тоёси ронсо (Собрание исследований по истории Востока к 70-летию проф.Вада). Токио, 1960.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Аояма С. Хо кусо двидай-о тюсин то суру сидайфу-но кика то сэйкацу ринри (Происхождение и жизненные принципы шидафу северосунского периода). — Тоё гакухо. 1976, т. 57, № 1–2.

Араки К. Хо кусо каба-ни окэру кансэн тэкидай (Выдвижение незнатных людей в экзаменационной системе Северного Сун). — Тохо гаку. 1967, № 34.

Вада Т. Кансёку ёкай (Важнейшие сведения о чиновничьих должностях). Токио, 1990.

Ван Итун. У чао мэнди (Родовитые кланы Пяти династий). Т. 1–2. Чэнду, 1943.

Ван Цзэньюй. Сун чао цзецзи цзегоу гайшу (Классовая структура общества во время правления династии Сун). — Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. 1979, № 4.

Ван Чжэнлу, Чжэн Даси. Лунь Вэй Цзинь Наньчао мэньфа шицзуды синчэн (Формирование аристократии в эпоху Вэй, Цзинь и Южных династий). — Синьхуа юэбао. 1979, № 9.

Ван Янань. Чжунго гунъяо чжэнчжи яньцзю (Исследование бюрократического правления в Китае). Шанхай, 1948.

Ватанабэ М. Го Эцу коку-но сихай кодзо (Структура власти в царстве У–Юэ), — Сикан. 1967, № 76.

Гои Н. Го Кан дзидай-но канри доёсэй хэкисё-ни цуйтэ (О порядке прямого назначения на службу при Поздней Хань). — Рэкисигаку кэнкю. 1954, № 178.

Гу Чэн. Мин дай ды цзунши (Императорские родичи в эпоху Мин). — Мин Цин ши гоцзи сюэшу таолуньхуэй таовэнь цзи (Сборник докладов международной научной конференции по истории периода Мин и Цин). Тяньцзинь, 1982.

Дин И. Мин тэу чжэнцзэ (Политика специальной службы в эпоху Мин). Пекин, 1950.

Ёнэда К. Тёбо ёри митару кандай-но канрё сосики-ни цуйтэ (Организация ханьской бюрократии по материалам служебных донесений). — Тоёси кэнкю. 1955, т. 14, № 1–2.

Икэда О. Тодай-но гумбо кю, дзю сэйки-но Тонко сяхон-о тюсин тоситэ (Танские родословные — по материалам рукописей IX–X вв. из Дуньхуана). — Тоё гакухо. 1959, т. 42, № 3–4.

Икэда О. Тотё сидзакуси-но ити косацу (К вопросу о генеалогических реестрах танской эпохи). — Хоккайдо дайгаку бунгакубу киё. 1965, № 13.

Имабори С. Тодай сидзоку-но сэйкаку собё (Очерк характера служилых кланов танской эпохи). — Рэкисигаку кэнкю. 1939, т. 9, № 11.

Имамура Д. Кандай-но дзюнри («Добрые чиновники» ханьской эпохи). — Тохо гаку. 1965, № 30.

Исида Н. Ко сэйкэн ка-ни окэру кандзин кидзоку (Китайская аристократия под властью варваров). — Рэкисигаку кэнкю. 1968, № 333.

Исимода С. Нихон кодай кокка (Древнее японское государство). Т. 1. Токио, 1973.

Иянага Т. Маньё дзидай-но кидзоку (Придворная аристократия периода Маньёсю). — Маньёсю тайсэй (Завершение Маньёсю). Т. 5. Токио, 1955.

Кавакацу Ё. Кидзокусэй сякай то Сон-го сэйкэн ка-но Конан (Аристократическое общество и Цзяннань под властью династии У). — Тюгоку тюсэйси кэнкю (Изучение средневековой истории Китая). Токио, 1970.

Кавакацу Ё. Кидзокусэй сякай-но сэйрицу (Становление общества аристократии). — Сэкай рэкиси. Т. 5. Токио, 1970.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Кавакацу Ё. Рю со сэйкэн-но сэйрицу то каммон будзин (Утверждение династии Лю–Сун и военные из простых семей). — Тохо гакухо. 1958, № 36.
Кавакацу Ё. Сон-го сэйкэн-но хокай-кара энан кидзоку-э (От разложения царства У к аристократии Цзяннани). — Тохо гакухо. 1973, № 44.
Кавахара Х. Рицурё икайсэй то дзайти сякай (Система ранжирования чиновничества и периферийные общества в период действия рицурё). — Кокусигаку. 1983, № 121.
Камада С. Кандай-но Сёсё кан (Чиновники Палаты документов в эпоху Хань). — Тоёси кэнкю. 1968, т. 26, № 4.
Камада С. Син Кан сэйдзи сэйдо-но кэнкю (Исследование политического строя империй Цинь и Хань). Токио, 1962.
Кано Н. Сёку Кан сэйкэн-но кодзо (Структура политической власти в царстве Шу-Хань). — Сирин. 1959, т. 42, № 4.
Кида Т. Хокусо дзидай-ю Ракуё то сидайфу тати (Лоян в северосунский период и шидафу). — Тоёси кэнкю. 1979, т. 38, № 1.
Киёкоба А. Го Нанто-но тихо косэй-но хэнсэн то токутё (Эволюция и особенности местной администрации в царствах У и Тан). — Тоё гакухо. 1975, т. 56, № 2–4.
Ким Духён. Чосон каджок чедо ёнгу (Исследование семейной системы Кореи). Сеул, 1949.
Ким Сокхён. Янбан нон (О янбанах). — Ёкса нонмуджип. 1959, № 3.
Ко Джегук. Янбан чедо рон (О янбанской системе). — Хакпхун. 1950, XIII.
Корё са (История Корё). Т. 1–11. Пхеньян, 1962–1966.
Куроита Н. Икайсэй хэнсицу-но иссокумэн (Об изменениях системы рангов чиновников). — Нихон рэкиси. 1984, № 431.
Лао Гань. Ханьдай сюаньцзюй чжиду као (Исследования о порядке отбора на службу в эпоху Хань). — Чжунъян яньцзюань лишиюань яньцзюсо цзинань. 1948, № 17.
Ли Кибэк. Силла чончхи-сахве са ёнгу (Исследования по социально-политической истории Силла). Сеул, 1977.
Ли Хонджик. Кукса тэсаджон (Большой исторический словарь). Т. 2. Сеул, 1967.
Ли Чунь. Тайпин Тяньго чжиду чутань цзэндин бэнь (Строй Тайпинского государства: опыт исследования. Дополнительное издание). Пекин, 1963.
Масуда Ё. Каньисэй-но хэнсэн то икан-но сэйкаку-ни цуйтэ (К вопросу о характере рангов чиновников и изменениях системы головных уборов для рангированного чиновничества). — Нихон рэкиси. 1989, № 491.
Мацуи Х. Хокусо сёки канрё-но ити тэнкэй (Образец чиновника в начале правления Сун). — Тоё гакухо. 1968, т. 51, № 1.
Маэносоно Р. Удзи то кабанэ (Роды и титулы-кабанэ). — Удзи то иэ (Род и семья). Токио, 1996.
Мин ши (История Мин). 3-е изд. Пекин, 1987.
Миядзаки И. Кюхин кандзин хо-но кэнкю (Исследование законодательства о девяти рангах государства). Киото, 1956.
Миядзаки И. Содай-но сифу (Стиль жизни служилых людей эпохи Сун). — Сигаку дзасси. 1953, т. 62, № 2.
Миякава Х. Хокутё: кидзокусэй (Аристократический строй Северных династий). — Тоёси кэнкю. 1943, т. 8, № 3–4.
Морита К. Со-Гэн дзидай-ни окэру сюфу (Составление генеалогических книг в эпоху Сун–Юань). — Тоёси кэнкю. 1977, т. 37, № 3.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Морита К. Сэйто сидзоку фу коко (Краткий анализ «Генеалогий родов Чэнду»). — Тоёси кэнкю. 1977, т. 36, № 3.
Мория М. Рикуте момбацу-но ити кэнкю (Исследование сословного общества Шести династий). Токио, 1951.
Мураи Я. Отё кидзоку (Аристократия императорского периода). — Нихон-но рэкиси. Т. 8. Токио, 1974.
Мэн Сымин. Юань дай шэхуэй цзецзи чжиду (Классовая структура общества эпохи Юань). Пекин, 1938.
Нагата Х. Кандай-но сэнкё то канрё кайкю (Отбор на службу и слой бюрократии в эпоху Хань). — Тохо гакухо. 1970, № 41.
Нагая М. Кодай тюсё годзоку-но косацу (Изучение средней и мелкой провинциальной аристократии). — Нихон рэкиси. 1973, № 298.
Накада К. Ёрорё кансэй-но кэнкю (Изучение должностей чиновников по кодексу «Ёрорё»). — Хосэйси ронсю (Сборник статей по истории законодательства). Т. 3. Токио, 1943.
Накамура К. Кюхин кансэй-ни окэру сэйкан-ни цуйтэ (О «чистых чиновниках» в системе девяти категорий). — Тохо гаку. 1976, № 52.
Накамура К. Нантё-но кюхин кансэй-ни окэру канъи то канрэки (Должности и продвижение по службе при системе девяти категорий государства в период Южных династий). — Сигаку дзасси. 1975, т. 84, № 4.
Нань Ци шу (История Южной Ци). 3-е изд. Пекин, 1983.
Нисикава М. Кахоку годай отё-но бунсин канрё (Гражданское чиновничество на севере Китая в эпоху Пяти династий). — Тоё бунка кэнкюдзё киё. 1962, № 27.
Нито А. Гэ(гай)и сэйдо-ни цуйтэ (О системе провинциальных рангов гэ(гай)и). — Нихон рэкиси. 1990, № 508.
Нито А. Онъи дзуё сэйдо-но хэнсэн-ни цуйтэ (К вопросу об изменениях системы пожалования «теневых рангов»). — Рэкисигаку кэнкю. 1989, № 592.
Нихон кодай дзиммэй дзитэн (Биографический справочник древней Японии). Т. 1–7. Токио, 1958–1977.
Номура Т. Рицурё кандзин сякай косэй то Накамаро сэйкэн-но сэйрицу (Социальная структура чиновничества периода рицурё и утверждение власти Накамаро). — Кодайгаку. 1957, т. VI, № 1.
Номура Т. Рицурё кандзин-но кэккай-ни цуйтэ (К вопросу о правилах продвижения чиновничества в период действия рицурё). — Сигаку дзасси. 1971, т. 80, № 9.
Номура Т. Рицурё кандзинсэй-но кэнкю (Исследование чиновничества периода рицурё). Токио, 1967.
Номура Т. Рицурё кунъисэй-но иккосацу (Изучение системы рангов кунъи в период рицурё). — Сигаку дзасси. 1966, № 2.
Номура Т. Рицурё сэйдзи то кандзинсэй (Политика и чиновничество в период рицурё). Токио, 1993.
Номура Т. Сэнго-но рицурё кандзинсэй кэнкю-ни цуйтэ (Об изучении чиновничества периода рицурё после второй мировой войны). — Сигаку дзасси. 1965, № 11.
Номура Т. Тэмму Дзито тё-но кандзинхо (Правила функционирования чиновничества при Тэмму и Дзито). — Нихон рэкиси. 1965, № 207.
Номура Т. Хассэйки сёто-ни окэру кидзоку кандзин-но косэн (Изучение придворного чиновничества в начале VIII века). — Нихон рэкиси. 1980, № 380.
Нуномэ Т. Тосё-но кидзоку (Раннетанская аристократия). — Тоёси кэнкю. 1948, т. 10, № 3.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Оба О. Кан отё-но сихай кико (Структура власти Ханьской династии). — Сэкай рэкиси. Т. 4. Токио, 1970.
Оба О. Кандай-ни окэру кодзи-ни ёру сёсин-ни цуйтэ (О служебных повышениях на основе заслуг в эпоху Хань). — Тоёси кэнкю. 1953, т. 12, № 3.
Оби Т. Нантё-ни окэру тихо сихай то годзоку (Местная власть и сильные кланы при Южных династиях). — Тохо гаку. 1971, № 42.
Огата И. Кандай-ни окэру «сэй» то мибун («Фамилия» и статус в эпоху Хань). — Рэкисигаку кэнкю. 1965, № 298.
Осава М. Томацу-но хантин то тюо канрёку (Военные губернаторы и центральная власть в конце правления Тан). — Тоёси кэнкю. 1973, т. 32, № 2.
Отаги Х. Годай Сонсё синко канрё (Новая бюрократия в период Пяти династий и в начале правления Сун). — Сирин. 1974, т. 57, № 4.
Оти С. Ги отё то сидзин (Династия Вэй и служилое сословие). — Сиэн. 1974, № 111.
Оти С. Ги Син намбокутё-но сидайфу-ни цуйтэ (О шидафу эпохи Вэй, Цзинь и Южных династий). — Кюсю дайгаку бунгакубу сорицу ёндзю сюнэн кинэн ромбунсю. Фукуока, 1966.
Оти С. Ги Син нантё-но сайка канрёсо-ни цуйтэ (О низшем слое чиновничества в эпоху Вэй, Цзинь и Южных династий). — Сигаку дзасси. 1965, т. 74, № 7.
Оти С. Ги сэйсин кидзоку сэй рон (Об аристократическом строе Вэй и Западной Цзинь). — Тоё гакухо. 1962, т. 45, № 1.
Оти С. Кюхин кандзин хо-но сэйтэй-ни цуйтэ (О возникновении системы девяти рангов чиновников). — Тоё гакухо. 1963, т. 46, № 2.
Оти С. Нантё-но кидзоку то годзоку (Аристократия и сильные кланы при Южных династиях). — Сиэн. 1956, № 69.
Оти С. Нантё-но сэйкан то дакусан («Чистые» и «грязные» чиновники эпохи Южных династий). — Сиэн. 1967, № 98.
Оти С. Сэй ги то горон («Чистые предложения» и «деревенские суждения»). — Тоё гакухо. 1965, т. 48, № 2.
Оти С. Тосин-но годзоку (Сильные кланы в период Восточной Цзинь). — Сиэн. 1958, № 76.
Оти С. Тосин-но кидзоку сэй то намбоку-ю тиэнсэй (Аристократический строй Восточной Цзинь и характер отношений между южанами и северянами). — Сигаку дзасси. 1958, т. 67, № 8.
Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Т. 1–2. Пхеньян, 1958–1959.
Сато С. Хэйан сёки-но кандзин то рицурё сэйдзи-но хэнсицу (Чиновничество и изменения в политике рицурё в начале периода Хэйан). — Сирин. 1964, т. 47, № 45.
Сато Ю. Ги Син намбокутё-но тихо сёсэй (Местная администрация в эпоху Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий). — Хитоцубаси ронсо. 1977, т. 78, № 1.
Сато Ю. Нантё-ни окэру каммон годзоку-но синтю (Возвышение худородных сильных кланов при Южных династиях). — Хитоцубаси ронсо. 1975, т. 73, № 5.
Сёдзи Х. Нара асаки-но сэйси то канъи (Родовые титулы и ранги чиновников в период Нара). — Нихон рэкиси. 1970, № 269.
Синь Тан шу (Новая история Тан). 3-е изд. Пекин, 1987.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Согабэ С. Ёро-но сёи сэйдо (Положение ранга сёи по кодексу «Ёрорё»). — Кодайгаку. 1959, т. VIII, № 3.
Судзуки К. Го-Кан-ни окэру сюкан-но кика-ни цуйтэ (Об отказах служить в позднеханьский период). — Тюгоку кодайси кэнкю. Токио, 1965.
Судо Е. Годай сэцудоси-но сихай тайсэй (Структура власти цзедуши в эпоху Пяти династий). — Сигаку дзасси. 1952, т. 61, № 4–6.
Суй шу (История Суй). 2-е изд. Пекин, 1983.
Сун ши (История Сун). 1-е изд. Пекин, 1985.
Сунь Годун. Тан Сун чжицзи шэхуй мэньди чжи сяожун (Исчезновение родовитых кланов на рубеже Тан и Сун). — Синья сюэбао. 1959, т. 4, ч. 1.
Такэда Р. Тодай сидзин-но гумбо-ни цуйтэ (Об институте «цзюньван» среди служилых людей танской эпохи). — Сигаку. 1951, т. 24, № 4.
Такэда Р. Тодай сидзоку-ю кахо-ни цуйтэ (О семейных установлениях служилых кланов танской эпохи). — Сигаку. 1955, т. 28, № 1.
Тан Чанжу. Мэньфа ды синчэн цзици шуайло (Формирование аристократии и ее упадок). — Ухань дасюэ кэсюэ сюэбао. 1959, № 8.
Тан шу (История Тан). 3-е изд. Пекин, 1987.
Танигава М. Тюгоку сякай-но кодзотэки токусицу то тисикидзин-но мондай (Особенности структуры китайского общества и проблема ученых людей). — Сисо. 1972, № 12.
Татэно К. Хэйдзёкё-но якусё то кандзин (Государственные учреждения и чиновники в столице Нара). — Моккан-га катару кодайси. Токио, 1996.
Тонами М. Тюсэй кидзокусэй-но хокай то хэкисё сэй (Упадок средневековой аристократии и порядок прямого назначения на службу). — Тоёси кэнкю. 1962, т. 21, № 3.
Тоно Х. Тайка идзэн-но кансэй то рицурё тюсин кансэй (Должности чиновников до Тайка и система должностей рицурё). — Нихон рэкиси. 1978, № 362.
Торао Т. Сангисэй-но сэйрицу (Формирование системы санги). — Сирин. 1982, т. 65, № 5.
У Тиньюй. Тан дай шицзу дичжу хэ шуцзу дичжу ды лиши дивэй (Историческое место знатных и незнатных землевладельцев в эпоху Тан). — Чжунго ши яньцзю. 1980, № 1.
У Хань. Мин дай ды кэцзюй цинкуан хэ шэньши тэсюань (О положении с выдвижением на экзамены и особых правах шэньши в эпоху Мин). — Дэн ся цзи (Сборник сочиненного при свете лампы). Пекин, 1961.
У Цзунго. Цзиньши кэ юй танчао хоуциды гуаньляо шиси (Экзамены на звание *цзиньши* и потомственные чиновники в позднетанский период). — Чжунго ши яньцзю. 1980, № 1.
У Цзунцзы. Тайпин Тяньго фэнцзюэ цзунбао (Таблица титулов и рангов Тайпинского государства). — Шисюэ каокань. 1937, № 8.
У Цихуа. Мин дай цзунфань жэнькоу (Численность родственников императора в вассальных владениях в эпоху Мин). — Чжунъян яньцзюань лиши юйянь янцзюсо цзикань. 1969, т. 41, № 3.
Уэда С. Го-Кан макки-но Дзёе-но годзоку (Могущественные кланы Сянъяна в конце позднеханьского периода). — Тоёси кэнкю. 1970, т. 28, № 4.
Уэда С. Кидзокутэки кансэй сэйрицу (Становление аристократического чиновничества). — Тюгоку тюсэй си кэнкю. Токио, 1970.
Уэда С. Ха Сё годзоку то кокко кэнрёку (Могущественные кланы Ба–Шу и государственная власть). — Тоёси кэнкю. 1967, т. 25, № 4.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Фукуи С. Го-Кан-но сэнкё-ни окэру суйкё-но ситай (Отказы от рекомендаций в системе выдвижения на службу эпохи Поздней Хань). — Тохо гаку. 1979, № 57.
Фукуи С. Кандай «кёсэн рикё»-но ити косацу (О порядке «выдвижения от округи, отбора от общины» в эпоху Хань). — Сякай бунка сигаку. 1978, № 15.
Фукуи С. Кандай-но сэнкё то сэйка-но сэйсэй (Формирование системы отбора на службу и экзамены в эпоху Хань). — Сякай кагаку токю. 1973, № 52.
Фукусима С. Хоку ги Кобунтэй тюки иго-но кока (Экзаменационная система с середины правления северовэйского императора Сяо Вэнь-ди). — Тохогаку. 1964, № 28.
Фукусима С. Хоку ги сэйсо сэнбутэй-но кока то ко каку (Отбор чиновников посредством экзаменов при северовэйском императоре Сюань У-ди). — Сирин. 1964, т. 47, № 3.
Хангук инмён тэсаджон (Большой биографический словарь Кореи). Сеул, 1986.
Хангукхак тэбэкква саджон (Большая энциклопедия кореееведения). Т. 3. Сеул, 1989.
Хангукхак(са) тосоль (Таблицы по истории Кореи). Сеул, 1985.
Харасима Р. Якуса-но кабанэ то Тэмму сэйкэн-но кодзо (Восемь кабанэ и система политической власти при Тэмму). — Сигаку дзасси. 1959, № 1.
Хаякава С. Нихон кодай канрёсэй-но кэнкю (Исследование бюрократической системы в древней Японии). Токио, 1986.
Хаякава С. Рицурё кокка (Государство рицурё). — Нихон-но рэкиси. Т. 4. Токио, 1974.
Хаяси Р. Ингэкан-но тэйхай-о мэгуттэ (Относительно ликвидации неофициальных должностей чиновников). — Кокусигаку. 1979, № 108.
Хаяси Р. Тэмпё-но бёдо то кандзин косэй-но хэнка (Трансформация структуры чиновничества и власть в период Тэмпё). — Рэкисигаку кэнкю. 1959, "228.
Хигаси С. Кандай годзоку кэнкю-но тамэ-но ити сирон (К исследованию сильных домов эпохи Хань). — Нагоя дайгаку тоёси кэнкю хококу. 1972, № 1.
Хирата К. Кодай годзокурон (Древняя аристократия). — Нихонси-но мондайтэн. Токио, 1966.
Хори Т. Томацу сё ханран-но сэйкаку (Режим военных губернаторов в конце правления Тан). — Тоё бунка. 1951, № 7.
Хоу Хань шу (История Поздней Хань). 8-е изд. Пекин, 1996.
Цзинь шу (История Цзинь). 6-е изд. Пекин, 1996.
Цин ши гао (История Цин). 2-е изд. Пекин, 1986.
Чжан Жунфан. Тан дай гуань ши юй цзин юй юн цзяо юй чжи фэньсинь (Анализ соотношений числа чиновничьих карьер, начавшихся через наследование должности или через экзамены, в эпоху Тан). — Далу цзачжи. 1981, т. 64, вып. 5.
Чхве Джинок. Чосон сидэ сэнвон чинса ёнгу (Исследование обладателей степеней *сэнвон* и *чинса* периода Чосон). Сеул, 1998.
Чынбо мунхон пиго (Дополненная энциклопедия). Сеул., 1957.
Чэнь Мэнцзя. Ханьцзянь соцзянь фэнлю (Жалованье чиновникам по материалам ханьских табличек). — Вэньу. 1963, № 5.
Чэнь Циюнь. Люэлунь лян Хань цюйцзи чжиши юй саньтай чжиду чжи фачжань (Очерк развития центральной администрации и системы трех ведомств в эпоху Хань). — Синья сюэбао. 1960, т. 4, № 2.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Эбата С. Сэй Кан-но канрё кэйкю (Слой бюрократии в Западной Хань). — Тоёси кэнкю. 1952, т. 11, № 5–6.
Юань ши (История Юань). 2-е изд. Пекин, 1983.
Юй Дэн. Мин дай цзяньча чжиду гайшу (Очерк цензорского режима в эпоху Мин). — Мин дай чжэнчжи (Политика династии Мин). Тайбэй, 1968.
Юй Инши. Дун Хань чжэнцюань чжи цзюйли юй шицзу дасин чжи гуаньси (Создание восточноханьской власти и ее связь с именитыми семействами). — Синья сюэбао. 1956, т. 1, № 2.
Яги А. Кинай то сайкоку-но годзоку (Аристократия Кинай и западных провинций). — Удзи то иэ (Род и семья). Токио, 1996.
Янагида С. Содай кэйсэйка-но косэй (Состав могущественных дворов в эпоху Сун). — Тоёси кэнкю. 1968, т. 27, № 3.
Янагида С. Содай тюо сюкэнтэки бунсин канрё сихай-но сэйрицу-но мэгуттэ (К вопросу о становлении центральной гражданской бюрократии эпохи Сун). — Рэкисигаку кэнкю. 1961, № 288.
Яно Т. Ги Син тюсэйсэй-ю сэйкаку-ни цуйтэ (О характере системы девяти категорий в период Вэй—Цзинь). — Сигаку дзасси. 1963, т. 72, № 2.
Яно Т. Момбацу сякай си (История сословного общества). Нагасаки, 1965.
Яно Т. Момбацу сякай сэйрицу си (История становления сословного общества). Токио, 1976.
Янь Гэнван. Чжунго дин фан синчжэн чжиду ши (История местной административной системы в Китае). Т. 1. Тайбэй, 1961.
Яо Вэйюань. Бэйчао хусин као (Исследование «варварских фамилий» периода Северных династий). Пекин, 1962.
Яо Яньцюй. Чуньцю хуэйяо (Собрание важнейших материалов эпохи Чуньцю). Шанхай, 1956.

На европейских языках

Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin–London, 1975.
Aoyama S. The Newly-Risen Bureaucrats in Fukien of the Five Dynasties — Sung Period. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library). 1962, № 21.
Bachman D.M. Bureaucracy, Economy and Leadership in China: The Institutional Origins of the Great Leap Forward. Cambridge, 1991.
Balazs E. La bureaucratie céleste. P., 1968.
Balazs E. Chinese Civilization and Bureaucracy. New Haven—London, 1964.
Balazs E. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China. L.,1965.
Barber B. Social Stratification: a Comparative Analysis of Structure and Process. N.Y., 1957.
Barshay A.E. State and Intellectual in Imperial Japan: The Public Man in Crisis. Berkeley, 1988.
Bielenstein H. The Bureaucracy of Han Times. Cambridge, 1980.
Blau P.M. Bureaucracy in Modern Society. N.Y., 1956.
Brenan B. The Officials of District Magistrate in China. — Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society. New series 32:36–65 (1897–1898).
La bureaucratie au Vietnam. P., 1983.
Chang Chung-li. The Chinese Gentry. Seattle, 1970.
Chang Chung-li. The Income of Chinese Gentry. Seattle, 1962.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Chang Fu-jui. Les fonctionnaires des Song. Index des titres. P., 1962.
Ch'ien nuan-sheng. The Government and Politics of China. Cambridge, Mass., 1950.
Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969.
Ch'oe Yong-ho. The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea: 1392–1660. Seoul, 1987.
Chu Tung-tsu. Chinese Class Structure and Its Ideology. — Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1962.
Chu Tung-tsu. Han Social Structure. Seattle–London, 1972.
Chu Tung-tsu. Local Government in China under the Ch'ines. — Harvard East Asian Studies. Cambridge, Mass., 1962, № 9.
Corradini P. Hu Wei-yung's Rebellion and Its Consequences in Chinese Administration. — China. 1964, № 8.
Courant M. Répertoire historique de l'administration Coréenne. P., 1986.
Crawford R.B. Eunuch Power in the Ming Dynasty. — T'oung Pao. 1961, vol. 49.
Creel H.G. The Beginnings of Bureaucracy in China: The Origin of the Hsien. — The Journal of Asian Studies. 1969, vol. 23, № 2.
Crespigny R. de. An Outline of the Local Administration of the Later Han Empire. — Chungchi Journal. 1967, № 7.
Crump J.I. Borrowed T'ang Titles and Offices in the Yoro Code. — Occasional Papers of Center for Japanese Studies, the University of Michigan. Ann Arbor, 1952, № 2.
Eberhard W. Additional Notes on Chinese «Gentry Society». — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1955, vol. 17, № 2.
Eberhard W. The Composition of the Leading Political Group during the Five Dynasties. — Asiatische Studien. 1947, vol. 1, № 2.
Eberhard W. Conquerors and Rulers. Social Forces in Medieval China. Leiden, 1965.
Eberhard W. Remarks on the Bureaucracy in North China during the Tenth Century. — Oriens. 1951, vol. 4, № 2.
Eberhard W. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.
Eberhard W. Some Sociological Remarks on the System of Provincial Administration during the Five Dynasties. — Studia Serica. 1948, № 7.
Ebrey P.B. The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978.
Eisenstadt S.N. The Political Systems of Empires: The Rise and Fall of the Historical Bureaucratic Societies. Glencoe, 1963.
Fairbank J.K., *Teng Tssu-yu*. Ching Administration. Cambridge, Mass., 1960.
Farmer E.L. Early Ming Government. The Evolution of Dual Capitals. Cambridge, Mass., L., 1976.
Farmer E.L. The Princes and the Regional Military Power in Early Ming. San Francisco, 1970.
Fei Hsiao-t'ung. China's Gentry. Chicago, 1953.
Fei Hsiao-t'ung. Peasantry and Gentry. — American Journal of Sociology. 52.1:1–17, July 1946.
Franke W. The Reform and Abolition of the Traditional Chinese Examination System. Cambridge, Mass., 1960.
Freedman M. Lineage Organization in Southeastern China. L., 1965.
Hall J.W. Government and Local Power in Japan 500–1700. Princeton, N.Y., 1966.
Herson L.J.R. China's Imperial Bureaucracy. Its Direction and Control. — Public Administration Review. Winter 1957, XVII.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Ho Ping-ti. Aspects of Social Mobility in China 1368–1911. — Comparative Studies in Society and History. 1959, vol. 1, № 4.
Ho Ping-ti. The Ladder of Success in Imperial China. Aspects of Social Mobility 1368–1911. N.Y.–L., 1962.
Houn F.W. The Civil Service Recruitment System of the Later Han Dynasty. — Tsing-hua Journal of China Studies. N.S. 1956, 1.
Hsieh Pao Chao. The Government of China (1644–1911). N.Y., 1966.
Huang R. Fiscal Administration During the Ming Dynasty. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969.
Hucker C.O. The Censorial System of Ming China. Stanford, 1966.
Hucker C.O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985.
Hucker C.O. Governmental Organisation of the Ming Dynasty. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1958, vol. 31.
Hucker C.O. Ming Dynasty: Its Origins and Evolving Institutions. Ann Arbor, 1978.
Hucker C.O. The Traditional Chinese State in Ming Times (1368–1644). Tucson, 1961.
Hulbert H.B. National Examination in Korea. — Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society. 1923, XIV.
Hulsewe A.F.P. Hierarchic Privilege versus Legal Equality in China. — XXIII International Congress of Orientalists. Cambridge. 1954. L., 1954.
Hummel A.W. Eminent Chinese of Ch'ing Period. Vol. 1–2. Wash., 1943–1944.
Ishii Ryosuke. A History of Political Institutions in Japan. Tokyo, 1980.
Jaques E. A General Theory of Bureaucracy. L., 1976.
Johnson D.G. Last Years of a Great Clan: the Li Family of Chao chun in Late T'ang and Early Sung. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977, vol. 37, № 1.
Johnson D.G. The Medieval Chinese Oligarchy. Boulder, 1977.
Kawakatsu Y. La décadence de l'aristocratie Chinoise sous les dynasties du Sud. — Acta Asiatica. 1971, № 21.
Keenan B.C. Imperial China's Last Classical Academies. Berkeley, 1994.
Kiley C. State and Dynasty in Archaic Yamato. — The Journal of Asian Studies. 1973, vol. 33, № 1.
Kracke E.A. The Chinese and Art of Government. — The Legacy of China. Oxf., 1964.
Kracke E.A. Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambridge, Mass., 1953.
Kracke E.A. Family vs. Merits in Chinese Civil Service Examinations under the Empire. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1947, vol. 10.
Kracke E.A. Region, Family and Individual in the Chinese Examination System. — Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1957.
Kracke E.A. Translation of Sung Civil Service Titles. P., 1957.
Lee Shu-ching. Intelligentsia of China. — American Journal of Sociology. May 1947, 52.
Lenski G.E. Power and Privilege: A Theory of Social Stratification. N.Y., 1966.
Lipset S.M., *Bendix R*. Social Mobility in Industrial Society. Berkeley, 1963.
Liu Hui-chen W. An Analysis of Chinese Clan Rules. — Confucian Theories in Action. Stanford, 1969.
Liu T.C.J. Eleventh-Century Chinese Bureaucrates: Some Historical Classifications and Behavioral Types. — Administrative Science Quarterly. 1959, № 4.
Liu T.C.J. Some Classifications of Bureaucrates in Chinese Historiography. — Confucianism in Action. Stanford, 1959.
Lo W.W. An Introduction to the Civil Service of Sung China. Honolulu, 1987.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Loewe M. The Orders of Aristocratic Ranks of Han China. — T'oung Pao. 1960, vol. 48, № 1–3.
Loewe M. Records of Han Administration. Vol. 1–2. Cambridge, 1967.
Mann S. Local Merchants and the Chinese Bureaucracy. 1750–1950. Stanford, 1987.
Marsh R.M. The Mandarines: Circulation of Elites in China 1600–1900. Glencoe, 1961.
Maspero H., Balazs E. Histoire et institutions de la Chine ancienne dès origines au XII siècle après J.C. P., 1967.
Mayers W.F. The Chinese Government. Shanghai, 1897.
McKnight B.E. Administration of Hangchow under the Northern Sung, a Case Study. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970, vol. 30.
McKnight B.E. Fiscal Privileges and the Social Order in Sung China. — Crisis and Prosperity in Sung China. Tucson, 1975.
McKnight B.E. Village and Bureaucracy in Southern Sung China. Chicago, 1971.
Menzel J.M. The Chinese Civil Service: Career Opened to Talent? Boston, 1963.
Meşkill J. Academies and Politics in the Ming Dynasty. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L.,1969.
Mikami T. A Study of the Administrative System of the Chin Dynasty. — The Study of Chinese History. Vol. I. Tokyo, 1970.
Mikami T. A Study of the Social History of the Chin Dynasty (1115–1234). — The Study of Chinese History. Vol. III. Tokyo, 1973.
Mikami T. A Study of the Social System of Djurchin People of the Chin Dynasty. — The Study of Chinese History. Vol. II. Tokyo, 1972.
Miller R.J. Ancient Japanese Nobility. The Kabane Ranking System. Berkeley–Los Angeles–London, 1974.
Miller R.J. Japan's First Bureaucracy: A Study of Eighth-Century Government. — East Asia Papers. Ithaca, 1978, № 19.
Monks and Magicians: Religious Biographies in Asia. N.Y., 1988.
Nihongi. Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697. L., 1956.
Niida Noburu. Chinese Legal Institutions of the Sui and T'ang Periods and Their Influence on Surrounding East Asia Countries. — Comité international des sciences historiques. 12-e Congrès international des sciences historiques. Vienne, 1965. Rapports. T. 2. Horn–Wien, 1965.
Parsons J.B. The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969.
Parsons T. The Social System. N.Y., 1964.
Pulleyblank E.G. Gentry Society: Some Remarks on Recent Work by W.Eberhard. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1953, vol. 15.
Robert des Rotours. Traité des fonctionnaires et traité de l'armée. — Traduits de la nouvelle histoire de Tang. T. II. Leide, Drill, 1947.
Sariti W.A. Monarchy, Bureaucracy and Absolutism in the Political Thought of Ssu-ma Kuang. — The Journal of Asian Studies. 1972, vol. 32, № 1.
Shirokogoroff S.M. Social Organisation of the Manchus. A Study of the Manchu Chau Organisation. — North China Branch of the Royal Asiatic Society, extra vol. III. Shanghai, 1924.
Song June-ho. The Government Examination Rosters of the Yi Dynasty. — Studies in Asian Genealogy. Provo, Utah, 1972.
Sprenkel O.B. von der. High Officials of the Ming. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1952, vol. 14.
State and Society in Early and Medieval China. Stanford, 1990.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru

Tailor R. Ming T'ai-tsu and the Nobility of Merit. — Ming Studies. 1976, vol. 2.
Tailor R. Yuan Origins of the Wei-so System. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L.,1969.
Tao Jing-shen. The Jurchen in Twelfth-Century China. Seattle–London, 1976.
Tumin M.M. Social Stratification: The Forms and Functions of Inequality. Englewood Cliffs, 1967.
Twitchett D. The Composition of the T'ang Ruling Class. — Perspectives on the T'ang. New Haven–London, 1973.
Twitchett D. Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963.
Twitchett D. Land Tenure and Social Order in T'ang and Sung China. L., 1962.
Twitchett D. Local Financial Administration in Early T'ang Times. — Asia Major. 1969, vol. 15, pt 1.
Wang Gung-wu. The Structure of Power in Northern China during the Five Dynasties. Stanford, 1963.
Wang Yu-ch'uan. An Outline of the Central Government of the Former Han. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949, vol. 12.
Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1966.
Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.
Wittfogel K.A. Public Office in the Liao Dynasty and the Chinese Examination System. — Harvard Journal of Asiatic Studies. 1947, vol. 10.
Wittfogel K.A. The Ruling Bureaucracy of Oriental Despotism. — Review of Politics. 1953, vol. 15.
Yang C.K. Some Characteristics of Chinese Bureaucratic. — Confucianism in Action. Stanford, 1969.
Yang Lien-sheng. Ming Local Administration. — Chinese Government in Ming Times. N.Y.–L., 1969.
Yang Lien-sheng. Powerful Families of Eastern Han. — Chinese Social History. Wash., 1956.

"Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке" © С.В. Волков, 1999.
www.swolkov.narod.ru